

ЖУРНАЛЪ
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО
ПРАВА

Изданіе С.-Петербургскаго Юридическаго Общества

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ

1893

КНИГА ВТОРАЯ

ФЕВРАЛЬ

О.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
1893

Въ первой книгѣ настоящаго года слѣдуетъ исправить
опечатку въ заглавіи первой статьи, а именно: слѣдуетъ
читать—0 предѣлахъ виндикаціи движимыхъ вещей.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ.

I. Узакононенія и распоряженія правительства СССХLI-СССХII.	
II. Личный составъ	1 — 2.
III. Оглавленіе къ извлеченіямъ изъ собранія узаконеній и распоряженія правительства за 1892 годъ. 1 — 8.	
IV. Узакононенія и распоряженія правительства . . I — VIII.	
V. Личный составъ	
VI. Общее всѣмъ право судебного преслѣдованія 1 — 2. правонарушеній <i>Д. Азаревича</i>	1 — 32.
VII. Гражданскій процессъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ съ точки зрѣнія мѣстнаго юриста <i>А. Фомъ-Резона</i>	33 — 67.
VIII. Критика и библиографія: 1) В. Есиповъ. Поврежденіе огня по русскому праву; 2) Его же. Превышеніе и бездѣйствіе власти по русскому праву; 3) С. Д. Гальперинъ. Очерки первобытнаго права; 4) Н. Плисокій. О влентоманіи; 5) А. Евреиновъ. Акцизныя нарушенія въ алфавитномъ порядкѣ, съ приложеніемъ правилъ о взысканіяхъ и кассационныхъ разъясненій сената <i>И. Щеловитова</i> . 6) М. И. Овѣшниковъ. Основы и предѣлы самоуправленія. Опыт критическаго разбора основныхъ вопросовъ мѣстнаго самоуправления въ законодательствѣ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ <i>А. Тютрюмова</i> . 7) М. Мышь. Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ <i>Н. В—ва</i> . 8) Гражданская практика кассационнаго сената за 1885—1892 годъ; 9) С. Громачевскій. Ограничительные законы по землевладѣнію въ западномъ краѣ, съ мотивами и разъясненіями; 10) В. Мордухай-Волтовскій. Межевые законы, съ изложеньемъ и объясненіемъ: историко-юридическихъ свѣдѣній о межеваніи въ Россіи, нынѣ существующаго порядка судебно-межеваго разбирательства, судебныхъ доказательствъ по межевымъ дѣламъ и порядка отграниченія и обмѣна крестьянскихъ земель, а также возобновленія межевыхъ знаковъ; 11) О. Диктенштадтъ. Судебная практика кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената по гражданскому праву и судопроизводству за 1890 годъ <i>К. Змирова</i> . 12) А. Боровиковскій. Отчетъ судьи. Томъ второй: давность, судъ и семья <i>И. Хм...</i> 13) А. Венеціановъ. Экспроприация съ точки зрѣнія гражданского права; 14) Александръ Невзоровъ. Опекунство надъ несовершеннолѣтними. Историческій очеркъ института и положеніе его въ дѣйствующемъ русскомъ законодательствѣ; 15) Д. И. Бегалтій. Къ исторіи ученій о бытѣ древнихъ славянъ; 16) Систематическій указатель литературы о евреяхъ на русскомъ языкѣ со времени введенія гражданского шрифта (1708 г.) по декабрь 1889 г.; 17) А. Е. Гаугеръ. Положеніе о казенныхъ подрадахъ и поставкахъ <i>М. Т.</i> 18) А. Анисимовъ. Уставъ о гербовомъ сборѣ, съ разъясненіями правительствующаго сената	68 — 126.

- IX. Иностранная хроника. Законодательная дѣтельность въ Германіи: проекты законовъ о ростовщичествѣ и о сдѣлкахъ съ разсрочкою платежа.—Отголоски Ксантенскаго процесса.—Осужденіе безъ опредѣленія наказанія.—Процессъ Гендшера.—Назначеніе новаго французскаго генеральнаго прокурора.—Дѣло по обвиненію Магдалины Панкукъ въ покушеніи на убійство.—Учрежденіе въ Лондонѣ палаты третейскаго суда по торговымъ дѣламъ *В. Л.* 127—136.
- X. За мѣсяць (юридическая хроника). Дѣло о банкротствѣ Талишханова въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ.—Дѣтельность столичныхъ мировыхъ учреждений въ 1891 году.—Проектъ закона о торговой несостоятельности въ Сибирѣ.—Дѣлс издателя газеты „Гражданинъ“ князя Мещерскаго *З.* О злоупотребленіяхъ предсѣдательскою властью.—Читатель исчезаетъ! Борьба за существованіе между юридическими газетами.—Новое изданіе: „Тюремный Вѣстникъ“.—Некрологъ: *А. Ф. де-Росси*.—Отвѣтъ Юридической газетѣ *В. Володимірова* 137—168.
- Замѣтки.**
- XI. Роль науки права въ судебной практикѣ *М. Мазора* 1 — 18.
- XII. Новыя узаконенія по вѣдомству путей сообщенія *С. Раевскаго* 18 — 22.
- XIII. Объявленія I — XII.
- Приложенія.**
- XIV. Протоколы засѣданій уголовного отдѣленія юридическаго общества при с.-петербургскомъ университетѣ I — 32.
- XV. Приложеніе къ протоколамъ уголовного отдѣленія с.-петербургскаго юридическаго общества за 1892 годъ 1. — 16.
- XVI. Международная конвенція о перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ. Русскій и французскій текстъ съ приложеніями и съ разъясненіями по протоколамъ бернскихъ конференцій 1878, 1881, 1886 и 1890 годовъ. Составилъ *И. М. Рабиновичъ*. 1 — 40.

Кассац. рѣшенія разосланы въ февралѣ: гражд. за 1892 годъ 13—14 и угол. за 1892 годъ 1—2 листы.

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

(съ 15-го по 31-е декабря 1892 г.).

Статьи 1258—1037.

ОТДѢЛЪ I.

А) Высочайшія повелѣнія.

17 декабря № 145.

1258. *Объ упраздненіи военно-судной комисіи при Красноярскомъ резервномъ пѣхотномъ баталіонѣ.*

1259. *О предоставленіи нижнимъ чинамъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ носить бороды, наравнѣ съ прочими нижними чинами армейскихъ частей.*

18 декабря № 146.

1261. *О причисленіи къ специальнымъ средствамъ министерства государственнаго имущества капитала, пожертвованнаго на учрежденіе стипендіи имени князя В. А. Доморучева въ московской земледѣльческой школѣ.*

1262. *О штатѣ отдѣленія главной физической обсерваторіи по изданію бюллетеней о состояніи погоды.*

1263. *О присвоеніи должности директора ставропольскихъ женскихъ гимназій права учебной службы.*

1264. *Объ измѣненіи устава товарищества сельскихъ хозяевъ Лифляндской губерніи, подъ фирмою „Самопомощь“.*

1265. *О принятіи общества для научнаго изслѣдованія острова Эзеля подъ покровительство Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича.*

м. гр. и уг. пр. кн. и 1893 г.

25

1266. *Объ учрежденіи при плочкомъ четырехкласномъ городскомъ училищѣ капитала въ сто рублей, съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала употреблялись на покупку бѣднѣйшимъ ученикамъ учебниковъ и письменныхъ принадлежностей.*

1267. *О допущеніи, впредь, офицеровъ флота къ слушанію курса въ николаевской морской академіи только по гидрографическому отдѣленію.*

1268. *Объ обязательномъ клейменіи въ таможенныхъ привозимыхъ изъ за границы перламутровыхъ пуговицъ тѣмъ же способомъ, какой практикуется нынѣ при опломбированіи заграничныхъ шалъ.*

1269. *О разрѣшеніи продажи гербовыхъ бумагъ и марокъ въ яндыко-мочажномъ улусномъ управленіи.*

1270. *Объ измѣненіи устава товарищества соколовской мануфактуры Асафа Баранова.*

19 декабря № 147.

1273. *Объ утвержденіи устава торгово-промышленнаго товарищества подъ фирмою „Ө. П. Гирбасовъ съ сыновьями и К^о“.*

22 декабря № 148.

1274. *Объ именованіи института гражданскихъ инженеровъ-институтомъ гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I.*

1275. *Объ измѣненіи статей 44 и 56 положенія объ особахъ преимуществъ гражданской службы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи.*

1276. *О предоставленіи нѣкоторыхъ служебныхъ преимуществъ лицамъ ветеринарнаго персонала, командируемымъ для прекращенія эпизоотій.*

25 декабря № 150.

1281. *Объ обращеніи имѣній, принадлежащихъ штабсъ-ротмистру Андрею Миклашевскому, въ два заповѣдныя.*

1282. *О причисленіи къ специальнымъ средствамъ министерства внутреннихъ дѣлъ капитала имени инженеръ-архитектора статскаго совѣтника Н. А. Курвоазье.*

1283. *О причисленіи къ спеціальнымъ средствамъ Императорской академіи наукъ выручки отъ продажи сочиненій епископа Порфирія (Успенскаго).*

1284. *О расходахъ по мѣропріятіямъ противъ надежсей скота въ киргизскихъ степяхъ.*

1285. *О выдачѣ прибавочнаго жалованья по знакамъ отличія военноаго ордена за прошедшее время.*

1286. *Объ отмѣнѣ постановленій, касающихся производства дѣлъ судовъ по формѣ, указомъ 1723 юда установленной.*

Государственный совѣтъ мнѣніемъ положилъ:

Статью 595, пунктъ 14 статьи 616, статьи 734—796 и пунктъ 3 примѣчанія къ статьѣ 1436 (по прод. 1890 г.) законовъ о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ (свод. зак. т. X ч. II) — отмѣнить.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 16 ноября, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

1287. *О переименованіи „Общества спасенія на водахъ“ въ „Императорское руссійское общество спасанія на водахъ“.*

28 декабря № 151.

1291. *Объ увеличеніи табачнаго сбора и о введеніи нѣкоторыхъ облегчительныхъ правилъ по табачному производству.*

29 декабря № 152.

1293. *О нѣкоторомъ расширеніи условий приѣма въ уплату таможенныхъ пошлинъ купоновъ отъ металлическихъ займовъ.*

30 декабря № 153.

1295. *О повышеніи таможенной пошлины на хлопчатую бумагу сырецъ.*

1296. *Объ установленіи постояннаго штата центральноаго управленія министерства юстиціи и о размѣрѣ кредитовъ, потребныхъ на содержаніе управленія межсвоею частію, межсвоей канцеляріи и редакціонныхъ коммисій по составленію гражданскаго и уголовнаго уложеній.*

Государственный совѣтъ мнѣніемъ положилъ:

I. Проектъ штата центральноаго управленія министерства юстиціи поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

II. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей учрежде

нія министерствъ и изданныхъ въ измѣненіе и дополненіе онаго узаконеній постановить:

1) Составъ департаментовъ министерства юстиціи опредѣляется штатомъ.

2) Къ предметамъ вѣдомства перваго департамента относятся: а) дѣла, требующія измѣненія, дополненія или поясненія закона; б) переписка по вопросамъ объ учрежденіи, преобразованіи или упраздненіи какихъ либо мѣстъ или должностей, а также о принятіи общихъ мѣръ къ лучшему устройству какой либо части вѣдомства министерства юстиціи; в) производство по дѣламъ, поступающимъ изъ перваго и втораго департаментовъ правительствующаго сената, а равно изъ перваго общаго собранія сената, за исключеніемъ тѣхъ, которыя подлежатъ разсмотрѣнію консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной; г) завѣдываніе распорядительною, хозяйственною, бухгалтерскою, контрольною и счетною частями; д) завѣдываніе статистическою частью и изданіе вѣдомостей справокъ о судимости; е) переписка какъ о назначеніи всякаго рода пенсій, такъ и о выдачѣ пособій въ порядкѣ, опредѣленномъ уставомъ о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ или особыми узаконеніями, а равно о другихъ денежныхъ назначеніяхъ, за исключеніемъ тѣхъ, производство по коимъ возложено на второй департаментъ; ж) завѣдываніе регистратурою, эзекutorскою частью и архивомъ центральнаго управленія, и з) составленіе всеподданнѣйшихъ отчетовъ.

3) Къ предметамъ вѣдомства втораго департамента относятся: а) переписка по обнародованію Высочайшихъ манифестовъ, указовъ и повелѣній, касающихся постороннихъ вѣдомствъ; б) дѣла, относящіяся до личнаго состава правительствующаго сената и судебныхъ установленій прежняго и новаго устройства, а также дѣла о состоящихъ при сихъ установленіяхъ лицахъ; в) производство по ревизіямъ судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ; г) переписка о назначеніи пособій изъ кредитовъ на награды и пособія чинамъ судебного вѣдомства, а равно на путевыя издержки при перемѣщеніяхъ, командировкахъ и вызовахъ по дѣламъ службы; д) производство по судебнымъ дѣламъ, поступающимъ въ министерство юстиціи, и по вопросамъ, касающимся примѣненія къ частнымъ случаямъ постановленій гражданскаго и уголовнаго законодательства; е) производство по сообщаемымъ изъ канцеляріи прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, всеподданнѣйшимъ

ходатайствамъ о дарованіи Монаршей милости въ изытіе изъ дѣйствующихъ законовъ; ж) дѣла о обращеніи недвижимыхъ имуществъ въ заповѣдныя; з) дѣла по судебному надзору; и) герольдскія дѣла; і) разсмотрѣніе проектовъ уставовъ частныхъ и общественныхъ предпріятій, и к) переписка по сношеніямъ судебныхъ установленій Имперіи съ иностранными судебными мѣстами.

4) Въ составъ перваго департамента входитъ управленіе эмеритальной кассы вѣдомства министерства юстиціи.

5) Юрисконсультская часть перваго департамента состоитъ въ завѣдываніи старшаго юрисконсульта консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, который управляетъ сею частію на правахъ вице-директора.

III. Примѣчаніе 2 къ статьѣ 1905 учрежденія министерствъ, по прод. 1886 г., изложить слѣдующимъ образомъ:

При министерствѣ юстиціи учреждена консультація, при которой состоитъ старшій юрисконсультъ. Правила о разсмотрѣніи дѣлъ на консультаціи при семъ приложены.

IV. Въ статьѣ 67 устава эмеритальной кассы вѣдомства министерства юстиціи, по прод. 1890 г., замѣнить слова: „директора перваго департамента, управляющаго канцеляріею“ словами: „директоровъ обоихъ департаментовъ“.

V. Статью 256 учрежденія судебныхъ установленій (суд. уст. Императора Александра II, изд. 1883 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

Министръ юстиціи можетъ производить ревизію судебныхъ установленій лично, или чрезъ своего товарища, а обревизованіе окружныхъ судовъ, мировыхъ установленій и городскихъ судей поручать членамъ судебныхъ палатъ. Независимо отъ сего, равно прежде назначенія ревизіи, министръ юстиціи вправе поручать обзорѣніе дѣлопроизводства окружныхъ судовъ, мировыхъ судебныхъ установленій и городскихъ судей, собственно съ цѣлью извлеченія изъ онаго необходимыхъ для министерства юстиціи свѣдѣній, членамъ консультаціи, оберъ-прокурорамъ кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената, ихъ товарищамъ прокурорамъ судебныхъ палатъ и предсѣдателямъ окружныхъ судовъ.

VI. Расходъ, потребный на содержаніе товарища оберъ-прокурора, должность коего учреждена Высочайше утвержденнымъ, 24 іюля 1884 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта, въ размѣрѣ

четырехъ тысячъ пятисотъ рублей въ годъ, относить на остатки отъ кредитовъ, ассигнуемыхъ по смѣтѣ министерства юстиціи на содержаніе личнаго состава судебныхъ установленій.

VII. Учредить съ 1 января 1893 года три новыя должности товарищей прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда, на содержаніе коихъ отпускать ежегодно *семь тысячъ пятьсотъ* рублей.

VIII. Отпускать, съ того же срока, въ распоряженіе министра юстиціи по *семи тысячъ пятисотъ* рублей ежегодно на усиленіе средствъ центрального управленія по производству особыхъ уголовныхъ дѣлъ.

IX. Предоставить министру юстиціи штатъ центрального управленія министерства привести въ дѣйствіе въ теченіи 1893 г., не выходя изъ предѣловъ суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе сего управленія (ст. XI), съ тѣмъ, при томъ: а) чтобы лицамъ, нынѣ занимающимъ классныя должности въ департаментахъ и канцеляріи министерства, если они не будутъ оставлены за штатомъ, были предоставлены соотвѣтственныя ихъ служебному положенію новыя должности, и б) чтобы лицамъ, которыя будутъ зачислены на новыя должности, соединенныя съ меньшими правами и преимуществами, нежели тѣ, коими они нынѣ пользуются, были сохранены получаемое содержаніе и прочія служебныя права и преимущества, до тѣхъ поръ, пока они будутъ оставаться въ сихъ должностяхъ. Тѣхъ же лицъ, которыя при приведеніи въ дѣйствіе штата не получаютъ назначенія, оставить за штатомъ на общемъ основаніи.

X. Съ 1 января 1893 г. упразднить изъ числа должностей, положенныхъ по штату уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената, должности: трехъ сенаторовъ, двухъ товарищей оберъ-прокурора, одного оберъ-секретаря, одного старшаго и одного младшаго помощника оберъ-секретаря и уменьшить положенный на канцелярскіе расходы кассационныхъ департаментовъ кредитъ на *тысячу двести* рублей въ годъ. При этомъ, чиновъ оберъ-прокурорскаго надзора и канцеляріи, занимающихъ упраздняемыя должности, если сіи лица не получаютъ инаго назначенія, оставить за штатомъ на общемъ основаніи.

XI. Начиная съ 1893 г., вносить въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ смѣтѣ министерства юстиціи: 1) на содержаніе центрального управленія министерства въ 1893 г.— *двести девяносто одну тысячу семьдесятъ три* рубля *восемьдесятъ три* копейки и

въ послѣдующіе годы—по *триста десяти тысячъ семисотъ пятидесяти* рублей; 2) указанный въ статьяхъ VII и VIII кредитъ въ *пятнадцать тысячъ* рублей; 3) на содержаніе церкви—*два тысячи* рублей, и 4) слѣдующія суммы на хозяйственные потребности центрального управленія министерства: а) на канцелярскіе матеріалы—*шестнадцать тысячъ* рублей; б) на отопленіе и освѣщеніе зданій, содержаніе ихъ въ чистотѣ, уплату одѣночнаго городского сбора и другіе мелочные расходы—*четырнадцать тысячъ* рублей; в) на ремонтъ зданій и возобновленіе мебели—*семь тысячъ пятамъ* рублей; г) на содержаніе нижнихъ служителей, курьеровъ и кучеровъ—*тринадцать тысячъ пятамъ* рублей; д) на содержаніе курьерскихъ лошадей, ремонтъ экипажей и сбруи и на прочіе расходы—*три тысячи пятамъ сорокъ восемь* рублей.

XII. Въ продолженіи двухъ лѣтъ, начиная съ 1 января 1893 г., отпускать ежегодно въ распоряженіе министра юстиціи: 1) на содержаніе: а) управленія межевою частью—*сорокъ шесть тысячъ сто шестьдесятъ четыре* рубля и б) межевой канцеляріи—*сто восемьдесятъ четыре тысячи шестисотъ восемьдесятъ шесть* рублей, и 2) на расходы редакціонныхъ комиссій по составленію гражданского и уголовного уложеній, согласно мнѣнію государственнаго совѣта, Высочайше утвержденному 27 марта 1890 г.,—*пятьдесятъ три тысячи девяти пятамъ* рублей.

XIII. Сохранить, на тотъ же срокъ (ст. XII), учрежденныя Высочайшимъ повелѣніемъ 26 октября 1882 г. временныя должности одного сенатора гражданского кассационнаго департамента и одного товарища оберъ-прокурора того же департамента, съ отпускомъ, на производство имъ содержанія, *одиннадцати тысячъ пятамъ* рублей въ годъ, и учредить при министерствѣ юстиціи временно, на срокъ существованія вышеупомянутыхъ комиссій (ст. XII), *шесть* должностей чиновниковъ особыхъ порученій, безъ штатнаго содержанія: *двухъ*—V, *двухъ*—VI и *двухъ*—VII классовъ по чинопроизводству и по шитью на мундиръ, съ присвоеніемъ имъ соотвѣствующихъ симъ классамъ пенсіонныхъ разрядовъ.

XIV. Предоставить министру юстиціи: а) командировать для занятій указанными въ статьѣ VIII дѣлами потребное число товарищей прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда и б) назначать для той же дѣли, не выходя изъ предѣловъ опредѣлен-

ной въ статьѣ VIII суммы, младшихъ чиновниковъ, съ присвоениемъ имъ правъ по службѣ, принадлежащихъ соотвѣтственнымъ должностямъ министерства юстиціи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 28 декабря 1892 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Гатчинѣ.
28 декабря 1892 года.

„Быть по сему“.

ШТАТЪ

ЦЕНТРАЛЬНАГО УПРАВЛЕНІЯ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ.

НАИМЕНОВАНИЕ ДОЛЖНОСТЕЙ.	Содержаніе въ годъ.					Классы и разряды		
	Число лицъ.	Жалованья.	Столновъ.	Итого одному.	Всѣмъ.	Квартира въ натурѣ.	По должностямъ.	По пенсіямъ.
	Въ рубляхъ.						По пятию на мундирѣ.	
<i>Консультация.</i>								
Члены	—	—	—	—	—	IV	IV	II
Сверхъ того въ консультациі присутствуютъ, по званію, директора департаментовъ министерства юстиціи и оберъ-прокуроры департаментовъ правительствующаго сената.								
Членовъ консультациі для ревизіонныхъ порученій . .	3	3.000	1.500	4 500	13.500	IV	IV	II
Старшій юрисконсультъ (завѣдываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, на правахъ вице-директора, юрисконсультскою частью при первомъ департаментѣ).	1	3.000	2.000	5.000	5.000	V	V	III, ст. 1.
Всего	4	—	—	—	18.500			
Чиновники особыхъ порученій при министерствѣ юстиціи.	1	2.200	1.000	3.200	3.200	V	V	III, ст. 1.
	2	} Безъ содержанія.				V	V	
	4					VI	VI	
Всего	7	—	—	—	3.200			

*Первый департа-
ментъ.*

Директоръ . . .	1	5.000	2.000	7.000	7.000	имѣеть.	IV	IV	II
Вице-Директоръ .	1	3.000	2.000	5.000	5.000		V	V	III, ст. 1.
Юрисконсультовъ	6	2.500	1.000	3.500	21.000		V	V	III, ст. 1.
Начальниковъ от- дѣлений	3	2.500	1.000	3.500	10.500		VI	VI	III, ст. 2.
Редакторъ . . .	1	1.800	1.000	2.800	2.800		VI	VI	III, ст. 2.
Старшій бухгал- теръ	1	1.800	1.000	2.800	2.800		VI	VI	III, ст. 2.
Помощниковъ юрис- консультовъ . . .	4	1.600	600	2.200	8.800		VI	VI	III, ст. 2.
Дѣлопроизводителей	6	1.500	500	2.000	12.000		VII	VII	IV
Секретаръ . . .	1	1.200	600	1.800	1.800	имѣеть.	VII	VII	IV
Экзекуторъ . .	1	1.000	500	1.500	1.500	имѣеть.	VII	VII	IV
Младшихъ дѣло- производителей . .	14	1.000	500	1.500	21.000		VIII	VIII	V
Бухгалтеровъ . .	2	1.000	500	1.500	3.000		VIII	VIII	V
Журналистъ юрис- консультской части.	1	800	400	1.200	1.200		VIII	VIII	V
Журналистъ общей регистратуры . .	1	700	300	1.000	1.000		VIII	VIII	V
Архитекторовъ . .	1	1.500	500	2.000	2.000		VI	VI	III, ст. 2.
	1	800	400	1.200	1.200		VIII	VIII	V
Архивариусъ . .	1	700	300	1.000	1.000		VIII	VIII	V
Помощниковъ дѣло- производителей . .	8	600	300	900	7.200		IX	IX	VI
Помощниковъ бух- галтеровъ	2	600	300	900	1.800		IX	IX	VI
Помощникъ секре- таря	1	600	300	900	900	имѣеть.	IX	IX	VI
Помощникъ архи- вариуса	1	500	250	750	750		IX	IX	VI
Помощниковъ дѣло- производителей . .	6	400	200	600	3.600		X	X	VII
Помощникъ бух- галтера	1	400	200	600	600		X	X	VII
Всего . .	65	—	—	—	118.450				

*Второй департа-
ментъ.*

Директоръ . . .	1	5.000	2.000	9.000	9.000		IV	IV	II
		и квартирн. 2.000 р.							
Вице-директоровъ	2	3.000	2.000	5.000	10.000	ОДИНЪ изъ нихъ имѣеть.	V	V	III, ст. 1.
Начальниковъ от- дѣлений	4	2.500	1.000	3.500	14.000		VI	VI	III, ст. 2.
Редакторовъ . . .	4	1.800	1.000	2.800	11.200		VI	VI	III, ст. 2.
Дѣлопроизводителей	11	1.500	500	2.000	22.000		VII	VII	IV
Секретаръ . . .	1	1.200	600	1.800	1.800	имѣеть.	VII	VII	IV

Младшихъ дѣло- производителей . .	11	1.000	500	1.500	16.500	VIII	VIII	V
Помощниковъ дѣ- лопроизводителей .	9	600	300	900	8.100	IX	IX	VI
Регистраторовъ .	2	600	300	900	1.800	IX	IX	VI
Помощникъ секре- таря	1	600	300	900	900 имѣеть.	IX	IX	VI
Помощниковъ дѣло- производителей . .	8	400	200	600	4.800	X	X	VI
Всего . .	54	—	—	—	100.100			
Всего на содер- жаніе личнаго со- става центрального управленія . . .	—	—	—	—	240.250			
На содержаніе кан- целярскихъ чинов- никовъ и писцовъ .	—	—	—	—	70.500			
Итого . .	130	—	—	—	310.750			

Примѣчанія:

1) Составъ управленія эмеритальной кассы вѣдомства министерства юстиціи опредѣляется Высочайше утвержденнымъ 3 іюня 1885 года штатомъ.

2) Министру юстиціи предоставляется распредѣлять чиновъ каждаго департа-мента между отдѣленіями онаго и, въ случаѣ надобности, перечислять должности редакторовъ, дѣлопроизводителей и ихъ помощниковъ изъ одного департамента въ другой.

3) Сумма, назначенная на содержаніе канцелярскихъ чиновниковъ и писцовъ, распредѣляется между департаментами чинистромъ юстиціи.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта **МИХАИЛЬ**.

31 декабря № 154.

1297. О квартирныхъ окладахъ для горныхъ летучихъ артил-лерійскихъ парковъ.

1298. О квартирныхъ окладахъ для табовыхъ летучихъ артил-лерійскихъ парковъ стрѣльковыхъ бригадъ.

1299. Объ отпускѣ изъ казны по 373 р. въ годъ на содер-жаніе вторыхъ причтовъ при церквахъ акмолинской и атбасар-ской, тобольской епархіи.

1300. Объ усиленіи штата радомскаго окружнаго суда.

1301. Объ увеличеніи канцелярскихъ средствъ лядскаго създа мировыхъ судей.

1302. Объ ассигнованіи добавочнаго содержанія мировому судѣи 2 участка гор. Либавы.

1303. Объ установленіи нормальной оцѣнки для гуртоваго скота на трехлѣтіе съ 1893 г.

1304. О принятіи завѣщаннаго умершею женою статскаго

советника *Сосбією Казанцевою* капитала для учрежденія при астраханской женской гимназіи на проценты съ сего капитала стипендіи имени *Маріи Григорьевой*.

1305. *Объ утвержденіи положенія о стипендіи имени Маріи Григорьевой въ астраханской женской гимназіи.*

В) Распоряженія правительства.

Военнаго министра.

1260. *Объ утвержденіи инструкцій: по зачисленію офицерскихъ чиновъ въ запасъ, по веденію ихъ учета, по распределенію ихъ и по призыву ихъ на дѣйствительную службу, при мобилизаціи арміи.*

Министра юстиціи.

1277. *Объ учрежденіи въ слободѣ Тернахъ, Лебединскаго уѣзда, Харьковской губерніи, одной должности нотаріуса.*

Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

1271. *Объ учрежденіи на Больше-Грибановскомъ сахарномъ заводѣ Хрѣнниковыхъ, при селѣ Большой Грибановкѣ, Борисоглебскаго уѣзда, должности тишаго полицейскаго урядника.*

1278. *Объ утвержденіи новыхъ списковъ ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ веществъ.*

1289. *Объ учрежденіи при усадьбахъ штабсъ-ротмистра Александра Михалкова: Кузьминкѣ, Марьинской и Королинской, Кологривскаго уѣзда, должности тишаго полицейскаго урядника.*

Управляющаго министерствомъ путей сообщенія.

1272. *Объ утвержденіи контрольных станцій златоустъ Челябинскаго участка самаро-златоустовской желѣзной дороги, и о признаніи нѣкоторыхъ станцій той же дороги таковыми, на которыхъ удаленіе пассажировъ изъ поѣздовъ не допускается.*

1279. *Объ измѣненіи примѣч. 1 къ § 1 устава перваго общества подѣздныхъ желѣзныхъ путей въ Россіи.*

1280. *О положеніи объ учрежденіи центрального бюро и исполнителныхъ постановленій къ конвенціи, заключенной въ Бернѣ въ 1890 г. о международной перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ.*

Управляющаго министерствомъ финансовъ.

1288. *Объ измѣненіи §§ 41 и 51 устава общества упродскаго свеклосахарнаго и рафинаднаго завода.*

1292. *Объ инструкціи по примѣненію постановленій закона 14 декабря 1892 г. о дополнительномъ акцизѣ съ табачныхъ издѣлій и дополнительной къ табачнымъ патентамъ платѣ.*

1294. *О разрѣшеніи нѣкоторымъ таможеннымъ принять въ уплату таможенныхъ пошлинъ вышедшія въ тиражъ печати, оба купоны отъ облигацій металлическихъ займовъ и билеты германскаго имперскаго банка.*

1306. *Объ измѣненіи §§ 23 и 25 устава общества московскаго винокуренно-дрожжеваго завода Б. А. Гивартовскаго.*

1307. *О приѣмѣ представляемыхъ въ таможи въ уплату пошлинъ и въ доплату къ золоту серебряной рублевой монеты, кредитныхъ рублей, мелкой серебряной и мѣдной монеты по курсамъ на золото на время съ 1 января по 1 апрѣля 1893 г.*

Управляющаго морскимъ министерствомъ.

1290. *О взиманіи въ пользу общества с.-петербургскихъ лоцмановъ платы за проводъ лоцманами судовъ черезъ мосты: Николаевскій, Дворцовый, Троицкій и Александровскій.*

Л и ч н ы й с о с т а в ъ.

Высочайшіе приказы

по министерству юстиціи.

(16-го декабря). Н а з н а ч а ю т с я: товарищъ предсѣдателя плещкаго окружнаго суда **Романовскій-Романъ**—товарищемъ предсѣдателя орловскаго окружнаго суда; товарищъ предсѣдателя симферопольскаго окружнаго суда **Ястребовъ**—товарищемъ предсѣдателя витебскаго окружнаго суда; членъ тамбовскаго окружнаго суда **Ходневъ**—товарищемъ предсѣдателя тамбовскаго окружнаго суда; членъ симферопольскаго окружнаго суда **Выставкинъ**—товарищемъ предсѣдателя симферопольскаго окружнаго суда; исправляющій должность судебного слѣдователя 1 участка Екатеринославскаго уѣзда **Ярошевичъ**—уѣзднымъ членомъ екатеринославскаго окружнаго суда, по Верхнеднѣпровскому уѣзду; секретарь кievской судебной палаты **Везпаловъ**—уѣзднымъ членомъ черниговскаго окружнаго суда, по Остерскому уѣзду.

У в о л ѣ н я ю т с я о т ъ с л у ж б ы, с о г л а с н о п р о ш е н і я м ъ: товарищъ предсѣдателя витебскаго окружнаго суда **Власенко**—за болѣзнію и членъ сумскаго окружнаго суда **Чугаевъ**—съ правомъ ношенія въ отставку мундировъ, занимаемыхъ ими должностямъ присвоенныхъ; судебный слѣдователь при бакинскомъ окружномъ судѣ **Созоновъ**—за болѣзнію.

(30-го декабря). Н а з н а ч а ю т с я: товарищъ оберъ-прокурора общаго собранія кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената, дѣйствитель-

ний статскій совѣтникъ фонъ-Вендрихъ—членомъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности; чиновникъ особыхъ порученій VI класса при II департаментѣ министерства юстиціи, статскій совѣтникъ Омировъ—товарищемъ председателя шосскаго окружнаго суда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

къ извлеченіямъ изъ собранія узаконеній и распоряже- ній правительства за 1892 годъ.

А) Высочайшія повелѣнія.

	Стр.
1. О порядкѣ производства расходовъ изъ штрафовъ и взысканій, налагаемыхъ мировыми судебными учреждениями въ Прибалтійскихъ губерніяхъ .	III.
2. Объ измѣненіи порядка врученія отвѣтчику повѣстки объ исполненіи судебного рѣшенія .	IV.
3. Объ измѣненіи узаконеній о кандидатахъ на должности по судебному вѣдомству	V.
4. О новомъ изданіи V и VI книгъ свода военныхъ постановленій (указъ правительствующему сенату)	XII.
5. Объ установленіи отвѣтственности за открытое нападеніе одной части населенія на другую .	XIV.
6. О порядкѣ разсмотрѣнія желѣзнодорожныхъ дѣлъ въ соединенномъ присутствіи изъ комитета министровъ и департамента государственной экономіи государственнаго совѣта	XVIII.
7. Объ измѣненіи статьи 97 законовъ гражданскихъ и объ отмѣнѣ примѣчанія къ статьѣ 541 законовъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ	XX.
8. О дополненіи статей 2, 3 и 22 правилъ объ уст-	

ройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ	XXII.
9. Объ измѣненіи правилъ о нааазаніяхъ при совокупности и повтореніи преступныхъ дѣяній	XXXIV.
10. Объ утвержденіи правилъ объ охотѣ	XXIII.
11. Объ извѣщеніи сторонъ о времени слушанія дѣлъ въ мировыхъ сѣздахъ и судебныхъ палатахъ	III.
12. Объ измѣненіи статьи 3621 свода гражданскихъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ	LYII.
13. О введеніи судебной реформы въ полномъ объемѣ въ Олонецкой губерніи	LIII.
14. О дополненіи правилъ 6 ноября 1881 года о порядкѣ учрежденія и устройства „сельскихъ“ аптекъ въ небольшихъ городахъ, посадахъ, селахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ	LV.
15. О возложеніи на сѣздъ мировыхъ судей венденвалескаго судебного округа обязанностей упраздненнаго венденскаго ландгерихта по разсмотрѣнію жалобъ на рѣшенія сельскаго приказа колоніи, поселенной на казенныхъ мызахъ Гиршенгофъ и Гельфрейхсгофъ, Лифляндской губерніи	LVI.
16. Объ учрежденіи комитета для разсмотрѣнія представлений къ Высочайшимъ наградамъ (указъ правительствующему сенату)	LVII.
17. Объ изданіи IX тома третьяго полнаго собранія законовъ	LIX.
18. О порядкѣ завѣдыванія опекунскими дѣлами лицъ не войсковаго сословія, проживающихъ въ области Войска Донскаго	LX.
19. О порядкѣ отбыванія воинской повинности казаками сибирскаго и семирѣченскаго войскъ, неспособными къ службѣ, но способными къ труду	LXX.
20. О введеніи судебной реформы въ полномъ объемѣ въ губерніяхъ Оренбургской и Уфимской	LXXIII.
21. О согласованіи подлежащихъ статей свода законовъ съ новыми правилами о порядкѣ отвѣтственности высшихъ чиновъ государственнаго управленія по обвиненію въ нарушеніи долга службы	LXXXV.

22. Объ утвержденіи временныхъ правилъ о взыска-
ніяхъ за открытіе и содержаніе тайныхъ школъ
въ сѣверо и юго-западномъ краѣ (указъ прави-
тельствующему сенату) LXXXVIII.
23. О надзорѣ за благоустройствомъ и порядкомъ на
частныхъ горныхъ заводахъ и промыслахъ и о
наймѣ рабочихъ на эти заводы и промыслы XC.
24. О дополненіи узаконеній, опредѣляющихъ случаи
и порядокъ разрѣшенія наложенныхъ по заклад-
нымъ запрещеній XCVI.
25. О согласованіи подлежащихъ статей устава о
векселяхъ и устава торговаго судопроизводства
съ закономъ 3 іюня 1891 года объ упрощенномъ
порядкѣ судопроизводства XCVII.
26. О преобразованіи высшихъ совѣщательныхъ учреж-
деній министерства путей сообщенія C.
27. О распространеніи на почетныхъ опекуновъ осо-
баго порядка допроса въ качествѣ свидѣтелей,
установленнаго для нѣкоторыхъ должностныхъ
лицъ CII.
28. О замѣнѣ для желѣзнодорожныхъ служащихъ въ
военное время взысканій, опредѣленныхъ въ ста-
тѣ 65 уложенія о наказаніяхъ CVII.
29. Объ установленіи наказаній за обнаруженіе госу-
дарственныхъ тайнъ CVIII.
30. Объ отмѣнѣ обязательныхъ отношеній между от-
дѣльными сословіями калмыцкаго народа CXI.
31. О дополненіи статьи 148 устава о частной золо-
топромышленности CXIV.
32. О порядкѣ совершенія добровольныхъ сдѣлокъ о
прекращеніи общей толоки и сервитутовъ, пре-
доставленныхъ крестьянамъ на владѣльческихъ
земляхъ въ западномъ краѣ CXIV.
33. О порядкѣ завѣдыванія арестными помѣщеніями
на Кавказѣ и расходованія собранныхъ на устрой-
ство этихъ помѣщеній капиталовъ CXXIII.
34. О распредѣленіи ассигнуемой по § 2 статьи 2
смѣты главнаго военно-суднаго управленія суммы
отдѣльно на канцелярскіе расходы и отдѣльно на

- расходы по хозяйственнымъ потребностямъ для
нѣкоторыхъ военно-окружныхъ судовъ и проку-
рорскихъ надзоровъ CXXVII.
35. Объ увеличеніи предметовъ вѣдомства комитета
для разсмотрѣнія представленій къ Высочайшимъ
наградамъ CXXVIII.
36. Объ измѣненіи ст. 21 положенія объ офицерскихъ
чинахъ запаса арміи CXXIX.
37. О разъясненіи правилъ, опредѣляющихъ участие
уѣздныхъ членовъ окружнаго суда въ засѣданіяхъ
уѣзднаго съѣзда CXXXI.
38. Объ измѣненіи ст. 29 временныхъ правилъ о
волостномъ судѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ введено
положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ CXXXII.
39. О дополненіи статьи 368 законовъ гражданскихъ,
опредѣляющей составъ особаго присутствія гу-
бернскаго правленія для освидѣтельствованія лицъ,
страдающихъ разстройствомъ умственныхъ спо-
собностей CXXXIII.
40. О порядкѣ окончанія нерѣшенныхъ дѣлъ о пра-
вахъ на сервитуты крестьянъ нѣкоторыхъ маю-
ратныхъ имѣній въ губерніяхъ царства Польскаго CXXXV.
41. О дополненіи и измѣненіи нѣкоторыхъ статей
устава эмеритальной кассы вѣдомства министер-
ства юстиціи CXXXIX.
42. О дополненіи подлежащихъ узаконеній указаніемъ
о правѣ земскихъ начальниковъ и городскихъ
судей выдавать удостовѣренія о бѣдности CLV.
43. Объ измѣненіи постановленій, касающихся обра-
щенія въ исправительные пріюты и содержанія
въ нихъ малолѣтнихъ преступниковъ CLVIII.
44. Объ измѣненіи дѣйствующихъ постановленій о
взысканіяхъ за промедленіе въ запискѣ на при-
ходъ или отсылкѣ по принадлежности денегъ или
инаго имущества, ввѣренныхъ должностнымъ ли-
цамъ по службѣ CLXI.
45. О введеніи въ дѣйствіе новаго городского поло-
женія (указъ правительствующему сенату) CLXXXIII.
46. Объ изданіи новаго городского положенія и объ

- измѣненіи нѣкоторыхъ статей положенія о земскихъ учрежденіяхъ и другихъ узаконеній . CLXXXIV.
47. Объ утвержденіи и введеніи въ дѣйствіе дополнительныхъ правилъ о наградахъ и положенія о порядкѣ производства дѣлъ въ комитетѣ, для разсмотрѣнія представленій къ Высочайшимъ наградамъ (указъ правительствующему сенату) . CCLXIII.
48. Объ усиленіи штатовъ судебныхъ установленій въ Кубанской области CCLXII.
49. Объ измѣненіи редакціи статей 40 и 43 положенія о пошлинахъ за право торговли и промысловъ CCLXIII.
50. Объ измѣненіи и отиѣвѣ нѣкоторыхъ статей устава таможеннаго CCLXIV.
51. Объ отвѣтственности за допущеніе публичныхъ еврейскихъ богомоленій не въ установленныхъ для того мѣстахъ CCLXVI.
52. Объ измѣненіи для лѣтняго времени форменной одежды чиновъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, участвующихъ въ судебныхъ засѣданіяхъ губернскихъ присутствій и уѣздныхъ съездовъ CCLXVII.
53. О порядкѣ исполненія наказанія надъ ссыльно-каторжными, признанными неспособными къ работѣ въ Сибири CCLXVIII.
54. Объ установленіи отвѣтственности за ростовщическія сдѣлки по скупкѣ хлѣба у крестьянъ . CCLXIX.
55. О мѣстностяхъ, объявленныхъ состоящими на военномъ положеніи CCLXXIII.
56. О распредѣленіи канцелярскихъ суммъ омскаго и приамурскаго военно-окружныхъ судовъ . CCLXXXIII.
57. О конвенціи и взаимной выдачѣ преступниковъ между Россією и Люксембургомъ CCXCV.
58. О воспрещеніи евреямъ отставнымъ нижнимъ чинамъ, служившимъ по прежнему рекрутскому уставу и членамъ ихъ семействъ, приписаннымъ къ городамъ внутреннихъ губерній, проживать въ Москвѣ и Московской губерніи CCCXVI.
59. Объ устройствѣ судебно-фотографической лабо-

- раторіи при прокурорѣ с.-петербургской судеб-
ной палаты СССХХХІІ.
60. Объ отміѣнѣ постановленій, касающихся произ-
водства дѣлъ судомъ по формѣ, указомъ 1723 г.
установленной
61. Объ установленіи постоянного штата централь-
наго управленія министерства юстиціи и о раз-
мѣрѣ кредитовъ, потребныхъ на содержаніе управ-
ленія межевою частью, межевой канцеляріи и ре-
дакціонныхъ комиссій по составленію граждан-
скаго и уголовного уложеній

**Б) Указы и опредѣленія правительствующаго
сената.**

1. О взиманіи, при безспорномъ взысканіи по заклад-
ной крѣпости, судебныхъ пошлинъ и сбора съ
бумаги по правиламъ ст. 200¹ и слѣд. устава
гражд. судопр. XXV.
2. Объ исключеніи изъ подушнаго оклада лицъ жен-
скаго пола податнаго состоянія, получившихъ
свидѣтельства на званіе домашнихъ наставницъ
и учительницъ LXIII.
3. О порядкѣ производства описи и продажи не-
движимыхъ имуществъ за долги по рѣшеніямъ
народныхъ судовъ въ Туркестанскомъ краѣ LXXVI.
4. О порядкѣ высылки Высочайшихъ Его Импера-
торскаго Величества манифестовъ LXXX.
5. По вопросу объ обложеніи штрафомъ семействъ
евреевъ, неявившихся по вызову къ освидѣтель-
ствованію для опредѣленія имъ возраста по на-
ружному виду CXV.
6. О порядкѣ привлеченія къ отвѣтственности и
преданія суду предсѣдателей сиротскихъ судовъ,
занимающихъ должности городскихъ головъ въ
мѣстностяхъ, гдѣ введено городовое положеніе
1870 года CLXIII.
7. О порядкѣ освидѣтельствванія лицъ, передавае-
мыхъ въ распоряженіе правительства по приго-
ворамъ обществъ CLXVII.

8. О порядкѣ, который долженъ быть соблюдаемъ при усыновленіи мѣщанами и крестьянами . CLXXII.
9. По вопросу о томъ, подлежатъ ли оплатѣ гербовымъ сборомъ довѣренности, выдаваемые специально для веденія дѣла въ волостномъ судѣ, а равно копіи со всякаго рода довѣренностей, предназначенныя къ представленію въ волостной судъ CLXXIII.
10. По вопросу о томъ, на какихъ именно дѣтей нижнихъ воинскихъ чиновъ распространяется льгота по оплатѣ гербовымъ сборомъ метрическихъ свидѣтельствъ о рожденіи и крещеніи . CLXXV.
11. О предоставленіи полиціи права удалять евреевъ изъ селеній, въ которыхъ жительство имъ не дозволено . CLXXVI.
12. О возложеніи въ Кубанской и Терской областяхъ на областныя правленія обязанностей дворянскаго сословія при учрежденіи опеки по расточительности надъ имѣніями дворянъ . CCLXXXIV.
13. О порядкѣ приписки евреевъ къ призывнымъ участкамъ по мѣсту ихъ постоянного жительства или занятій . CCCVIII.
14. По вопросу о томъ: какъ поступать съ арестантами изъ евреевъ, по окончаніи ими сроковъ заключенія, съ послѣдствіями по ст. 48 улож. о нак., въ виду принятія ими православія . CCCXVIII.
15. О пошлинахъ, взимаемыхъ съ лицъ бывшей польской шляхты за свидѣтельства о дворянствѣ . CCCXX.
16. По вопросу о правѣ частныхъ лицъ ходатайствовать по чужимъ дѣламъ въ областныхъ судахъ Туркестанскаго края . CCCXXXIV.
17. По вопросу о томъ, могутъ ли быть назначаемы присяжными попечителями по дѣламъ торговой несостоятельности лица еврейскаго вѣроисповѣданія . CCCXXXV.

В) Распоряженія правительства.

Министра путей сообщенія.

1. О дополнительномъ росписаніи должностей тѣхъ изъ служащихъ при желѣзныхъ дорогахъ, которые не могутъ быть непосредственно вызываемы къ слѣдствію и суду LXV.
2. Объ измѣненіи § 5 правилъ продажи желѣзными дорогами съ публичнаго торго не востребованныхъ багажа и грузовъ CCLXXXVIII.
3. О выдачѣ пассажирамъ, не успѣвшимъ приобрѣсти билетъ на проѣздъ по желѣзной дорогѣ, удостовѣренія для безбилетнаго проѣзда CXС.

Министра юстиціи.

1. О порядкѣ снабженія уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ марками для оплаты судебныхъ и канцелярскихъ пошлинъ по дѣламъ упрощеннаго судопроизводства и сбора въ пользу судебныхъ приставовъ за врученіе повѣстокъ, а также о порядкѣ расходованія сихъ марокъ CXVII.
2. Объ изданіи продолженія 1891 года къ своду законовъ и новаго положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ CXIX.

Управляющаго морскимъ министерствомъ.

1. Объ изданіи продолженія 1892 года свода морскихъ постановленій CCCXXXVIII.

ИЗВЛЧЕНІЯ
ИЗЪ
СОБРАНІЯ УЗАКОНЕНІЙ
И
РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА

за **1893** годъ.

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

(съ 1-ю по 15-е января)

Статья 1—63.

ОТДѢЛЪ I.

А) Высочайшія повелѣнія.

1 января № 1.

1. О передачь въ распоряженіе государственнаго казначейства для покрытія расходовъ по сооруженію симбирской желѣзной дороги 92.734.591 руб., уплаченныхъ имъ государственному банку и не изъятыхъ банкомъ изъ обращенія.

2. О порядкѣ и способахъ сооруженія великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути.

3. О включеніи въ составъ комитета сибирской желѣзной дороги военнаго министра и управляющаго морскимъ министерствомъ.

4. О передачь изданія сборника тарифовъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ въ департаментъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ

5 января № 2.

5. О переименованіи департамента удѣловъ въ главное управленіе удѣловъ, подведомственныхъ департаменту: удѣльныхъ конторъ и управленій—въ удѣльные округа и окружныхъ управленій—въ управленія удѣльными имѣніями.

8 января № 3.

7. О квартирномъ довольствіи офицеровъ, прибывающихъ по переводу въ войсковую часть, находящуюся въ лагерь.

8. О причисленіи къ специальнымъ средствамъ министерства государственныхъ имуществъ капитала, пожертвованнаго станицей Сунженской.

9. О причисленіи къ специальнымъ средствамъ министерства государственныхъ имуществъ капитала, завыщаннаго дворянкою Ступаковою.

10. Объ установленіи скидки на покрытіе естественной утраты, происходящей при храненіи казенныхъ продовольственныхъ припасовъ.

11. Объ учрежденіи въ с.-петербургскомъ училищѣ глухонемыхъ стипендіи имени статскаго советника Флери.

12. О принятіи капитала, пожертвованнаго состоящимъ въ должности юфмейстера Высочайшаго двора Михаиломъ Веневитиновымъ въ пользу попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ.

13. О принятіи капитала, пожертвованнаго потомственному почетному гражданскому Евдокію Зиминю въ пользу московскаго коммерческаго училища.

14. Объ учрежденіи, взаменъ существующаго нынѣ въ С.-Петербурѣ перваго викариатства, самостоятельной архіерейской кафедры въ Финляндіи.

15. Объ открытіи въ селѣ Борцевомъ, Веневскаго уѣзда, женской общины, съ наименованіемъ ея борцевскою крестовоздвиженскою общиною.

16. Объ учрежденіи въ городѣ Ригѣ православной свято-троицкой женской общины.

17. Объ утвержденіи положенія о стипендіи имени статскаго советника Флери въ с.-петербургскомъ училищѣ глухонемыхъ.

9 января № 4.

18. О сформированіи 45, 46 и 47 пѣхотныхъ резервныхъ бригадъ.

19. О требованіи отъ лицъ, поступающихъ на службу по военному вѣдомству, подписки о непринадлежности къ тайнымъ обществамъ.

20. О переименованіи начальниковъ отдѣловъ астраханскаго казачьяго войска въ атамановъ этихъ отдѣловъ.

21. Объ измѣненіяхъ въ штатъ казачьяго отдѣленія штаба войскъ омскаго военнаго округа.

22. Объ измѣненіи въ штатъ таганрогской мѣстной команды войска донскаго.

12 января № 5.

24. *Объ учрежденіи жандармскаго надзора на участкахъ по-
восемичкихъ желѣзнодорожныхъ вѣтвей.*

25. *Объ измѣненіи дѣйствующихъ узаконеній, касающихся
отчисленія суммъ на устройство и содержаніе исправительныхъ
пріютовъ для несовершеннолѣтнихъ.*

Государственный совѣтъ мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе подлежащихъ статей устава о земскихъ повин-
ностяхъ и устава о содержащихся подѣ стражей, постановить
слѣдующее правило:

Изъ суммъ, поступающихъ согласно статьѣ 27 устава о нака-
заніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и статьѣ 199 устава
уголовнаго судопроизводства, на устройство арестныхъ помѣщеній,
можетъ быть отчисляемо ежегодно до десяти процентовъ на устрой-
ство и содержаніе исправительныхъ пріютовъ для несовершен-
нолѣтнихъ. Право такого отчисленія принадлежать: въ мѣстностяхъ,
гдѣ введены земскія учрежденія—губернскимъ земскимъ собраніямъ,
а въ прочихъ мѣстностяхъ—учрежденіямъ, завѣдывающимъ озна-
ченными суммами.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ
общемъ собраніи государственнаго совѣта, 9 ноября, Высочайше
утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

26. *О причисленіи къ специальнымъ средствамъ министерства
государственныхъ имуществъ капитала, завѣщаннаго статскимъ
советникомъ Залужнымъ.*

27. *О переустройствѣ станціи Торенсбергъ митавской же-
лѣзной дороги за счетъ дополнительнаго облигаціоннаго капитала
общества этой дороги.*

28. *О разрѣшеніи обществу московско-брестской желѣзной до-
роги ссуды на окончаніе работъ по перестройкѣ моста черезъ
рѣку Москву.*

29. *Объ измѣненіи ст. 27 положенія о лицѣ Цесаревича Ни-
колая въ Москвѣ.*

30. *Объ условіяхъ выкупа усадебъ, занимаемыхъ бывшими воль-
ными людьми во владѣльческихъ мѣстечкахъ Западнаго края.*

31. *О продленіи срока для оплаты акцій общества заливач-
инскаго свеклосахарнаго завода.*

32. *Объ уменьшеніи основнаго капитала добрыжельскаго то-
варннчества сахарныхъ заводовъ.*

14 января № 6.

33. О сформировании 48 резервной пехотной бригады.

34. Об изменении ст. 7, 24 и 39 Высочайше утвержденною 10 декабря 1889 года положенія о вещево́мъ интендантскомъ довольствіи.

35. Об установлении новыхъ приемныхъ программъ для испытанія желающихъ поступить въ младшій классъ юнкерскихъ училищъ по экзамену и об изменении ст. 508 кн. XV св. воен. пост. 1869 г. (по III продолженію).

36. Об отдѣленіи отъ петербургскаго патроннаго завода трубочною и инструментальною его отдѣловъ и об образованіи изъ нихъ самостоятельнаго завода.

37. Об образованіи писарскихъ классовъ при управленіяхъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ.

38. О дополненіи 942 ст. XV кн. св. воен. пост. 1869 г. вторымъ примѣчаніемъ.

39. О некоторыхъ измѣненіяхъ въ штатахъ артиллерійскаго вѣдомства.

40. Об измѣненіи статей 21, 22 и 38 положенія о военно-врачебныхъ заведеніяхъ военнаго времени.

41. Об опредѣленіи числа сидѣлокъ въ женскомъ отдѣленіи клиническаго военнаго госпиталя.

42. О возложеніи на штатнаго архитектора михайловской клинической больницы баронета Вилле наблюденья за исправнымъ содержаніемъ зданій Императорской военно-медицинской академіи въ строительномъ отношеніи.

43. О доведеніи стрѣтенскаго резервнаго баталіона до состава иркутскаго таковаго же баталіона.

44. Об измѣненіи штата кадровъ кавалерійскаго запаса.

45. Об отменѣ примѣчанія къ ст. 225 кн. II св. воен. пост. 1869 года.

46. О составѣ военно-училищныхъ отдѣленій въ кievскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ на 1892—1893 учебный годъ.

47. О сформированіи рязанско-уральскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ и измѣненіи штата таковаго же московскаго жандармскаго управленія.

48. О формѣ обмундированія: штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ артиллерійскихъ баттарей стрѣльцовыхъ бригадъ и нижнихъ чиновъ пѣхотныхъ частей, назначаемыхъ для службы на самокатахъ.

49. О формѣ обмундированія штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ осаднаго артиллерійскаго баталіона.

50. О производствѣ военнымъ врачамъ, фармацевтамъ и фельдшерамъ, командированнымъ для прекращенія холеры изъ внутреннихъ округовъ въ отдаленныя, содержанія изъ усиленныхъ окладовъ и о сравненіи фармацевтовъ, относительно отпуска путевыхъ пособій, съ врачами.

51. О переименованіи 1, 2 и 3 гренадерскихъ и 1, 35, 35, 40 и 30 летучихъ артиллерійскихъ парковъ.

15 января № 7.

52. О разрѣшеніи иностранной компаніи, подъ наименованіемъ „Французское металлургическое общество въ Хлевискѣ“, продолжать производство операций въ Россіи.

53. О принятіи капитала, пожертвованнаго вдовою дѣйствительнаго статскаго советника Марією Толстою въ пользу попечительства Императрицы Маріи Александровны о сиротѣхъ.

54. О формѣ обмундированія для воспитанниковъ низшихъ мѣстныхъ школъ.

55. О принятіи Ею Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Александромъ Михайловичемъ званія почетнаго члена русскаго общества пчеловодства.

56. О подчиненіи всѣхъ воспитательно-учебныхъ заведеній въ дерптскомъ учебномъ округѣ, въ коихъ призываются дѣти старѣе восьми лѣтъ отъ роду, вѣдѣнію учебнаго начальства министерства народнаго просвѣщенія.

В) Распоряженія правительства.

Управляющаго министерствомъ финансовъ.

6. Объ установленіи предѣловъ удѣльнаго въса и температуры вставки подлежащихъ обложенію акцизомъ легкихъ и тяжелыхъ осветительныхъ нефтяныхъ маселъ.

57. Объ утвержденіи правилъ пріема въ государственную комисію погашенія домовъ облигацій россійскаго 3% золотого займа 1891 года, съ выдачею взаменъ ихъ удостовѣреній именной записи.

58. Объ утвержденіи правилъ о порядкѣ обмѣна предъявительскихъ и именныхъ 5% закладныхъ листовъ государственнаго дворянскаго земельного банка.

Военнаго министра.

23. *Объ изданіи инструкцій: объ учетъ ратниковъ государственнаго ополченія перваго разряда и о порядкѣ сбора ратниковъ государственнаго ополченія при призваніи онаго для сформированія ополченныя частей и для усиленія постоянныхъ войскъ.*

Министра государственныхъ имуществъ.

59. *Объ ограниченіи производства нефтянаго промысла свреями и иностранцами.*

Министра внутреннихъ дѣлъ.

60. *Объ учрежденіи въ имѣніи графини Келлеръ, въ Нижегородскомъ уѣздѣ, должности пѣшаго полицейскаго урядника.*

Управляющаго министерствомъ путей сообщенія.

61. *Объ утвержденіи контрольныхъ станцій джанкой-феодосійской желѣзной дороги и о признаніи нѣкоторыхъ станцій той же дороги таковыми, на которыхъ удаленіе пассажировъ изъ поѣзда не допускается.*

62. *О признаніи полустанціи Лиатъ, псковско-рижской желѣзной дороги, таковою, на которой удаленіе пассажировъ изъ поѣзда не допускается.*

63. *О прекращеніи дѣйствія Высочайше утвержденнаго 5 іюля 1891 г. устава общества илецкаго солевознаго подгѣднаго пути.*

Личный составъ.

Высочайшіе приказы

по министерству юстиціи.

1-го января). Производятся за отличіе, въ тайные совѣтники: дѣйствительные статскіе совѣтники: старшій предсѣдатель с.-петербургской судебной палаты—**Похвиевъ** и предсѣдатель департамента варшавской судебной палаты—**Голевинскій**; въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: предсѣдатели окружныхъ судовъ: каменецъ-подольскаго—**Римскій-Корсаковъ** и ковенскаго—**Постовскій**, товарищ оберъ-прокурора гражданскаго кассационнаго департамента правительствующаго сената—**Викторовъ**, состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ, сверхъ комплекта, въ межевомъ департаментѣ правительствующаго сената, исполняющій обязанности товарища оберъ-прокурора втораго общаго собранія сената—**Змирловъ**, товарищи прокуроровъ судебныхъ палатъ: одесской—**Русиновъ** и харьковской—**Родзянко**, членъ тифлисской судебной палаты **Колбасинъ**, прокуроръ полтавскаго окружнаго суда—**Яновскій**, товарищ предсѣдателя усть-медвѣднцаго окружнаго суда—**Воровдинъ**, членъ окружныхъ судовъ: рязанскаго—**Нацевичъ**, нижегородскаго—**де-Вособрь**, витебскаго—**Осинцынъ** и казанскаго—**Диллонъ**, состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ, сверхъ комплекта, во 2 департаментѣ правительствующаго сената—**Пестовъ** и состоящій при министерствѣ юстиціи, въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго двора—**Мартыновъ**; въ коллежскіе совѣтники: состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ, сверхъ комплекта, въ 4 департаментѣ правительствующаго сената—надворный совѣтникъ **Рихтеръ**, со старшинствомъ—съ 25 ноября 1892 г.; въ титулярные совѣтники: коллежскіе секретари: столоначальникъ втораго департамента министерства юстиціи—**Макаровъ** и секретарь 5 департамента правительствующаго сената—**Мельниковъ**, со старшинствомъ: первый—съ 20 января, а послѣдній—съ 23 марта 1892 года; въ коллежскіе секретари: младшій помощникъ столоначальника втораго департамента министерства юстиціи—губернскій секретарь **Харлампіевъ**, со старшинствомъ съ 18 марта 1892 года; въ губернскіе секретари: младшій помощникъ столоначальника перваго департамента министерства юстиціи—коллежскій регистраторъ **Анненскій**, со старшинствомъ—съ 7 іюня 1892 года.

За выслугу лѣтъ и отличіе по службѣ, въ дѣйствительные статскіе совѣтники: коллежскіе совѣтники: предсѣдатель симферопольскаго окружнаго суда—**Оіяльскій** и членъ московской судебной палаты—**Ошанинъ**; надворные совѣтники: членъ саратовской судебной палаты—**Дмитріевъ**, товарищ предсѣдателя одесскаго окружнаго суда—**Савицкій**, членъ самарскаго окружнаго суда—**Вейсманъ** и старшій нотаріусъ валужскаго окружнаго суда—**Сытинъ**, участковый мировою судья таганрогскаго округа—коллежскій ассесоръ **Арбушевскій**; титулярные совѣтники: членъ виленской судебной палаты—**Шумилинъ**, товарищи предсѣдателей окружныхъ судовъ: костромскаго—**Кондаковъ** и ломжинскаго—**Вергосъ**, уѣздный членъ владимірскаго окружнаго суда, по Покровскому уѣзду—**Тейшеръ** и членъ рязанскаго окружнаго суда—**Опридоновъ**; губернскіе секретари: членъ казанской судебной палаты—**Пенчевскій**, товарищ предсѣдателя новгородскаго окружнаго суда—**Вашкировъ** и почетный ми-

ровой судья Усманскаго уѣзда—**Андреевъ**; *въ статскіе совѣтники*: уѣздный членъ кишиневскаго окружнаго суда, по Бендерскому уѣзду, коллежскій секретарь **Городыскій**, председатель сѣзда и участковый мировой судья камышловскаго округа, губернский секретарь **Калауцкій**, со старшинством: Калауцкій—съ 1 августа, а Городыскій—съ 28 августа 1892 года.

За выслугу лѣтъ, въ статскіе совѣтники: уѣздный членъ казанскаго окружнаго суда, по Ядринскому уѣзду—коллежскій совѣтникъ **Вѣдняковъ**, членъ виленскаго окружнаго суда—надворный совѣтникъ **Пестряковъ**, участковый мировой судья чердынскаго округа—коллежскій ассесоръ **Ильинъ**, титулярные совѣтники: городской судья 1 участка г. Ельца—**Лопатинъ** и исправляющій должность судебного слѣдователя Дмитровскаго уѣзда—**Толпыго**, коллежскіе секретари: товарищъ председателя екатеринбургскаго окружнаго суда—**Карпенко**, членъ московскаго окружнаго суда—**Вухановъ**, судебные слѣдователи: 9 участка гор. Москвы—**Пейко**, 1 участка Егорьевскаго уѣзда—**Знаменскій** и 2 участка Скопинскаго уѣзда—**Зотовъ** и губернскіе секретари: члены окружныхъ судовъ: казанскаго—**Петропавловскій** и гродненскаго—**Гаттенбергеръ**, со старшинствомъ: Лопатинъ—съ 17 августа 1875 г., Толпыго—съ 17 октября 1882 г., Знаменскій—съ 13 апрѣля и Вѣдняковъ—съ 9 октября 1884 г., Ильинъ—съ 9 августа 1885 г., Пейко—съ 14 января и Петропавловскій—съ 19 мая 1887 г., Гаттенбергеръ—съ 18 мая и Пестряковъ—съ 7 іюля 1888 г., Вухановъ—съ 12 января и Зотовъ—съ 19 сентября 1890 г. и Карпенко—съ 1 іюля 1891 г.

Государь Императоръ *объявляетъ Высочайшее* Его Императорскаго Величества *благоволеніе* чиновнику особыхъ порученій VI класса при первомъ департаментѣ министерства юстиціи—надворному совѣтнику барону **Нолькену**; товарищу прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда, въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго двора, коллежскому ассесору **Фришу**; чиновнику особыхъ порученій VII класса при министрѣ юстиціи, надворному совѣтнику **Малама**; редактору перваго департамента министерства юстиціи, коллежскому ассесору **Якуничкову** и старшему секретарю 5 департамента правительствующаго сената, надворному совѣтнику **Брмакову**—за отлично-усердную службу и прихѣрное исполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей.

По правительствующему сенату. *Назначаются*: членъ консуляціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной и членъ совѣта министра финансовъ, тайный совѣтникъ **Туръ**—къ присутствованію въ гражданскомъ кассационномъ департаментѣ правительствующаго сената и состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ IV департаментѣ правительствующаго сената, сверхъ комплекта, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Гожевъ**—товарищемъ оберъ-прокурора гражданского кассационнаго департамента правительствующаго сената.

По министерству юстиціи. *Назначаются*: товарищи оберъ-прокуроровъ кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената: уголовнаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ **Мѣшаниновъ** и гражданскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ **Носовъ**—членами консуляціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, для ревизіонныхъ порученій; товарищъ оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената, статскій совѣтникъ **Манухинъ**—старшимъ юрисконсультомъ консуляціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной.

ОБЩЕЕ ВСѢМЪ ПРАВО СУДЕБНАГО ПРЕСЛѢДОВАНІЯ ПРАВОНАРУШЕНІЙ.

Народные иски.

Вглядываясь въ правовую жизнь современнаго русскаго общества, невольно поражаешься тою массою случаевъ, когда правонарушенія остаются безъ всякой отвѣтственности, безъ всякаго наказанія. Несоблюденіе законовъ и положительное ихъ нарушеніе, въ самомъ разнообразномъ содержаніи, сдѣлалось явленіемъ почти зауряднымъ. Въ результатъ же слѣдуетъ ожидать разложенія самаго правоваго чувства, развитія неуваженія къ предписаніямъ закона съ одной стороны, и неувѣренности въ охраняемыхъ ими правахъ, благахъ—съ другой стороны.

Во многомъ явленія этого рода слѣдуетъ приписать недостаткамъ теперешней системы судебного преслѣдованія правонарушеній. Правда, наша система судебного преслѣдованія таже, что и въ большинствѣ западныхъ европейскихъ государствъ, а между тѣмъ въ послѣднихъ она достигаетъ въ высокой степени цѣлей устойчивости правоваго порядка и надежности правъ каждаго. Мало того, даже у насъ, въ отдѣльныхъ областяхъ, напр. въ Финляндіи, таже система достаточно осуществляетъ свою задачу. Если въ этомъ различіи послѣдствій одной и той же системы можно видѣть подтвержденіе англійской поговорки, что въ жизненныхъ отношеніяхъ главное люди, а не мѣры, то вмѣстѣ съ тѣмъ

нельзя также не приписать дурных явлений жизни недостаткамъ самыхъ мѣръ, ограждающихъ ее.

Въ чемъ же заключается господствующая въ большинствѣ современныхъ законодательствъ система судебного преслѣдованія правонарушеній? Вератцѣ въ слѣдующемъ.

Обвиненіе по уголовнымъ дѣламъ можетъ исходить или отъ потерпѣвшаго лица (по дѣламъ частнаго обвиненія), или отъ официальныхъ лицъ—полиціи, другихъ административныхъ властей и, въ особенности, отъ прокурорскаго надзора ¹⁾).

Постороннее частное лицо, при нарушеніи публичныхъ правъ, самое большое что обязывается къ донесенію ²⁾ объ извѣстномъ ему фактѣ, съ цѣлью вызвать преслѣдованіе виновнаго уже официальными лицами, въ частности—прокуратурой. Постороннее частное лицо само предъявлять обвиненіе въ судѣ не можетъ. Мало того, даже потерпѣвшее отъ преступленія лицо, въ большинствѣ случаевъ, имѣетъ право лишь на „жалобу“ и въ судѣ ему отводится роль простаго свидѣтеля ³⁾).

При нарушеніи частныхъ правъ искъ можетъ быть представленъ лишь самимъ управомоченнымъ лицомъ. Другое частное лицо, которому данное право непосредственно не принадлежитъ, вчинать иска по дѣлу не можетъ, какъ бы глубоко это лицо ни было заинтересовано, съ иной стороны, въ осуществленіи правовыхъ интересовъ управомоченнаго. Такъ, по началамъ нашего гражданскаго процессуальнаго права, искъ можетъ быть вчиненъ (лично или чрезъ уполномоченнаго) только тѣмъ лицомъ, до котораго касается возбуждаемое дѣло ⁴⁾). Истецъ долженъ считать спорное право принадлежащимъ себѣ. Всякія же заявленія суду о нарушеніи правъ третьяго лица, хотя бы самаго близкаго къ нему—жены, отца, брата, друга и т. д., не могутъ быть предме-

¹⁾ Уставъ угол. судопр. ст. 3—5, 42, 48, 49, 297.

²⁾ Улож. о наказ. ст. 15, 125—128; уст. угол. судопр. ст. 297 п. 1, ст. 298.

³⁾ Уставъ угол. судопр. ст. 6, 301, 700.

⁴⁾ Уставъ гражд. судопр. ст. 4.

томъ судебного производства. Начало это проводится столь строго, что когда въкоторыя учрежденія считали себя обязанными вмѣшаться въ дѣло, касающееся интересовъ ими охраняемыхъ лицъ, какъ напр. опекунскія учрежденія, то сенатомъ было отвергнуто такое право на томъ основаніи, что закономъ указаны непосредственные представители такихъ лицъ, какъ напр. опекуны ¹⁾). Такимъ образомъ, напр., бабка признана не вправе искать судебнымъ порядкомъ объ огражденіи имущества малолѣтнихъ внуковъ, по смерти мужа ея дочери, сосѣдъ помѣщикъ—объ огражденіи отъ самовольной порубки лѣса отсутствующаго сосѣда помѣщика, и т. д. ²⁾).

Рядомъ съ указанной системой преслѣдованія правонарушеній, можемъ отмѣтить, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ, болѣе или менѣе широкое право каждаго гражданина предъявлять обвиненіе или искъ по правонарушеніямъ, непосредственно до него не касающимся.

Такъ, уже въ аттическомъ правѣ было большое число публичныхъ исковъ, предъявленіе которыхъ было открыто каждому гражданину ³⁾). Въ Аѣинахъ каждый гражданинъ считался какъ бы непосредственно заинтересованнымъ въ устраненіи всякаго беззаконія ⁴⁾).

Но особенное развитіе общее право обвиненія и иска получило въ древнемъ Римѣ. Тамъ довѣрялось каждому гражданину предъявлять обвиненіе какъ въ малыхъ, такъ и въ тяжкихъ преступленіяхъ. Кромѣ того, въ Римѣ извѣстенъ былъ цѣлый разрядъ спеціально называемыхъ народными исковъ (*actiones populares*), подъ которыми разумѣлись гражданскіе иски, открытые каждому гражданину въ силу его права гражданства и осуществляющіе не частное право самого истца, но общій правовой интересъ всѣхъ гражданъ ⁵⁾

¹⁾ Кассац. рѣш. 1874 г. № 236, 1876 г. № 524.

²⁾ См. у *Исаченко*, Гражданскій процессъ, т. 1 вып. 2, стр. 417—420.

³⁾ *Mejer* и *Schömann*, *Attischer Prozess*, p. 564.

⁴⁾ *Thonissen*, *Histoire du droit criminel de la République Athénienne*, I, p. 76.

⁵⁾ *L. 1 D. 47, 23: Nam popularem actionem dicimus quae jus suum populi tuetur.*—См. *Hölder* въ *Holtzendorff's Bechtslex*. 3 Aufl. p. 90.

Происхожденіе и развитіе общаго права обвиненія и иска въ классическомъ мірѣ ставятъ, обыкновенно, въ связь съ большимъ или меньшимъ проникновеніемъ въ жизнь демократическаго начала.

Такъ, въ ранній періодъ римской республики, т. е. при господствѣ аристократіи (патриціатъ), охрана государственныхъ интересовъ предоставлялась почти исключительно одной магистратурѣ, иначе—должностнымъ лицамъ, облеченнымъ публичнымъ авторитетомъ. Рядомъ съ магистратурой народъ, только въ своей совокупности, давалъ согласіе на предлагаемыя ему извѣстныя мѣры или отказывалъ въ этомъ согласіи; отдѣльный же гражданинъ, самъ по себѣ, не имѣлъ никакого значенія. Но позднѣе, особенно со временъ братьевъ Гракховъ, каждый отдѣльный членъ народа начинаетъ принимать все большее и большее участіе въ публичной жизни республики. Постепенно римскій гражданинъ получаетъ, на ряду съ общими атрибутами законодательной и судебной власти, право защищать лицъ, неспособныхъ отстаивать себя отъ правонарушеній ¹⁾. Весьма вѣроятно, что уже рано каждому гражданину предоставлено было право иска по деликтамъ, совершеннымъ на имуществѣ общины ²⁾. Этотъ искъ, направленный на денежный штрафъ, современемъ былъ распространенъ и на другіе случаи. Затѣмъ, съ учрежденіемъ постоянныхъ судебныхъ комисій (*quaestiones perpetuae*) каждому гражданину (*cui libet ex populo*) было предоставлено право подымать обвиненіе и вмѣстѣ проводить преслѣдованіе опаснѣйшихъ преступленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ преторъ вводитъ, по поводу опредѣленныхъ правонарушеній, такъ называемый народный искъ, т. е. искъ, на который имѣлъ право каждый гражданинъ, рядомъ съ искомъ самого потерпѣвшаго лица, а въ извѣстныхъ случаяхъ—и тогда, когда такого потерпѣвшаго лица не было вовсе, но былъ нарушенъ лишь извѣст-

¹⁾ Codacci-Pisanelli, Le azioni popolari (въ *Archivis giurid.* v. 33, p. 319—320).

²⁾ Mommsen, *Staatsrecht* 3 Aufl., I, p. 184.

ный общественный интерес ¹⁾). Система народных исков развивалась и при имперіи, до самых послѣднихъ временъ римскаго государства. Самъ Юстиніанъ ввелъ еще два народныхъ иска и изъ его сборниковъ народные иски перешли даже въ Византію, черезъ Царскія Книги.

Изъ современныхъ государствъ, частное обвиненіе, народные иски имѣютъ самое широкое приложеніе въ Англіи.

Общее всѣмъ право обвиненія коренится въ самыхъ первоначальныхъ источникахъ англійскаго права ²⁾ и вплоть до нынѣшнихъ дней Англія не знаетъ прокуратуры въ континентальномъ смыслѣ слова. Англійскій уголовный процессъ покоится на принципѣ общаго народнаго права обвиненія. Каждое частное лицо, обладающее гражданскою честью, имѣетъ право выступать въ качествѣ обвинителя (*common informer*). Гражданинъ, въ присутствіи котораго совершается преступленіе или дѣлается къ тому покушеніе, уполномоченъ арестовать преступника, даже убить его, если иначе не будетъ возможности захватить его; для преслѣдованія преступника частное лицо можетъ взломать двери его жилища (*outer doors*) ³⁾. Мало того, самое собраніе доказательствъ преступленія и подготовка къ пользованію ими находится также въ рукахъ частнаго лица, являющагося въ этомъ отношеніи дѣятельнымъ помощникомъ полиціи. До новѣйшаго времени официальные какія либо лица, какъ таковыя, не имѣли права начинать преслѣдованія безъ предъявленнаго имъ обвиненія. Если иногда имъ и предоставлялось право начинать дѣло, то это совершалось обыкновенно въ той формѣ, что они обязывали опредѣленныхъ лицъ на предъявленіе обвиненія; таковы случаи жесвидѣтельства, дурнаго обращенія хозяевъ съ учениками, съ дѣтьми моложе 16 лѣтъ. Въ остальныхъ случаяхъ публичныя учрежденія и официальные лица выступаютъ въ качествѣ обвинителя, какъ всякія другія частныя лица, потерпѣвшія отъ правонарушенія; напр. при обви-

¹⁾ Paalzow, Zur Lehre von den römischen popularklagen, 1889, p. 51, 52.

²⁾ См. *Стуфенъ*, Уголовное право Англіи, 1865 г., стр. 22, 23, 39—41.

³⁾ Rüttimann, Ueber die englische Strafrechtspflege, 1837, p. 11, 12.

неніяхъ почтой, монетнымъ учрежденіемъ. Засимъ, только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ имѣлъ право выступать съ обвиненіями такъ называемый генеральный атторней ¹⁾ ²⁾ и то, по положенію на судѣ, онъ ничѣмъ не отличался отъ частнаго истца. Въ главныхъ чертахъ эта система обвиненія сохранилась въ Англіи донинѣ.

Въ частности, гражданскіе народныя иски введены въ Англіи каждый отдѣльнымъ закономъ, безъ опредѣленной системы и общаго принципа, притомъ на различную сумму (однако не свыше 500 фунтовъ), какъ-то: по запрещенной игрѣ, ростовщичеству, лжесвидѣтельству, монетнымъ правонарушеніямъ, по поступкамъ противъ почтовыхъ, штемпельныхъ, акцизныхъ правилъ, по всевозможнымъ полицейскимъ проступкамъ и другимъ правонарушеніямъ (*calumnia, maintenance, champettry*) ³⁾.

Что касается научной постановки вопроса объ общемъ правѣ преслѣдовать правонарушенія, то въ настоящее время теоретики обыкновенно высказываются за непримѣнимость этого права въ современномъ государствѣ. Такъ, для Рима общее право преслѣдовать правонарушеній, большинство пандектистовъ ⁴⁾ объясняетъ лишь особенностями римскаго государственнаго устройства; допущеніе народныхъ исковъ выводится изъ несовершенства въ устройствѣ и развитіи римскаго политическаго организма. При этомъ указываютъ, будто въ древнемъ мірѣ идея государства, какъ самостоятельной единицы, не была еще вполне развита. Съ современною же ступенью развитія публичнаго права и съ современнымъ понятіемъ государства, общее право обвиненія, народныя иски должны находиться въ явномъ несоотвѣтствіи. Кромѣ того и по самой сущности такого права нежелательно его сохра-

¹⁾ Franck Chauveau, Etude sur la poursuite criminelle et les projets de création d'un ministère public en Angleterre (въ Bulletin de la société de législation comparée, 1876, p. 82).

²⁾ Mittermaier, Das englische Strafverfahren, 1851, p. 134 sq., p. 318 sq.

³⁾ См. Bruns, Die römischen popularklagen, p. 374 (въ Kleinere Schriften, I Bd., 1882).

⁴⁾ Windscheid, Pandekt. II, § 326 н. 6.

неніе или распространеніе, ибо предъявленіе каждымъ обвиненія или иска всегда носить на себѣ нѣчто несовершенное и случайное ¹⁾).

Безоотносительные недостатки, по крайней мѣрѣ общаго права обвиненія каждымъ гражданиномъ въ преступленіяхъ, давно уже отмѣчены и въ самой Англіи ²⁾). Въ связи съ этимъ въ литературѣ предлагалось установить для cadaго графства особаго чиновника, который бы розыскивалъ преступления и сообщалъ по этой части доказательства; кромѣ того, предлагалось содержать постоянныхъ коронныхъ адвокатовъ, обязанныхъ давать совѣты относительно силы доказательствъ и вести всѣ или нѣкоторыя обвиненія ³⁾). Въ этомъ родѣ дѣлались и законодательныя попытки: именно, начиная съ 1854 года въ парламентъ былъ внесенъ цѣлый рядъ предложеній объ образованіи публичныхъ обвинителей (public prosecutors bill) ⁴⁾ и, наконецъ, въ 1879 году изданъ законъ, которымъ учреждены постоянные органы или „дирекція“ публичнаго преслѣдованія.

Приведенные заводы и примѣръ Англіи, на самомъ дѣлѣ, не въ силахъ, однако, поколебать цѣлесообразности общаго права обвиненія и иска.

Общее право обвиненія и иска имѣетъ свою задачу, какъ сказано выше, осуществлять правовые интересы не самого обвинителя, истца, а правовые интересы всего общества. Публичный же интересъ можно понимать: или какъ интересъ государства, какъ таковаго, т. е. народа въ его единствѣ, или какъ интересъ совокупности гражданъ, т. е. народа въ его множественности. Что касается Рима, то положительно нѣтъ данныхъ утверждать, будто подъ народомъ (populus) тамъ разумѣлась только сумма наличныхъ гражданъ, а не политически организованный народъ. Наоборотъ, отличительной чертой римской исторіи было, по выраженію

¹⁾ Codacci-Pisanelli, cit. p. 318, 319, 371.

²⁾ Mittermaier., D. engl. Strafverf., p. 232, 237, 238.

³⁾ Стифенъ, Уголовное право Англіи, стр. 224.

⁴⁾ См. у Chauveau, cit, p. 94—103.

Моммзена, поглощеніе отдѣльной личности государствомъ; въ Римѣ гражданинъ могъ стремиться къ величію только одного государства. Римляне представляли себѣ народъ почти какъ физическое существо, приписывая ему даже величество (*majestas*)¹⁾. Поэтому, напримѣръ, вообще сомнительно, чтобы римляне когда нибудь знали общую собственность всѣхъ гражданъ. Въ историческія же времена никто, въ качествѣ гражданина, не имѣлъ непосредственнаго права пользованія общественнымъ имуществомъ (*res publica*); для этого необходимъ былъ особый актъ, исходящій отъ имени государства (т. наз. *publicatio*)²⁾. Отсюда слѣдуетъ, что, напр., народный искъ предъявлялся и въ Римѣ не изъ собственного, субъективнаго права истца, какъ единицы во множественности гражданъ³⁾, а въ интересъ народа, какъ самостоятельнаго, отдѣльнаго отъ единичныхъ гражданъ, организма. Посему, смыслъ этого иска и въ Римѣ и въ современномъ мірѣ, по самой идее государства, остается одинъ и тотъ же.

Другой вопросъ, насколько общее право обвиненія и иска обуславливается той или другой политической организаціей общества. Весьма твердо держится воззрѣніе, что это право примѣнимо лишь при демократическомъ строѣ общества и что, поэтому, будто въ самомъ Римѣ, вмѣстѣ съ измѣненіемъ государственнаго строя, право каждаго преслѣдовать правонарушенія постепенно ограничивалось и, наконецъ, вовсе исчезаетъ въ позднѣйшихъ византійскихъ памятникахъ и потому не было заимствовано на западѣ⁴⁾. Дѣйствительно, въ юстиніановыхъ сводахъ, изъ числа преторскихъ народныхъ исковъ упоминается еще только—пять, шесть, не болѣе, а изъ числа закономъ установленныхъ—лишь одинъ. Затѣмъ, хотя эти иски и перешли въ Царскія Книги,

¹⁾ Pernice, *Antisteus Labeo* p. 368 и слѣд.

²⁾ Paalzow, *Popularklag.* p. 18.

³⁾ Въ этомъ смыслѣ понимаютъ иногда опредѣленіе источниками народного иска, какъ *actio, quae suum jus populo tuetur*. Ihering, *Geist d. heut. röm. B. I, 4 Aufl.* p., 201 sq.; Bruns, *Popularklag.* p., 368 sq.

⁴⁾ Paalzow, *cit.* p. 53, 54.

но, на примѣръ, у Арменопуло они уже не упоминаются вовсе. Но еще гораздо раньше изъ римской жизни исчезаетъ право обвиненія каждымъ гражданиномъ въ уголовныхъ преступленіяхъ. При всемъ томъ остается вопросъ: можно ли обусловливать, съ необходимостью, подобное сокращеніе общаго права обвиненія и иска съ измѣненіемъ государственнаго строя? Въ Римѣ это сокращеніе объясняется отчасти измѣнившеюся судебной организаціей, отчасти развитіемъ слѣдственнаго начала, розыска (*inquisitio*) ¹⁾, въ уголовномъ процессѣ. Эти же измѣненія не ставились тамъ въ какую либо связь съ развитіемъ монархій, чему свидѣтельствомъ можетъ служить уже тотъ фактъ, что самъ Юстиніанъ установилъ два иска, имѣющіе, по крайней мѣрѣ, сходство съ народными исками: искъ по отказамъ въ пользу благотворительныхъ учрежденій и искъ о востребованіи назадъ отданнаго по игрѣ ²⁾. Наконецъ, примѣръ Англіи, страны далеко не демократической, особенно въ прежнее время, явно указываетъ, что общее право преслѣдованія правонарушеній должно быть принято въ законодательствѣ лишь на основѣ цѣлесообразности этого права, самого по себѣ, безъ какаго либо отношенія къ той или другой правительственной системѣ.

Однимъ словомъ, вопросъ долженъ быть поставленъ такъ: допускаютъ ли интересы правосудія общее право каждого гражданина на преслѣдованіе правонарушеній, или это право должно быть ограничено потерпѣвшимъ, государственною властью, судомъ или прокуратурою?

Прежде всего, уголовное обвиненіе не имѣетъ своею задачей оказывать помощь отдѣльному гражданину въ его правахъ; его цѣль — возстановлять и обезпечивать правовое состояніе государства. Поэтому, всякій участникъ даннаго государственнаго общежитія заинтересованъ въ охранѣ праваго строя и во имя этого не можетъ быть лишенъ права обви-

¹⁾ См. *Муравьевъ*, Прокурорскій надзоръ, т. I, 1889 г., стр. 44.

²⁾ L., 45 (46) § 6, C. 1, 3.

нять всякаго, кого онъ считаетъ виновнымъ въ преступленіи ¹⁾. Таковъ теоретическій выводъ, неуклонно исповѣдуемый англійскими юристами (напр. докладъ лорда Кембля).

Основная же идея народныхъ исковъ таже, какая въ области уголовного процесса довела до признанія чисто обвинительнаго производства; она заключается въ довѣріи государства къ тому, что отдѣльное лицо будетъ, въ силу гражданского долга, преслѣдовать правонарушенія ²⁾.

Противъ общаго права обвиненія и иска, какъ отвлеченнаго начала, не можетъ быть возраженій. Объективное право предназначено къ приложенію въ жизни, въ самомъ точномъ его содержаніи, и чѣмъ болѣе лицъ будетъ привлечены къ его охранѣ, тѣмъ болѣе данныхъ за устойчивость правоваго порядка. Уже римскіе писатели—Цицеронъ ³⁾, Квинтиліанъ ⁴⁾—видѣли въ допущеніи большаго числа обвинителей лучшее обезпеченіе отъ преступленій. По мнѣнію юриста Павла слѣдуетъ въ интересахъ самого государства, привлекать, по возможности, большее число гражданъ къ судебной охранѣ непризнаваемыхъ правъ и къ восстановленію нарушенныхъ ⁵⁾.

Но несомнѣнно также, что достодолжная защита правъ мыслима, прежде всего, подъ условіемъ опредѣленной организаціи данной дѣятельности. Иначе, дѣйствительно, такая защита сдѣлается дѣломъ случайнымъ. Для недавнихъ временъ Англій было установлено, что при частномъ обвиненіи масса преступленій оставалась безъ преслѣдованія и наказанія ⁶⁾.

¹⁾ Büttmann, D. englische Strafrechtspflege, p. 6, 8,

²⁾ Geib, Lehrbuch d. Strafrechts I, § 13. Mommsen, Staatsrecht, 3 Aufl., I p. 184.

³⁾ Cicero, in Verrem ppm. et. XIII.

⁴⁾ Quintilianus, Inst. orat. lib. XIII, 7.

⁵⁾ Republicae interest quam plurimos ad defendendam suam causam admittere. L. 4 D. 39, 1.

⁶⁾ Въ докладахъ парламенту указывалось, что изъ 50 или 60 тысячъ преступленій, заявленныхъ полиціей, только половина доходила до суда и только 13 тысячъ доводилось до конца. Chance и сит. p. 92.

Во многихъ случаяхъ граждане не оказываютъ охоты выступать передъ судомъ въ качествѣ обвинителей по дѣламъ, непосредственно ихъ некасающимся, но еще болѣе побужденій можетъ имѣть частный обвинитель къ тому, чтобы отступить отъ начатаго дѣла. На это можетъ вліять, прежде всего, равнодушіе къ чужому дѣлу, вмѣстѣ со страхомъ личнаго безпокойства. Дѣйствительно, трудно ожидать, чтобы всегда нашлось такое частное лицо, которое сочтетъ нужнымъ безпокоить себя преслѣдованіемъ преступленія, касающагося иностранца или отношеній родителей къ дѣтямъ. Отъ подобнаго вмѣшательства могутъ удержатъ и опасенія расходовъ, соединенныхъ со всякимъ рачительнымъ преслѣдованіемъ преступленія ¹⁾. На тотъ случай, когда по правонарушенію не проявится частный обвинитель, въ Англіи принимались даже особыя мѣры. Такъ, должностнымъ лицамъ предоставлялось право возлагать обвиненіе на чиновъ полиціи или на своихъ клерковъ; въ виду того же городскіе совѣты имѣли особыхъ клерковъ, обязанныхъ выступать съ обвиненіями (town clerks) ²⁾, или же нанимали для этого дѣла особаго стряпчаго ³⁾. Для обезпеченія же продолженія преслѣдованія и предъявленія доказательствъ, должностныя лица, ведущія предварительное слѣдствіе (напр. коронеръ), могли обязывать обвинителя и свидѣтелей къ предъявленію поручительства (recognizance) въ томъ, что они не отступятъ отъ процесса ⁴⁾.

Затѣмъ, для того, чтобы провести должнымъ образомъ обвиненіе, отъ обвинителя требуются такія условія, которыхъ нельзя ожидать отъ каждаго гражданина. Частный обвинитель можетъ не обладать достаточными свѣдѣніями въ юрис-

¹⁾ Хотя съ 1846 г. расходы по обвиненію и свидѣтельству на судѣ покрываются уже казною, но тѣмъ не менѣе на обвинителя ложатся нѣкоторыя такія издержки, которыя отъ казны не возмѣщаются; такъ, напримѣръ, вознагражденіе повѣренныхъ всегда превышаетъ таксу (*Вулффертъ* въ Журн. гражд. и уголовн. пр. 1880 г. кн. 1 стр. 128).

²⁾ Chauveau, cit., p. 84.

³⁾ Mittermaier, Das engl. Strafv., p. 233.

⁴⁾ Chauveau, cit., p. 84, 87.

пруденціи и достаточными средствами для должнаго и быстраго представленія доказательствъ. Достаточно представить себѣ простаго частнаго обвинителя въ такихъ сложныхъ процессахъ, какъ процессы о несостоятельности акціонерныхъ обществъ или въ дѣлѣ директоровъ британскаго банка. И въ дѣйствительности, незнакомство частнаго обвинителя съ правовыми вопросами судебной практики, небрежная подготовка дѣла, нерѣдко вели къ тому, что обвиненіе не проводилось и виновный избѣгалъ наказанія ¹⁾). Въ связи съ этимъ возникло обыкновение, по которому судьи графства назначали обвинителями констэблей, а мировые судьи—клерковъ ²⁾).

Наконецъ, частное обвиненіе легко можетъ не достигать своей цѣли по той причинѣ, что частный обвинитель падаетъ воздѣйствію обвиняемаго или его друзей и, въ концѣ концовъ, откажется отъ предъявленія обвиненія или отъ продолженія преслѣдованія.

Всѣ изложенные недостатки частнаго обвиненія уже давно сознавались въ Англіи ³⁾), но тѣмъ не менѣе большинство англійскихъ юристовъ всегда высказывалось противъ введенія прокуратуры въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ, напримѣръ, во Франціи ⁴⁾). По ихъ мнѣнію прокуратура не всегда обезпечиваетъ преслѣдованіе дѣйствительно совершеннаго преступленія; надзоръ за уголовнымъ закономъ, порученный лишь опредѣленнымъ лицамъ, не гарантируетъ его исполненія. Еще съ большою силою это относится къ „сообщеніямъ полицейскихъ и другихъ административныхъ властей“, которыя ведутъ къ разбирательству дѣла. На отсутствіе преслѣдованія или только сообщенія можетъ вліять даже сама правительственная власть и тогда частное лицо будетъ лишено уже всякой возможности осуществить интересы пра-

¹⁾ *Стифенъ*, cit., стр. 221.

²⁾ *Mittermaier*, cit. p. 233—235.

³⁾ Всѣ эти недостатки указаны уже въ работахъ парламентскаго комитета 1855 года.

⁴⁾ *Стифенъ*, cit., стр. 220, 221.

восудія. Затѣмъ, прокуроры, какъ правительственные чиновники, въ розыскѣ не считаются ни съ интересами публики, ни съ желаніями лица, пострадавшаго отъ преступленія, ни съ положеніемъ лица, обвиняемаго въ преступленіи; между тѣмъ въ Англіи весь уголовный процессъ построенъ такъ, какъ бы законодатель стремился лишь къ тому, чтобы оградить гражданина отъ угнетенія публичною властью ¹⁾. Кромѣ того, съ англійской точки зрѣнія, прокуроры, какъ лица облеченныя обширною должностною властью, вообще нарушаютъ равенство между обвиненіемъ и защитою ²⁾. Англійская же система держится на предположеніи, что обвинитель нападаетъ, а подсудимый защищается по своему усмотрѣнію ³⁾; судья же, по возможности не вмѣшиваясь въ споръ, только руководить имъ. Отсюда необходимое требованіе равенства силъ на обѣихъ борющихся сторонахъ.

По всему этому англійскій судебный міръ и англійскіе граждане по прежнему твердо держатся за свою исконную систему частнаго обвиненія. Но въ виду выяснившихся недостатковъ этой системы предлагались нѣкоторые дополненія къ ней. Такъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда частное лицо или частный союзъ не будутъ непосредственно заинтересованы въ раскрытіи преступленія и, такимъ образомъ, обвиненіе могло бы не состояться, въ этихъ случаяхъ обязанность предъявлять обвиненіе предполагалось возложить на должностныхъ лицъ, какъ это уже показано выше. Но останавливаясь на идеѣ публичнаго обвинителя, вмѣстѣ съ тѣмъ англичане высказывались и противъ его монополіи въ обвиненіи. Тутъ не упускались изъ виду такіе случаи, когда публичный обвинитель будетъ отклонять отъ себя представленіе обвиненія ⁴⁾. Лучшіе англійскіе юристы (Брумъ, Кэмпбл, Непиръ) высказывали мысль, что частное обвиненіе служить прекраснымъ контролемъ надъ публичными обви-

¹⁾ Chauveau, cit., p. 81.

²⁾ Mittermaier, cit. p. 237.

³⁾ Стифенъ, cit., стр. 220.

⁴⁾ Mittermaier, cit., p. 238.

нителями, замѣняя послѣднихъ при отказѣ отъ преслѣдованія преступленій. Такъ думали уменьшить случайность въ преслѣдованіи преступленій и идею эту, какъ будетъ показано ниже, осуществили закономъ 1879 года. До того же времени, той же цѣли служили и другія средства. Такъ, само общество старалось помочь себѣ организуясь въ особыя товарищества для преслѣдованія преступленій (*societies for the prevention of*) и притомъ не ради только имущественныхъ какихъ либо интересовъ отдѣльныхъ своихъ членовъ или учреждений ¹⁾, но и ради общихъ интересовъ морали или гуманности ²⁾. Кромѣ того слѣдуетъ прибавить, что обвиненіе въ Англіи искони составляло не только право, но и обязанность, какъ должностныхъ лицъ, такъ и частныхъ лицъ ³⁾. Всякій, кто зналъ о совершенномъ преступленіи (*felony*) и не указывалъ преступника, наказывался денежнымъ штрафомъ и тюремнымъ заключеніемъ. Во множествѣ случаевъ сама магистратура отводила роль обвинителя (*prosecutor*) тому или другому лицу; чаще всего это выпадало на долю главнаго свидѣтеля въ дѣлѣ, или, при частныхъ проступкахъ, на долю потерпѣвшаго или попечителя о бѣдныхъ и др. ⁴⁾. Исполненіе этой обязанности даже обезпечивалось поручительствомъ въ опредѣленной суммѣ. Наконецъ, въ Англіи, поощреніемъ къ частному обвиненію служило вознагражденіе обвинителя ⁵⁾. Лицо, способствующее задержанію и наказанію виновнаго въ публичномъ преступленіи, получаетъ награду изъ публичнаго фонда, а если при этомъ оно будетъ убито, то право на награжденіе переходило

¹⁾ Напримѣръ, общества банкировъ для преслѣдованія поддѣлки кредитныхъ билетовъ, церковные приходы для преслѣдованія семейныхъ неурядицъ; общины для преслѣдованія оскорбленій, наносимыхъ должностнымъ ихъ лицамъ, или преступленій самихъ этихъ должностныхъ лицъ и т. д. (*Mittermaier* p. 80—83).

²⁾ Напримѣръ, общества для преслѣдованія безнравственныхъ литературныхъ произведеній и гравюръ, общества покровительства животныхъ и др.

³⁾ *Büttimann*, Ueber die englische Strafrechtspflege p. 8 sq.

⁴⁾ *Gneist*, *Selfgovernment*, 3 aufl. 1871. г. p. 432, 433.

⁵⁾ *Blackstone*, *Commentaries on the law of England*, ed. 15 IV, p. 294—295.

дѣтъ къ его вдовѣ, дѣтямъ или родителямъ. При состоявшемся же присужденіи на денежную сумму, обвинитель получаетъ половину, а остальное идетъ въ казну, или на бѣдныхъ или въ другія учрежденія ¹⁾). Кромѣ того частные союзы уплачиваютъ преміи за открытіе преступленія, совершеннаго надъ однимъ изъ членовъ союза; объ этомъ даже объявляется на публичныхъ мѣстахъ. Преміи эти большаго или меньшаго объема, смотря по важности преступленія и по результатамъ дѣятельности обвинителя. Обвинитель не лишается права на вознагражденіе даже въ томъ случаѣ, когда обвиняемый будетъ оправданъ, если только обвиненіе не было легкомысленнымъ или злонамѣреннымъ ²⁾).

Особенно въ области полицейскаго карательнаго права въ Англіи признается вполне достаточно обезпеченнымъ преслѣдованіе правонарушеній такими мѣрами, какъ народные иски, участіе самихъ непосредственно заинтересованныхъ лицъ, восполняющая дѣятельность полицейскихъ властей, а также особыя преміи для доносителей ³⁾). Если же случится такъ, что никто изъ публики не найдетъ въ полицейскомъ преслѣдованіи никакого интереса, то это считается вполне отвѣчающимъ цѣли и постановленіямъ даннаго карательнаго закона. Поэтому въ Англіи нѣтъ и рѣчи о введеніи полицейской обвинительной власти ⁴⁾).

Широкое допущеніе общаго права обвиненія и народныхъ исковъ можетъ, въ теоріи, возбудить опасеніе за развитіе сутяжничества, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые примѣры какъ бы подтверждаютъ эти опасенія. Такъ, въ Римѣ, къ концу республики выяснился цѣлый классъ доносчиковъ (*dealtores*), жившихъ отъ обвиненій. Источники говорятъ о нихъ, какъ о страшномъ бичѣ тогдашняго общества. У подобныхъ сутягъ, конечно, объ интересахъ правосудія не

¹⁾ В г и п . s, cit., p. 373.

²⁾ Büttimann, Straf., p. 10—12.

³⁾ Въ Англіи на каждомъ шагѣ читаешь объявленія о наградахъ за донесенія какъ о крупныхъ преступленіяхъ, такъ и малѣйшихъ полицейскихъ проступкахъ.

⁴⁾ Gneist, Selbstgovernment, p. 430, 431.

могло быть и рѣчи. Затѣмъ и въ англійскихъ судахъ бывали случаи, когда частные обвинители дѣйствовали или подъ вліяніемъ чувства мести, или для достиженія личныхъ цѣлей, иногда просто безнравственныхъ, какъ напр. съ цѣлью вымогательства; въ частности, при центральномъ уголовномъ судѣ цѣлая толпа сомнительныхъ личностей дѣлала изъ обвиненія свое ремесло ¹⁾. Понятно, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ публичный интересъ правосудія оставался ни при чемъ ²⁾. Но, по нашему мнѣнію, явленія эти общаго характера и не обуславливаются однимъ только правомъ каждаго обвинять и искать. Поэтому, средства, которыя оказываются достаточными для предупрежденія или подавленія сутяжничества вообще, будутъ имѣть тѣже послѣдствія и при допущеніи общаго права обвиненія и иска. Въ Римѣ не было особаго положенія объ отвѣтственности истца въ случаѣ ложнаго обвиненія; тамъ примѣнялся въ подобныхъ случаяхъ, общій законъ объ отвѣтственности за клевету (*calumpnia*) ³⁾. Въ Англіи же вопросъ этотъ развитъ весьма подробно. Прежде всего лицо, арестовавшее другаго незаконно, обязано вознаградить его. Затѣмъ, лицо, злонамѣренно обвиненное другимъ, имѣетъ право съ своей стороны преслѣдовать обвинителя ⁴⁾. Для этого ему нужно добыть копію обвинительнаго акта и акта оправданія. Въ выдачѣ этихъ актовъ можетъ быть отказано судомъ, если по усмотрѣнію послѣдняго обвинитель дѣйствовалъ добросовѣстно ⁵⁾. Такимъ образомъ и обвиняемый ограждается отъ неправильныхъ обвиненій и самъ обвинитель—въ своемъ гражданскомъ долгѣ по преслѣдованію преступленій. Только при обвиненіи въ проступекъ (*misdemeanor*, въ отличіе отъ преступленія, *felony*) копія оправдательнаго рѣшенія выдается безъ разсмотрѣнія вопроса о добросовѣстности обви-

¹⁾ Mittermaier, D. engl. Strafverf., p. 233.

²⁾ Chauveau, cit., p. 93.

³⁾ Codacci-Pisanelli, cit., p. 352.

⁴⁾ Ср. уст. угол. суд. за ложное показаніе ст. 308.

⁵⁾ Büttmann, Straf., p. 10—12.

ненія ¹⁾). Въ послѣднихъ случаяхъ суду, рассматривающему дѣло, очевидно, трудно судить о степени злой воли обвинителя, по самой незначительности правонарушенія уголовнаго ²⁾); отказать же въ гражданскомъ взысканіи за неправильный искъ нѣтъ основанія. Этихъ средствъ борьбы съ ложными обвиненіями и неправильными исками оказывается настолько достаточнымъ, что, въ общемъ, судебная практика въ Англіи не подтверждаетъ опасенія за особенное развитіе сутяжничества, въ связи съ общимъ правомъ обвиненія и иска.

Съ другой же стороны, положительныя стороны этого права слишкомъ очевидны.

Не можетъ быть ничего опаснѣе для общественнаго строя, какъ безсиліе правовыхъ нормъ, безсиліе, выражающееся въ безнаказанномъ ихъ нарушеніи. Пошатнувшаяся увѣренность въ дѣйствительности этихъ нормъ способствуетъ разложенію правовой морали въ обществѣ и ведетъ его неуклонно къ нравственному паденію. По словамъ покойнаго Іеринга, правовая впечатлительность, т. е. способность чувствовать горечь отъ нарушенія права и рѣшимость противодействовать тому, составляютъ два мѣрила всякаго здраваго правового чувства. Но энергія къ противодействию неправу воспитывается самой возможностью бороться противъ него; зрѣлище же поправленныхъ правъ, безъ полномочія вступить за нихъ, ослабляетъ, разлагаетъ эту энергію. Вотъ, быть можетъ, въ чемъ причина той удивительной для континентальныхъ жителей Запада настойчивости, нерѣдко кажущейся неблагоразумной, съ какой англичане защищаютъ поправное право, часто съ затратами, превышающими стоимость самаго права. Англичанинъ воспитанъ въ привычкѣ защищать право и, поэтому, долженъ глубже чувствовать всякое его нарушеніе, тѣмъ, напр., мы русскіе, привыкшее, наоборотъ, смотрѣть на

¹⁾ Büttmann, Der englische Civil-Process, 1851 г. р. 39.

²⁾ На этомъ признакѣ строить теорія различіе уголовно — частнаго отъ уголовно-публичнаго преступленія. Binding, Handbuch, р. 190 sg.

ж. гр. и уг. пр. кн. II 1893 г.

массу ежедневныхъ правонарушеній, какъ на до насъ не касающееся дѣло.

Жизнь наша положительно свидѣтельствуетъ, что официальные лица и учрежденія не въ состояніи всегда и вездѣ оградить общество въ его правовыхъ интересахъ ¹⁾. Поэтому, при многихъ правонарушенияхъ, отдѣльное лицо, не имѣя личнаго права преслѣдованія, обречено къ молчаливому негодованію. Правда, каждый можетъ доносить о замѣченномъ правонарушеніи. Но доносъ, имѣющій цѣлью вызвать судебное преслѣдованіе, не такъ легко осуществляется въ жизни. Не одинъ гражданинъ остановится предъ этимъ средствомъ обнаруженія беззаконія, когда само преслѣдованіе не будетъ находиться въ его волѣ, въ его рукахъ ²⁾.

Въ виду возможной безрезультатности доноса, возмущенное правовое чувство ищетъ нерѣдко выхода въ публичномъ заявленіи о беззаконіи. Но такое заявленіе можетъ имѣть весьма печальныя послѣдствія для его автора. Послѣдній долженъ быть готовымъ понести наказаніе за диффамачію; получить эту единственную награду за гражданское свое мужество ³⁾. При общемъ же правѣ обвиненія устранились бы, во множествѣ случаевъ, неудобства, соединенныя съ произвольнымъ выборомъ между обвиненіемъ въ диффамачіи или въ клеветѣ. Другаго пути къ устраненію процессовъ о диффамачіи въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый въ беззаконіяхъ явно избѣгаетъ вопросовъ по существу клеветы, и, сажая обвинителя въ тюрьму, оскорбляетъ чувство справедливости,— едва ли можно будетъ указать.

¹⁾ Въ новѣйшемъ проектѣ устава объ опекахъ и попечительствахъ не разъ проскальзываетъ сознаніе въ полезности надзора всѣхъ и каждого за интересами подопечныхъ. См. напр. ст. 133, 197.

²⁾ Мы не говоримъ объ анонимныхъ доносахъ; въ законѣ совершенно основательно постановлено, что „безименные пасквили и подметныя письма не составляютъ законнаго повода къ началу слѣдствія“. Уст. угол. суд. ст. 300.

³⁾ Еще памятенъ тотъ случай, когда одинъ изъ обывателей г. Б. публично обвинялъ городского голову во взяточничествѣ и вымогательствахъ. Голова уклонился отъ преслѣдованія за клевету и мужественный гражданинъ попалъ въ тюрьму за диффамачію.

Вопросъ объ общемъ правѣ обвиненія и иска возбуждается, главнымъ образомъ, лишь затрудненія со стороны его приложенія въ жизни.

Одно право каждого частнаго лица преслѣдовать правонарушенія недостаточно для успѣшной борьбы со зломъ. Какъ показалъ опытъ, обвиненіе должно быть дѣломъ организованнымъ; при этомъ только условія оно будетъ всегда и должнымъ образомъ противодѣйствовать правонарушеніямъ. Поэтому единственно правильной должно признавать такую организацію обвинительнаго начала, по которой, рядомъ съ правомъ каждого гражданина обвинять и преслѣдовать по правонарушеніямъ, будутъ существовать особые должностныя лица, обязанныя слѣдить, чтобы правонарушенія не оставались безъ преслѣдованія.

Уже въ Римѣ разныя должностныя лица (квесторы, эдилы, трибуны) могли предъявлять обвиненія въ народныхъ собраніяхъ, а другія (*duumviri perducllionis, quaestores parricidii* и др.), такъ и разслѣдывать и наказывать за опредѣленныя преступленія. Но этимъ нисколько не наносился ущербъ праву каждого гражданина предъявлять съ своей стороны всевозможныя обвиненія.

Въ Римѣ каждый гражданинъ съ опредѣленнымъ цензомъ могъ обвинять на судѣ и этимъ правомъ пользовались, въ республиканскія времена, весьма широко. Съ обвинительныхъ рѣчей начиналось поприще всѣхъ великихъ римскихъ ораторовъ, какъ государственныхъ дѣятелей.

Также и въ Англіи всегда въ помощь народному праву обвиненія выступало государство, но также никогда тамъ обвиненіе, предъявляемое оффиціальнымъ лицомъ, не лишало права гражданина выступать съ обвиненіемъ по тому же дѣлу. Такъ было, напр., при обвиненіяхъ генераль-атторнеемъ. Въ настоящее время, а именно по закону 3 іюля 1879 года ¹⁾, въ Англіи учреждены должности такъ называемаго директора публичнаго преслѣдованія (*director of public prosecution*)

¹⁾ Prosecution of offences act (42 and 43 Vict. ch. 22). См. *Вульфертъ*, Но-
2*

и его помощниковъ (assistants, числомъ шесть), какъ постоянныхъ органовъ публичнаго преслѣдованія. Обязанности данной дирекціи сводятся въ законѣ къ возбужденію и про-веденію уголовнаго преслѣдованія, а также къ содѣйствію другимъ должностнымъ лицамъ и просто гражданамъ по поводу вчиненныхъ ими обвиненій. Но опять учрежденіе дирекціи ни въ чемъ не умаляетъ общее право каждаго гражданина выступать съ преслѣдованіемъ правонарушеній (ст. 6 и 7 закона). Частному лицу предоставляется только, въ случаяхъ совмѣстной дѣятельности дирекціи по одному и тому же дѣлу, отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ преслѣдованіи, и во всякомъ случаѣ дирекція, вступившая въ дѣло, начатое частнымъ лицомъ, замѣняетъ послѣдняго въ роли обвинителя. Съ другой стороны, въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиненіе покинуто частнымъ лицомъ, суды обязаны передать всѣ акты по нему дирекціи, которая и поднимаетъ дѣло, оказавшееся безъ обвинителя. Затѣмъ, если и дирекція отступаетъ отъ дѣла или будетъ вести его безъ надлежащей рачительности, то частное лицо можетъ принести на это жалобу (affidavit) въ верховный судъ, который опредѣляетъ дальнѣйшее преслѣдованіе дирекціей или частнымъ лицомъ. Такимъ образомъ, государственный представитель обвиненія, по новому закону, не только не умаляетъ общенароднаго права преслѣдованія преступленій, но является какъ бы въ роли вспомогательной, на ряду съ частными лицами ¹⁾, и въ этомъ его значеніи, какъ свѣдущій дѣятель, онъ можетъ принести лишь одну пользу для дѣла правосудія.

При такихъ условіяхъ общее право обвиненія могло бы быть признано и у насъ. При этомъ, конечно, слѣдуетъ ожидать, что дѣйствительное примѣненіе общаго права обвиненія и иска, какъ дѣло непривычное у насъ, на первое время будетъ, по всей вѣроятности, весьма рѣдкимъ. Но ошибочно

вый англійскій законъ о государственныхъ обвинителяхъ 3 іюля 1879 года (въ Журн. гражд. и угол. права 1880 г. кн. I стр. 115—129).

¹⁾ *Муравьевъ*, Прокуратура стр. 232, 233.

ставить вопросъ о своевременности такого права въ зависимость отъ наличнаго чувства общественности и отъ развитія публичной жизни. Конечно, будучи единственной формой преслѣдованія правонарушеній, общее право обвиненія и иска обеспечиваетъ правовой порядокъ только подъ условіемъ сильно развитой общественности. Указаніемъ на это служитъ Англія, въ которой для цѣлей преслѣдованія правонарушеній существуетъ, какъ показано выше, множество частныхъ обществъ, поставляющихъ обвинителей. Но съ другой стороны, если частное обвиненіе поставлено рядомъ съ обвиненіемъ официальныхъ лицъ, то недостатокъ въ народѣ чувства общественности можетъ повести, на первое время, лишь къ слабому приложенію перваго, но не причинитъ какихъ либо дурныхъ послѣдствій въ дѣлѣ правосудія, сравнительно съ теперешнимъ его положеніемъ. Во всякомъ же случаѣ право охранять правовой порядокъ, предоставленное каждому гражданину, должно способствовать развитію этого чувства общественности, а также развитію правоваго чувства, и тѣмъ, какъ надѣмся, должно способствовать укрѣпленію самаго правоваго порядка, въ которомъ, нужно сознаться, мы значительно стоимъ позади другихъ европейскихъ народовъ. Право преслѣдовать правонарушенія, какъ дѣло уже личное каждаго гражданина, можетъ, въ концѣ концовъ, и у насъ вызвать съ этою цѣлью образованіе частныхъ союзовъ, а отъ этого правовой порядокъ только выиграетъ въ своей крѣпости.

Другое дѣло—тѣ затрудненія, съ которыми придется считаться частному лицу въ обвинительной дѣятельности по частному случаю. Тутъ слѣдуетъ разграничивать отдѣльные виды правъ, по которымъ произошло правонарушеніе. Этимъ разграниченіемъ опредѣлится, въ общемъ, и сама область примѣненія общаго права обвиненія и иска.

Всего затруднительнѣе приложеніе общаго права обвиненія въ уголовныхъ преступленіяхъ. Примѣнимость этого права зависитъ не только отъ тѣхъ или иныхъ социальныхъ условій, но и отъ опредѣленной процессуальной формы

изслѣдованія данныхъ правонарушеній. Слѣдственностъ уголовного процесса можетъ превышать силы и опытностъ частнаго лица, а въ силу этого самый исходъ процесса, съ его высокимъ общимъ интересомъ, будетъ поставленъ въ зависимость отъ большихъ случайностей. Но изъ этого слѣдуетъ лишь тотъ выводъ, что направленіе обвиненія и руководство производствомъ всего цѣлесообразнѣе предоставить официальнымъ органамъ суда; за частнымъ же лицомъ оставить право возбуждать преслѣдованіе и содѣйствовать суду въ раскрытіи его. И въ самой Англіи положеніе обвинителя вообще, отличается отъ положенія свидѣтеля только по формѣ, а не по существу; онъ собственно свидѣтель, а не обвинитель въ техническомъ смыслѣ этого слова ¹⁾.

Затѣмъ, общее право преслѣдованія должно быть допущено и по частнымъ правонарушениямъ, которыя такъ или иначе затрогиваютъ интересъ общественный ²⁾. Римскіе народныя иски существовали для всѣхъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ коллективная единица была заинтересована въ охранѣ права ³⁾. Право на вчинаніе иска принадлежало каждому гражданину (*civis ex populo*) только въ тѣхъ случаяхъ, когда преслѣдовалась неправда, причиненная народу ⁴⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ происхожденія, главнымъ образомъ ⁵⁾, преторскаго ⁶⁾ и по правонарушениямъ, непредусмотрѣннымъ въ законѣ, народныя иски не могли получить значеніе публичнаго обвиненія (*publica accusatio*), а были простыми исками, вчиняемыми предъ обыкновеннымъ же магистратомъ. Изъ этого, прежде всего, слѣдуетъ, что по интересамъ чисто частнаго характера, незатрогивающимъ общезначеніе, народныя иски допущены быть не могутъ, какъ напр. при нарушеніи

¹⁾ Büttmann, Strafr., p. 7.

²⁾ Знаменательно сознание въ министерствѣ юстиціи необходимости ограничить число преступныхъ дѣяній, наказуемыхъ которыхъ можетъ быть погашена примиреніемъ. См. въ Судебн. Газ. 1892 г № 44, стр. 2, 3.

³⁾ Brugi, cit., p. 444.

⁴⁾ Brinz, Pandekt. 2 Aufl. § 86.

⁵⁾ Codacci-Pisanelli, cit., p. 351.

⁶⁾ § 12 J. 4, 6.

договора. Случай, въ которыхъ примѣнялись римскіе народные иски, занимаютъ среднее мѣсто между правонарушеніями частными и публичными (*crimina publica*) ¹⁾. Производство, въ которомъ осуществлялся народный искъ, не было публичнымъ ²⁾; оно даже не могло быть такимъ уже потому, что было производствомъ по иску, а не по публичному обвиненію ³⁾. Но такъ какъ народный искъ былъ открытъ всѣмъ и каждому и, какъ таковой, не былъ направленъ на признаніе частнаго права истца, т. е. не былъ отмѣченъ признакомъ индивидуальнаго права, то въ природѣ его нельзя не признать публичнаго элемента ⁴⁾, т. е. рядомъ съ искомъ и обвиненіемъ. Отсюда въ самой строгой римской системѣ народные иски занимаютъ среднее положеніе между частными и публичными исками. Въ силу публичной стороны правонарушения, лежащаго въ основѣ народнаго иска, для современнаго законодательства нѣтъ основанія къ тому, чтобы не удержать за истцомъ право выбора между гражданскимъ и уголовнымъ порядкомъ производства, какъ это принято въ Англіи ⁵⁾. Если же истецъ остановится на гражданскомъ народномъ искѣ, то послѣдній можетъ вести или къ пенальнымъ, штрафнымъ послѣдствіямъ, т. е. къ присужденію денежнаго штрафа, или къ возстановленію прежняго правоваго состоянія, имѣющаго общественное значеніе, но никоимъ образомъ не къ присужденію чего либо непосредственно заинтересованному субъекту права. Въ Римѣ, кромѣ народныхъ исковъ, направленныхъ на штрафъ (*actiones poenalis*) были еще такіа, открытыя всѣмъ, судебныя средства, которыми охранялось извѣстное правовое состояніе безъ

¹⁾ Walter, Geschichte 3. röm. Rechts, B. II, p. 764. Въ этомъ отношеніи народные иски имѣютъ сходство съ тѣми исками, которые вѣчаются въ Англіи по такъ назыв. misdemeanors.

²⁾ L. 1 D. public. judic. 48, 1. См. Mommsen, Röm. Staatsr., 3 Aufl., Bd. 1, p. 182.

³⁾ Pr. J. 4, 18.

⁴⁾ Отсюда нѣрѣдко въ источникахъ эти иски обозначаются какъ *actiones publicae*.

⁵⁾ Стифенъ, cit., стр. 111, 438.

штрафныхъ послѣдствій, а именно: иски гражданина на ограждение публичныхъ вещей, предназначенныхъ для общаго употребленія. Напр., такими были иски о застройкѣ (*operis novituntatio juris publici tuendi gratia*) ¹⁾ и всѣ *interdicta popularia*. Послѣднія средства, по строгому римскому взгляду, не относились къ народнымъ искамъ, подъ которыми разумѣлись судебныя средства только пенальнаго характера ²⁾; поэтому въ наукѣ нерѣдко *interdicta popularia* исключаютъ изъ системы народныхъ исковъ ³⁾. Но этотъ признакъ не измѣняетъ общаго характера всѣхъ упомянутыхъ разрядовъ судебныхъ средствъ, ибо при всѣхъ ихъ рѣчь идетъ объ удовлетвореніи положительному праву, а это удовлетвореніе въ однихъ случаяхъ мыслимо только въ формѣ штрафа, а въ другихъ — въ установленіи извѣстнаго состоянія.

Когда народный искъ направленъ на штрафъ, возбуждается вопросъ объ участіи истца въ присужденной суммѣ. Народный искъ вытекаетъ изъ права, не принадлежащаго самому истцу, а поэтому ему не должно причитываться что либо изъ присужденной суммы. Другое дѣло, должно ли само предьявленіе народнаго иска обезпечивать видомъ на имущественную отъ него выгоду, или предоставить это чистому патріотизму? Высказываясь въ первомъ смыслѣ, слѣдуетъ опредѣлить, должна ли вся взысканная сумма оставаться истцу, или онъ можетъ получить только часть ея?

Въ римскихъ источникахъ по данному вопросу имѣются самыя разнообразныя указанія ⁴⁾. По нѣкоторымъ изъ нихъ истецъ ничего не получалъ изъ присужденной суммы; по многимъ же отдѣльнымъ искамъ онъ получалъ всю выигранную сумму; наконецъ, по другимъ, ему причиталась, въ качествѣ награды (*praemii nomine*), половина присужденнаго, а

¹⁾ L. 3 § 4; L. 4 D. 39, 1.

²⁾ См. L. 32 D. 35, 2.

³⁾ Paalzow, cit., p. 10—13.

⁴⁾ Приведены у Paalzow cit. p. 23—28.—Codacci-Pisanelli, cit., p. 335—344.

остальная половина шла въ казну (*aerarium*). Отсюда и раз-
ногласіе въ наукѣ ¹⁾).

Съ общей теоретической точки зрѣнія истецъ по народ-
ному иску, въ качествѣ представителя государства, вообще
не можетъ разсчитывать на какую бы то ни было долю изъ
присужденнаго по иску; но всегда цѣлесообразно поощрять
предъявленіе народныхъ исковъ наградой изъ присужденной
суммы. Въ Англіи такъ и смотрятъ на это, предоставляя
изъ присужденныхъ штрафныхъ денегъ часть истцу и обра-
щая остальное въ казну. По отношенію къ этой долѣ истецъ
можетъ быть разсматриваемъ какъ *procurator in rem suam*, т. е.
какъ представитель, но въ собственномъ интересѣ ²⁾). По
лицамъ, противъ которыхъ должно быть допущено общее
право обвиненія и иска, оно, прежде всего, конечно, прило-
жимо противъ частныхъ лицъ, правонарушителей. Но затѣмъ
положительно слѣдуетъ допустить общее право возбуждать
преслѣдованіе противъ должностныхъ лицъ по должност-
нымъ же ихъ правонарушеніямъ. Примѣръ тому даетъ уже
римская жизнь. Не говоря уже о республиканскихъ време-
нахъ, такой надзоръ за дѣятельностью должностныхъ лицъ,
въ томъ числѣ и за судьями, мы встрѣчаемъ въ самыя позд-
нѣйшія времена имперіи, въ лицѣ такъ называемыхъ защит-
никовъ общины (*defensores civitatum*) ³⁾). Не въ этомъ ли ос-
нова той высокой степени честности, какую представля-
ютъ, въ общемъ, своею дѣятельностью римскія должностныя
лица? За самыя даже послѣднія времена упадка Рима, эта
честность судей и администраторовъ приводила въ восторгъ
такихъ изслѣдователей, какъ Гиббонъ. Не этому ли надзору
общества слѣдуетъ приписать и то, что изъ Англіи весьма
рѣдко, сравнительно съ континентомъ, доносятся извѣстія о
беззаконіяхъ, совершаемыхъ должностными лицами.

¹⁾ За поступленіе штрафныхъ денегъ истцу—напр., *Ihering. Geist* 1 Aufl. 4, p. 201 sq., *Bruns, cit.*, p. 362, государству—напр. *Mommsen, Staatsrecht*, 3 Aufl. Bd. 1, p. 463.

²⁾ *Paalzow, cit.*, p. 16.

³⁾ *Cod. 1, 55 de defens. civitatum; Novell XV Praefat.*

Нашъ уставъ гражданскаго судопроизводства допускаетъ искъ потерпѣвшаго къ должностнымъ лицамъ за вредъ и убытки, причиненные этими послѣдними по должности ¹⁾). По какому же основанію отказывать въ подобномъ искѣ всякому другому гражданину въ случаяхъ вреда и убытковъ, причиняемыхъ должностными лицами не отдѣльному члену обществія, а самому учрежденію, должности, иначе—самому обществу? Особенно настоятельно требуетъ такого общественнаго надзора народное хозяйство, открывающее поле самымъ разнообразнымъ злоупотребленіямъ завѣдующихъ имъ лицъ (по акцизу, таможнякъ, путямъ сообщенія, городскому управленію и т. д.). Такое право каждаго преслѣдовать правонарушенія должностныхъ лицъ окажетъ существенную услугу правительству, которое, въ настоящее время, открываетъ злоупотребленія часто лишь совершенно случайно и послѣ долгой ихъ практики ²⁾); а сколько вопіющей неправды и вовсе не доходитъ до свѣдѣнія того, кому то вѣдать надлежитъ? Мы убѣждены, что одно развитіе гласности (многіе періодическіе органы предлагали это средство противъ зла) не въ силахъ сдержать должностныхъ лицъ въ предѣлахъ закона и интересовъ дѣла. Намъ кажется, что только страхъ передъ судебнымъ изобличеніемъ и отвѣтомъ въ состояніи заставить многихъ должностныхъ органовъ относиться съ уваженіемъ къ закону и закономѣрнымъ начальственнымъ распоряженіямъ.

Въ этомъ общемъ правѣ привлекать должностныхъ лицъ къ отвѣту нельзя видѣть вторженія частныхъ лицъ въ управленія государственной власти. Тутъ рѣчь идетъ только о соблюденіи закона и ни о чемъ иномъ. Разъ же правительство заинтересовано въ такомъ соблюденіи, то оно не имѣетъ основанія отказываться отъ содѣйствія даже частныхъ лицъ въ надзорѣ за исполненіемъ долга его органами.

¹⁾ Устава гражданскаго судопроизводства ст. 1316—1336.

²⁾ Вспомнимъ, хотя бы наприимѣръ, недавнее распоряженіе г. управляющаго министерствомъ путей сообщенія по поводу путейскаго хозяйства въ моголевскомъ округѣ.

Примѣръ Рима указываетъ, что право обвиненія администраторовъ и судей частными лицами никогда не затрогивало самой должностной дѣятельности этихъ лицъ.

Въ новѣйшее время чаще и чаще возбуждается вопросъ объ общемъ правѣ преслѣдованія правонарушеній. Но почти исключительно ограничиваютъ предметъ разсужденій одними народными исками.

Вопросъ о народныхъ искахъ затрогивался на съѣздѣ германскихъ юристовъ въ 1860 году. Затѣмъ, въ Италіи, за послѣднее время сказывается сильное стремленіе къ возрожденію народныхъ исковъ; въ литературѣ выражается мнѣніе за самое широкое введеніе этихъ исковъ въ современномъ правѣ ¹⁾, причемъ, правда, въ основу этой пропаганды ставятъ иногда разсужденія, ничего не приносящія къ разрѣшенію даннаго вопроса, какъ это уже указано выше, а именно—разсужденія о политической свободѣ. Въ Италіи желаютъ ввести народные иски въ область администраціи и, притомъ, въ двухъ формахъ: взаимнѣ охраны правъ административною властью и въ формѣ защиты объективнаго права противъ администраціи. Въ этомъ смыслѣ сдѣлана была даже законодательная попытка. Такъ, въ 1881 году было внесено въ итальянскій парламентъ предложеніе о томъ, чтобы поставить благотворительныя учрежденія подъ надзоръ народа, создавъ для того цѣлый рядъ народныхъ исковъ ²⁾. Въ нихъ видятъ лучшую гарантію интересовъ бѣднаго и лучшее выраженіе той филантропической цѣли, которая призываетъ каждаго принимать на себя защиту слабыхъ и угнетенныхъ. Дѣйствительно, нельзя иначе смотрѣть на благотворительныя учрежденія, какъ на народныя дѣла. Итальянскій докладъ ³⁾ совершенно правильно возводитъ въ собственники данныхъ имуществъ самый народъ: онъ непосредственно заинтересованъ въ опекѣ этихъ учрежденій и, потому,

¹⁾ Смотри напр. Scialoja, въ Archivio giurid. v. 27.

²⁾ Biagio Brugi, L'azione popolare romana in materia di opere pie (въ Archivio giurid., 27, p. 440—446).

³⁾ Relazion, p. 45.

странно было бы заинтересованнаго лишать права прямого преслѣдованія дѣйствій, нарушающихъ, своимъ беззаконіемъ, основное назначеніе данныхъ учреждений.

Тоже можно сказать вообще о всѣхъ полицейскихъ правонарушеніяхъ. Во имя какихъ высшихъ правовыхъ соображеній гражданинъ долженъ быть обреченъ на молчаливое негодование, безъ личнаго права преслѣдованія въ случаяхъ замѣченнаго нарушенія санитарныхъ правилъ (грязь помѣщеній, порченная провизія на рынкѣ) дорожныхъ правилъ (дурное содержаніе дорогъ, мостовъ), законовъ сельскаго хозяйства (истребленіе лѣсовъ), строительныхъ правилъ (опасная постройка домовъ, опасное состояніе балконовъ) и т. д., и т. д.

Общее право преслѣдованія въ полицейскихъ проступкахъ имѣетъ большое значеніе уже потому, что въ этихъ случаяхъ, чаще чѣмъ при другихъ правонарушеніяхъ, непосредственно заинтересованное частное лицо оставляетъ дѣло безъ преслѣдованія и такимъ образомъ зло, причиняемое посредствомъ другимъ гражданамъ, остается неустраненнымъ. Поэтому англичане вполне справедливо придаютъ особенную важность примѣненію народныхъ исковъ при полицейскихъ проступкахъ, и нельзя не признавать преимущества английской полицейской юстиціи, по сравненію съ бюрократизмомъ нашей полиціи ¹⁾. Нельзя сомнѣваться въ дѣйствительности надзора общества даже въ формѣ одного гласнаго обсужденія полицейскихъ неустройствъ и донесенія о нихъ; тѣмъ болѣе было бы дѣйствительно общее право преслѣдовать полицейскія правонарушенія.

У римлянъ народные иски примѣнялись также главнымъ образомъ въ области полицейскихъ правонарушеній; поэтому Савиній опредѣляетъ ихъ какъ разрядъ полицейскихъ исковъ съ народнымъ представительствомъ. Такъ, римляне поставили подъ охрану общества публичные пути, сухопутные и рѣчные. Съ этою цѣлью они установили цѣлую массу народ-

¹⁾ Bruns, cit., p. 375.

ныхъ исковъ: по незаконному бездѣйствию на пути, по разрушенію того, что было сдѣлано незаконнаго на нихъ, по всякимъ препятствіямъ въ поправѣ дорогъ, пользованію ими, по измѣненію теченія воды въ рѣкахъ. Затѣмъ, каждый гражданинъ имѣлъ право судебнымъ порядкомъ оградить людскія поселенія отъ заражающихъ вліяній; таковы иски по снесенію работъ, вредящихъ правильному дѣйствию публичныхъ влоакъ, иски по неумѣстному погребенію и т. п. Существовали народныя иски по поводу вреда, который могъ быть нанесенъ или былъ уже нанесенъ на публичномъ мѣстѣ; таковы иски о выставленномъ или вывѣшенномъ, о выброшенномъ или вылитомъ на прохожей дорогѣ, о животныхъ и т. д. Идя далѣе, римское право разрѣшаетъ каждому гражданину искать на лицѣ, оскорбившемъ религіозное или вообще нравственное чувство, хотя бы самъ непосредственно потерпѣвшій не предъявлялъ претензіи. Такъ, сюда относились, напр., иски объ оскверненіи могилъ, иски о деньгахъ, вѣмъ либо потерянныхъ въ игрѣ. Наконецъ, подъ охрану общества были поставлены всѣ нуждающіяся въ защитѣ лица ¹⁾, какъ подопечныя. Такъ, каждому гражданину разрѣшался искъ противъ подозрительнаго опекуна или противъ недобросовѣстнаго контрагента несовершеннолѣтняго лица. Къ нуждающимся въ охранѣ общества были причислены и благотворительныя учрежденія. Такъ напр., былъ установленъ народный искъ по отказамъ въ пользу благотворительныхъ учрежденій и т. д., и т. д.

По вопросу о теоретической сущности народнаго иска можно допустить только двѣ точки зрѣнія. Народный искъ можетъ быть предъявляемъ или на основѣ собственнаго права истца, или истецъ выступаетъ въ качествѣ представителя народа; по послѣднему взгляду народныя иски имѣютъ такъ называемый прокураторный характеръ. Разница между исками гражданина, предъявляемыми отъ имени государства — и отъ своего имени, но только въ интересѣ государства, весьма существенная.

¹⁾ Смотри Ihering, Geist d. heut. röm., R. Th. 3, 1 Ann. 100 a, p. 111 sq.

Первое можно было бы допустить, если бы государство и совокупность гражданъ были бы однимъ и тѣмъ же. Тутъ народный искъ вытекалъ бы изъ собственного права истца, напр., на пользованіе общественными вещами. За такой взглядъ на древнее римское государство и соотвѣтствующій на народные иски высказываются многіе ученые. Они основываются на семейно-родовыхъ признакахъ древне-римскаго государства, откуда родичи (*gentiles*) считались участниками въ собственности на общественныя вещи (*res publica*). Отсюда мнѣніе, что народный искъ принадлежалъ въ Римѣ частному лицу, ради его самого, *quod populari causa sibi debetur*¹⁾ Истецъ въ народномъ искѣ, по этому воззрѣнію, дѣйствуетъ не въ качествѣ представителя государства, а какъ членъ всего гражданства. Онъ осуществляетъ свое собственное право, хотя и непринадлежащее ему исключительно.

Но уже для Рима такое понятіе государства, какъ простой совокупности гражданъ, согласно вышесказанному, представляется невѣроятнымъ, по крайней мѣрѣ для временъ историческихъ. Этимъ объясняется масса указаній на прокураторный характеръ народныхъ исковъ²⁾. Такъ, общимъ началомъ римскаго права не допускалось добровольное представительство, но для исковъ за народъ (*pro populo*) дѣлалось исключеніе. Затѣмъ лица, которыя вообще не могли быть прокураторами, какъ то: лишенные гражданской чести женщины и несовершеннолѣтніе, не могли предъявлять и народныхъ исковъ. Были многія и другія указанія за прокураторный характеръ народныхъ исковъ³⁾.

Подавно въ современномъ государствѣ народный искъ, предъявляемый въ охрану объективнаго права, а не въ собственномъ интересѣ истца, можетъ носить лишь прокураторный характеръ. Отсюда и соотвѣтствующія послѣдствія народнаго иска.

¹⁾ Bruns, cit., p. 362, 366—369; Ihering, Geist, 1 Aufl., 4, p. 201 sq.

²⁾ Такого мнѣнія держатся, напр., Voigt, XII; Tafeln, Bd. 1, p. 512 sq.; Brinz, Pandekten, 2 Aufl. § 86.

³⁾ Смотри у Paalzo w, cit., p. 21—23; Codacci-Pisanelli, cit., p. 330—333.

Остается рѣшить вопросъ: въ какое отношеніе должно быть поставлено право каждаго на предъявленіе народнаго иска къ исковому праву потерпѣвшаго?

Со стороны частнаго элемента правонарушенія несомнѣнно, что преимущественное предъ всѣми право на предъявленіе иска должно быть предоставлено самому потерпѣвшему, который въ то же время будетъ и всего способнѣе провести данный искъ ¹⁾. Въ Римѣ, по народному иску истецъ избирался преторомъ, причемъ предпочтеніе отдавалось ближе заинтересованнымъ въ дѣлѣ ²⁾, хотя бы то были женщины или несовершеннолѣтнія лица ³⁾. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда самъ потерпѣвшій откажется отъ преслѣдованія, или отступится отъ иска, то, въ силу публичнаго элемента даннаго правонарушенія, такой отказъ не можетъ служить препятствіемъ къ предъявленію народнаго иска всякимъ другимъ лицомъ.

Понятно, что вмѣстѣ съ потерпѣвшимъ преимущественное предъ другими право преслѣдованія данныхъ правонарушений, какъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, должно быть предоставлено представителямъ государственной власти. Последняя является какъ бы непосредственно заинтересованной въ дѣлѣ, въ силу публичнаго его элемента и, конечно, обезпечиваетъ лучшее проведеніе иска, чѣмъ постороннее частное лицо. Только при отказѣ публичныхъ органовъ вступаться въ дѣло, оно можетъ быть начато постороннимъ частнымъ лицомъ. Въ Римѣ, по нѣкоторымъ подобнымъ дѣламъ, находили необходимымъ вовсе устранить частныхъ лицъ отъ преслѣдованія, предоставивъ эту заботу исключительно магистратурѣ, какъ напримѣръ по благоустройству городскихъ путей ⁴⁾, тогда какъ охрана сельскихъ путей составляла заботу всякаго гражданина.

¹⁾ Rüttimann, Strafr., p. 8.

²⁾ Смотри, напримѣръ, при *actio sepulcri violati*, L. 3 pr. D. 47, 12.

³⁾ L. 2 D. 47, 23; L. 3 § 1 D. 47, 23; L. 16 D. 48, 2; L. 6 D. 47, 23; L. 1 L. 11 pr. D. 48, 2.

⁴⁾ ... *parum enim cura pertinet ad magistratus*, L. 2 § 24 D. 43, 8.

Затѣмъ, изъ нѣсколькихъ постороннихъ лицъ, вчиняющихъ народный искъ, право на роль истца должно опредѣляться по старшинству предъявленія иска въ судъ.

Теперь спрашивается: насколько народный искъ, предъявленный въ гражданскомъ порядкѣ, переходитъ по преемству къ наслѣдникамъ истца и отвѣтчика?

Обращая вниманіе на гражданскій характеръ народныхъ исковъ, римскіе юристы допускали преемственность ихъ не только на сторонѣ истца, но и на сторонѣ отвѣтчика. Но съ другой стороны, публичный характеръ иска, выражающійся въ штрафѣ, заставлялъ отказываться отъ пассивной преемственности народнаго иска. Отсюда колебанія и противорѣчія въ римскихъ источникахъ о преемственности народныхъ исковъ. Объясняется это тѣмъ, что римляне не знали двухъ порядковъ—гражданскаго и уголовнаго—для данныхъ исковъ; у нихъ производство по народнымъ искамъ было всегда гражданскимъ. Въ современномъ мірѣ уголовное производство исключаетъ преемство на обѣихъ сторонахъ, гражданское производство ведетъ къ преемственности исковаго права только отъ истца къ наслѣдникамъ; карательный же характеръ взысканія и при этомъ порядкѣ долженъ отклонять всякую преемственность въ отвѣтѣ.

Остается сказать, что разъ вчиненный народный искъ уже никѣмъ другимъ повторять быть не можетъ, ибо нѣтъ основанія дѣлать для данныхъ исковъ изъятіе изъ общаго правила, что дважды объ одномъ и томъ же дѣлѣ не можетъ быть иска. Такъ это было признано въ римскомъ правѣ, такъ это признается теперь и въ Англіи.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о погасительной давности для народныхъ исковъ. Въ римскомъ правѣ эти иски были ограничены срокомъ одного года. Мы же полагаемъ только, что народные иски, по самому существу своему, не могутъ быть безсрочными; но засимъ, срокъ давности для отдѣльныхъ разрядовъ народныхъ исковъ опредѣлится существомъ того публичнаго интереса, который ими осуществляется.

Д. Азаревичъ.

ГРАЖДАНСКІЙ ПРОЦЕССЪ ВЪ ПРИВАЛТІЙСКИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ МѢСТНАГО ЮРИСТА.

Послѣ того какъ я написалъ статьи о гражданскомъ и торговомъ правѣ въ Остзейскихъ губерніяхъ, я рѣшился не возвращаться болѣе къ занятіямъ по прибалтійскому праву; но очевидно, что самыя искреннія намѣренія существуютъ только для того, чтобы быть нарушенными при первомъ удобномъ случаѣ. Такъ случилось, по крайней мѣрѣ, со мною; прочелъ я въ какой-то нѣмецкой газетѣ, что вышла прекрасная книга о прибалтійскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ, взялся за эту книгу, — и не могъ удержаться отъ искушенія вновь побесѣдовать съ читателями журнала о правѣ нашихъ прибалтійскихъ окраинъ. Сочиненіе, которое произвело такое разрушающее вліяніе на мои благія намѣренія—недавно издано подъ заглавіемъ „Der baltische Civilprocesz nach der Justizreform vom Jahre 1889 g. systematisch dargestellt von Mag. Ing. Th. von Bunge ¹⁾“, т. е. „Прибалтійское гражданское судопроизводство послѣ судебной реформы 1889 г., систематически изложено магистромъ правъ Ф. фонъ-Бунге ²⁾“.

¹⁾ Авторъ—сынъ извѣстнаго прибалтійскаго юриста Бунге.

²⁾ Слова: nach der Justizreform можно передать и „по судебной реформѣ“ и „на основаніи судебной реформы“, но мнѣ кажется, что слово „послѣ“ вѣрнѣе передаетъ намѣреніе автора.

I.

Когда я прочелъ объявленіе объ означенной книгѣ, я почувствовалъ нѣкоторое огорченіе, что она написана на нѣмецкомъ языкѣ. Такъ какъ судебный языкъ въ Прибалтійскомъ краѣ — русскій, то для мѣстныхъ юристовъ, которые при пользованіи имъ, несомнѣнно, встрѣтятъ не одно затрудненіе, было бы полезнѣе, если бы юридическая литература, которую они изучаютъ, была написана на томъ самомъ языкѣ, на которомъ происходятъ ихъ практическія занятія. Затѣмъ, книга была бы доступнѣе и русскимъ юристамъ, для которыхъ, разумѣется, всякое серьезное сочиненіе о балтійскомъ процессѣ будетъ весьма полезно. Авторъ въ своихъ предисловіяхъ ¹⁾ объясняетъ, почему сочиненіе написано по нѣмецки, и между прочимъ поводомъ (mit ein Grund) къ употребленію нѣмецкаго языка, сказано въ 1 предисловіи: „было для меня то обстоятельство, что нѣмецкія, позаимствованныя отчасти изъ римскаго права, техническія выраженія, означаютъ опредѣленные понятія, между тѣмъ какъ въ русскомъ языкѣ для нѣкоторыхъ изъ нихъ вовсе нѣтъ выраженій; для другихъ же не образовалось еще твердой, опредѣленной терминологіи“; другихъ причинъ не приводится. Впрочемъ, авторъ тамъ же прибавляетъ, что въ будущемъ русскомъ изданіи его труда установить русскую терминологію будетъ легче, потому что въ немъ не будутъ приведены нынѣ отмѣненные постановленія прежняго права (das aus dem fruehen Rechte Fortgefallene keine Berucksichtigung finden soll), или, какъ сказано во 2 предисловіи, провинціальное право отойдетъ на задній планъ, хотя оно и будетъ указано и изложено, насколько можетъ служить дополненіемъ и разъясненіемъ общаго имперскаго права.

Такимъ образомъ, изъ самыхъ словъ автора видно, что нѣмецкое изданіе, по содержанію и плану своему, должно

¹⁾ Въ разбираемомъ сочиненіи имѣются два предисловія—въ 1 и во 2 томѣ; для сокращенія я буду ихъ называть 1 и 2 предисловіемъ.

отличаться отъ будущаго русскаго, причемъ разница будетъ заключаться въ сокращеніи для послѣдняго матеріала, заимствованнаго изъ провинціальнаго права. Не скрою, что цѣль и намѣренія автора по этому вопросу для меня не ясны. Извѣстно, что русскіе юристы, назначенные въ Прибалтійскій край, также мало практически знакомы съ мѣстнымъ матеріальнымъ правомъ и прежнимъ процессомъ, какъ балтійскіе юристы съ уставомъ гражданскаго судопроизводства. Слѣдовательно, для нихъ именно важно систематическое изложеніе устава, въ связи съ тѣми правилами мѣстнаго права, коими вызваны постановленныя въ Положен. о прим. исключительныя процессуальныя правила для Прибалтійскихъ губерній; излишнія подробности, какъ историческія, такъ и догматическія, вредить дѣлу не могутъ; они для русскаго юриста даже болѣе необходимы, чѣмъ для мѣстнаго. Поэтому, слѣдовало бы ожидать и желать, чтобы авторъ въ русскомъ изданіи далъ полное и основательное изложеніе всего необходимаго, не отодвигая мѣстное право на задній планъ. Можетъ быть это и есть намѣреніе его; но въ чемъ тогда заключается тотъ plus, который онъ предлагаетъ нѣмецкимъ читателямъ; въ однихъ ли отмѣненныхъ постановленіяхъ прежняго права? Но какимъ образомъ и почему говорить въ систематическомъ изложеніи *дѣйствующаго* права о подробностяхъ отмѣненнаго порядка? Подробности эти могутъ быть очень интересны съ исторической точки зрѣнія, но именно, какъ отмѣненные, должны найти мѣсто въ системѣ дѣйствующаго права лишь настолько, насколько онѣ необходимы для вѣрнаго пониманія оставленныхъ въ силѣ правилъ. При этомъ очевидно, что эти подробности одинаково необходимы какъ для русскаго, такъ и для нѣмецкаго изданія. Если же, по намѣренію автора, разница обоихъ изданій должна заключаться въ томъ, что въ русскомъ будетъ упомянуто о мѣстномъ правѣ лишь въ указанныхъ здѣсь границахъ, а въ нѣмецкомъ излагается цѣлый курсъ отмѣненнаго мѣстнаго процессуальнаго права, то нельзя не сказать, что заглавіе книги вовсе не соотвѣтствуетъ цѣлямъ автора и что оно, по

крайней мѣрѣ, невѣрно и неудачно. Во всякомъ случаѣ вопросъ, почему въ изложеніи дѣйствующаго права для нѣмецкаго читателя требуется болѣе подробное изложеніе мѣстнаго права чѣмъ для русскаго, остается неразъясненнымъ, или можетъ быть недосказаннымъ. Сколько извѣстно, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ существуетъ одно процессуальное право, одинаково обязательное для всѣхъ безъ различія, а слѣдовательно и для всѣхъ тамошнихъ юристовъ; поэтому, при ученой разработкѣ этого права отодвинуть для однихъ на задній планъ то, что для другихъ стоитъ на первомъ, — какъ-то странно. Нельзя не пожалѣть, что авторъ не далъ намъ никакого матеріала для разрѣшенія этихъ недоразумѣній.

II.

Сочиненіе г. Бунге, по заглавію своему, имѣетъ цѣлью систематическое изложеніе прибалтійскаго гражданскаго процесса, какъ онъ существуетъ нынѣ, послѣ судебной реформы. Согласно же 1 ст. Положенія о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, и о примѣненія судебныхъ уставовъ Императора Александра II, въ оныхъ губерніяхъ примѣняются судебные уставы Императора Александра II съ извѣстными дополненіями и измѣненіями. Слѣдовательно, нынѣ главнымъ основаніемъ процессуальнаго права тѣхъ губерній служитъ уставъ гражданскаго судопроизводства. Поэтому, излагая систематически судопроизводительные прибалтійскіе законы, слѣдуетъ несомнѣнно положить въ основаніе изложенія систему этого устава, вникнуть въ его духъ и намѣреніе, изучить его происхожденіе, его источники, опредѣлить, согласно этому, значеніе отдѣльныхъ институтовъ его, и т. д. Надъ этимъ трудились уже не мало въ русской литературѣ, трудились, можетъ быть, недостаточно много, но все-таки трудились и нельзя сказать, чтобы совершенно безъ успѣха. Поэтому и слѣдовало бы автору познакомиться съ этими трудами, ибо они дали бы ему небезполезныя указанія для вѣрнаго пониманія устава. Но нашъ ученый авторъ смотрѣлъ на дѣло иначе. Во всей книгѣ его

мы не находимъ не только ни одной ссылки на русскихъ авторовъ, но даже ему очевидно неизвѣстны напечатанные въ изданіи государственной канцеляріи мотивы устава гражданскаго судопроизводства, которые служатъ, какъ извѣстно, необходимымъ подспорьемъ для вѣрнаго толкованія его. Г. Бунге допускаетъ и признаетъ лишь рѣшенія гражданскаго кассационнаго департамента правительствующаго сената; впрочемъ, онъ очевидно не знакомъ съ подлинными рѣшеніями, а лишь съ выписками изъ нихъ, помѣщенными въ извѣстномъ сборникѣ Боровиковскаго; по крайней мѣрѣ рѣшенія приводятся по ссылкамъ на №№ тезисовъ у послѣдняго, а не по №№ ихъ въ сборникѣ рѣшеній ¹⁾). Но всѣмъ извѣстно, что сборники кассационныхъ рѣшеній, какъ бы тщательно они ни были составлены, какъ бы глубоки ни были знанія составителя, не могутъ замѣнить знакомства съ подлиннымъ текстомъ ихъ; не говоря уже о случайныхъ пропускахъ или прямыхъ ошибкахъ, даже самый добросовѣстный и знающій авторъ, формулируя тезисы по не всегда вполне точнымъ и опредѣленнымъ словамъ сената, можетъ невѣрно понимать настоящій смыслъ ихъ и вмѣсто дѣйствительныхъ мнѣній сената излагать свои личные толкованія.

Поэтому знаніе одного текста устава и тезисовъ Боровиковскаго, коими не ограничивается даже ни одинъ разумный практикъ, также недостаточно для систематическаго изложенія, основаннаго на уставѣ прибалтійскаго процессуальнаго права, какъ знаніе текста третьей части св. мѣст. узак. и изданій Zwingmann'a для систематическаго изложенія мѣстнаго матеріальнаго гражданскаго права. Не будетъ, слѣдовательно, слишкомъ строго а priori сказано, что г. Бунге взялся за трудъ, въ которому онъ вовсе не былъ приготовленъ.

Впрочемъ, незнаніе русскаго процессуальнаго права, съ точки зрѣнія нашего автора не имѣетъ, можетъ быть, существеннаго значенія, ибо имъ не раздѣляется высказанное

¹⁾ Въ первомъ предисловіи г. Бунге прямо говоритъ: „die von mir benutzte neueste Ausgabe derselben von A. Боровиковскій, т. е., что онъ пользовался послѣднимъ изданіемъ кассационныхъ рѣшеній А. Боровиковскаго.

мною предположеніе, что при систематическомъ изложеніи нынѣ дѣйствующихъ прибалтійскихъ процессуальныхъ законовъ слѣдуетъ отправляться отъ системы устава. Въ первомъ предисловіи г. Бунге говоритъ, что онъ избралъ разные пути, чтобы установить, какъ мѣстный процессъ долженъ развиваться (*sich zu entwickeln hat*) послѣ судебной реформы: смотря по тому, какъ ему казалось цѣлесообразнымъ, онъ иногда бралъ, какъ основаніе, постановленія имперскаго права и дополнялъ и объяснялъ ихъ мѣстнымъ правомъ; въ другихъ случаяхъ онъ отправлялся отъ послѣдняго и изслѣдовалъ, что отъ него съ необходимостью должно сохранить силу и что должно быть отвергнуто; наконецъ, онъ иногда ставилъ въ началѣ своего ученія общее понятіе, изъ него выводилъ послѣдствія (*Folgerungen*) и подтверждалъ ихъ постановленіями имперскаго права и оставшимися въ силѣ прибалтійскими правовыми нормами. Такимъ образомъ мы видимъ, что по мнѣнію г. Бунге постановленія имперскаго права и теперь составляютъ лишь часть, а можетъ быть—даже часть не особенно значительную прибалтійскаго процессуальнаго строя, рядомъ съ коими „съ принуждающею необходимостью“ дѣйствуютъ, если и не постановленія, то „правовыя нормы“ мѣстнаго права. Если теперь себѣ представить отношеніе устава къ мѣстному праву въ такомъ видѣ, что цѣльная система послѣдняго осталась нетронутой, а уставомъ отмѣнены лишь отдѣльныя правила его, то и очевидно, что только оно, т. е. мѣстное право, нуждается въ серьезной разработкѣ, между тѣмъ какъ относительно устава можно ограничиться самыми поверхностными свѣдѣніями.

Что таковъ, въ сущности, взглядъ г. Бунге, хотя можетъ быть имъ самимъ не вполне сознанный, тому находимъ неоднократныя подтвержденія. Излагая, напр., на 76 страницахъ историческое развитіе балтійскаго процесса до 1889 г., авторъ посвящаетъ уставу *одну* страницу. Между тѣмъ именно съ его точки зрѣнія, если только придавать уставу какое либо серьезное значеніе въ системѣ теперешняго прибалтійскаго процессуальнаго права, казалось бы весьма важнымъ

установить, откуда явились постановленія и система устава, не заимствованы ли они, хотя отчасти, изъ такихъ законодательствъ, которыя выросли на одной почвѣ съ дѣйствовавшимъ въ балтійскихъ губерніяхъ общимъ германскимъ процессомъ, не имѣются ли, поѣтому, въ уставѣ однородные съ нимъ институты и т. д. Исполненіе этой задачи ¹⁾, которая, при очевидномъ знаніи авторомъ общегерманскаго процесса, не представила-бы, можетъ быть, для него слишкомъ большихъ затрудненій, было бы не только очень полезно для мѣстныхъ юристовъ, которые такимъ образомъ легче познакомились бы съ новымъ правомъ, но и для самого автора, ибо дало бы ему возможность точно опредѣлить значеніе отдѣльныхъ институтовъ въ общемъ составѣ системы и тѣмъ опредѣлить дѣйствительный духъ устава и отношеніе его къ прежнему балтійскому процессу. Теперь же фразы „о духѣ новаго закона“, „о принципахъ устава“, которые должны служить основаніемъ будущаго процесса и т. д., остаются только фразами, и если авторъ, напр. т. I, стр. 83, говоритъ, что прежнее процессуальное право не потеряло силы, насколько оно не противорѣчитъ духу новаго законодательства, то эти слова лишены всякаго практическаго значенія, ибо авторъ не только не установилъ главныхъ, основныхъ положенія устава, но даже не преподалъ читателямъ никакихъ указаній, гдѣ и какъ отыскать ихъ. Если же построить теорію о духѣ устава по выводамъ сочиненія г. Бунге, то окажется, что этотъ общій духъ можно найти лишь въ смиренности, т. е. въ томъ, что постановленія устава, составляющія, по теоріи автора, основаніе процесса, въ дѣйствительности всегда должны уступать мѣстнымъ правовымъ нормамъ.

III.

Я сказалъ, что изъ самаго приѣма изложенія разбираемой книги видно, что, по мнѣнію автора, уставъ гражданскаго судопроизводства есть только одинъ изъ источниковъ

¹⁾ Разумѣется, что за подобный трудъ автору благодарны были бы и всѣ, безъ исключенія, русскіе юристы.

дѣйствующаго въ Прибалтійскихъ губерніяхъ процессуальнаго права. Основанія этого взгляда изложены подробно въ I т. стр. 83—90.

Учрежденіе судебныхъ установленій и уставъ гражданскаго судопроизводства, совокупно съ положеніемъ о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, говоритъ авторъ, служатъ основаніемъ новаго гражданскаго процесса, причемъ послѣднее, какъ *jus singulare*, отмѣняетъ общія постановленія учреждений и устава. Но рядомъ съ новыми законами и за мѣстными правовыми нормами должно быть сохранено надлежащее значеніе. Отношеніе мѣстнаго (матеріальнаго) гражданскаго права къ новымъ законамъ опредѣлено 63 ст. полож.: „при разрѣшеніи дѣлъ гражданскихъ, судебныя мѣста руководствуются постановленіями III ч. св. мѣстн. узак. губ. Остз., а также мѣстными положеніями о крестьянахъ, за исключеніемъ тѣхъ частей означенныхъ законоположеній, которыя отмѣняются или измѣняются съ изданіемъ сего положенія“. Изъ этой статьи, въ связи съ 168 ст. полож. ¹⁾, между прочимъ слѣдуетъ, „что если въ положеніи объ исполненіи (*Ausführung*) постановленій гражданскаго права не имѣется предписанія, то и въ такихъ случаяхъ, по признанному положеніемъ правилу о силѣ *jus singulare*, имѣющееся быть установленнымъ производство, должно будетъ руководствоваться постановленіями гражданскаго права, и гдѣ они недостаточны, должно явиться на выручку (*aushelfen*) образовавшееся наукою (*Doctrin*) и практикой обычное право, т. е. придется примѣнить прежнее судопроизводство, насколько оно не противорѣчитъ духу новаго законодательства“. Это подтверждается и 9 и 130 ст. уст. гражд. суд., ибо общій духъ дѣйствующаго права высказывается вѣрнѣе всего въ обычномъ правѣ, почему каждый судья обязанъ принять его въ соображеніе и послѣ судебной реформы. Необходи-

¹⁾ Постановленія свода мѣстныхъ узаконеній, коими опредѣляется подсудность прежнимъ судебнымъ мѣстамъ, насколько ими обусловливается примѣненіе различныхъ дѣйствующихъ въ сихъ губерніяхъ правъ (звед. къ III ч. свода мѣстн. учрежд. ст. II—XII), сохраняютъ силу.

мость возвращенія къ прежнему судопроизводству слѣдуетъ, впрочемъ, уже изъ природы вещей, изъ тѣсной связи между правомъ и судопроизводствомъ; поэтому, при несогласіи постановленій имперскаго процессуальнаго и мѣстнаго матеріальнаго гражданскаго права, необходимо будетъ согласовать ихъ, причемъ основаніемъ этихъ согласованій должно быть признанное положеніемъ правило *in toto jure generi per speciem derogatur*, съ сохраненіемъ однако постановленій устава о рѣшенія дѣла по общему смыслу законовъ. Но такъ какъ въ уставѣ и положеніи не говорится о томъ, какъ найти общій смыслъ закона, то для этой цѣли необходимо прибѣгнуть къ мѣстнымъ постановленіямъ о толкованіи, которыя вошли въ введеніе къ гражданскому праву отчасти, хотя и не вошли въ это введеніе, но сохранили свою силу для другихъ случаевъ. Къ правиламъ послѣдней категоріи принадлежитъ и „*lex posterior generalis non derogat juri priori singulari*“, т. е. вновь введенные законы не уничтожаютъ такіа правовыя нормы, которыя имъ не предусмотрѣны ни прямо, ни косвенно, и которыя не противорѣчатъ духу новаго закона. Это подтверждается и 79 ст. основныхъ законовъ, которая по смыслу и духу своему должна относиться и къ обычному праву, такъ какъ гражданское судопроизводство въ провинціяхъ почти исключительно основано было на обычномъ правѣ и лишь въ незначительной мѣрѣ на законѣ.

Вотъ вкратцѣ взглядъ нашего автора по этому вопросу; онъ нѣсколько поражаетъ своею неожиданностью. Посмотримъ теперь насколько онъ подтверждается законами.

1 ст. полож. говоритъ: „судебныя уставы Императора Александра II и изданныя въ дополненіе къ симъ уставамъ узаконенія примѣняются къ губерніямъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, съ дополненіями и измѣненіями, изложенными въ нижеслѣдующихъ статьяхъ“. Статья эта оказалась составителямъ ея настолько ясной и неподлежащей сомнѣнію, что она не снабжена никакими мотивами или разъясненіями. И дѣйствительно, судебныя уставы суть цѣльные законы, обнимающіе каждый извѣстную правовую область:

учрежденіе судебныхъ установленій—устройство судебныхъ мѣстъ, уставы уголовного и гражданскаго судопроизводства, уголовное и гражданское процессуальное право. Поэтому „примѣненіе“ къ Прибалтійскимъ губерніямъ устава гражданскаго судопроизводства можетъ только означать, что все гражданское процессуальное право ихъ опредѣляется нормами устава гражданскаго судопроизводства, „съ дополненіями и измѣненіями, *изложенными въ нижеслѣдующихъ статьяхъ*“. Слѣдовательно, по тексту и смыслу 1 ст. полож. допускаются лишь тѣ *исключенія и измѣненія постановленій устава, которыя предусмотрены самымъ положеніемъ*. Что именно таково значеніе этой статьи, не трудно установить, помимо совершенно яснаго текста ея, и историческимъ ея происхожденіемъ.

Вскорѣ послѣ изданія судебныхъ уставовъ Императора Александра II, было издано Высочайше утвержденное 19 октября 1865 г. „положеніе о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ“; 1 ст. этого положенія опредѣляетъ, что Высочайше утвержденные 20 ноября 1864 г. судебные уставы вводятся въ дѣйствіе во всей Имперіи порядкомъ, въ настоящемъ положеніи указаннымъ, съ тѣми измѣненіями, которыя окажутся необходимыми для примѣненія сихъ уставовъ къ особымъ условіямъ нѣкоторыхъ мѣстностей. Затѣмъ, въ слѣдующихъ статьяхъ не упоминается вовсе о томъ, что этими уставами отмѣняется сила процессуальныхъ законовъ, изложенныхъ во 2 ч. X и XV т. св. зак. Такое специальное постановленіе, по мнѣнію законодателя, было вполне излишне, такъ какъ не могло быть сомнѣнія въ томъ, что введеніе въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, какъ обнимающихъ цѣльныя правовыя области, должно было уничтожить и отмѣнить дѣйствіе всѣхъ безъ исключенія законовъ и правовыхъ нормъ, относящихся къ тѣмъ же правовымъ областямъ. Это мнѣніе проводилось постоянно судебною практикою и прежде всего правительствующимъ сенатомъ, который, напр., въ рѣш. гражд. кассац. департ. 1868 г. №№ 208 и 407, 1869 г. № 271, 1872 г. № 1137, весьма категорически высказалъ,

что уставомъ гражданскаго судопроизводства отмѣнены всѣ тѣ постановленія 2 ч. X т. св. зак., которыя касались правилъ процессуальныхъ. И такъ, повторяю, никакого сомнѣнія относительно дѣйствительнаго смысла 1 ст. полож. 19 октября 1865 г. не было и не могло быть. Когда, затѣмъ, было издано 19 февраля 1875 г. полож. о примѣн. судебн. уст. 20 ноября 1864 г. къ варшавскому судебному округу, то 1 ст. была изложена слѣдующимъ образомъ: „Высочайше утвержденные 20 ноября судебные уставы распространяются на варшавскій округъ, съ дополненіями и измѣненіями, въ нижеслѣдующихъ статьяхъ указанными“. И это постановленіе, повторяющее лишь правила основнаго положенія о введеніи, не могло вызвать никакихъ затрудненій, такъ какъ о дѣйствительномъ смыслѣ послѣдняго никогда не было серьезнаго сомнѣнія. Вдобавокъ, гражданскій кассационный департаментъ, согласно своимъ прежнимъ рѣшеніямъ призналъ, что на основаніи 1 ст. полож. въ варшавскомъ судебномъ округѣ допускаются лишь тѣ дополненія или измѣненія общихъ правилъ судебного устава, которыя указаны въ послѣдующихъ статьяхъ положенія (рѣш. 1881 г. № 164); другими словами—всѣ тѣ прежнія процессуальныя постановленія, которыя не упомянуты въ этихъ послѣдующихъ статьяхъ, отмѣнены безусловно. Если затѣмъ въ 247 ст. полож. еще и постановлено, что всѣ узаконенія, несогласныя съ судебными уставами, отмѣняются, то это правило, вызванное особеннымъ положеніемъ польскихъ губерній, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго и самостоятельнаго, а есть лишь повтореніе 1 ст., или, вѣрнѣе, законное толкованіе смысла ея.

1 ст. прибалт. полож. очевидно заимствована изъ постановленій первыхъ двухъ положеній о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ ¹⁾, и поѣтому должна имѣть тоже зна-

¹⁾ Вся разница заключается въ редакціи: во 1-хъ, въ прибалтійскомъ положеніи упоминается не только объ уставахъ, но и объ изданныхъ въ дополненіе къ нимъ узаконеніяхъ. о которыхъ не упоминается въ положеніи 19 февраля 1875 г., и во 2-хъ, говорится что уставы и т. д. „примѣняются къ“, между тѣмъ какъ въ положеніи 19 октября 1869 г. было сказано „вводятся“, а въ положеніи 19 февраля „распространяются“ на и т. д.; но, очевидно, что эти измѣненія редакціи ни въ чемъ не измѣнили основнаго смысла статьи.

ченіе и тотъ же смыслъ. Нельзя допустить, чтобы законодатель, повторяя законоположеніе, смыслъ котораго установленъ долготѣннымъ примѣненіемъ его, хотѣлъ придать ему другое значеніе; во всякомъ случаѣ предполагать такое желаніе нельзя, и, поѣтому, если бы оно существовало, то мы узнали бы объ этомъ изъ мотивовъ. Но я уже сказалъ, что въ официальномъ изданіи положенія, съ изложеніемъ соображеній, на коихъ оно „основано“, подъ 1 ст. никакихъ соображеній или мотивовъ не имѣется. Поѣтому и не можетъ быть никакого сомнѣнія, что 1 ст. прибалт. полож. отмѣняетъ всѣ безъ исключенія прежнія судоустройственныя и судопроизводственныя правила, насколько они не упомянуты въ послѣдующихъ статьяхъ положенія.

Но можетъ быть, что въ послѣдующихъ статьяхъ положенія имѣются спеціальныя постановленія, ограничивающія силу общаго правила, изложеннаго въ 1 ст. Указываютъ на 63 и 168 ст., согласно которымъ мѣстное матеріальное гражданское право сохраняетъ и на будущее время свою силу, насколько оно не отмѣнено. Но очевидно, что обѣ эти статьи заключаютъ въ себѣ исключеніе изъ общаго правила положенія о примѣненіи въ Прибалтійскихъ губерніяхъ общерусскаго (или какъ выражается авторъ—имперскаго) права, и поѣтому, по извѣстному юридическому правилу, не чуждому можетъ быть и балтійскому праву, распространительно толкуемы быть не могутъ. Слѣдовательно, то обстоятельство, что изъ изложеннаго общаго правила сдѣлано исключеніе для извѣстнаго *матеріальнаго* права, доказываетъ именно, что исключеніе допускается только для него и что процессуальное право подчиняется общему правилу, изложенному въ 1 ст. положенія, что подтверждается вполнѣ мотивами въ 63 ст., на которые ссылается и г. Бунге (I, 85 стр. примѣч. 35): „для устраненія всякаго сомнѣнія, что судопроизводственныя правила III ч. св. мѣстн. узак. не могутъ имѣть примѣненія за введеніемъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ судебной реформы, и наоборотъ, что матеріально-правовыя опредѣленія сего свода остаются неприкосновен-

ными, полезно распространить на всѣ судебныя учрежденія сихъ губерній правило, выраженное въ ст. 19 прав. 28 мая 1880 г. (ст. 1800 уст. гражд. суд. изд. 1883 г.)⁴. Такимъ образомъ отношеніе 63 ст. къ первой вполне ясно; послѣднее отмѣняетъ все прежнее процессуальное право, между тѣмъ какъ матеріальное право сохраняется; но такъ какъ въ III ч. св. мѣстн. узак., заключающей въ себѣ матеріальное гражданское право, имѣются и судопроизводственныя постановленія и, слѣдовательно, могло явиться сомнѣніе о дѣйствительности ихъ и послѣ введенія уставовъ, то 63 ст., для предотвращенія этого недоразумѣнія, постановляетъ, что и они, какъ принадлежащія къ тѣмъ, которыя отмѣняются или измѣняются съ изданіемъ сего положенія, теряютъ всякую силу. Что таковъ настоящій смыслъ 63 ст. видно изъ приведенныхъ мотивовъ и изъ того, что она является лишь повтореніемъ (не особенно удачнымъ въ редакціонномъ отношеніи) 1800 ст. уст. уст. гражд. судопр. изд. 1883 г., въ которой послѣ слова „которыя“ слѣдовали еще слова „имѣя значеніе правилъ судопроизводственныхъ“, пропущенныя въ 63 ст. Но если, такимъ образомъ, этою статьею отмѣняется мѣстное процессуальное право, вошедшее въ кодификацію и одобренное законодательною властью, то разумѣется нельзя полагать, что въ намѣреніяхъ законодателя было сохранять какіе-то остатки Schlendrian'a и т. п. Такимъ образомъ, содержаніе 63 ст. есть доказательство не въ пользу мнѣнія, высказаннаго г. Бунге, а противъ него.

Очевидно, что при такомъ положеніи вещей 9 ст. не можетъ быть приведена какъ доказательство, что прежнее процессуальное право еще можетъ существовать и примѣняться, несмотря на судебную реформу. Если судъ обязанъ, въ случаѣ неполноты закона и т. д., основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ закона, то несомнѣнно, что здѣсь можетъ подразумѣваться лишь общій смыслъ существующаго, а не отмѣненнаго закона; слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, всѣ процессуальные вопросы, непредусмотрѣнные прямо уставомъ

гражданскаго судопроизводства, могутъ быть разрѣшены только по общему смыслу именно—устава.

Еще менѣе, разумѣется, можно здѣсь сослаться на 130 ст. уст. гражд. суд. Статья эта, какъ видно изъ соображеній, на коихъ она основана (судебные уставы изд. суд. уст. госуд. канц. I стр. 68 и слѣд.), относится исключительно къ матеріальному праву. И это вполне понятно. Уставъ гражданскаго судопроизводства отмѣнилъ, какъ мы уже знаемъ, весь прежній процессуальный строй, все прежнее процессуальное право, безразлично—было ли оно основано на обычномъ правѣ или на законѣ; слѣдовательно, по самому смыслу устава гражданскаго судопроизводства, нельзя было представить мировымъ судьямъ руководствоваться обычаями, сложившимися на основаніяхъ, которыя признаны подлежащими отмѣнѣ. Слѣдовательно, 130 ст. не относится вовсе къ примѣненію устава гражданскаго судопроизводства, который въ случаѣ неполноты и т. д. долженъ быть разясняемъ и дополняемъ исключительно согласно 9 ст., а не обычнымъ правомъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что 130 ст. относится исключительно къ мировымъ судьямъ и поэтому, какъ правило исключительное, не допускающее распространительнаго толкованія, къ общимъ судебнымъ мѣстамъ примѣненія имѣть не можетъ; въ послѣднихъ—примѣненіе обычнаго права возможно только въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ прямо дозволяетъ рѣшать дѣла по обычаю, а такого позволенія относительно разрѣшенія процессуальныхъ вопросовъ не имѣется. Въ положеніи же 130 ст. никакимъ измѣненіямъ не подвергалась и, слѣдовательно, все, что было сказано объ общемъ смыслѣ этой статьи, относится вполне и къ Прибалтійскимъ губерніямъ. Если затѣмъ и допустить, какъ общее правило, хотя и противъ этого могутъ быть представлены довольно вѣскія возраженія, что общій духъ дѣйствующихъ правовыхъ нормъ высказывается болѣе всего въ обычномъ правѣ, то все-таки это правило никакого примѣненія къ занимающему насъ вопросу не имѣетъ. Не слѣдуетъ именно забывать, что дѣйствующее нынѣ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ процес-

суальное право—обще-русское, т. е. уставъ гражданского судопроизводства, что имъ отмѣнено все прежнее обычное право, выросшее на почвѣ общаго германскаго процесса; что, слѣдовательно, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ теперь нѣтъ никакого общаго процессуальнаго права, которое могло бы служить открытіемъ истиннаго смысла дѣйствующаго права. Исключеніе можетъ быть допущено для тѣхъ, во всякомъ случаѣ весьма немногочисленныхъ, случаевъ, въ коихъ положеніе сохранило прежнія судопроизводственныя правила; но и въ этихъ случаяхъ оно можетъ имѣть значеніе для судьи не какъ обязательное для него право, а какъ одно изъ средствъ, способствующихъ открытію истиннаго смысла даннаго постановленія, согласно 9 ст. устава; другими словами—правила общаго права могутъ имѣть силу лишь настолько, насколько судья признаетъ ихъ согласными съ общимъ смысломъ закона или постановленія и притомъ не въ качествѣ нормы мѣстнаго общаго права, а въ качествѣ нормы, вытекающей изъ общаго смысла оставленнаго въ силѣ положеніемъ процессуальнаго правила. Поэтому и не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы когда либо на основаніи устава и положенія развилось какое-то обычное право, имѣющее значеніе рядомъ и независимо отъ закона. Несомнѣнно, что будутъ приняты судами извѣстныя, болѣе или менѣе единогласныя воззрѣнія на спорные процессуальные вопросы, что установится извѣстная практика, но все это, вся совокупность выработанныхъ такимъ образомъ правилъ, будетъ все-таки не *самостоятельный* источникъ Прибалтійскаго права, а лишь совокупность толкованій, согласно 9 статьи, общаго смысла устава и оставленныхъ въ силѣ мѣстныхъ процессуальныхъ постановленій. Повторяю, что рядомъ съ уставомъ никакого самостоятельнаго общаго процессуальнаго права быть не можетъ.

Говорятъ далѣе, что необходимость возвращенія къ прежнимъ процессуальнымъ нормамъ, насколько они не находятся въ прямомъ противорѣчій съ правилами устава, обуславливается тѣсною связью между правомъ и процессомъ, а

такъ какъ уставъ разсчитанъ на русское гражданское право, то разумѣется придется пополнять пробѣлы и сомнѣнія въ примѣненіи его къ III ч. мѣст. свод. прежнимъ мѣстнымъ процессуальнымъ правомъ. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что существуетъ извѣстная связь между матеріальнымъ и процессуальнымъ правомъ, но не слѣдуетъ только преувеличивать ея значеніе. Германія имѣетъ одинъ общій гражданскій процессъ и много отдѣльныхъ законодательствъ о матеріальномъ гражданскомъ правѣ; въ Швейцаріи, наоборотъ, имѣется одно общее право обязательствъ (*Obligationenrecht*), которое должно уживаться и уживается съ самыми разнообразными кантональными процессуальными постановленіями. Слѣдовательно, нельзя утверждать, чтобы каждому матеріальному праву должно соответствовать и особое процессуальное право, т. е., что для III ч. мѣст. свод. требуется еще, по природѣ вещей, какой то особый уставъ гражданского судопроизводства. Помимо примѣровъ, взятыхъ изъ за границы, и нашъ домашній опытъ доказываетъ противоположное. Нашъ уставъ примѣняется не только тамъ, гдѣ дѣйствуетъ X т. свод. закон., но и въ Бессарабіи, варшавскомъ судебномъ округѣ и т. д. Можно, слѣдовательно, предполагать съ полною увѣренностью, что онъ уживется и съ III т. мѣстн. свод. сколько затрудненій ни оказалось бы сначала. Самъ г. Бунге говоритъ (т. I стр. 78), что уставъ, по своимъ основнымъ началамъ, болѣе противорѣчитъ прежнему общерусскому, чѣмъ мѣстному балтійскому процессу и что нашъ процессъ основанъ на правовыхъ воззрѣніяхъ европейскаго запада. Неужели-же III ч. мѣстн. свод. находится въ непримиримомъ противорѣчьи съ западно-европейскими правовыми воззрѣніями? Впрочемъ, какъ бы то ни было, вопросъ о томъ, примѣнять ли и теперь еще въ Прибалтійскихъ губерніяхъ прежнее мѣстное процессуальное право или нѣтъ, разрѣшается не на основаніи общихъ соображеній, не на природѣ вещей и т. п., а на основаніи законовъ, которые я указалъ выше.

Такимъ образомъ, очевидно, что въ Прибалтійскихъ гу

берніяхъ все дѣйствующее процессуальное право заключается въ уставѣ гражданского судопроизводства и Положеніи. Это теперь единственные процессуально-правовые источники. Если и сохранили дѣйствіе какіе то жалкіе остатки прежняго мѣстнаго права, то лишь потому, что объ нихъ упоминается въ Положеніи. Это мнѣніе совершенно согласно съ 79 ст. основныхъ законовъ, ибо 1 ст. Положенія опредѣляя, что уставъ долженъ примѣняться и къ Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерніямъ, есть не общій, а именно тотъ спеціальнѣйшій законъ, коимъ отмѣняются *остъ*, до сихъ поръ существующіе, процессуальные законы и обычаи означенныхъ губерній, насколько они не оставлены въ силѣ на основаніи спеціальныхъ предписаній Положенія.

IV.

Не можтъ подлежать сомнѣнію, что при примѣненіи устава гражданского судопроизводства и т. д. въ Прибалтійскихъ губерніяхъ явятся разныя затрудненія и сомнѣнія и что, слѣдовательно, не разъ придется прибѣгнуть къ толкованію по общему смыслу законовъ. Но какимъ образомъ найти этотъ общій смыслъ? Прямаго отвѣта на этотъ вопросъ ни въ уставѣ, ни въ Положеніи, говоритъ г. Бунге, не имѣется; поэтому, по его мнѣнію, какъ мы уже видѣли, нужно обратиться къ мѣстнымъ постановленіямъ о толкованіи, какъ они отчасти изложены въ введеніи къ III части мѣстн. свод. ¹⁾, отчасти же хотя и не вошли въ означенное введеніе, какъ ненужныя для разъясненія III части свод., сохранили однако свою силу для другихъ случаевъ.

Правда, что правилъ о толкованіи въ уставѣ и въ Положеніи не имѣется; но помѣщеніе подобныхъ предписаній въ законодательныхъ актахъ вообще вовсе необязательно; такъ

¹⁾ Авторъ, впрочемъ, оговаривается, что XXIII ст.: „если всѣ изложенныя правила толкованія окажутся недостаточными для устраненія сомнѣнія относительно смысла содержащихся въ сводѣ постановленій, то слѣдуетъ прибѣгнуть къ истолкованію аутентичному, на основаніи свода законовъ имперіи,“—существенно измѣнена 9 ст. устава; для вышшаго убѣжденія читателя приведена ссылка на Боровиковаго, тезисъ 10 къ означенной статьѣ.

напр. они не встрѣчаются ни въ одномъ изъ многочисленныхъ современныхъ кодексовъ германской имперіи. Въ мотивахъ же къ проекту германскаго гражданскаго уложенія (т. I стр. 15) совершенно вѣрно сказано, что постановленія, имѣющія спеціальною цѣлью облегчить толкованіе и ручаться (*verbuergen*) за правильность его результатовъ, могутъ служить только выраженіемъ руководящихъ началъ, изслѣдованіе и изложеніе коихъ принадлежитъ теоріи. Законодатель же, который сдѣлаетъ попытку обратить правила этого рода въ параграфы закона, не постановляетъ, а учитъ (*disponirt nicht sondern unterweist*). Несомнѣнно, что составители устава имѣли въ виду тѣ же соображенія, хотя они ихъ прямо не выразили. Слѣдовательно и это, въ сущности, не требовало особенныхъ доказательствъ, общій смыслъ устава и положенія долженъ быть найденъ путемъ примѣненія общихъ правилъ толкованія. Почему и на какихъ основаніяхъ г. Бунге замѣнилъ эти общія теоретическія правила для Прибалтійскихъ губерній спеціальными, мѣстными,—совершенно непонятно. Я уже не буду особенно напирать на то, что отмѣнены всѣ постановленія и правила, относящіяся къ процессуальному праву (за исключеніемъ тѣхъ, которыя прямо указаны въ положеніи) и, слѣдовательно, и всякія спеціальныя правила о толкованіи процессуальныхъ законовъ, если таковыя существовали; что далѣе, какъ это слѣдуетъ изъ буквальнаго и вполне яснаго и точнаго смысла XVI ст. введенія III ч. свод. мѣст. узак. „при истолкованіи постановленій настоящаго свода“, всѣ изложенныя здѣсь правила толкованія относятся лишь къ одному этому своду, т. е. къ III части свод. мѣстн. узак. и общаго значенія не имѣютъ и уже поэтому не могутъ быть примѣняемы къ толкованію другихъ законовъ. Но вполне очевидно не только для юриста, но для всякаго здраво мыслящаго человѣка, что намѣреніе законодателя не могло заключаться въ томъ, чтобы законъ толковался въ Динабургѣ и Исковѣ по однимъ, а въ Ригѣ и Венденѣ—по другимъ правиламъ. Повторяю: такого намѣренія не могло быть и само собою разумѣется, что оно нигдѣ и никогда зако-

номъ выражено не было. Это не должно было ускользнуть отъ вниманія г. Бунге; впрочемъ, въ пользу своей теоріи онъ не ссылается ни на законъ, ни на какія либо мѣстныя или общія правила толкованія, а лишь кратко, безъ всякихъ мотивовъ, сообщаетъ любознательнымъ читателямъ, что „man muss“, т. е., что слѣдуетъ обратиться къ мѣстнымъ постановленіямъ и правиламъ. Можетъ быть, что такой пріемъ для нѣкоторыхъ и убѣдителенъ, но не всякій читатель скажетъ *credo, quia absurdum est*.

Не хочу, разумѣется, утверждать, что всѣ дѣйствующія или дѣйствовавшія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ правила толкованія нынѣ уже непримѣнимы; можетъ быть, что они составляютъ послѣднее слово теоріи, самую олицетворенную юридическую мудрость; отчего же ихъ не примѣнять? Но дѣло только въ томъ, что они будутъ примѣняться не потому, что они лифляндскія, курляндскія и эстляндскія правила, а потому, что они именно не лифляндскія, курляндскія и эстляндскія, а общія, соотвѣтствующія юридической теоріи толкованія законовъ. Доказать это соотвѣтствіе было дѣломъ нашего автора, но онъ объ этомъ очевидно и не думалъ. Если онъ, затѣмъ, какъ примѣръ правилъ толкованія, не попавшихъ въ введеніе III части свод. мѣстн. узак., но сохранившихъ дѣйствіе, приводитъ извѣстныя правила *lex posterior derogat legi priori* и *lex posterior generalis non derogat juri priori singulari*, то эти правила даже и не относятся непосредственно къ правиламъ толкованія закона, ибо говорятъ лишь о дѣйствіи закона во времени. А этотъ вопросъ рѣшенъ у насъ основными законами (ст. 72 и слѣд.), которые, разумѣется, сохраняютъ силу, хотя бы они и не были вполне согласны съ прибалтійскими юридическими правилами или обычаями.

V.

Послѣ всего сказаннаго, безъинтересно будетъ убо-
диться въ томъ, что именно, по мнѣнію г. Бунге, изъ пре-
жняго процессуальнаго права должно сохранить свое дѣйст-
віе? Относительно этого вопроса нашъ авторъ говоритъ (т. I

стр. 83), что рядомъ съ новыми законами для дѣйствующаго процесса имѣютъ значеніе: 1) всѣ неупомянутыя въ Положеніи постановленія мѣстнаго матеріальнаго гражданскаго права, насколько они имѣютъ вліяніе на процессъ и прямо не отмѣнены или измѣнены Положеніемъ; 2) прежнее процессуальное право, включая правила 28 мая 1880 г. и Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта отъ 3 іюня 1886 г., насколько оно можетъ и *должно* служить разъясненіемъ и дополненіемъ (Ergaenzung) новыхъ законовъ и не противорѣчитъ духу новаго законодательства.

Что касается до перваго разряда постановленій, то я уже сказалъ, что 63 ст. положенія, на которую ссылается и г. Бунге въ подтвержденіе своего мнѣнія, прямо и категорично отмѣнила всѣ судопроизводственныя постановленія III части свод. мѣстн. узак. Слѣдовательно, объ этомъ вопросѣ не можетъ быть спора. Относительно остальнаго прежняго процессуальнаго права предложенная г. Бунге формула: „если не противорѣчитъ духу новаго законодательства“, не вполне ясна. О томъ, по какимъ правиламъ г. Бунге отыскиваетъ этотъ духъ—я уже говорилъ выше, а впослѣдствіи скажу нѣсколько словъ о тѣхъ результатахъ, въ которыхъ онъ приходитъ. Но пока предположимъ, что духъ благополучно найденъ, что онъ извѣстенъ и безспоренъ; тогда является еще вопросъ, какъ слѣдуетъ понимать то противорѣчіе, о которомъ упоминается, слѣдуетъ ли считать отмѣненными лишь тѣ постановленія, которыя прямо и непосредственно (direct) противорѣчатъ правиламъ или духу новаго законодательства, или и тѣ, которыя ему противорѣчатъ лишь посредственно (indirect). Самъ г. Бунге по этому вопросу колеблется; въ I т. на стр. 87 онъ говоритъ о необходимомъ примѣненіи стараго процесса, насколько онъ не *съ* прямою противорѣчію съ новымъ, а на стр. 90 онъ объясняетъ что новые законы не отмѣняютъ прежнее право въ отношеніи постановленій, ими непредусмотрѣнныхъ ни прямо, ни посредственно (weder direct noch indirect berucksichtigte), изъ чего слѣдуетъ, что и постановленія прежняго права, толь-

ко посредственно противорѣчація уставу или Положенію, должны считаться отмѣненными. Такимъ образомъ мы остаемся въ невѣдѣніи относительно рѣшенія этого вопроса, который съ точки зрѣнія г-на Бунге долженъ имѣть весьма существенное значеніе. Впрочемъ, я можетъ быть здѣсь ошибаюсь и указанное мною противорѣчіе никакого значенія не имѣетъ. А именно: г. Бунге (т. II стр. 151) говоритъ, что извѣстныя, указанныя имъ, правила общегерманскаго права вытекаютъ изъ природы вещей и, *поэтому* (daher), непротиворѣчаютъ имперскому праву; слѣдовательно, если это не случайная ошибка, то вполне достаточно установить мѣстными средствами толкованія, что, такіе-то порядки согласны съ природою вещей, чтобы знать, что они не могутъ противорѣчить постановленіямъ и духу устава. Тогда, разумѣется, всѣ разсужденія о прямомъ или посредственномъ противорѣчіи не только лишены всякаго значенія, но вполне пусты и излишни.

Нельзя не сожалѣть о томъ, что нашъ авторъ, который такъ много и такъ разнообразно говоритъ объ отношеніяхъ новаго права къ прежнему, не предложилъ себѣ еще одного вопроса, а именно—могутъ ли послѣ изданія общермянскаго законодательнаго памятника, обнимающаго, по намѣренію законодателя цѣлую область права, памятника, который въ случаѣ неясности или неполноты долженъ быть пополненъ по общему своему смыслу, сохранить силу постановленія прежняго права, относящіяся къ той же правовой области, хотя бы они даже непосредственно (indirect) не предусматривались новымъ закономъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, какъ, вообще, такъ и въ данномъ случаѣ, не можетъ быть сомнительный. Не слѣдуетъ только заблуждаться относительно действительнаго значенія устава гражданскаго судопроизводства. Уставъ не есть случайный наборъ извѣстнаго числа статей, обнимающихъ лишь тѣ отдѣльные вопросы, которые именно въ каждой изъ нихъ предусматривены и который, поэтому, не исключаетъ возможности примѣненія и другихъ судопроизводственныхъ законовъ; напротивъ, уставъ составляетъ собою именно

одинъ изъ тѣхъ систематическихъ законодательныхъ актовъ, который, обнимая цѣлую область гражданскаго процессуальнаго права, можетъ быть дополненъ только раскрытіемъ *своего* истиннаго смысла и, поѣтому, за исключеніемъ особенной законодательной санкціи, не допускаетъ рядомъ съ собою дѣйствіе чуждыхъ ему процессуальныхъ нормъ. Эти несомнѣнныя истины нужно имѣть въ виду при изложеніи системъ дѣйствующаго въ Прибалтійскихъ губерніяхъ процесса.

Не могу не указать еще на одинъ частный вопросъ. Автору почему-то полюбилися правила 28 мая 1880 г. и 3 іюня 1886 года; по его мнѣнію они могутъ и должны служить разъясненіемъ и дополненіемъ устава. Но это неправильно еще по специальнымъ причинамъ.

Въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта 3 іюня 1886 г. (полн. собр. зак. 1886 г. № 3763) сказано: „государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ юстиціи о введеніи въ Прибалтійскихъ губерніяхъ Высочайше утвержденныхъ 28 мая 1880 г. (60.998) правилъ объ измѣненіи и дополненіи законовъ, касающихся судопроизводства и дѣлопроизводства въ *нынешнихъ* судебныхъ мѣстахъ, а также правъ, обязанностей лицъ прокурорскаго надзора, съ нѣкоторыми измѣненіями. мнѣніемъ положилъ: „... затѣмъ, слѣдуютъ самыя измѣненія и дополненія. Слѣдовательно, изъ буквального смысла этихъ законовъ очевидно, что они относились исключительно къ судамъ и прокурорскому надзору, существующимъ во время ихъ изданія, а такъ какъ всѣ эти суды и старый прокурорскій надзоръ, съ открытіемъ новыхъ судебныхъ установленій, упразднены (3 ст. прав. о прив. въ дѣйствіе и т. д.), то тѣмъ самымъ отмѣнены и всѣ правила, изданныя для ихъ судопроизводства и дѣлопроизводства. Тоже самое имѣло мѣсто съ извѣстнымъ закономъ 11 октября 1865 г., предназначеннымъ исключительно для судовъ прежняго устройства; онъ потерялъ свое значеніе и силу съ введеніемъ судебной реформы и никому не пришло въ голову искать въ немъ разъясненія или дополненія къ уставамъ. Цѣль этого закона,

служившаго образцомъ для правилъ 28 мая 1880 года и 3 іюня 1886 г. и, слѣдовательно, и этихъ правилъ, точно опредѣлена въ его мотивахъ. „Цѣль сихъ измѣненій и дополненій состоитъ въ томъ, чтобы ускорить производство и окончаніе дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ, дѣйствовавшихъ по своду 1857 года, и тѣмъ облегчить возможность упраздненія сихъ мѣстъ при переходѣ къ новому судебному порядку“. Слѣдовательно, значеніе сихъ правилъ было только переходное, временное.

VI.

Посмотримъ теперь къ какимъ практическимъ результатамъ приводитъ автора излюбленная выше теорія о дополненіи устава и Положенія мѣстными процессуальными правилами. Укажу для этой цѣли сначала нѣсколько примѣровъ изъ перваго отдѣла: „Внутренняя организація судовъ“. Страница 102 и слѣдующіи говорятъ объ условіяхъ для занятія судебныхъ должностей. Помимо указанныхъ въ 19, 202 и слѣд. ст. учр. суд. устан., по словамъ автора требуются еще и другія условія, которыя можно установить „руководствуясь общегерманскимъ правомъ, служащимъ основаніемъ права мѣстнаго“, тѣмъ болѣе, что вытекающія изъ него правила „или прямо признаны имперскимъ правомъ, или вытекаютъ изъ духа его“. Къ числу такихъ необходимыхъ условій авторъ причисляетъ принадлежность къ христіанской религіи, это, какъ общезвѣстно, совершенно неправильно. Говоря о другомъ условіи—знаніи права (*Rechtskenntniß*) г. Бунге пишетъ: объемъ правовыхъ свѣдѣній въ Прибалтійскихъ губерніяхъ долженъ быть другой, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ имперіи. Кромѣ знанія общаго русскаго имперскаго права, которое преподается въ дерптскомъ университетѣ неменѣе, чѣмъ въ другихъ русскихъ университетахъ, для судей, назначаемыхъ въ Прибалтійскія губерніи, главное условіе будетъ основательное знаніе мѣстнаго права; но при этомъ недостаточно знаніе гражданскаго матеріальнаго права, судья долженъ быть знакомъ и съ дѣйствовавшимъ прежде процессуальнымъ правомъ, причемъ абсолютно необходимо знать

основательно главные источники его, науку (Doctrin) и обычное право, значеніе котораго не ослабнетъ и въ будущемъ.

Помимо общихъ условій требуются для судьи еще особыя, такъ что судья, удовлетворяющій первымъ, можетъ все-таки оказаться неспособнымъ или подозрительнымъ для даннаго дѣла и потому быть устраняемъ отъ участія въ его рѣшеніи (стр. 108). Къ причинамъ устраненія принадлежатъ „особенно высокая степень дружбы или вражды“, что подтверждается слѣдующей ссылкой: Fr. 17 Dig. 2, 1. с. 25, 1, 29, 15, § 2; Causa 3, qu. 5; Endemann, I, 4; Estl Ritter und Landrecht, I, 1, 10; Livl. Hofger. Ord. 8; уст. гражд. суд. 195, 3 и 667, 3; и въ концѣ—Боровиковскій 667, 17, 18¹⁾. Между тѣмъ, какъ извѣстно, конецъ приведенныхъ статей устава (195 и 667) гласитъ: „или же имѣть съ однимъ изъ нихъ тяжбу“. Рядомъ съ неспособностью участвовать въ рѣшеніи дѣла (Inhabilitaet) продолжаетъ авторъ, „по общегерманскому и мѣстному праву ставить suspicio (судья подозрѣваемый) и уставъ гражданскаго судопроизводства знаетъ причины подозрѣнія, такъ какъ онъ, кромѣ приведенныхъ причинъ неспособности, предоставляетъ сторонамъ право заявить объ устраненіи судьи, не перечисляя особенныхъ случаевъ, какъ это признано и въ общегерманскомъ и мѣстномъ правѣ“. Это подтверждается ссылкой на 670 и слѣд. ст. уст., которыя говорятъ только о порядкѣ заявленія сторонами объ устраненіи судьи по одному изъ поводовъ, предусмотрѣнныхъ 667 ст. Приведен-

¹⁾ Вообще ссылки въ примѣчаніяхъ довольно странныя; такъ напримѣръ, правило, что судья не можетъ рѣшать дѣло, въ которомъ онъ самъ имѣетъ участіе, подтверждается слѣдующей ссылкой (стр. 108 пр. 30), Fr. 10 Dig. 2, 1, Fr. 17 Dig 5, 1 с. un. cod. 3, 5; Schmidt livl Pr. §§ 14, 1. Priv Sig. Aug. XVII „non enim acquam est ut in propria causa quis ipse sit iudex; Richterregeln §§ 16, 7; Hofgerichtsordnung отъ 6 сентября 1630 г.; Est R. u L. Recht I, 1, 10; Kurl. Inst. I. 5, 3; Ber. der Rev. Reltis v. 1784 II, II. 5; уст. гражд. суд. 195, 1 667, 1. Такъ какъ ссылка эта имѣется въ сочиненіи о дѣйствующемъ правѣ, то является вопросъ, дѣйствительно ли всѣ приведенные источники права дѣйствуютъ и нынѣ? Неужели, хотя Hofgerichtsordnung, за упраздненіемъ самаго Hofgericht'a, не потеряла силу? Если же они не принадлежатъ къ дѣйствующему праву, то зачѣмъ ихъ указывать въ сочиненіи, которое имѣетъ цѣлью не сравнительное изложеніе отмѣненнаго и дѣйствующаго права, а одно систематическое изложеніе послѣдняго?

ные же тезисы (стр. 109 пр. 37) Боровиковскаго къ данному вопросу вовсе не относятся.

На 117 и слѣд. стр. говорится о правахъ и обязанностяхъ отдѣльныхъ лицъ судебного вѣдомства, причемъ однако они опредѣляются не только по учр. суд. уст. и уст. гражд. судопр., но и по правиламъ 11 октября 1865 г. и 28 мая 1880 г. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что *предсѣдатель* обязанъ распорядиться о выставленіи въ приѣмной комнатѣ суда объявленія о днѣ доклада каждаго дѣла по существу, за недѣлю до доклада, и означать на этомъ объявленіи день, въ который оно выставлено (91 ст. прав. 19 окт. 1865 г.); права предсѣдателя относительно лицъ, нарушающихъ въ засѣданіи тишину и спокойствіе, опредѣлены на основаніи 98 ст. тѣхъ же правилъ, хотя имѣется и ссылка на статьи учрежд. суд. устан. Предсѣдатель, далѣе, обязанъ издать постановленія о порядкѣ допущенія частныхъ лицъ въ залу засѣданія при слушаніи дѣла по существу (98 ст. прав. 190 и 1865 г. 24 ст. прав. 18 мая 1880 г. и 13 ст. устава гражд. суд.) и т. д. О *товарищахъ предсѣдателя* говорится съ ссылкой на 78 и 144 ст. учр. суд. уст., что они помощники предсѣдателя и замѣняютъ его въ его отсутствіи; въ присутствіи же его они принимаютъ участіе въ засѣданіяхъ наравнѣ съ прочими членами суда. Последнее неправильно (782 ст. учрежд. суд. уст.), а помимо этого, самыя серьезныя обязанности товарищей предсѣдателей, установленныя 78 ст.—постоянное исполненіе обязанностей предсѣдателя въ тѣхъ отдѣленіяхъ, въ коихъ послѣдній не присутствуетъ, вовсе не указаны.

Слова автора о членахъ суда приведу in extenso: „права и обязанности остальныхъ членовъ суда опредѣляются отчасти вышеуказаннымъ; въ особенности они обязаны, по порученію предсѣдателя, вносить собственноручно въ настольный реестръ постановленныя резолюціи (25 ст. прав. 28 мая 1880 г.)¹⁾;

¹⁾ Текстъ этой статьи гласитъ: „послѣ доклада дѣла постановляется резолюція, которая излагается письменно предсѣдателемъ, или, по его порученію, однимъ изъ членовъ суда и т. д.“.

до подписи каждый членъ имѣть право внести въ протоколъ (zu Protokoll zu geben), съ указаніемъ мотивовъ, свое мнѣніе (703 ст. уст.); онъ имѣть право, съ разрѣшенія предсѣдателя, предлагать вопросы при разсмотрѣніи дѣла по существу (Schlussverhandlungen) (339, 401 ст. уст. гражд. суд.); члены суда обязаны, по назначенію предсѣдателя, изготовить, по дѣламъ готовымъ къ рѣшенію, докладъ (Actenrelation), который докладывается имъ лично или секретаремъ (327 ст. уст. угол. судопр.) и т. д. Немного далѣе говорится, что секретари, по назначенію предсѣдателя, докладываютъ въ засѣданіяхъ дѣла, если докладъ не производится самимъ членомъ докладчикомъ, при чемъ имѣется ссылка на 93 ст. прав. отъ 11 октября 1865 года. И такъ, секретарь, который игралъ такую важную роль въ прибалтійскихъ судахъ и котораго уставъ гражданского судопроизводства и учрежденіе судебныхъ уставовъ такъ тщательно устранили отъ всякаго вліянія и участія при рѣшеніи дѣлъ, опять снабженъ извѣстными судебскими атрибутами. Видно, насколько г. Бунге, руководствуясь чисто мѣстными правилами толкованія, вполне проникся духомъ и истиннымъ смысломъ судебныхъ уставовъ.

На 121 стр. и слѣд. трактуется объ *отвѣтственности* чиновъ судебного вѣдомства. Вѣрно замѣчается, что постановленія о дисциплинарномъ производствѣ мало касаются гражданского процесса. Но затѣмъ авторъ продолжаетъ: „только слѣдуетъ указать на слѣдующее: правила 1880 г. перечисляютъ рядъ случаевъ, въ которыхъ допускается жалоба на отказъ въ правосудіи и медленность въ отправленіи его (статья 31 п. 7, 8, 10, 12); но ни она, ни соотвѣтствующія статьи правилъ 1865 года 1 стр. (ст. 110) или учрежденіе судебныхъ установленій ¹⁾, не говорятъ ничего о содержаніи сихъ жалобъ. Здѣсь мѣстное право

¹⁾ Въ текстѣ сказано: уставъ гражданского судопроизводства и имѣется ссылка (стр. 122 прим. 5) на учрежд. судебн. уст. 783 ст.; въ концѣ же книги подъ рубрикой исправленія и дополненія сказано, что „уставъ гражданского судопроизводства въ текстѣ—опечатка и что нужно читать учрежденіе судебныхъ установл.“, относительно же примѣчанія ничего не сказано.

можетъ быть примѣняемо какъ дополненіе и разъясненіе, такъ какъ оно спеціально обязываетъ судью неостановочно отправлять правосудіе, а сторонамъ, права коихъ нарушены, принадлежитъ право просить, чтобы судья былъ принужденъ къ безостановочному исполненію своихъ обязанностей, *querela de denegata seu protracta justitia*, каковыя жалобы поступаютъ прямо въ высшую инстанцію и могутъ быть поданы безъ соблюденія сроковъ, за исключеніемъ жалобы на возвращеніе апелляціонной жалобы (*verweigte Appellation*), для которыхъ предписанъ двухнедѣльный срокъ“.

Соображенія эти весьма неясны. Несомнѣнно, что приведенныя статьи правилъ 1880 и 1865 гг. и 783 ст. уст. гражд. суд. вовсе не относятся къ дисциплинарному производству, а говорятъ исключительно о частныхъ жалобахъ, допускаемыхъ во время производства гражданскаго дѣла отдѣльно отъ жалобъ апелляціонныхъ, при чемъ *естъ* эти жалобы, за исключеніемъ жалобъ на медленность, должны быть поданы въ извѣстный срокъ. Содержаніе же ихъ точно определено тѣми предметами, къ коимъ они относятся и которые указаны и въ 783 ст. ссылкой на извѣстныя статьи устава. Никакого дополненія здѣсь не требуется и ничего общаго между частными жалобами по 783 ст. и дисциплинарною отвѣтственностью нѣтъ. Правда, что частная жалоба можетъ быть поводомъ къ возбужденію дисциплинарнаго производства, но такой поводъ можетъ быть усмотрѣнъ и въ апелляціонной или кассационной жалобѣ, и тогда пришлось бы все ученіе о *Rechtsmitteln* изложить при разсмотрѣніи вопроса объ отвѣтственности чиновъ судебнаго вѣдомства, что очевидно невозможно. Во имя какихъ мѣстныхъ правилъ толкованія автору нужно было пристегнуть къ дисциплинарному производству 783 ст. уст., отмѣненныя постановленія правилъ 1865 и 1880 гг. и *querela de denegata seu protracta justitia*—нигъ неизвѣстно. Между тѣмъ смѣшеніе совершенно разныхъ постановленій имѣло своимъ неминуемымъ послѣдствіемъ затемнѣніе вполне простаго и яснаго вопроса о смыслѣ 263 ст. учр. суд. уст., которая, согласно

1 ст. Полож., примѣняется безъ всякихъ измѣненій и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

О взысканіи убытковъ съ чиновъ судебного вѣдомства г. Бунге сообщаетъ на стр. 123 тоже нѣсколько новыхъ свѣдѣній, а именно, если палата или сенатъ признали просьбу о разрѣшеніи отыскивать убытки подлежащею удовлетворенію, то судъ, рассматривающій дѣло по существу, можетъ только обсудить размѣръ убытковъ; если же, напротивъ, палатою и т. д. просьба оставлена безъ послѣдствій, то противъ отвѣтчиковъ можетъ быть предъявленъ обыкновенный искъ о взысканіи убытковъ; въ подтвержденіе этого мнѣнія имѣется ссылка на 1333, 1335 и 1336 ст. уст. гражд. суд., Schmidt, livl. Civilprocess § 63, 2 и ang. III ч. мѣстн. св. ст. 3444. Последняя статья опредѣляя, что обязанность вознагражденія за вредъ лежитъ на всякомъ, кто причинитъ оный своимъ дѣйствіемъ или упущеніемъ, однако ничего не говоритъ о *порядкѣ* взысканія убытковъ, который опредѣляется процессуальными законами—въ данномъ случаѣ 1331 ст. и слѣд. уст. гражд. судопр. Впрочемъ, авторъ могъ бы легко убѣдиться въ неправильности или, по крайней мѣрѣ, спорности своего мнѣнія, если бы справился у Боровиковскаго и въ подлинныхъ, приведенныхъ тамъ, рѣшеніяхъ; а именно, изъ рѣш. 1885 г. № 76, Боровиковскій, 1331, 2, видно, что московская судебная палата отказала по существу въ искѣ, несмотря на то, что подлежащая палата дала разрѣшеніе на предъявленіе иска объ убыткахъ, а въ тезисѣ 3 подъ этой же статьею приведено рѣшеніе сената, согласно которому ходатайство объ обращеніи на судей убытковъ должно быть заявлено въ порядкѣ, указанномъ въ 1331 и слѣд. статьяхъ устава гражданскаго судопроизводства.

Этихъ примѣровъ будетъ достаточно, чтобы убѣдиться въ основательномъ знаніи нашимъ авторомъ „имперскаго права“ въ области судоустройства; въ тоже время они могутъ служить доказательствомъ, къ какимъ выводамъ приводитъ принятый имъ методъ, даже по сравнительно простымъ вопросамъ о внутренней организаціи судовъ.

VII.

Перейду теперь къ вопросамъ непосредственно процессуальнымъ. Выше я уже говорилъ, что г. Бунге, при изложеніи процессуальныхъ институтовъ, иногда отправляется отъ постановленій устава и дополняетъ и разъясняетъ ихъ мѣстнымъ правомъ, иногда же, напротивъ, отправляется отъ послѣдняго. Посмотримъ, къ какимъ результатамъ онъ приходитъ при первомъ приѣмѣ, которымъ онъ пользуется, напри-мѣръ при изложеніи ученія объ исковомъ прошеніи (II т., стр. 143 и слѣд.). Здѣсь, между прочимъ, при указаніи на то, что согласно 4 п. 257 ст. уст. гражд. суд. въ исковомъ прошеніи требуется изложеніе обстоятельствъ дѣла, изъ коихъ искъ произтекаетъ, авторъ говоритъ, что, съ одной стороны, въ исковомъ прошеніи должны быть изложены всѣ тѣ фактическія обстоятельства, которыя необходимы для подтвержденія просительнаго пункта, а съ другой—должно быть изложено только то, что необходимо, а такъ какъ имперское право не даетъ по этому вопросу прямого отвѣта, между тѣмъ какъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, подъ руководствомъ общегерманскаго права, образовались въ этомъ отношеніи твердыя правила, то и къ нимъ нужно обратиться для разрѣшенія могущихъ здѣсь возникнуть сомнѣній, Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе этихъ правилъ.

Относительно просительнаго пункта говорится, что онъ долженъ быть формулированъ настолько точно и опредѣленно, чтобы судья не могъ сомнѣваться въ чемъ именно заключается требованіе истца. „Дѣйствующее въ этомъ отношеніи въ провинціяхъ общегерманское право устанавливаетъ слѣдующія правовыя правила, вытекающія изъ природы вещей и, поэтому, не противорѣчающія имперскому праву и, слѣдовательно, не потерявшія силу и послѣ судебной реформы, каковымъ правиламъ и соотвѣтствуютъ нѣкоторыя (einzelne) постановленія имперскаго права“ (II, стр. 151). Въ числѣ этихъ правилъ находится и то, что если истецъ меньше требуетъ, чѣмъ ему слѣдуетъ, то онъ этимъ не лишается права требовать впослѣдствіи еще и остальное особымъ искомъ. Это

подтверждено ссылками на римское право, причемъ прибавлено (стр. 152, прим. 48): „рѣшенія, указанная у Боровиковскаго, ст. 895, 16, находятся большею частью (zumeist) въ противорѣчїи съ провинціальнымъ гражданскимъ правомъ и, поэтому, не могутъ быть приняты въ руководство въ провинціяхъ“ (т. е. въ Прибалтійскихъ губерніяхъ). Между тѣмъ первый тезисъ у Боровиковскаго I. с. гласитъ: „если искъ о какомъ либо правѣ предъявленъ былъ истцомъ въ меньшемъ размѣрѣ противъ того, что принадлежало ему по закону, то вопросъ о такомъ правѣ, однажды разрѣшенный окончательнымъ рѣшеніемъ суда, долженъ считаться разрѣшеннымъ навсегда, и не можетъ уже быть возбужденъ между тѣми же сторонами, хотя и въ размѣрѣ большемъ противъ того, въ какомъ это право требовалось или въ остальномъ противъ того количествѣ“. Тезисъ этотъ воспроизводитъ одно изъ общихъ правилъ, устава, которое, разумѣется, обязательно и для Прибалтійскихъ губерній. Мнѣніе г. Бунге, что рѣшенія сената по сему вопросу *большею частью* не согласны съ гражданскимъ процессуальнымъ или матеріальнымъ правомъ Прибалтійскихъ губерній, не только вполнѣ голословно, но настолько неопредѣленно, что даже возражать нельзя; если авторъ дѣйствительно предполагалъ, что съ приведеннымъ тезисомъ несогласны постановленія матеріальнаго права, то слѣдовало указать эти постановленія, а не основываться исключительно на „дѣйствующемъ обще-германскомъ правѣ“.

Возьмемъ теперь примѣръ втораго приѣма т. II стр. 88 и слѣд. гдѣ говорится объ обезпеченіи правъ сторонъ. „Уставъ гражданского судопроизводства, пишетъ авторъ, трактуетъ ученіе объ обезпеченіи лишь съ точки зрѣнія обезпеченія исковъ и говоритъ только одинъ разъ объ обязанности истца обезпечить причиненныя противникомъ издержки по процессу. Провинціальное право, напротивъ, разрѣшаетъ требованіе обезпеченія какъ истцу, такъ и отвѣтчику, и это правило основано на признанномъ и имперскимъ правомъ принципѣ — равенствѣ правъ. Такъ какъ, слѣдовательно, обязанность истца представить обезпеченіе (Caution), если отвѣт-

чикъ такового требуетъ, не чужда имперскому праву, то существовавшія до сихъ поръ постановленія мѣстнаго права должны быть примѣняемы и послѣ судебной реформы, насколько они не противорѣчатъ въ отдѣльности имперскому праву, а соединяемы съ постановленіями его путемъ аналогіи“. Послѣ этого введенія слѣдуетъ ученіе о *Cautionen*, подъ которымъ, по опредѣленію автора, слѣдуетъ понимать требуемое судомъ, по ходатайству одной стороны, или даже *ex officio*, отъ противника, представленіе обезпеченія исполненія могущей быть возложенной на него обязанности (*Leistung*). *Caution*, такъ продолжаетъ авторъ, должна быть представлена *ответчикомъ* или истцомъ. Первый обязанъ представить: 1) *cautio de iudicio sisti*, т. е. обезпеченіе, что отвѣтчикъ явится передъ судомъ, когда судъ его потребуетъ. Допускаемость этой *cautio*, послѣ судебной реформы, слѣдуетъ изъ 591 ст. уст. гражд. суд.; сюда относится и залогъ, который ссылающійся на *excertio fori in competentis* отвѣтчикъ обязанъ представить по просьбѣ истца (581 ст. уст. гражд. суд.); 2) *cautio iudicatum solvi*, т. е. обезпеченіе, что отвѣтчикъ уплатитъ присуждаемую сумму, и она примѣняется по 591 ст.; 3) обезпеченіе, предусмотрѣнное 659 ст. уст. гражд. суд., но не упомянутое въ мѣстныхъ законахъ. Истецъ обязанъ представить: 1) *cautio pro damnis et expensis*. Въ общемъ имперскомъ правѣ, говоритъ авторъ, объ ней упоминается только въ 5 п. 571 ст.; кромѣ того, согласно 91 ст. полож., судъ, удовлетворяя просьбу о предварительномъ обезпеченіи, можетъ потребовать отъ истца обезпеченія убытковъ, которые могутъ быть нанесены отвѣтчикомъ вслѣдствіе принятія этой мѣры. Такимъ образомъ, подобная *cautio* установлена лишь для двухъ опредѣленныхъ случаевъ. Но несомнѣнно, по словамъ г. Бунге, что она можетъ быть истребована и въ другихъ случаяхъ. „Уставъ гражданскаго судопроизводства говоритъ: „удовлетвореніе просьбъ объ обезпеченіи зависитъ отъ опредѣленія суда“. Далѣе, при ученіи объ отводахъ и возраженіяхъ будетъ представлено доказательство, что упомянутые въ 571 ст. уст. и дополняющіе ее положенія

отводы, вобще не единственные, которые могут быть предъявлены особо от объяснений по существу дѣла. Требованіе cautio, если она не налагается судомъ ex officio, является всегда въ формѣ возраженія, какъ excerptio deficientis cautionis pro damnis et expensis. Хотя это возраженіе въ общемъ имперскомъ правѣ упоминается особо только относительно иностранца, но здѣсь должно быть указано на то, что независимо отъ доводовъ, которые будутъ указаны при ученіи объ отводахъ и возраженіяхъ, возраженіе недостающаго обезпеченія pro expensis признано и въ другомъ случаѣ и, слѣдовательно, нисколько не противорѣчитъ принципамъ общаго устава гражданского судопроизводства^а; 2) cautio pro reconventionе, т. е. обезпеченіе, что истецъ при предъявленіи встречнаго иска будетъ ствѣчать предъ тѣмъ же судомъ, а еще за то, что впослѣдствіи заплатитъ присужденную сумму,—она примѣняется по тѣмъ же основаніямъ какъ cautio de iudicio sisti и т. д.

Освобождены отъ представленія обезпеченія по общему германскому и провинціальному праву¹⁾, между прочимъ, лица, которыя въ округѣ Obergericht'a владѣютъ недвижимою собственностью. Уставъ не имѣетъ прямого постановленія по этому предмету, а б п. 576 ст., въ видѣ общаго правила, непримѣнимъ къ Прибалтійскимъ губерніямъ. Поэтому, такъ какъ Obergericht'омъ является с.-петербургская судебная палата, то отъ представленія обезпеченія освобождаются всѣ лица, владѣющія недвижимою въ трехъ провинціяхъ и въ С.-Петербургской губерніи²⁾.

Я сдѣлалъ здѣсь болѣе подробную выписку изъ разбираемаго сочиненія потому, что изложенныя соображенія весьма характеристичны для пріемовъ г. Бунге. Должно примѣ-

¹⁾ Это правило, по указанію автора стр. 95, прим. 29 заимствовано изъ Mittheil. des Ritters, c. 105, livl. Landgerichtsordn. 1832 г. §§ 16, Schmidt, livl. Proc. §§ 28, 7, Esthl. Ritt und Land-Recht I, 18, 1 Stat-Curl. 18, 33, Inst. I, 1, 23, 44, Rtg. St. II, 8, 3, II 15, 3, Lueb. Recht. III, 8, 5, V, 12, 7, Fr. 15. Dig. 2, 8; каковыя права, слѣдовательно, до сихъ поръ и послѣ судебной реформы сохранили свое дѣйствіе.

²⁾ Авторъ, очевидно, не знаетъ, что с.-петербургскій судебный округъ обнимаетъ еще и другія губерніи.

няться, по его мнѣнію, мѣстное процессуальное право во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно непротивно обще-русскому праву; но подъ противорѣчіемъ здѣсь уже не понимается, какъ сначала, противорѣчіе духу, а противорѣчіе буквѣ, т. е. допускается все то, что прямо не предусмотрѣно уставомъ, причемъ если уставъ допускаетъ извѣстное правило для одного спеціальнаго случая, то правило это для нашего автора становится общимъ. Несомнѣнно, что при такомъ приѣмѣ толкованія можно дойти до чего угодно; свидѣтельскія показанія допускаются въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ уставомъ случаяхъ, слѣдовательно, допущеніе ихъ въ другихъ случаяхъ не противорѣчитъ уставу; частныя жалобы допускаются въ извѣстныхъ случаяхъ, слѣдовательно, они допускаются по всѣмъ вообще вопросамъ, и т. д. и т. д. Но нужно отдать г. Бунге полную справедливость: съ должною осторожностью онъ и это правило примѣняетъ только тамъ, гдѣ оно можетъ содѣйствовать примѣненію мѣстнаго права; такъ напр., 5 п. 571 ст. уст. и 91 ст. полож. допускаютъ *cantio pro damnis et expensis*, слѣдовательно, она допускается во всѣхъ случаяхъ; 5 п. 571 ст. освобождаетъ отъ представленія ея лицъ, состоящихъ на русской службѣ и владѣющихъ въ Россіи недвижимымъ имѣніемъ, слѣдовательно, эти условія освобожденія во всѣхъ другихъ случаяхъ не требуются. Нельзя отказать этимъ выводамъ въ послѣдовательности *sui generis*.

Небезынтересны, наконецъ, и самыя доказательства, представленные г. Бунге; такъ напр., изъ постановленія 591 ст., что обезпеченіе при самомъ предъявленіи иска принимается только въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ по соображеніи доказательствъ истца усмотритъ, что необезпеченіе иска, представляющагося достовѣрнымъ, можетъ лишить истца возможности получить удовлетвореніе, онъ выводитъ допускаемость *cantio dejudicio sisto*, и т. д. Но изъ текста 591 ст. въ связи съ 590, 602 и др. ст. и еще болѣе изъ подробныхъ мотивовъ къ этимъ статьямъ вполне очевидно, что 591 ст. относится *исключительно* къ обезпеченію исковъ, *Arrestanlegung*

ж. гр. и уг. пр. кн. II 1893 г.

5

и, слѣдовательно, ни по буквальному, ни по внутреннему смыслу не можетъ быть отнесена къ caption'амъ. Вотъ къ какимъ результатамъ приводитъ насъ дополненіе устава мѣстнымъ правомъ „провинцій“.

Не трудно было бы увеличить число примѣровъ, подобныхъ вышеприведеннымъ; но пора остановиться. Я не предполагалъ писать подробный разборъ книги во всѣхъ ея частностяхъ, а хотѣлъ лишь указать на основные взгляды автора и въ видѣ примѣра на приемы, при помощи которыхъ онъ проводитъ ихъ по отдѣльнымъ вопросамъ и на результаты, къ которымъ онъ приходитъ. Для этой цѣли, какъ я думаю, сказанное вполне достаточно. Читатели даже могутъ мнѣ сдѣлать упрекъ, почему, въ виду явной ошибочности многихъ взглядовъ автора, явной несостоятельности его основныхъ положеній, я такъ много говорилъ объ этой книгѣ. Но дѣло въ томъ, что общее направленіе ея едва ли является выраженіемъ одного личнаго взгляда автора. Это предположеніе подтверждается, напр., засвидѣтельствованнымъ г. Бунге въ предисловіи участіемъ другихъ мѣстныхъ юристовъ въ его трудѣ, похвальнымъ отзывомъ объ этомъ сочиненіи, помѣщеннымъ въ одной изъ столичныхъ газетъ и т. д. Это-то и придаетъ нашей книгѣ извѣстное значеніе. Она является такимъ образомъ одобренной и другими лицами, попыткой возстановить путемъ толкованія дѣйствіе мѣстнаго процессуальнаго права, отмѣненнаго закономъ. Я, разумѣется, не хочу упрекать г. Бунге, что онъ сочинилъ всю свою книгу съ опредѣленною, предвзятою цѣлью умалить, во чтобы ни стало, значеніе устава на счетъ мѣстнаго права; напротивъ, я увѣренъ, что онъ искалъ правду самымъ добросовѣстнымъ образомъ и изложилъ свою систему прибалтійскаго процессуальнаго права именно въ томъ видѣ, въ какомъ она ему представлялась. Но бѣда только въ томъ, что нашъ авторъ уже черезчуръ увлекся своими симпатіями, которыя, разумѣется, всѣ на сторонѣ мѣстнаго права, да и

притомъ еще пользовался одними мѣстными правилами толкованія!

Можно однако думать, что г. Бунге не найдетъ въ литературѣ много послѣдователей. Нѣтъ сомнѣнія, что практика нашихъ прибалтійскихъ судовъ вскорѣ опредѣлитъ окончательно отношеніе прежняго процессуальнаго права къ уставу и тѣмъ самымъ прекратитъ навсегда всѣ попытки возстановленія отмѣненнаго порядка.

А. Фонъ-Резонъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. Есиповъ. *Поврежденіе огнемъ по русскому праву.* С.-Петербургъ. 1892 г.

Настоящій трудъ составляетъ работу, представленную г. Есиповымъ на степень магистра уголовного права. Поставивъ себѣ цѣлью разработать поврежденіе огнемъ по русскому праву, авторъ, въ главѣ первой (стр. 1—86), останавливается на историческомъ изслѣдованіи этого преступленія. Затѣмъ, во второй главѣ (стр. 87—133), разбирается понятіе поврежденія имущества огнемъ, а въ послѣдующихъ главахъ: глава третья (стр. 134—177), глава четвертая (стр. 178—230), глава пятая (стр. 231—264), глава шестая (стр. 265—321) и глава седьмая (стр. 322—346),—разсматриваются субъектъ, объектъ, внутренняя и внѣшняя сторона поджога и наказаніе. Уже изъ этого указанія видно, что главное содержаніе труда г. Есипова сводится къ догматической разработкѣ дѣйствующаго законодательства, въ которую притомъ включены понятія и положенія общей части уголовного права. Историческая же часть составляетъ небольшой отдѣлъ въ разсматриваемой работѣ, который къ тому же является и наиболѣе слабымъ. Остановимся на этомъ отдѣлѣ.

Глава первая, озаглавленная—исторія поврежденія имущества огнемъ, начинается не съ исторіи поджога у разныхъ народовъ, какъ бы слѣдовало, а съ разъясненія, что уголовное право всѣхъ народовъ развивается по тремъ періо-

дамъ: 1) право древнѣйшее, въ которомъ преимущественное значеніе имѣетъ частное начало, 2) право чисто національное, при которомъ одерживаетъ верхъ начало публичное, и 3) право заимствованій и обобщеній, въ которомъ начало частное примиряется съ началомъ публичнымъ. Преступное дѣяніе первой системы, говоритъ авторъ, характеризуется понятіемъ вреда; преступное дѣяніе второй системы — понятіемъ опасности; наконецъ, преступное дѣяніе третьей системы — понятіемъ проявленія преступности. Первая система смотритъ на преступное дѣяніе какъ бы съ точки зрѣнія гражданского права, вторая — съ точки зрѣнія полицейскаго права, и только третья, заявляетъ г. Есиповъ, находитъ истинную точку зрѣнія уголовного права (стр. 4).

Создавъ эти искусственные этапы, авторъ проводитъ по нимъ историческое развитіе понятія поджога. При этомъ совершенно упускаются изъ виду потребности мѣста и времени, а также національныя особенности, которыя, безъ сомнѣнія, вліяли на исторію этого института. Затѣмъ, остается непонятнымъ, почему эпоха древнѣйшаго права не должна считаться національною, отчего таковою является только слѣдующая эпоха и почему, наконецъ, послѣдней противоплагается система заимствованій и обобщеній. Излагая по такой схемѣ исторію поджога, г. Есиповъ неизбежно запутывается въ противорѣчія. Такъ напримѣръ, относительно соборнаго уложенія царя Алексѣя Михайловича, которое причисляется авторомъ къ чисто національному праву, оказывается, что постановленія уложенія о поджогѣ заимствованы частью изъ литовскаго статута, частью изъ греко-римскаго права. Обстоятельство это не смущаетъ однако г. Есипова. „Не смотря на кажущееся (?) заимствование, говоритъ онъ (стр. 35), уложеніе является все таки памятникомъ чисто русскаго права, въ которомъ есть и сказалась уже первая попытка обобщенія, то исключительно на почвѣ національнаго права. Исслѣдованіе подлинныхъ статей соборнаго уложенія показываетъ, что и диспозитивная и санкціонирующая ихъ части построены *сообразно общему*

духу и характеру народного русскаго права (?!). Последнее утверждение, по меньшей мѣрѣ, слѣдовало бы доказать. Однако авторъ никакихъ доказательствъ сказаннаго не приводитъ, ограничившись приведенною фразою. Относительно англійскаго права, въ рассматриваемой книгѣ отрицается даже система обобщенія, на томъ основаніи, что въ этомъ правѣ отсутствуетъ кодификація (стр. 4).

Въ эпоху господства системы чисто національнаго права, г. Есиповъ констатируетъ, что поджогъ имѣлъ почти всегда значеніе дѣянія опаснаго (стр. 55). Затѣмъ, въ слѣдующую эпоху обобщеній и заимствованій, преступное дѣяніе это мало по малу измѣняетъ свой характеръ и получаетъ, по мнѣнію автора, болѣе правильное опредѣленіе поврежденія имущества особыми средствами. Выводу этому, какъ извѣстно, противорѣчитъ одно изъ новѣйшихъ западноевропейскихъ уголовныхъ законодательствъ, а именно—германское, которое включило поджогъ въ рубрику общеопасныхъ преступленій. Противорѣчіе это авторъ, не колеблясь, истолковываетъ въ пользу своего мнѣнія. „Поджогъ, говоритъ онъ (стр. 84), будучи дѣяніемъ опаснымъ и общеопаснымъ, какъ и всѣ преступленія, прежде всего есть дѣяніе вредоносное, особый видъ поврежденія имущества, квалифицированный по особому значенію средствъ преступления и способа дѣйствія. Это признано почти всѣми законодательствами. Это *молчаливо*, продолжаетъ г. Есиповъ, *подтверждено* (?) и новѣйшимъ германскимъ правомъ, такъ какъ германское уложеніе 1871 г. помѣщаетъ общеопасныя преступленія и проступки (*gemeingefährliche Verbrechen und Vergehen*), къ которымъ отнесенъ поджогъ, непосредственно за отдѣломъ о поврежденіи имущества вообще (*Sachbeschädigung*)“. Выводъ этотъ поражаетъ неожиданностью. Германское уложеніе не только не подтверждаетъ молчаливо взгляда, отстаиваемаго въ рассматриваемой книгѣ, но, напротивъ того, путемъ отнесенія поджога къ общеопаснымъ преступленіямъ становится на совершенно другую точку зрѣнія.

Дѣло въ томъ, что и въ литературѣ уголовного права

вопросъ о правильности помѣщенія поджога въ ряду посягательствъ противъ имущества считается далеко не безспорнымъ. Въ германской литературѣ были, между прочимъ, возбуждены сомнѣнія въ томъ, что при отнесеніи этого преступленія къ числу имущественныхъ, нельзя было бы обосновать наказуемость поджога собственного имущества и опредѣлить моментъ, когда преступное дѣяніе это должно считаться оконченнымъ. Подъ влияніемъ такихъ сомнѣній въ германскомъ уложеніи была выдѣлена особая группа общепасныхъ преступленій. „Общая опасность, говоритъ одинъ изъ комментаторовъ названнаго уложенія ¹⁾, есть опасность, которая создается для жизни, здоровья или имущества неопредѣленнаго числа людей разрѣшеніемъ и прегражденіемъ силъ природы: огня и воды, пара и электричества, голода и болѣзни, нужды и войны, ибо война народовъ дѣйствуетъ опустошительно, какъ сила стихійная, и даже силы тяготѣнія къ матери сырой землѣ. Всякій долженъ остерегаться будить такіа стихійныя силы, надъ которыми онъ не можетъ сохранить господства“. Приведенная точка зрѣнія и послужила къ выдѣленію поджога германскимъ уложеніемъ въ дѣяніе общепасное. Между тѣмъ соображенія, которыя при этомъ приняты за основаніе подобнаго опредѣленія поджога, оставлены г. Есиповымъ безъ надлежащей критики. Объ этомъ нельзя не пожалѣть.

Взглядъ на указанное преступленіе какъ на дѣяніе общепасное не есть вовсе, какъ полагаетъ авторъ, вымирающій остатокъ эпохи, называемой имъ эпохою чисто національнаго права. Быть можетъ точкѣ зрѣнія германскаго уложенія предстоить даже будущность, ибо всюду наиболѣе тяжкими видами поджога признается истребленіе такихъ предметовъ, уничтоженіе которыхъ огнемъ, по ихъ свойству, грозило прежде всего и главнымъ образомъ не имущественному благосостоянію, а жизни и здоровію людей, ихъ личнымъ, наиболѣе цѣннымъ благамъ. Придавая же главное, первенствующее

¹⁾ Смотри Hollendorff. Handbûch, III, стр. 860.

щее значеніе при поджогѣ опасности для личныхъ благъ, тѣ законодательства, которыя включаютъ это преступленіе въ число имущественныхъ посягательствъ, едва ли являются въ этомъ отношеніи послѣдовательнѣе германскаго уложенія. Во всякомъ случаѣ г. Есиповъ не доказалъ въ своей книгѣ противнаго.

Обращаясь къ догматической части разсматриваемаго труда, нельзя не признать ее несравненно болѣе удачною, чѣмъ часть историческая. Толкованіе дѣйствующаго законодательства по нѣкоторымъ отдѣламъ является весьма интереснымъ. Наименѣе удачными представляются намъ соображенія автора по отдѣльнымъ вопросамъ общей части уголовного права. Коснувшись ихъ въ изслѣдованіи, посвященномъ поджогу, г. Есиповъ не могъ подробно останавливаться на общихъ вопросахъ. Между тѣмъ онъ не удержался по отношенію къ нимъ отъ новыхъ, пока еще весьма спорныхъ воззрѣній въ наукѣ уголовного права, которыя и приведены имъ безъ надлежащей мотивировки и объясненій. Укажемъ на нѣкоторые изъ этихъ взглядовъ.

Упомянувъ о томъ, что въ эпохи древнѣйшаго и чисто національнаго права господствуетъ мысль, что для общечитія важны не преступныя дѣянія, а преступныя личности, какъ субъекты этихъ дѣяній, авторъ высказываетъ сожалѣнія по поводу того, что прежнія понятія были замѣнены, благодаря Беккаріи и его послѣдователямъ, иными, новѣйшими воззрѣніями. „Вожди реакціи, говоритъ онъ, построили рядъ схоластически обоснованныхъ ученій о преступномъ дѣяніи и его наказаніи, *изнавъ вовсе ученіе о преступной личности, ея исправленіи или удаленіи* (??). Преступная личность была совсѣмъ позабыта; голый фактъ преступнаго дѣянія сталъ основою наказанія... Понятіе субъекта преступнаго дѣянія уступило мѣсто понятію самаго преступнаго дѣянія; личное состояніе преступности уступило мѣсто его проявленію“ (стр. 136). Упрекъ, дѣлаемый г. Есиповымъ такъ называемой классической школѣ уголовного права о томъ, что личность преступника была забыта ею, есть одно

изъ весьма серьезныхъ недоразумѣній. На самомъ дѣлѣ у всѣхъ представителей этого направленія, на ряду съ изслѣдованіемъ юридическаго понятія преступленія, оно разсматривается какъ продуктъ дѣятельности дѣеспособнаго субъекта, проявившаго въ преступномъ дѣяніи свою вину, съ ея разнообразными оттѣнками, съ особенностями вызывающихъ это дѣяніе мотивовъ, проявленными въ немъ чертами характера дѣятеля ¹⁾ и т. д.

Далѣе г. Есиповъ въ разсужденіяхъ, касающихся общей части уголовного права, нѣсколько разъ ссылается на „личное состояніе преступности“, какъ основаніе наказуемости. Терминъ этотъ, употребленный впервые въ нашей литературѣ профессоромъ И. Фойницкимъ (Ученіе о наказаніи, стр. 42), является, какъ на то справедливо указалъ профессоръ Н. Таганцевъ, крайне неопредѣленнымъ, лишеннымъ всякаго практическаго значенія. Тѣмъ не менѣе авторъ неоднократно пользуется этимъ терминомъ, не давъ нигдѣ его опредѣленія.

Курьезна въ разбираемомъ трудѣ постановка несовершеннолѣтія, какъ причины невмѣняемости (стр. 141). „Несовершеннолѣтіе, говоритъ г. Есиповъ, есть только *видъ ненормальностей*, отличающійся отъ нихъ лишь тѣмъ, что въ немъ соединяются не только нѣкоторыя физическія, но и нѣкоторыя психическія ненормальности, постоянныя и временныя“. Хороша ненормальность, черезъ которую проходятъ всѣ люди! Вмѣсто того, чтобы указать на возрастъ, какъ на причину, устраняющую вмѣняемость вслѣдствіе естественныхъ условій, постепеннаго развитія человѣческаго организма, авторъ предпочелъ отнести возрастъ къ ненормальностямъ.

Въ главѣ о субъектѣ преступленія, мы находимъ отдѣлъ о соучастникахъ (стр. 163—170) и о рецидивистахъ (стр. 170—177). Ученіе о первыхъ, попало въ главу о субъектѣ, такъ какъ въ настоящее время понятіе соучастниковъ, говоритъ авторъ, является опредѣленіемъ основнаго понятія преступныхъ дѣятелей (стр. 163). Подъ именемъ же рециди-

¹⁾ См. подробнѣе у Н. Таганцева, Лекціи по русскому уголовному праву, часть общая, вып. III, стр. 1198.

вистовъ смѣшаны всѣ лица, совершившія нѣсколько преступленій, безразлично къ моменту, когда они выполнены. Понятія совокупности и повторенія не должны быть болѣе разграничиваемы. Для уголовного права, утверждаетъ г. Есиповъ, важна не повторяемость преступныхъ дѣяній, а повторяемость извѣстныхъ проявленій личнаго состоянія преступности (стр. 170). Все это, къ сожалѣнію, очень и очень спорно. Напрасно авторъ включилъ спорныя положенія общей части уголовного права, которыя могли бы составить предметъ особой работы, въ изслѣдованіе по специальному вопросу о поджогѣ. Принявъ безъ достаточной мотивировки понятіе личнаго состоянія преступности, какъ основанія наказуемости, авторъ отказывается однако отъ этого понятія въ главѣ о наказаніи, въ которой мы уже читаемъ опредѣленіе, заимствованное у профессора Таганцева, что непосредственнымъ объектомъ карательной дѣятельности является лицо, но при этомъ только лицо, учинившее запрещенное закономъ дѣяніе, признанное виновнымъ въ немъ и отвѣчающее не только по поводу этого дѣянія, но и за это дѣяніе (стр. 336). Отмѣтимъ также, что въ ученіи объ умыслѣ при поджогѣ, г. Есиповъ совершенно не разработалъ вопроса о такъ называемомъ *dolus eventualis*—преступномъ безразличіи, при которомъ виновный, сознавая совершаемое и его послѣдствія, относится безразлично къ ихъ наступленію. По дѣламъ о поджогахъ чаще всего встрѣчается этотъ видъ умысла, а между тѣмъ авторъ почти не коснулся его.

На этомъ мы заканчиваемъ наши бѣглыя замѣчанія по поводу названной работы. Къ сожалѣнію, условія мѣста не позволяютъ намъ остановиться на частностяхъ, выставленныхъ авторомъ при толкованіи дѣйствующаго законодательства. Сколько намъ извѣстно, трудъ о поврежденіи огнемъ есть первая работа, съ которою выступилъ г. Есиповъ въ нашей литературѣ. Какъ всякая первая работа она неизбежно имѣетъ не мало недостатковъ. Но въ то же время она свидѣтельствуетъ о большой начитанности, добросовѣстности и умѣньи ясно и точно излагать свои мысли. Съ своей сто-

роны пожелаемъ автору полного успѣха въ дальнѣйшей научной разработкѣ уголовного права.

Его же. *Превышеніе и бездѣйствіе власти по русскому праву*. С.-Петербургъ. 1892 г.

Небольшая книжка, заглавіе которой только что указано, представляетъ собою попытку формулировать превышеніе и бездѣйствіе власти, какъ особый видъ должностныхъ преступленій въ нашемъ правѣ. Вопросъ этотъ въ нашей литературѣ совершенно не разработанъ. Между тѣмъ на практикѣ, какъ по поводу вообще преступленій должности, такъ и въ частности, относительно превышенія и бездѣйствія власти, возникаетъ масса недоразумѣній. Казуистичность нашего уложенія о наказаніяхъ сказывается въ этомъ отношеніи весьма сильно. Вполнѣ правъ г. Есиповъ, говоря, что вмѣсто дробной классификаціи должностныхъ преступленій было бы полезнѣе свести ихъ къ немногимъ обобщеннымъ группамъ (стр. 5).

Разнообразіе и распространенность случаевъ превышенія и бездѣйствія власти ставитъ эти дѣянія въ неразрывную связь со всѣми остальными служебными и неслужебными проступками. Вслѣдствіе этого означенныя преступленія сохраняютъ свою самостоятельность лишь постольку, поскольку они не переходятъ въ другія общія или должностныя преступленія. Эта связь понятій превышенія и бездѣйствія власти со всѣми другими преступными дѣяніями, приводитъ къ слѣдующей дилеммѣ: или понятія превышенія и бездѣйствія власти должны быть вовсе изъяты изъ уголовного кодекса, или же они должны занять первенствующее мѣсто въ ряду преступленій и проступковъ по службѣ. Первое рѣшеніе, поворитъ авторъ, слѣдуетъ считать болѣе правильнымъ, такъ какъ установленіе въ законодательствѣ особаго понятія превышенія и бездѣйствія власти не создаетъ ничего ни въ системѣ, ни въ существѣ закона. Подъ эту рубрику должны

подойти всѣ должностныя преступленія, кромѣ издомства и лихоимства. Почти всякій проступокъ должностнаго лица неизмѣнно представляетъ собою или превышеніе или бездѣйствіе власти, причемъ часто даже трудно отличить превышеніе отъ бездѣйствія власти. Что же касается, въ частности, бездѣйствія власти, въ смыслѣ нашего уложенія, то его даже нѣтъ почти никакой возможности отличить отъ нерадѣнія по службѣ (стр. 7). Съ приведенными разсужденіями автора нельзя не согласиться.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи содержится ближайшее опредѣленіе по нашему праву превышенія и бездѣйствія власти. Превышеніе власти, говоритъ г. Есиповъ, есть всякое дѣйствіе должностнаго лица въ нарушеніе закона или внѣ предѣловъ власти, наносящее вредъ государству, обществу, вѣрренной части или отдѣльному лицу, и совершенное безъ умысла учинить какое либо иное преступленіе при помощи власти, какъ средства преступнаго дѣянія. Бездѣйствіе же власти, есть всякое неупотребленіе должностнымъ лицомъ средствъ предотвращенія или преслѣдованія злоупотребленій или безпорядка, наносящее вредъ государству, обществу, вѣрренной части или отдѣльному лицу, и имѣвшее мѣсто безъ умысла учинить или попустить какое либо иное преступленіе при помощи власти, какъ средства преступнаго дѣянія (стр. 14). Изъ этихъ опредѣленій видно, что авторъ исключаетъ изъ области превышенія и бездѣйствія случаи умышеннаго совершенія, при помощи власти, преступленій. Такіе случаи составляютъ другія самостоятельныя общія или служебныя посягательства.

Подобное толкованіе, съ точки зрѣнія дѣйствующаго законодательства, является, однако, едва ли правильнымъ. Уложеніе о наказаніяхъ относитъ къ превышенію и бездѣйствію власти случаи какъ умышеннаго, такъ и неумышеннаго нарушенія. При этомъ, если превышеніе или бездѣйствіе выразилось въ какомъ либо спеціальномъ преступленіи, то виновный отвѣчаетъ по правиламъ о совокупности.

Относительно наказуемости рассматриваемыхъ преступ-

леній должности авторъ говоритъ, что вообще было бы лучше установить, что чиновникъ, совершающій при помощи власти какое либо общее преступленіе (напр. сопротивление властямъ, причиненіе тѣлеснаго поврежденія, нанесеніе оскорбленія и т. под.), при отправленіи должности или по поводу ея отправленія, — долженъ подвергаться высшей мѣрѣ наказанія, за это общее преступленіе установленнаго. Въ случаѣ же виновности чиновника именно въ превышеніи и бездѣйствіи власти, въ смыслѣ указанномъ г. Есиповымъ, виновный долженъ подлежать одному изъ специальныхъ наказаній, за должностныя преступленія назначаемыхъ. При опредѣленіи этихъ взысканій необходимо имѣть въ виду слѣдующее: Превышеніе и бездѣйствіе власти, сами по себѣ, собственно говоря, не заслуживаютъ строгаго наказанія, и могутъ вызывать лишь незначительную дисциплинарную кару. Но превышеніе и бездѣйствіе власти, заключающія въ себѣ посягательство на блага отдѣльных лицъ или на блага всего общества, заслуживаютъ серьезнаго наказанія, сообразно съ значеніемъ блага, бывшаго объектомъ преступленія. Однако, въ виду отсутствія у субъектовъ превышенія и бездѣйствія власти какихъ либо злонамѣренныхъ преступныхъ цѣлей, и въ виду того, что преступленія эти имѣютъ своимъ источникомъ лишь излишнее рвеніе или небреженіе, наказаніе не должно быть слишкомъ суровымъ, не должно доходить до слишкомъ большихъ размѣровъ. Въ то же время, въ виду того, что превышеніе и бездѣйствіе власти являются лишь основными формами, обнимающими всѣ виды должностныхъ преступленій, — для равномернаго опредѣленія наказаній и здѣсь, какъ и при другихъ преступленіяхъ, необходимо существованіе широкихъ предѣловъ между высшей и низшей мѣрой наказаній за эти преступленія (стр. 72 и 73). Къ такимъ пожеланіямъ мы, съ своей стороны, присоединяемся вполне.

Книжка г. Есиповича о превышеніи и бездѣйствіи власти является вообще полезнымъ трудомъ для изученія этой части преступленій должности. Написанная въ сжатой и притомъ

удобопонятной формѣ, она содержитъ въ себѣ не мало симпатичныхъ пожеланій относительно улучшеній нашего уголовного законодательства по указанному отдѣлу.

С. Д. Гальперинъ. *Очерки первобытнаго права*. С.-Петербургъ. 1893 г.

Первобытное право, построенное на добытыхъ историко-сравнительнымъ путемъ началахъ современнаго обычно-народнаго права нецивилизованныхъ народовъ, на изысканіяхъ о характерѣ правовой жизни народовъ древнѣйшихъ временъ, на тѣхъ данныхъ, какія даютъ изученіе языка, орудій, построекъ и другихъ матеріаловъ архаической древности,—получаетъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе самостоятельное значеніе. Только изученіе первобытнаго права въ состояніи освѣтить мракъ давно минувшихъ временъ и указать на тѣ первоосновы, которыя сдѣлались источникомъ государственной жизни и современнаго права историческихъ народовъ. Западная наука, соціологическая и юридическая, обладаетъ цѣлымъ рядомъ блестящихъ трудовъ, выдвинувшихъ изученіе первобытнаго права на первый планъ, придавшихъ этому изученію особый интересъ и положившихъ основаніе детальному освѣщенію различныхъ моментовъ древнѣйшей юридической жизни. Это направленіе, съ одной стороны, примкнуло, какъ начальное звено, къ той области юридическихъ наукъ, которая извѣстна подъ названіемъ исторіи права, а съ другой—стала составною частью еще молодой, но получившей первенствующее значеніе, науки—соціологіи. Русскіе ученые въ самое послѣднее время обратили свое вниманіе на серьезное изученіе первобытнаго и древняго права и обычая и обогатили русскую науку драгоценными трудами, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ сочиненія Зиберъ, М. Ковалевскаго и Кулишера.

Въ работахъ, имѣющихъ своею задачею изслѣдованіе первобытнаго права, принадлежитъ и книга г. Гальперина. Ее правильнѣе было бы назвать изслѣдованіемъ древнерус-

скаго права, такъ какъ этому послѣднему посвящена значительная часть работы названнаго автора. Къ сожалѣнію, предѣлы настоящей замѣтки лишаютъ насъ возможности познакомить читателей въ подробности съ весьма интересными свѣдѣніями и соображеніями, содержащимися въ рассматриваемой книгѣ. Мы ограничимся указаніемъ главныхъ положеній, приводимыхъ авторомъ въ вступительныхъ главахъ объ общихъ основахъ первобытнаго права.

Въ первичной жизни, говоритъ г. Гальперинъ, дѣйствуетъ рядъ правозиждущихъ началъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти начала могутъ порождать извѣстные институты совокупнымъ и извѣстнымъ вліяніемъ. При этомъ одно изъ началъ можетъ вліять въ большей степени, чѣмъ другія начала. То или иное сочетаніе дѣйствующихъ причинъ можетъ быть открыто только путемъ историко-сравнительнаго изученія того результата, который порожденъ этими причинами. Такъ, напр., совмѣстная охота дикарей обусловливается и экономическими побужденіями, и потребностью быть въ обществѣ: тутъ принимаетъ участіе и чувство самосохраненія и чувство борьбы. Въ семьѣ—экономическія побужденія, половое чувство и семейное чувство дѣйствуютъ одинаково сильно. Подъ такими же сложными вліяніями возникаетъ общественная власть: наиболѣе сильный и ловкій вождь, первый, фактически, захватываетъ власть; окружающіе его боятся, но также и довѣряютъ ему; отъ него, сверхъ того, получаютъ различныя матеріальныя выгоды; въ немъ любятъ своимъ идеаломъ; ему подчиняются, наконецъ, изъ подражанія остальнымъ людямъ (стр. 6 и 7).

Г. Гальперинъ доказываетъ, что нѣкоторые изъ признанныхъ наукою исходныхъ моментовъ древнѣйшаго права въ сущности не являются первоначальными. При этомъ онъ проводитъ ту мысль, что равное съ другими началами и, согласно съ характеромъ первичной культуры, даже большее значеніе должно быть дано началу хищничества, не какъ способа удовлетворенія потребностей, а какъ проявленія военной силы, силы индивидуализма.

Началомъ, на исключительномъ вліяніи котораго встрѣчаются попытки построить систему первобытнаго, а затѣмъ и древняго права, является, прежде всего, начало *религіознаго культа*. Виднѣйшій представитель этого ученія—Фюстель-де-Куланжъ; между тѣмъ не вѣрованія сами по себѣ, но потребности жизни ведутъ къ тѣмъ или другимъ юридическимъ предписаніямъ или институтамъ; религія же только подтверждаетъ выработанное жизнью. Производящимъ факторомъ религія выступаетъ лишь со второстепеннымъ значеніемъ, да и то далеко не въ первыя времена жизни общества, а нѣсколько позже, когда культъ становится дѣйствительно поглощающимъ общественнымъ элементомъ. Наконецъ, не блѣднѣютъ ли остальные факторы первичной культуры и права передъ болѣе сильнымъ факторомъ военныхъ интересовъ силы и самовольной расправы, который можно вообще назвать хищничествомъ (стр. 11)? Авторъ отмѣчаетъ также то обстоятельство, что теорія религіознаго культа не въ состояніи объяснить такого важнаго института древняго права, какъ месть.

Значеніе экономическихъ принциповъ гораздо серьезнѣе въ первобытномъ правѣ, чѣмъ религіозный культъ, хотя возводитъ эти принципы до высоты единственнаго и исключительнаго агента въ первичной жизни, было бы, по мнѣнію автора, неправильно, съ точки зрѣнія экономической, природа примитивнаго субъекта правъ является необъяснимой (стр. 22 и 23).

Первымъ, связующимъ звеномъ внутренней жизни народовъ были интересы нападенія и защиты. Самые древнія историческія данныя застаютъ первобытныхъ людей уже соединенныхъ въ группы, которыя отличались полною разнью и обособленностью, имѣвшихъ своимъ исходнымъ моментомъ хищнической образъ жизни. Одна группа видѣла въ другой только объектъ своихъ стремленій и легкую добычу, какъ это еще теперь имѣетъ мѣсто у нецивилизованныхъ племенъ.

Г. Гальперинъ возражаетъ далѣе противъ воззрѣнія, по которому въ первичныхъ группахъ господствовало одно на-

чало коллективизма. Тотъ всепоглощающій индивидуализмъ, говорить онъ, какой имѣеть мѣсто въ современномъ частномъ правѣ, не появился какъ *deus ex machina*; онъ не существовалъ бы даже, быть можетъ, если бы не имѣлъ зародышей въ первомъ же рожденіи высшаго существа — человѣка (стр. 33).

Личность, по указаннымъ выше причинамъ, тяготѣла къ группѣ, но вносила въ нее и свои права. Мировая группа была опорой личности, но она же заявила и свои самостоятельныя права по отношенію къ личности и наложила на нее извѣстныя обязанности. И это понятно: какъ порожденіе хищничества и его антитезы — мира, группа — виѣшнее выраженіе этого мира — отражала въ себѣ тотъ антагонизмъ съ хищничествомъ, которымъ былъ вызванъ самый миръ. Первые группы отличались полною исключительностью. И это потому, что первоначально замиренныя группы составили союзы именно съ цѣлью взаимной защиты и нападенія. Въ предѣлахъ общественнаго союза единичная личность является носительницею правъ, которыя внѣ союза не существовали вовсе. При этомъ древнѣйшее право есть время спутанности и взаимнаго переплетенія юридическихъ отношеній: гражданское право еще проникнуто уголовнымъ характеромъ, а право уголовное проникнуто въ своемъ проявленіи коллективизмомъ, господствующимъ въ сферѣ частныхъ правовыхъ отношеній. Явленіе это, говоритъ авторъ, есть слѣдствіе сосуществованія индивидуализма и коллективизма, хищничества и мира, какъ правообразующихъ источниковъ (стр. 49).

Таковы основныя воззрѣнія автора. Ими, по собственному его удостовѣренію, вносится немного новаго въ ученіе различныхъ изслѣдователей первобытнаго права. Важно во всякомъ случаѣ то, что онъ не отрицаетъ въ первичныхъ группахъ начала индивидуализма. Благодаря послѣднему объясняется какъ двойственный характеръ первобытнаго права, такъ и путь его дальнѣйшаго развитія, тотъ прогрессъ права, по которому оно шло въ дальнѣйшемъ теченіи общест-

ж. гр. и уг. пр. кн. п 1893 г. 6

ственной жизни. Это именно—путь ограничѣнія свободы лица въ однихъ отношеніяхъ (отношеніяхъ публичнаго порядка) и все большаго и большаго признанія этой свободы въ другихъ (отношеніяхъ гражданско-правовыхъ). Эта двойственность развитія права довела, съ одной стороны, до мелочной регламентаціи и полнаго подавленія индивидуальнаго начала въ уголовномъ правѣ полицейскихъ государствъ XVIII вѣка, а съ другой стороны—до того всепоглощающаго индивидуализма, какимъ характеризуется позднѣйшее римское и построенное на немъ современное гражданское право, чего бы не было и не могло бы быть, если бы не было тому зародышей въ такой же, но обратнаго характера, двойственности первичнаго права.

На этомъ мы обрываемъ изложеніе мыслей автора. Онѣ развиты имъ съ большою подробностью, причемъ, какъ указано выше, рассматриваемая книга содержитъ въ себѣ, кромѣ общихъ положеній, изслѣдованіе первобытнаго русскаго права. Изслѣдованіе это, безъ всякаго сомнѣнія, заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Н. Плискій. *О клептоманіи* (врожденной наклонности въ воровству). С.-Петербургъ. 1893 г.

Авторъ названной книжки взялъ на себя трудъ доказывать общеизвѣстный фактъ существованія особаго вида ненормальности, извѣстной подъ именемъ клептоманіи. Кажется въ этомъ фактѣ рѣшительно никто не сомнѣвается. При этомъ въ высшей степени страннымъ является утвержденіе г. Плисскаго, что „юриспруденція, психіатрія и медицина совершенно игнорируютъ существованіе клептоманіи, несмотря на то, что эта болѣзнь извѣстна была уже древнимъ грекамъ, какъ показываетъ самое названіе ея“. Мы можемъ успокоить автора Названныя имъ научныя области давно считаются съ фактомъ врожденной у нѣкоторыхъ лицъ наклонности къ воровству.

Къ тому же г. Плискій не даетъ рѣшительно никакихъ

новыхъ научныхъ указаній относительно клептоманіи. Представивъ самые общіе и, притомъ, исключительно внѣшніе признаки распознаванія воровства, совершаемаго лицомъ ненормальнымъ (отсутствіе мотива, плана, желанія скрыть улики и т. п.), авторъ весьма развязно рѣшаетъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли наказывать клептомановъ, въ томъ смыслѣ, что наказаніе такихъ лицъ не должно превышать *отдачи подсудимаго на поруки* кому либо изъ достойныхъ довѣрія гражданъ (?!). Въ доказательство же существованія клептоманіи, въ разсматриваемой брошюрѣ, кромѣ весьма скудныхъ свѣдѣній изъ западно-европейской практики, приведены данныя изъ русской жизни, почерпнутыя авторомъ или изъ собственныхъ наблюденій, или изъ разсказовъ другихъ лицъ. Вообще названная книжка г. Плисскаго лишена всякаго научнаго значенія.

А. Евреиновъ. *Акцизные нарушенія въ алфавитномъ порядкѣ, съ приложеніемъ правилъ о взысканіяхъ и кассационныхъ разясненій сената.* С.-Петербургъ. 1893 г.

Настоящая справочна я книжка составленная довольно тщательно и основанная на практикѣ по дѣламъ объ акцизныхъ нарушеніяхъ, можетъ быть полезнаю для справокъ.

И. Щеловитовъ.

М. И. Свѣшниковъ. *Основы и предѣлы самоуправленія. Опытъ критическаго разбора основныхъ вопросовъ мѣстнаго самоуправленія въ законодательствѣ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ.* С.-Петербургъ, 1892 г.

Изъ краткаго предисловія къ сочиненію мы узнаемъ, что оно является плодомъ не только теоретическаго изученія вопроса, но и личнаго ознакомленія автора, заграницею, съ дѣятельностью органовъ самоуправленія въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи. На страницѣ 7 первой части своей книги, г. Свѣшниковъ указываетъ цѣли, преслѣдуемыя его трудомъ.

„Цѣли эти заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ установленіи необходимыхъ признаковъ самоуправленія, какъ извѣстной формы участія народа въ государственной власти; 2) въ выясненіи главнѣйшихъ моментовъ, опредѣляющихъ систему самоуправленія въ той или иной странѣ; 3) въ сравнительномъ обзорѣннѣ взглядовъ законодательства главнѣйшихъ простыхъ (?) европейскихъ государствъ на одни основныя начала самоуправленія“. Далѣе авторъ даетъ понять, что онъ умышленно „суживаетъ обширную область изслѣдуемаго предмета“, чтобы дать возможность хотя нѣсколько разобратся въ сложномъ и важномъ вопросѣ. Принятый авторомъ способъ разрѣшенія серьезнѣйшаго изъ государственныхъ вопросовъ нашего времени, путемъ суживанія его, и установленія его общихъ началъ, путемъ сравненія лишь постановленій и взглядовъ одного положительнаго дѣйствующаго законодательства, является едва ли правильнымъ и никоимъ образомъ не можетъ повести къ открытію истинныхъ началъ самоуправленія, которыя могли бы лечь въ основу законодательства и практики этой обширной и все болѣе расширяющейся области народной жизни. Для сравнительной оцѣнки законодательства разныхъ странъ въ этой области, какъ и во всѣхъ иныхъ отрасляхъ права, необходимо подвергнуть дѣйствующія законоположенія научной и жизненной критикѣ, изучивъ съ достаточною подробностью не одно бумажное начертаніе институтовъ и уставовъ, но всѣ условія осуществленія ихъ въ дѣйствительной жизни и состояніе тѣхъ отраслей мѣстнаго общественнаго хозяйства, которыя вѣдаются органами самоуправленія, а эти-то самые важнѣйшіе вопросы авторъ оставляетъ не изслѣдованными, потому что онъ „не располагалъ ни достаточнымъ матеріаломъ, ни достаточнымъ знаніемъ и подготовкою“ (стр 8). Трудъ свой г. Свѣшниковъ дѣлитъ на двѣ части, заключающія 228 и 296 страницъ, оставляя общую нумерацію главъ. Первая глава содержитъ въ себѣ „Общій ходъ развитія мысли“, вторая озаглавлена: „Компетенція самоуправленія“, третья—„Организація самоуправления“, четвертая—„Контроль надъ самоуправленіемъ“

и пятая— „Политическое и социальное значеніе самоуправленія“. Въ концѣ книги приложены 34 статистическія таблицы, содержащія данныя о составѣ по сословіямъ земскаго представительства въ 34 губерніяхъ. Въ § 5 послѣдней главы, озаглавленномъ „Итоги изслѣдованія“, авторъ указываетъ основныя начала самоуправления и говоритъ: „Мы можемъ суммировать ихъ слѣдующимъ образомъ: 1) правильная постановка компетенціи самоуправления предполагаетъ, что всѣ дѣла мѣстной администраціи, поддающіяся мѣстному ограниченію (?), должны составлять предметъ вѣдомства мѣстнаго самоуправления на правахъ государственной власти (самостоятельность рѣшеній и исполнительная власть); 2) правильная организація самоуправления предполагаетъ рядъ административныхъ союзовъ въ государствѣ, основанныхъ на выборномъ началѣ, при широкомъ допущеніи всѣхъ самостоятельныхъ элементовъ мѣстности къ участію въ мѣстномъ представительствѣ и въ свободной организаціи учреждений самоуправления; 3) дѣйствительный контроль надъ самоуправленіемъ предполагаетъ необходимымъ признаніе контроля лишь надъ законностью, а не надъ цѣлесообразностью дѣйствій самоуправления и въ организаціи цѣлой сѣти самостоятельныхъ учреждений, которыя должны разрѣшать вопросы о пререканіяхъ между самоуправленіемъ и лицами и учрежденіями, за онымъ надзирающими“ (ч. 2 стр. 295 и 206). Неопредѣленность и неудобопонимаемость „этихъ, какъ выражается авторъ, необходимыхъ принциповъ самоуправления“, происходитъ, прежде всего, отъ того, что и самъ авторъ не уяснилъ себѣ ихъ сущности и смысла и, притомъ, выразилъ или въ словахъ, едва ли подходящихъ къ характеризующимъ предметамъ. Напримѣръ, что такое „дѣла мѣстной администраціи, поддающіяся мѣстному ограниченію“? Таковы ли это дѣла, которыя имѣютъ мѣстный интересъ и значеніе, или это предметы, которыми законодатель ограничить кругъ дѣятельности мѣстныхъ учреждений? Административные союзы, о которыхъ говоритъ авторъ во второмъ пунктѣ („принципъ“, по его терминологіи), представляютъ ли

собою самоуправляющіяся группы мѣстнаго населенія или это органы ихъ или нѣчто иное? Что такое „самостоятельные элементы мѣстности“, допускаемые авторомъ къ участию въ мѣстномъ представительствѣ, гдѣ существуютъ элементы не-самостоятельные и почему они устраняются отъ этого участия? Для чего пужна при признанной авторомъ самостоятельности земскаго самоуправленія еще „цѣлая сѣть самостоятельныхъ учреждений“ для его контроля и не будетъ ли эта „сѣть учреждений“, опутывая кругомъ органы самоуправления, совершенно парализовать ихъ самостоятельность и убивать ихъ жизнеспособность? Таковы нѣкоторые вопросы, невольно являющіеся при разсмотрѣніи „принциповъ“ автора и оставаемые г. Свѣшниковымъ безъ удовлетворительнаго отвѣта. Если приведенныя нами выше заключительныя строки сочиненія освободить отъ ненужныхъ и противорѣчивыхъ словъ и выраженій, то указываемыя авторомъ основы самоуправления резюмируются такъ: 1) вѣдомство самоуправления ограничивается дѣлами, ему подвѣдомственными, и въ кругу ихъ самоуправленіе должно быть властно и самостоятельно; 2) организація самоуправления должна представлять рядъ административныхъ союзовъ изъ всѣхъ самостоятельныхъ элементовъ мѣстности; 3) законность дѣятельности самоуправляющихся единицъ контролируется цѣлою сѣтью самостоятельныхъ учреждений и т. д. Насколько неопредѣленны и не новы всѣ эти положенія—предоставляемъ судить самимъ читателямъ, но мы полагаемъ, что для доказательства справедливости подобныхъ положеній не стоило писать обширнаго и объемистаго изслѣдованія.

Въ началѣ труда, передъ оглавленіемъ, напечатаны положенія, числомъ тридцать, извлеченныя изъ сочиненія. Всѣ эти положенія представляютъ собою, по большей части, мнѣнія автора по детальнымъ—если не сказать мелочнымъ—вопросамъ самоуправления. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ шестое положеніе—о выдѣленіи изъ круга вѣдомства самоуправления полиціи безопасности ради политическихъ соображеній, отличаются слишкомъ большою общезвѣстностью. Нѣ-

которыя же, какъ напр. два. эженіи осо-
бой административно-судебной коллегіи для разсмотрѣнія протестовъ администраціи и рѣшенія вопросовъ объ ответственности органовъ самоуправления, находятся въ противорѣчіи съ общимъ направленіемъ автора, симпатизирующаго самостоятельной и прочной постановкѣ самоуправления. Восемьнадцатое положеніе автора изложено такъ: „Въ организаціи исполнительнй части самоуправления (выборъ системъ управления: коллегіальной или единоличной, учрежденіе различныхъ должностей и т. п.) долженъ быть предоставленъ большій просторъ самому мѣстному представительству. Это положеніе безусловно не выдерживаетъ критики и въ самоуправленіи, дѣйствующемъ при условіяхъ борьбы партій и всѣмъ извѣстной смѣнѣ личнаго состава дѣятелей, подобный порядокъ можетъ сдѣлаться поводомъ къ шаткости и частой измѣнчивости устройства исполнительныхъ органовъ.“

Въ трудѣ г. Свѣшниковъ имѣется не мало интересныхъ свѣдѣній о постановкѣ самоуправления въ западной Европѣ и въ Россіи. Къ сожалѣнію, изложеніе страдаетъ излишнею субъективностью и почти весь трудъ написанъ тѣмъ тяжелымъ и неправильнымъ слогомъ, образцы котораго мы привели въ сдѣланныхъ выше извлеченіяхъ и выпискахъ.

А. Тютрюмовъ.

М. Мышъ. *Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ.*
С.-Петербургъ, 1892 г.

Во всемъ мірѣ, кажется, нѣтъ такого государства, которое издавало бы для какой либо изъ входящихъ въ составъ его населенія народности такое множество законовъ, какъ это имѣетъ имѣетъ мѣсто въ Россіи, относительно евреевъ. Дѣйствительно, у насъ нѣтъ почти никакой сферы гражданскихъ или общественныхъ правъ, нѣтъ ни одной отрасли человѣческой дѣятельности, въ которой не имѣлось бы хоть какихъ нибудь узаконеній, касающихся специально евреевъ и носящихъ ограничительный характеръ. Для того, чтобы въ

этомъ убѣдиться, достаточно только пробѣжать оглавленіе къ книгѣ г. Мыша. Чего только тамъ не найдешь, какихъ только областей человѣческихъ правъ и труда не касаются излагаемыя имъ узаконенія о евреяхъ. Начать съ пресловутаго права жительства евреевъ, права свободнаго избранія каждымъ человекомъ для себя мѣстопробыванія; какихъ только относительно этого предмета нѣтъ узаконеній: имъ г. Мышъ вынужденъ посвятить 8 главъ своего труда въ 169 стр. текста. Здѣсь есть: о правѣ жительства евреевъ въ чертѣ ихъ осѣдлости и объ ограниченіяхъ его; о правѣ повсемѣстнаго жительства евреевъ по купеческому и образовательному цензамъ; о правѣ повсемѣстнаго жительства по ремеслу и по службѣ военной; здѣсь есть узаконенія о правѣ жительства евреевъ въ отдѣльных мѣстностяхъ внѣ черты еврейской осѣдлости, въ отдѣльных областяхъ и городахъ: Курляндіи, Ригѣ, Николаевѣ и Севастополѣ, Кіевѣ и даже въ разныхъ частяхъ этого города, на Кавказѣ, Туркестанскомъ краѣ и въ Сибири. Затѣмъ идетъ рѣчь о правѣ залога и арендованіи евреями недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ, о торговыхъ и промышленныхъ правахъ евреевъ, о правахъ евреевъ по ремеслу, о мѣрахъ привлеченія евреевъ къ земледѣлію, объ образованіи евреевъ, объ учрежденіяхъ для распространенія между евреями просвѣщенія, ремесла и земледѣлія, о правахъ по государственной, общественной и военной службѣ и т. д. и т. д., чуть ли не о всѣхъ правахъ еврея, какъ человѣка и гражданина.

Такое множество въ разное время постановленныхъ для евреевъ ограниченій, въ связи ихъ съ дѣйствующими общими законами, не могло не породить противорѣчій и недоумѣній, которыя, говоритъ г. Мышъ въ предисловіи къ своему труду, въ послѣднее время достигли громадныхъ размѣровъ, отражаясь тяжелыми послѣдствіями на правѣтѣхъ. Это послужило основаніемъ для автора взять на себя трудъ познакомить читателей съ русскими узаконеніями о евреяхъ, давъ имъ надлежащее освѣщеніе и изложивъ ихъ „въ болѣе или менѣе систематически разработанномъ видѣ, со включеніемъ какъ

исторических указаний и мотивов, весьма важных для уяснения истинного смысла закона, такъ и судебной и административной практики“. Г. Мышь весьма успешно справился съ поставленной себѣ задачей. Онъ сѣмѣлъ изъ огромнаго матеріала, который имѣется по настоящему вопросу, выбрать только существенно важное, онъ останавливается лишь на важнѣйшихъ моментахъ развитія русскаго законодательства о евреяхъ и отбрасываетъ всѣ тѣ мелочи, все то множество мелочныхъ фактовъ и неимѣющихъ большаго значенія историческихъ данныхъ, которые только путаютъ читателя, отвлекаютъ его мысль отъ существенно важныхъ вопросовъ современности. Это большее достоинство труда г. Мыша, а въ связи съ тѣмъ, что выбранный имъ матеріалъ приведенъ въ стройную систему и что объясненія и комментарии, даваемые г. Мышемъ къ различнымъ узаконеніямъ, дышутъ полнымъ безпристрастіемъ и свободны отъ того фанатически нетерпимаго тона, который усвоили себѣ чуть-ли не всѣ трактующіе еврейскій вопросъ, книга г. Мыша представляетъ собою отрадное явленіе и не можетъ не считаться цѣннымъ вкладомъ въ русскую юридическую литературу.

Въ предисловіи къ своему труду г. Мышь говоритъ, что имъ „разсужденія о еврейскомъ вопросѣ устранены, въ виду назначенія книги какъ руководства къ *дѣйствующимъ* законамъ о евреяхъ“. Этимъ, надо думать, объясняется, какъ догматическій методъ изложенія, такъ и слабость критическаго элемента въ трудѣ г. Мыша. Онъ явно избѣгаетъ критики и уклоняется отъ выраженія своихъ мнѣній по поводу трактующихъ имъ узаконеній; только изрѣдка, въ видѣ исключенія, въ случаяхъ очевиднаго несоотвѣтствія ихъ съ дѣйствительною жизнью, авторъ какъ бы не выдерживаетъ тона и у него прорываются критическія замѣчанія. Нельзя не пожалѣть, что эти замѣчанія автора, всегда правильныя и полныя здравой критики, основанной на огромномъ запасѣ знаній, встрѣчаются въ видѣ исключенія, а не составляютъ общаго правила. Въ такомъ случаѣ трудъ г. Мыша получилъ бы большій интересъ, не говоря уже о томъ, что только при

этомъ условіи и возможно наилучшее усвоеніе читателемъ изучаемаго имъ предмета. Мы, впрочемъ, говоримъ это не въ упрекъ автору, такъ какъ онъ ставилъ себѣ другую задачу, въ предѣлахъ которой трудъ его долженъ считаться выполненнымъ какъ нельзя болѣе добросовѣстно. Остается только пожелать, чтобы книга г. Мыша служила не только юристамъ-практикамъ, которые, дѣйствительно, найдутъ въ ней все, что имъ можетъ понадобится по такъ называемымъ еврейскимъ дѣламъ, но чтобы она сдѣлалась также достояніемъ большой публики, которая, не имѣя, въ сущности, никакого понятія объ юридическомъ положеніи евреевъ, тѣмъ не менѣе привыкла съ легкимъ сердцемъ рѣшать еврейскій вопросъ. Въ этой книгѣ, написанной простымъ, вполне доступнымъ и для некуриста языкомъ, читатель найдетъ много новаго, интереснаго и весьма поучительнаго.

Н. В—ъ.

Гражданская практика кассационнаго сената за 1885—1892 годъ.

Настоящій сборникъ заключаетъ въ себѣ практику гражданского кассационнаго департамента правительствующаго сената за послѣднія восемь лѣтъ, по 1892 годъ включительно. Онъ раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ въ первой, содержащей въ себѣ 234 страницы, мы находимъ положенія, высказанныя за означенный періодъ времени сенатомъ и разъясняющія отдѣльныя статьи 1 ч. X т., устава гражданского судопроизводства, 3 ч. X т. (зак. межевые), 1 и 2 ч. XI т. городского положенія, устава о податяхъ, устава о пошлинахъ, таможеннаго, лѣснаго, о питейномъ сборѣ, IX тома (зак. о состоян.) и особаго къ нему приложенія, устава путей сообщенія, общаго устава российскихъ желѣзныхъ дорогъ, 1 и 2 ч. XII т., устава о паспортахъ (XIV т.) и, наконецъ, статьи и правила разныхъ мѣстныхъ узаконеній. Положенія извлечены умѣлою рукою, изъ подлинныхъ рѣшеній, и составляютъ подлинныя выраженія этихъ рѣшеній. Затѣмъ,

вторая часть сборника, въ которой 958 страницъ, представляетъ собою выписки изъ важнѣйшихъ рѣшеній сената за тотъ же періодъ времени, причемъ выписки эти распределены по годамъ, начиная съ 1885 г. Въ концѣ приложенъ алфавитный указатель рѣшеній, разъясняющихъ какъ общія узаконенія, такъ и мѣстныя. Настоящій сборникъ представляетъ собою превосходный трудъ, задуманный и выполненный съ знаніемъ дѣла и добросовѣстностью. Для каждаго судебного дѣятеля знакомство съ кассационною практикою сената представляется безусловно необходимымъ не только въ виду обязательности толкованія законовъ со стороны сената для судебныхъ учреждений, но и по своей научной цѣнности. Правда, есть рѣшенія, неимѣющія серьезнаго значенія, противорѣчащія иногда общимъ началамъ права и несогласованныя съ прежде высказанными самимъ сенатомъ положеніями; но такого рода рѣшенія въ настоящее время встрѣчаются сравнительно рѣдко и обусловливаются большею частью несовершенствомъ и казуистичностью самихъ законовъ. Съ другой стороны, въ сенатскихъ рѣшеніяхъ мы находимъ не мало цѣннаго, имѣющаго научное значеніе и громадную важность для всего гражданскаго оборота. Достаточно вспомнить выработанную сенатомъ доктрину относительно институтовъ *negotiorum gestio*, *condictio indebiti*, *mandatum tacitum*, невѣдомыхъ нашему своду гражданскихъ законовъ, чтобы оцѣнить всю важность изученія кассационныхъ рѣшеній. Къ сожалѣнію, изученіе рѣшеній сената по официальнымъ ихъ сборникамъ представляетъ не маловажныя затрудненія, не столько вслѣдствіе ихъ объема, сколько отъ непріложенія къ нимъ систематизированнаго указателя положеній, высказанныхъ въ рѣшеніяхъ въ разъясненіе истиннаго смысла закона. Разбираемый нами сборникъ устраняетъ эти трудности: онъ даетъ всѣ положенія, высказанныя сенатомъ за послѣднія восемь лѣтъ, въ разъясненіе смысла закона, и расположенныя въ систематическомъ порядкѣ; въ немъ исключены рѣшенія, неимѣющія руководящаго значенія, и наконецъ, въ немъ, во второй его части, помѣщены выписки изъ

подлинныхъ рѣшеній, съ надлежащею полнотою. Нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія этому сборнику, тѣмъ болѣе, что приобрѣтеніе его устраняетъ необходимость имѣть восемь подлинныхъ сборниковъ сенатскихъ рѣшеній. Цѣна сборнику весьма умѣренная—3 рубля.

С. Громачевскій (членъ житомирскаго окружнаго суда). *Ограничительные законы по землевладѣнію въ западномъ краѣ, съ мотивами и разясненіями.*

Настоящій сборникъ ограничительныхъ законовъ по землевладѣнію въ западномъ краѣ появился весьма кстати, такъ какъ извѣстные намъ два сборника, изданные: одинъ—по распоряженію покойнаго кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Дрентельна, а другой—старшимъ нотаріусомъ ковенскаго суда Н. Смирновымъ, съ одной стороны устарѣли, а съ другой—не находятъ уже въ обращеніи. Настоящій сборникъ имѣетъ и то преимущество, что въ немъ приведены не только мотивы ограничительныхъ законовъ, но и преподанные правительствующимъ сенатомъ разясненія по поводу нѣкоторыхъ изъ этихъ узаконеній. Сборникъ небольшой по объему (21 страница въ 8 долю листа) и доступенъ по цѣнѣ (30 коп.).

В. Мордухай-Болтовскій (предсѣдатель таганрогскаго окружнаго суда). *Межевые законы съ изложженіемъ и объясненіемъ: историко-юридическихъ свѣдѣній о межеваніи въ Россіи, нынѣ существующаго порядка судебнаго межеваго разбирательства, судебныхъ доказательствъ по межевымъ дѣламъ и порядка отграниченія и обмѣна крестьянскихъ земель, а также возобновленія межевыхъ знаковъ. 1893 годъ.*

Авторъ, въ своемъ предисловіи, объясняетъ мотивы, вызвавшіе появленіе своего труда на свѣтъ. Совершенно справедливо онъ указываетъ на тѣ трудности, которыя возникаютъ при примѣненіи межевыхъ законовъ на практикѣ и на ту неопредѣленность и неполноту, которыя замѣчаются въ

этихъ законахъ. Для надлежащаго ихъ изученія вполне основательно авторъ рекомендуетъ историческій методъ и съ этою цѣлью въ своей книгѣ, прежде всего, даетъ историко-юридическія свѣдѣнія о межеваніи въ Россіи, почерпнутыя имъ изъ трудовъ комисіи (5 томовъ этихъ трудовъ напечатаны въ 1864—1867 гг.), учрежденной при министерствѣ юстиціи, въ шестидесятихъ годахъ, для составленія проекта межеваго устава. Затѣмъ авторъ даетъ понятіе о существующемъ порядкѣ межеваго разбирательства, причемъ отдѣльныя правила по сему предмету разъясняетъ не только на основаніи кассационныхъ рѣшеній, но и пользуется указаніями науки и нашей литературы. Симпатично въ авторѣ то, что онъ не ограничивается буквою закона, но старается отыскать его смыслъ и горячо ратуетъ за необходимость научнаго освѣщенія закона. Далѣе авторъ разбираетъ съ должною основательностью судебныя доказательства по межевымъ дѣламъ и, наконецъ, рассматриваетъ порядокъ отграниченія и обійма крестьянскихъ земель, а также возобновленія межевыхъ знаковъ. Разбираемая книга составлена умѣлою рукою юриста-практика, такъ что можно пожелать ей самаго широкаго распространенія.

О. Лихтенштадтъ. *Судебная практика кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената по гражданскому праву и судопроизводству за 1890 годъ.*

Эта небольшая книжка въ 8 долю листа, въ 166 страницъ, издана съ цѣлью не только познакомить читателей съ высказанными въ 1890 году сенатомъ положеніями, разъясняющими вопросы гражданскаго права и судопроизводства, но и напомнить о своихъ работахъ, помѣщенныхъ въ газетѣ „Новости“ и въ Журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ“ и касающихся нѣкоторыхъ вопросовъ, затронутыхъ упомянутыми рѣшеніями сената. Что касается положеній сената, то они извлечены составителемъ настоящей книги изъ подлинныхъ

рѣшеній болѣе или менѣе удовлетворительно. Но г. Лихтенштадтъ не ограничился одними извлеченіями изъ рѣшеній сената положеній, онъ пожелалъ издать вмѣстѣ съ этимъ и свои критическія замѣчанія, которыя не представляютъ собой цѣльности ни съ научной, ни съ практической точки зрѣнія. Большинство изъ этихъ замѣчаній сдѣлано, такъ сказать, мимоходомъ и недостаточно обосновано; другія же замѣчанія, хотя и многословны, но за то мало основательны. Но что болѣе всего дѣйствуетъ непріятно въ критическихъ замѣткахъ автора—это большое самомнѣніе и критическая самоувѣренность, которыя могутъ быть терпимы развѣ въ людяхъ, пользующихся заслуженною извѣстностью въ юридической литературѣ и сужденіе которыхъ представляется авторитетнымъ. Такъ, на 12 страницахъ своей книжки (55—66 стр.), авторъ высокопарно трактуетъ по поводу кассационнаго рѣшенія по дѣлу Германовъ (№ 124) и не давши себѣ труда серьезно обсудить доводы палаты, изложенныя въ ея рѣшеніи, удивляется, какъ могло состояться подобное рѣшеніе, когда въ настоящее время всѣ граждане одинаково должны пользоваться защитой суда. Вмѣсто разнаго рода восклицаній (въ родѣ: неужели!), десятки разъ некстати повторенныхъ, лучше было бы изучить доводы палаты, изложенныя нами въ одной изъ книгъ нашего журнала за 1890 годъ. Спорные и серьезные вопросы не рѣшаются безъ всесторонняго обсужденія. Если кассационный сенатъ и отмѣнилъ рѣшеніе кievской судебной палаты по дѣлу Германовъ, то это еще не значитъ, что палата постановила явно неправильное рѣшеніе. Такое разногласіе между сенатомъ и палатою свѣдѣтельствуешь лишь, что затронутый въ данномъ дѣлѣ вопросъ далеко не безспоренъ. Мы не знаемъ единогласно ли онъ разрѣшенъ въ сенатѣ или только по незначительному большинству голосовъ, но что намъ достовѣрно извѣстно—это то, что оберъ-прокурорскій надзоръ вполне раздѣлялъ взглядъ палаты и представитель его въ судебномъ засѣданіи сената, товарищъ оберъ-прокурора Н. И. Барковский, съ замѣчательною силою и убѣдительною доказывалъ неоснова-

тельность кассационной жалобы Германовъ. Въ болѣе свободное время мы постараемся съ большимъ вниманіемъ остановиться на рѣшеніи сената по настоящему дѣлу и указать, въ чемъ именно заключается невѣрность исходной точки кассационнаго рѣшенія.

Цѣна разбираемой книжки 1 р. 25 к. нѣсколько высока.

К. Змировъ.

А. Боровиковскій. *Отчетъ судьи. Томъ второй: давность, судъ и семья.* С.-П.-Б. 1892 г.

Въ январской книгѣ „Журн. гражд. и угол. права“ за минувшій годъ мы отмѣтили появленіе перваго тома вышеприведеннаго сочиненія, какъ фактъ, заслуживающій вниманія каждаго серьезнаго юриста, стремящагося, въ своей практической дѣятельности, согласовать неподвижныя нормы закона съ требованіями жизни, теоретическія положенія права съ идеалами справедливости и человѣколюбія. Вышедшій нынѣ второй томъ „Отчета судьи“, въ такой же степени какъ и первый, проникнуть дѣлательнымъ и, можно сказать, неутомимымъ стремленіемъ *творить судъ по совѣсти*, т. е. разрѣшать каждый вопросъ права, затрогивающій насущные интересы человѣческаго общежитія, не только по соображеніямъ чисто юридическимъ, но и по мотивамъ нравственнаго и бытоваго свойства, отыскивать, при разнорѣчіяхъ и недомолвкахъ дѣйствующаго закона, наиболѣе жизненный и наиболѣе человѣчный выходъ изъ испытываемыхъ судьей затрудненій, однимъ словомъ—всюду и вездѣ ставить впереди рутинной задачи судейской дѣятельности—*примѣненіе закона къ данному случаю*, живое и плодотворное стремленіе водворять правду и гармонію въ между-человѣческихъ отношеніяхъ.

Съ наибольшей силой указанная черта судейской фizioноміи автора „Отчета“ отразилась въ очеркѣ, посвященномъ имъ глубокожизненному и полному захватывающаго интереса вопросу объ отношеніяхъ между супругами, родителями и

дѣтьми. Этюдъ „Судъ и семья“, помимо тѣхъ высокихъ и прекрасныхъ мыслей, которыя въ немъ содержатся и обращены авторомъ, такъ сказать, ad hominem, представляетъ и интересъ философскій, въ томъ смыслѣ, что многія, кажущіяся невыблемыми, положенія права и процесса, въ значительной степени подрываются доводами и воззрѣніями, проводимыми въ названномъ этюдѣ. Мы постараемся, въ предѣлахъ возможнаго, познакомить читателей съ содержаніемъ двухъ этюдовъ, вошедшихъ во второй томъ „Отчета судьи“, въ полной надеждѣ, что одно лишь знакомство съ мыслями и положеніями автора этого сочиненія можетъ дать богатую пищу для размышленія и обильный матеріалъ для дальнѣйшей плодотворной работы въ области тѣхъ вопросовъ, которые затронуты г. Боровиковскимъ.

Основная мысль этюда „Судъ и семья“, мысль, иллюстрируемая на всемъ протяженіи названнаго этюда и теоретическими разсужденіями, и примѣрами изъ дѣйствительной жизни, заключается въ томъ, что *„судъ, вооруженный только силою внѣшняго принужденія, не можетъ претендовать на роль охранителя и возстановителя семейнаго мира“*. Основа семьи—взаимная любовь между супругами и, затѣмъ—какъ логическое уже послѣдствіе ея—сознаніе великаго долга, лежащаго на каждомъ изъ супруговъ по отношенію къ дѣтямъ. Тамъ, гдѣ этой основы не существуетъ, семьи въ настоящемъ смыслѣ слова нѣтъ, ибо, какъ справедливо замѣчаетъ г. Боровиковскій, даже и „холодный“ миръ въ семьѣ, т. е. даже внѣшнее благообразіе отношеній немислимо безъ взаимныхъ уступокъ, безъ снисходительности другъ къ другу, что уже само по себѣ невозможно при отсутствіи *внутренней духовной связи* между супругами. Эту связь, необходимую для существованія семьи, разъ что ея нѣтъ съ самаго начала или же она утратилась впослѣдствіи, не можетъ ни дать, ни реставрировать никакая *внѣшняя принудительная сила*—и отсюда, полное безсиліе суда скрѣпить своими велѣніями то, что по самой природѣ вещей можетъ быть скрѣплено только *нравственною*, а не *физическою силою*. „Семей-

ная распря, говорить г. Боровиковскій, прячется у домашнего очага, чуждается огласки и суда, даже и считающій себя правымъ гнушается „выносить соръ изъ избы“, обнажать душу предъ посторонними людьми, не исключая и судей. Нѣкоторую помощь можетъ оказать здѣсь келейное посредничество нравственного авторитета родственника, друга, духовника; но обращеніе къ суду только еще больше расшатываетъ семью. Исполнительный листъ не явится въ семью „вѣткой мира“; напротивъ, онъ закрѣпитъ вражду „казенною печатью“. Потому и обращеніе семейной распри къ суду — явленіе исключительное“ (стр. 213).

Изъ того, что основу семьи составляетъ по преимуществу *этическое*, а не *правовое отношеніе между супругами*, явствуетъ, что вѣдѣніемъ суда, предметомъ судебного разсмотрѣнія и разрѣшенія, вопросы семейной жизни могутъ быть только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда этой основы, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, уже не существуетъ, когда семья представляетъ изъ себя только механическій агломератъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый стремится къ осуществленію своихъ *личныхъ*, а не *общихъ семейныхъ* потребностей и цѣлей. Г. Боровиковскій формулируетъ это такимъ образомъ: „Едва ли бываютъ случаи судебныхъ споровъ между супругами, даже объ имуществѣ, при ихъ *совмѣстной* жизни. Споры же о *личныхъ* отношеніяхъ при совмѣстной жизни даже и немыслимы. Самый поводъ къ спорамъ обусловливается *разлукой, фактическимъ разрывомъ семьи*“ (стр. 214).

Каковы же споры и вообще „судебныя“ дѣла, возникающія между супругами, каковы тѣ способы, которыми они разрѣшаются на практикѣ, и какова, вообще, роль и власть суда въ дѣлахъ этого рода?

Иски между супругами о „личныхъ правахъ и обязанностяхъ, отъ супружества возникающихъ“, возможны либо: а) о *возстановленіи сожительства*, либо б) о *доставленіи жень мужемъ содержанія*, либо в) о *дѣтяхъ*. Общій отвѣтъ на вопросъ о томъ, какъ должны быть разрѣшаемы подоб-

наго рода споры, отвѣтъ, характеризующій, такъ сказать, *судейскій методъ* разбираемаго нами автора, заключается въ слѣдующихъ строкахъ: „Законъ, съ патріархальною простотою описывая тѣ супружескія отношенія, какія сами собою существуютъ въ счастливыхъ семьяхъ (ст. 103, 106, 107, ч. 1 т. X) и, по самой своей природѣ, недоступны принудительному осуществленію, оставилъ судью почти безъ всякихъ руководственныхъ указаній на случай семейныхъ распрей. За неимѣніемъ прямыхъ постановленій, судья долженъ искать основы для рѣшеній въ *общемъ смыслѣ законовъ*. И именно въ этихъ случаяхъ, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь, больше чѣмъ въ какихъ либо иныхъ, должны выручать судью изъ затрудненій соображенія о *духѣ, о цѣли закона* (стр. 215)“. Вѣрный этому началу, г. Боровиковскій вполне резонно называетъ совершенно несостоятельною практику нашего сената (правда, нынѣ уже кореннымъ образомъ измѣнившаго свои воззрѣнія), еще до недавняго времени настаивавшаго на томъ, что иски о возстановленіи сожителства должны быть безусловно удовлетворяемы, а иски женъ о выдачѣ содержанія—безусловно отвергаемы. Не только во имя челоуѣколюбія и справедливости, но во имя тѣхъ самыхъ принциповъ чистоты и святости брачнаго союза, которые лежатъ въ основаніи нашего законодательства „о правахъ семейственныхъ“, старая сенатская доктрина должна быть отринута, какъ не находящая себѣ оправданія ни съ точки зрѣнія права, ни съ точки зрѣнія морали.

Въ искахъ о возстановленіи сожителства судья, прежде всего, встрѣчается съ категорическимъ велѣніемъ закона: „Супруги должны жить вмѣстѣ“. Формула эта есть только внѣшнее выраженіе тѣхъ отношеній, которыя предполагаютъ въ себѣ и внутреннюю сущность, именно—любовь, симпатію, взаимное уваженіе супруговъ, въ крайнемъ случаѣ—*возможность ихъ сосуществованія подъ одной крышею безъ ущерба для личнаго самолюбія и достоинства каждаго*. Но идея святости и нерушимости брачнаго союза, конечно, не можетъ уживаться съ представленіемъ о *враждебныхъ отношеніяхъ*

супруговъ, о неприязни, доходящей до взаимныхъ оскорбленій и насилія: совмѣстная жизнь при такихъ условіяхъ становится *сожителствомъ враговъ*, между тѣмъ какъ брачныя отношенія предполагаютъ счастливое сочетаніе двухъ лицъ для радостей и утѣхъ семейной жизни. Разъ совмѣстная жизнь фактически сдѣлалась невозможной, какой смыслъ при бѣгать къ насильственному установленію супружескаго сожительства? Искъ о восстановленіи сожительства есть ничто иное, какъ требованіе о водвореніи одного супруга (главнымъ образомъ— жены) въ домъ другаго (мужа) *противъ его воли и вопреки самымъ примитивнымъ*, подчасъ, правиламъ нравственности. Такое требованіе противорѣчитъ духу нашихъ законовъ о брачномъ союзѣ, противорѣчитъ *грубо, вопіюще* (стр. 219). Иски подобнаго рода должны быть безусловно отвергаемы, какъ по безнравственности основанія, такъ и по нецѣлесообразности тѣхъ средствъ, которыя имѣются въ распоряженіи судебной власти. Супруги обязаны жить вмѣстѣ—но подлежитъ ли эта обязанность принудительному, при помощи суда, осуществленію? Супруги обязаны любить другъ друга и проч.—но мыслимы ли искъ или судебное рѣшеніе о понужденіи къ исполненію подобныхъ обязанностей? Наконецъ, къ чему сводится практическое, жизненное значеніе подобнаго рѣшенія? Положимъ, что жена водворена въ домъ мужа, но достигнута ли этимъ цѣль совмѣстнаго сожительства, осуществлено ли то, что требуется понятіемъ о бракѣ и святости брачныхъ узъ? Правъ г. Боровиковскій, когда онъ говоритъ, что судебного рѣшенія о восстановленіи сожительства у насъ всего чаще добиваются съ „заднею“ мыслью: это рѣшеніе и связанныя съ нимъ мѣры исполненія, своего рода *репрессалии*, предпринимаемыя противъ жены изъ всевозможныхъ видовъ, между прочимъ, и изъ чисто матеріальныхъ—въ томъ случаѣ, когда жена обладаетъ значительнымъ состояніемъ. Въ окончательномъ выводѣ г. Боровиковскій находитъ, что обязанность совмѣстнаго жительства, относясь всецѣло къ области нравственности, не можетъ быть предметомъ иска, спора о правѣ гражданскомъ;

что изъ обязанности этой *чисто-юридическій* элементъ сводится лишь къ слѣдующему: 1) когда суду представляется „актъ, клонящійся къ самовольному разлученію супруговъ“ (ст. 103, п. 1 зак. гражд.) и на этомъ актѣ основывается споръ о правѣ гражданскомъ, то судъ долженъ признать актъ ничтожнымъ и отвергнуть выводы сторонъ, на него опирающіеся; 2) если суду предъявленъ искъ о присужденіи денегъ на содержаніе жены, живущей отдѣльно отъ мужа, и при этомъ мужъ заявляетъ желаніе жить совмѣстно съ женою, то судъ долженъ отвергнуть требованіе жены, такъ какъ она имѣетъ возможность получать содержаніе въ натурѣ, отъ котораго отказывается. „Внѣ этихъ двухъ случаевъ, заключаетъ г. Боровиковскій, ст. 103 зак. гражд., никакого примѣненія имѣть не можетъ“ (стр. 222).

Этическая основа семьи, о которой мы говорили выше, опредѣляетъ собою и понятіе родительской власти надъ дѣтьми, кругъ обязанностей, образуемыхъ этимъ факторомъ семейной жизни. Непрерывная забота о дѣтяхъ, о ихъ матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи—вотъ сущность понятія „родительской власти“ и споръ о томъ, кому должна принадлежать въ семьѣ родительская власть—отцу или матери—есть нелѣпный споръ о томъ, кто долженъ нести заботы о дѣтяхъ—отецъ или мать, кто можетъ считаться отъ этихъ заботъ свободнымъ и т. д. Конечно, вопросъ этотъ не можетъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ главная основа семьи—прочная духовная связь супруговъ представляется незыблемой и твердой: эта связь есть лучшая гарантія того, что любовь къ дѣтямъ и заботы о нихъ не будутъ служить предметомъ взаимныхъ пререканій и контроверсъ между мужемъ и женою. Но вопросъ этотъ, во всей своей жгучести, встаетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда семейный разладъ дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее сожителство супруговъ, а между тѣмъ, отъ избранія соотвѣтствующаго *modus'a vivendi* находится въ зависимости участь дѣтей. Возникаетъ *споръ о дѣтяхъ*, споръ о томъ, кому должны достаться эти невинныя жертвы испорченныхъ супружескихъ отношеній: отцу или матери. Казалось бы,

что самый характер вопроса долженъ бы опредѣлить собою и содержаніе отвѣта: вопросъ идетъ о дѣтяхъ, объ ихъ благѣ, объ ихъ физическомъ и моральномъ благополучіи. Естественнѣе всего, такимъ образомъ, разрѣшать споры о дѣтяхъ по *соображеніямъ пользы и счастья самихъ объектовъ спора*. Отсюда, необходимость въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлить, прежде всего, кто изъ супруговъ наиболѣе удовлетворяетъ тѣмъ условіямъ, при которыхъ возможно счастье и благо дѣтей; при этомъ, конечно, требуется самое тщательное и добросовѣстное изслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ, могущихъ такъ или иначе вліять на судьбу дѣтей. Тутъ, по справедливому замѣчанію г. Боровиковскаго, должны имѣть громадное значеніе и личныя качества родителей, и способности дитяти, и его здоровье и т. д. Никакія презумпціи тутъ не могутъ имѣть мѣста. Презумпція *въ пользу отца*, устанавливаемая сенатомъ, не можетъ быть признана основательною: она не находитъ себѣ опоры ни въ юридическихъ, ни въ житейскихъ соображеніяхъ. Сенатская доктрина, выраженная въ рѣшеніи гражданскаго кассационнаго департамента за 1890 г. № 18, зиждется на томъ положеніи, что „преимущественное право на воспитаніе дѣтей принадлежит *отцу*, какъ главѣ семейства, доколѣ судъ не рѣшитъ, что, въ виду особыхъ обстоятельствъ, *польза дѣтей* требуетъ воспитанія ихъ матерью“. Главенство отца въ семьѣ сенатъ выводитъ изъ текста ст. 107 т. X ч. 1, въ которой говорится, что мужъ—глава семейства и что жена обязана ему повиноваться безгранично. Если жена безвластна, то она не можетъ, по толкованію сената, стоять одновременно съ мужемъ во главѣ одного и того же семейства. Предпочтеніе неизбѣжно должно быть отдано отцу въ отношеніи къ дѣтямъ, также какъ онъ пользуется предпочтеніемъ въ отношеніи къ женѣ.

Эту доктрину г. Боровиковскій признаетъ ошибочною въ самомъ корнѣ. Прежде всего, онъ находитъ, что *совластіе* вполне возможно не только въ имущественныхъ, но и въ личныхъ отношеніяхъ; таково напр. *совластіе нѣсколькихъ*

опекунствъ; возможно, слѣдовательно, и *совластіе* отца и матери на равныхъ правахъ. Премущественная власть отца не подкрѣпляется и общимъ смысломъ законовъ: законъ всюду, гдѣ только касается личныхъ отношеній между родителями и дѣтьми, категорически выражается словомъ „родители“, не упоминая отдѣльно ни о власти отца, ни о власти матери. Напротивъ, тамъ, гдѣ законъ имѣетъ въ виду отдать предпочтеніе отцу, онъ выражаетъ это достаточно опредѣленно; напр., по ст. 226 т. X ч. 1 „опека надъ имуществомъ, дошедшимъ въ собственность малолѣтнимъ дѣтямъ, при жизни ихъ родителей, принадлежитъ *отцу*“. „Это—не случайность, говоритъ г. Боровиковскій, это слѣлано *нарочито* для того, чтобы подчеркнуть *принципъ равно-властія* родителей, принципъ, поистинѣ, *священный* и долженствующій лежать въ основѣ человѣческой семьи“ (стр. 252).

Житейскія соображенія также подсказываютъ рѣшеніе вопроса, противоположное сенатской доктринѣ. *Въ очень раннемъ возрастѣ ребенку необходимы мать, нежели отецъ.* Очевидно, что примѣненіе въ этомъ случаѣ принципа главенства отца могло бы только погубить ребенка, о которомъ идетъ споръ. Далѣе, при разрѣшеніи подобнаго спора, противъ презумпціи въ пользу отца можно выставить слѣдующія презумпціи въ пользу матери: если мужъ, отпустивъ жену, самъ предоставилъ ей взять съ собою и дѣтей, если сами дѣти ушли съ матерью—все это свидѣтельствуетъ о томъ, что большую заботливость о дѣтяхъ проявляетъ мать, и, слѣд., ей должно быть отдано предпочтеніе. Обратное положеніе вещей будетъ, конечно, составлять презумпцію въ пользу отца. Такимъ образомъ, жизнь, практическія соображенія совершенно исключаютъ возможность какихъ бы то ни было презумпцій въ вопросѣ, затрогивающемъ столь интимныя стороны человѣческаго существованія.

Г. Боровиковскій приводитъ, между прочимъ, одинъ весьма характерный эпизодъ изъ своей практики, иллюстрирующий самымъ нагляднымъ образомъ основную мысль автора о полной непригодности *судебныхъ способовъ* разрѣшенія вопроса

о „дѣтахъ“. Надъ малолѣтнимъ, по смерти отца, учреждена была опека въ лицѣ его родной матери и бабушки (по отцу). Между опекунами возникло разногласіе по вопросу о воспитаніи ребенка: бабушка желала отдать мальчика въ кадетскій корпусъ, отстоявшій въ *дальнемъ* разстояніи отъ мѣста жительства матери, и предлагала для этого свои личныя средства; мать предпочитала *мѣстное* реальное училище. Дворянская опека разрѣшила этотъ конфликтъ въ пользу бабушки. Мать жаловалась окружному суду, но судъ оставилъ жалобу безъ удовлетворенія. Одесская судебная палата отмѣнила опредѣленіе суда и дворянской опеки. Вотъ мотивы палаты: „обсудивъ дѣло, палата находитъ, что приведенное *постановленіе опеки стѣсняетъ родительскую власть просительницы безъ законныхъ къ тому оснований*. Если и предположить, что бабушка малолѣтняго имѣетъ больше, чѣмъ мать, матеріальныхъ средствъ въ его воспитанію, то это отнюдь не оправдываетъ постановленія опеки, ибо родительскія права принадлежатъ родителямъ, независимо отъ того, какъ велики ихъ *средства*, и не могутъ быть стѣсняемы въ пользу другихъ родственниковъ, хотя бы и болѣе богатыхъ. Въ данномъ случаѣ просительница не желаетъ отдать сына въ корпусъ, а предпочитаетъ воспитать его въ реальномъ училищѣ, и на такое распоряженіе воспитаніемъ сына она имѣетъ *несомнѣнное право*“ (прилож. III, стр. 341).

Разрѣшивъ такимъ образомъ вопросъ о правѣ матери, г. Боровиковскій, который и тутъ, какъ всегда, не удовлетворяется внѣшней, формальной стороною дѣла, задумывается надъ внутреннимъ, жизненнымъ значеніемъ приведеннаго факта. „Но *осчастливило* ли мальчика наше разрѣшеніе спора о немъ?“ спрашиваетъ г. Боровиковскій — „едва ли. Бабушка и мать спорили о преимуществахъ военного или гражданскаго воспитанія; по всей вѣроятности, бабушка добивалась собственно отдачи мальчика въ *закрытое* учебное заведеніе въ *дальнемъ* городѣ, добивалась *удаленія мальчика изъ семьи*, усматривая тамъ какія либо неблагопріятныя для него условія (мать за вторымъ мужемъ). Быть можетъ, ссылка на

средства была лишь благовиднымъ предлогомъ, которымъ прикрывались другія соображенія,—щекотливыя, неудобныя для оглашенія въ официальныхъ бумагахъ? Все это невольно приходило на мысль, но лишь въ видѣ догадокъ, къ провѣркѣ которыхъ палата не имѣла никакой возможности“ (стр. 256—257). Мы привели этотъ эпизодъ не только какъ случай, иллюстрирующій дальнѣйшіе общіе выводы г. Боровиковскаго, но и какъ яркую характеристику того чуткаго и сердечнаго отношенія къ судебному дѣлу, которое выразилось въ приведенныхъ размышленіяхъ автора. Много ли у насъ судей, такъ ревностно доискивающихъ въ каждомъ „спорѣ о правѣ гражданскомъ“ внутренней правды, влагающихъ всю свою душу въ дѣло раскрытія жизненной, бытовой стороны cadaго явленія, фигурирующаго въ процессѣ?

Такимъ образомъ, „споры о дѣтахъ“ не могутъ быть разрѣшаемы надлежащимъ образомъ при томъ условіи „бумажнаго производства“. съ которымъ имѣютъ дѣло судебныя мѣста при разсмотрѣніи жалобъ на опекунскія учрежденія. Въ приведенномъ выше случаѣ „нужно разузнать семейную обстановку, надо видѣть мать, бабу, самого мальчика, говорить съ ними“. Но для такихъ функцій судъ оказывается непригоднымъ. *Споры о дѣтахъ* не суть *споры о правѣ гражданскомъ*—таковъ конечный выводъ г. Боровиковскаго. На этомъ выводѣ, какъ совершенно несоотвѣтствующемъ тому взгляду, который установился въ судебной практикѣ, необходимо остановиться, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію тѣхъ вопросовъ семейныхъ отношеній, которые, по мнѣнію г. Боровиковскаго, могутъ быть предметомъ „спора о правѣ гражданскомъ“.

Надо признаться, что г. Боровиковскій даетъ болѣе практическое, нежели научно-обоснованное опредѣленіе понятія спора о правѣ гражданскомъ: „какъ бы кто ни разграничивалъ области права частнаго отъ публичнаго, всѣ сходятся въ томъ, что *споры о частно-имущественныхъ правоотношеніяхъ* суть несомненно *споры о правѣ гражданскомъ*. Это—

по меньшей мѣрѣ—коренной, основной ихъ типъ. При всемъ разнообразіи этихъ споровъ, всѣ они имѣютъ общія типическія черты сходства. Это даетъ возможность сосредоточить разрѣшеніе ихъ въ особыхъ, болѣе или менѣе одинаково организованныхъ, установленіяхъ, и указать этимъ послѣднимъ общія правила для изслѣдованія истины, достаточно пригодныя для всякаго такого спора. Отсюда—гражданское судоустройство и гражданское судопроизводство. То и другое сообразованы съ *главнѣйшимъ* типомъ споровъ о правѣ гражданскомъ, рассчитаны на разрѣшеніе споровъ о *частныхъ имущественныхъ правоотношеніяхъ*. Именно эти споры имѣются въ виду при изданіи общихъ *гражданско-процессуальныхъ законовъ*“ (стр. 259). Словомъ, наличность *имущественнаго интереса* есть неперемѣнный признакъ спора о правѣ гражданскомъ; если же въ данномъ требованіи такого интереса не заключается, но разсмотрѣніе его подлежитъ суду гражданскому, въ силу специальныхъ постановленій закона, то требованіе это отнюдь не становится *споромъ о правѣ гражданскомъ*: отнесеніе требованій неимущественнаго свойства къ вѣдѣнію гражданского суда, есть только дѣло случая, зависящее отъ усмотрѣнія законодателя и т. п. Споры о правахъ семейственныхъ, по мнѣнію Боровиковскаго, не могутъ быть признаны спорами о правѣ гражданскомъ: „право семейственное, развиваетъ свою мысль авторъ, и кодексами, и систематиками приурочивается къ области права гражданского. Но при этомъ остается *несомненнымъ*, что, несмотря на такое приуроченіе, семейныя правоотношенія, по крайней мѣрѣ отношенія *личныя*, особенностью своей природы *существенно отличаются* отъ всѣхъ прочихъ гражданскихъ правоотношеній. На той степени культуры, когда семья зиждется на принципѣ абсолютной власти главы семейства надъ женою и дѣтьми, институтъ семьи имѣетъ много признаковъ института частнаго гражданского права: глава семейства—субъектъ права, прочіе члены семьи—объекты этого права, а самое право близко схоже съ правомъ собственности на вещи. Но юридическій строй семьи *христіан-*

ской придаетъ этому институту такія черты *sui generis*, которыя уже вовсе не ладятъ съ принципами, составляющими основные устои частнаго права. Личныя семейныя отношенія настолько окрашиваются элементами религіознымъ и нравственнымъ, что сомнительно даже вообще причислять ихъ къ отношеніямъ юридическимъ“ (стр. 263—264).

Съ точки зрѣнія приведеннаго взгляда вполне объясняется слѣдующая формула, устанавливаемая г. Боровиковскимъ по вопросу о возможности гражданскихъ споровъ о „правахъ семейственныхъ“: къ несомнѣннымъ спорамъ о правѣ гражданскомъ принадлежатъ всѣ споры между супругами и вообще членами семьи объ *имуществѣхъ*. Иски объ *алиментахъ*, хотя и вытекаютъ изъ особыхъ *личныхъ* отношеній, но, по свойству самого требованія, въ нихъ заключающагося, и личности имущественнаго интереса, должны быть также причислены къ категоріи споровъ о правѣ гражданскомъ. Наконецъ, всѣ прочія дѣла—объ отношеніяхъ брачныхъ и о законности рожденія, *по природѣ своей*, не могутъ быть отнесены къ вышеозначенной категоріи дѣлъ, но подлежатъ вѣдѣнію гражданского суда лишь въ силу спеціальныхъ велѣній закона. Для разсмотрѣнія этихъ дѣлъ общія правила гражданского процесса неумѣстны и, потому, для дѣлъ этой категоріи установлены существенныя отступленія отъ составительнаго начала, отъ общихъ положеній о доказываніи, давности и проч.

Допуская возможность гражданскихъ исковъ объ алиментахъ, г. Боровиковскій, однако же, не можетъ удержаться отъ оговорки, весьма характерной для его судейской фізіономіи: онъ желалъ бы изъять изъ вѣдѣнія гражданского суда всѣ вообще споры, выталкивающіе изъ отношеній „семейственныхъ“; даже въ искахъ женъ о содержаніи, судъ, по мнѣнію г. Боровиковскаго, натывается на такіе вопросы, для разрѣшенія которыхъ онъ „если не слѣпъ, то по меньшей мѣрѣ кривъ“. И только какъ на *наилучшій изъ существующихъ способовъ рѣшенія этихъ исковъ*, г. Боровиковскій указываетъ на судъ гражданскій (см. стр. 271—273). Идеальнымъ же трибуналомъ по всѣмъ дѣ-

ламъ о дѣтяхъ, г. Боровиковскій считаетъ такой, въ которомъ нѣтъ мѣста ни публичности и состязательности процесса (въ видѣ общаго правила) ни требованіямъ всякаго рода процессуальныхъ формальностей и сроковъ и проч.“ Тутъ необходима широкая инициатива „судей“: необходимы не только личныя объясненія съ родителями и съ составляющими предметъ спора дѣтьми (и для этого нужна не юриспруденція, а педагогическое умѣнье), съ друзьями семьи,— нужно войти въ домъ, видѣть житейскую обстановку и т. д., и т. д. Для такихъ функцій судебно-гражданскія установленія столь же непригодны, какъ и наоборотъ, установленія, специально рассчитанныя на эти функціи, были бы непригодны для разбирательства споровъ о правѣ гражданскомъ“... (стр. 271). Оттого и дѣйствующую судебную практику по дѣламъ между родителями и дѣтьми авторъ считаетъ однимъ сплошнымъ недоразумѣніемъ: примѣненіе въ дѣламъ этого рода общихъ правилъ гражданского процесса также немислимо, какъ разрѣшеніе, напр., спорныхъ вопросовъ этики „при помощи аршина“ (стр. 272). По мнѣнію г. Б — скаго гораздо лучше, чтобы судъ отказывался отъ разбирательства подобныхъ споровъ, нежели разрѣшалъ ихъ по правиламъ устава гражд. судопр.; все равно Фемида дѣйствуетъ въ этихъ случаяхъ, „поистинѣ слѣпо: у нея руки связаны; пусть же остается она и нѣмою“. Ничтожное количество процессовъ подобнаго рода краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что „родительское сердце ищетъ себѣ иныхъ житейскихъ путей къ заботамъ о дитяти, не прибѣгая къ искамъ, апелляціямъ, гербовымъ маркамъ и т. п. несообразнымъ мѣрамъ“. Таковы, въ общихъ чертахъ, взгляды г. Боровиковскаго на компетенцію судебно-гражданскихъ установленій по дѣламъ, возникающимъ изъ отношеній семейственныхъ и на роль этихъ установленій въ разрѣшеніи названныхъ дѣлъ. Авторъ ничего не предлагаетъ взаимнѣ существующихъ учреждений, онъ ограничивается только однимъ положеніемъ, чтобы у насъ былъ „дѣлесобразный трибуналъ“ для подлежащаго разрѣшенію дѣлъ и споровъ, возникающихъ между супругами, родителями и дѣть-

ми. Но каковъ долженъ быть этотъ трибуналъ, кому должно быть ввѣрено завѣдываніе выше названными дѣлами, каковъ долженъ быть порядокъ вершенія дѣлъ — на эти вопросы г. Б скій не даетъ отвѣта и видимо даже не задается цѣлью указать на что либо положительное. Только въ самомъ концѣ разсматриваемаго нами этюда, касаясь „проекта устава объ опекахъ и попечительствахъ“ и довольно опредѣленно высказываясь противъ приуроченія опекунской части къ судебному вѣдомству, г. Боровиковскій предлагаетъ собственный планъ организациі опекунскаго дѣла, который, въ извѣстной степени, конечно, могъ бы послужить образцомъ и для устройства выше упомянутаго „трибунала“. Говоримъ *въ извѣстной степени*, такъ какъ и опекунскія учрежденія, и трибуналъ для разрѣшенія всякаго рода споровъ между членами семьи, имѣютъ общую точку соприкосновенія — это *заботы о дѣтяхъ*. Каковы бы ни были достоинства или недостатки проекта г. Боровиковскаго, мы считаемъ необходимымъ привести его здѣсь вкратцѣ, для полноты изложенія столь занимательнаго этюда о „судѣ и семьѣ“.

Г. Боровиковскій находитъ, что только *предметы охранительнаго судопроизводства* — т. е. принатіе мѣръ охраны, вызовъ наслѣдниковъ, утвержденіе въ правахъ наслѣдства и т. п., словомъ, предметы, съ которыми связаны *вопросы права*, могутъ быть отнесены къ вѣдомству суда; но затѣмъ, всякаго рода функціи *хозяйственныя* и *воспитательныя*, возникающія вмѣстѣ съ учрежденіемъ опеки, никоимъ образомъ не могутъ быть приурочиваемы къ дѣятельности органовъ суда. Если уже необходимо приурочивать опекунское дѣло къ какому либо изъ существующихъ учреждений, если нельзя основать *самостоятельные* органы для завѣдыванія этимъ дѣломъ (что, по словамъ проекта, „стоило бы очень дорого“), то наиболѣе подходящими представляются, на взглядъ г. Боровиковскаго, учрежденія общественныя — *земскія* или *городскія*, пожалуй, даже *сословныя* (стр. 324). „Отчего, спрашиваетъ онъ, не сохранить *сословности* опеки? Вѣдь этого въ *одинъ голосъ желаютъ*, повидимому, и дворянство, и купе

чество, и мѣщанство (см. стр. 25—39 объясненій и записки). Говорю не о сохраненіи *statu quo* во всѣхъ подробностяхъ, а о сохраненіи *принципа*“. Наконецъ, почему приуроченіе опеки къ какому либо иному дѣлу—неизбѣжно, почему нельзя учредить *самостоятельные органы* для завѣдыванія опекою? Возраженіе составителей проекта, что „это стоило бы очень дорого“, по мнѣнію г. Б—скаго, неосновательно: „я былъ земскимъ гласнымъ, говоритъ онъ далѣе — и картинно видѣлъ, какъ могущественна полкопѣйка съ десятины“. Да мало того. Сильна „полкопѣйка“ — но есть сила еще болѣе могущественная: *добрые люди*. Мнѣ весьма симпатична высказанная петербургскимъ и московскимъ дворянствами мысль о „почетныхъ опекунахъ губерній“. Если эту службу „высоко поставить въ глазахъ общества, придавъ ей, сообразно значенію, извѣстный почетъ, то люди независимые и способные охотно согласятся удѣлять часть своего времени на святое дѣло попеченія о малолѣтнихъ и немощныхъ“. Съ полнымъ убѣжденіемъ скажу больше: и помимо вѣншихъ оказательствъ „почета“, многихъ добрыхъ людей подвинетъ на это дѣло „ревность“ къ добру... Вотъ откуда, уповаю я, надо ждать устоевъ для опекунской реформы. Если человѣкъ „самоотверженно“ не щадитъ живота своего „для дѣла человѣческаго“, каковъ, напр., судъ, то, конечно, не оскудѣетъ его ревность для дѣла „божескаго“, какимъ смѣло можно назвать заботы о сиротахъ. Тутъ — и элементы для того трибунала, который былъ бы желателенъ для рѣшенія споровъ между супругами, между дѣтьми, и т. п.“. Самая организація опекунскаго дѣла представляется, по мысли г. Б—скаго, въ такомъ видѣ: ревнители „сиротскаго“ дѣла — *почетные опекуны* — являются главными руководителями опекуновъ и опекунскихъ учреждений. Эти послѣдніе образуются „изъ честныхъ, благонамѣренныхъ и нуждающихся въ заработкѣ“ людей даннаго околотка, назначаемыхъ „опекунскимъ начальникомъ“ или „почетнымъ опекуномъ“. Вознагражденіе опекуновъ должно быть основано не на процентахъ съ доходовъ данной опеки, а на принципѣ „общей кружки“, т. е.

опредѣленный процентъ отъ всѣхъ опекъ даннаго района (желательны возможно — большія территориальныя единицы опекунскихъ дѣлъ) отчисляется въ „общую кружку“ и затѣмъ опекуны вознаграждаются *сообразно ихъ труду*. Близкіе родственники не должны быть отстраняемы отъ опеки, но и они получаютъ вознагражденіе на томъ же основаніи. Общее руководство и контроль надъ опекунами принадлежитъ, какъ уже сказано, „почетнымъ опекунамъ“, „опекунскимъ начальникамъ“. Они могутъ быть избираемы или назначаемы изъ той же среды мѣстнаго общества, которая доставляетъ контингентъ, напр., *почетныхъ мировыхъ судей*. Существенно, чтобы положеніе ихъ было *почетно* среди мѣстныхъ властей и *независимо*; участіи каждаго почетнаго опекуна не должны быть велики — своя волость, свой приходъ, вообще, районъ, близко знакомый ему и дѣлающій возможнымъ дѣйствительный *личный* надзоръ за опекунскимъ дѣломъ. Почетные опекуны собираются 2 — 3 раза въ годъ на сѣзды и здѣсь совѣтуются по общимъ вопросамъ, дѣлаютъ общія распоряженія, распредѣляютъ между опекунами вознагражденіе, разрѣшаютъ жалобы на опекуновъ, утверждаютъ отчеты и т. д. Такое учрежденіе „не опасно“ сдѣлать безапелляціонной инстанціей для разрѣшенія *хозяйственныхъ* вопросовъ; что же касается вопросовъ *юридическихъ*, то по дѣламъ этого рода можно было бы допустить жалобы въ окружный судъ и т. д.

Таковъ „контуръ“ проекта, по выраженію г. Боровикова, который могъ бы послужить образчикомъ не только для организаціи опекунскихъ учреждений, но и для трибунала, вѣдающаго дѣла супружескія, родительскія, вообще *семейныя*. Повторяемъ, авторъ не даетъ намъ даже и приблизительнаго понятія о формахъ и порядкѣ производства этихъ послѣднихъ дѣлъ въ проектируемомъ „трибуналѣ“ — и объ этомъ можно только пожалѣть, если принять во вниманіе оригинальность предложеннаго г. Б—скимъ проекта реорганизаціи опекунскихъ учреждений.

При всемъ желаніи ознакомить читателей со всѣми под-

робностями богатаго по содержанію этюда „судъ и семья“, мы должны отказаться отъ этой мысли, рискуя, въ противномъ случаѣ, утроить размѣры настоящей замѣтки. Не можемъ не остановиться, въ заключеніе, лишь на предметъ первостепенной важности, затронутомъ авторомъ, на вопросъ объ узаконеніи дѣтей, прижитыхъ въ прелюбодѣйной связи.

У г. Боровиковскаго приведенъ случай изъ судебной практики, относящійся къ означенному вопросу, и по тому, какъ разрѣшонъ этотъ вопросъ, не трудно воочію убѣдиться въ великомъ и плодотворномъ значеніи суда, одушевленнаго стремленіемъ къ истинѣ и справедливости. Супруги N заявили окружному суду ходатайство объ узаконеніи троихъ дѣтей, рожденныхъ отъ ихъ добрачнаго сожительства въ 1883, 1885 и 1888 г.г. Изъ дѣла видно, что въ 1876 г. N былъ покинутъ женою; въ 1879 г. онъ, заявивъ о безвѣстномъ отсутствіи жены, сталъ ходатайствовать о разводѣ. Въ 1887 г. духовная консисторія, признавъ отсутствіе N „болѣе пятилѣтнимъ“, расторгла бракъ и вслѣдъ затѣмъ, въ 1890 г., N женился вторично. Окружный судъ отказалъ въ ходатайствѣ объ узаконеніи дѣтей въ виду того, что бракъ N, совершенный въ 1873 г., расторгнутъ лишь въ 1889 г., а потому дѣти, родившіяся въ 1883—1888 г., т. е. при наличности перваго брака, представляются происшедшими отъ прелюбодѣянія и узаконенію не подлежатъ. Судебная палата отмѣнила опредѣленіе окружнаго суда, и вотъ любопытная мотивировка—постановленія палаты. Прелюбодѣяніе, есть преступленіе, преслѣдуемое не иначе, какъ по жалобѣ „оскорбленнаго въ чести своей“ супруга (1585 ст. улож. о нак.). Пока нѣтъ жалобы со стороны оскорбленнаго супруга, вина лица, совершившаго прелюбодѣяніе, игнорируется. Какъ бы ни была несомнѣнна оскорбляющая бракъ связь одного супруга съ постороннимъ лицомъ, но если нѣтъ жалобы оскорбленнаго супруга—самаго *вопроса* о прелюбодѣяніи никто возбудить не вправе. Противъ *женатаго* или *замужней* обвиненіе въ прелюбодѣяніи со стороны посторонняго лица не допускается *абсолютно*. Противъ женатаго не можетъ имѣть мѣсто даже

требованіе о содержаніи прижитаго имъ ребенка (994 ст. улож.). Но этого мало. Возьмемъ самый крайній случай: предположимъ, что по жалобѣ мужа жена была обвинена по суду въ прелюбодѣянніи, причемъ уликой въ преступленіи указывалось обвинителемъ и признано судомъ рожденіе ею даннаго дитяти при обстоятельствахъ, исключающихъ возможность зачатія отъ мужа. Достаточно ли этого, чтобы признать такое дитя „происшедшимъ отъ прелюбодѣяннія“? Безусловно недостаточно: если мужъ *особо* и, притомъ, въ опредѣленные сроки не оспорилъ законности рожденія дитяти—послѣднее на всегда остается при всѣхъ правахъ *законнорожденнаго*. Словомъ, происшедшими отъ прелюбодѣяннія могутъ быть юридически названы *только дѣти, признанныя таковыми по суду*, признанныя *незаконнорожденными* по требованію мужа матери (требованіе жены о признаніи незаконнорожденными дѣтей мужа немыслимо, какъ юридическій абсурдъ: такіа дѣти и безъ того незаконны, если ихъ мать въ бракѣ не состоитъ, а если она замужемъ—то суть законныя дѣти ея мужа, и только онъ вправе противъ того спорить).

Рядомъ съ этимъ рѣшеніемъ приводится у г. Боровикова цѣлый рядъ разсужденій *общаго* характера о необходимости измѣнить суровыя постановленія нашего законодательства относительно незаконнорожденныхъ дѣтей, затѣмъ авторъ останавливается на нѣкоторыхъ вопросахъ, возникающихъ въ практикѣ при истолкованіи закона 12 марта 1891 года (объ усыновленіи и узаконеніи дѣтей), разрѣшая ихъ въ высшей степени остроумно, не отступая ни отъ мысли самаго закона, ни отъ того неизмѣннаго критерія справедливости и человѣчности, которыми проникнута почти каждая строка разбираемой нами книги. Страницы ея, посвященныя вопросамъ объ узаконеніи дѣтей, о спорахъ по дѣламъ брачнымъ и о законности рожденія, способны доставить читателю истинное душевное наслажденіе; съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія и благодарности останавливаешься на этихъ страницахъ! „Есть еще судьи въ Россіи“ — невольно

воскликнешь при чтеніи книги г. Боровиковскаго, пародируя извѣстную фразу о берлинскихъ судьяхъ. Пока есть судьи, подобные г. Боровиковскому, величественное зданіе „судебныхъ уставовъ“ будетъ стоять прочно и непоколебимо. Дай Богъ только, чтобъ идеалъ судьи, какъ онъ выразился въ „отчетѣ“ г. Боровиковскаго, не переставалъ служить путеводной звѣздой для всѣхъ тѣхъ, кому приходится дѣйствовать въ настоящихъ условіяхъ судебного дѣла!

Г. Боровиковскій не боится публично сознаться въ ошибкахъ, которыя имъ когда либо допущены были въ своей судейской практикѣ. Это черта, характеризующая истинно убѣжденнаго, не лицемернаго служителя Фемиды. Этюдъ о давности“ есть, въ сущности, покаянная въ ошибочныхъ возрѣніяхъ, которыя приводилъ авторъ „Отчета“ въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ по вопросу о значеніи погасительной давности. „Въ своихъ рѣшеніяхъ, говоритъ г. Боровиковскій, я высказывалъ, что исковая давность погашаетъ право собственности *безотносительно* къ тому, имѣется ли на сторонѣ отвѣтчика давность владѣнія. Нынѣ *откровенно отчитываюсь* въ этой юридической ереси...“ (стр. 70). Характерно и то, что г. Боровиковскій, принося повинную, ищетъ и находитъ нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что по обстоятельствамъ тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ допущены имъ были ошибочные взгляды, „та же резолюція“ получилась бы и помимо упомянутаго положенія...“ Не многіе судьи способны проникаться въ такой степени любовью и ревностнымъ отношеніемъ къ своему дѣлу; тѣмъ отрадиѣе, конечно, останавливаться на явленіяхъ, подобныхъ настоящему.

Въ этюдѣ „О давности“, заслуживаютъ быть отмѣченными нѣкоторыя мысли и замѣчанія автора. Сущность института давности, „оправданіе“ его, коренятся, по мнѣнію г. Боровиковскаго, въ способности права умирать естественною смертію—остаться безхозяйнымъ, запятоваться. Но такъ какъ и фактически умершее право продолжаетъ юридически числиться живымъ и отсюда неувѣренность въ прочности факта, занявшаго оставленное правомъ мѣсто, то долженъ

ж. гр. и уг. пр. кн. II 1893 г.

8

быть тотъ моментъ, когда пора положить конецъ такой неопредѣленности. И вотъ давность, такъ сказать, вычеркиваетъ умершее право изъ списковъ, а выросшій на опустѣломъ мѣстѣ фактъ, укоренившійся тамъ долговременностью и имѣющій всѣ внѣшніе признаки права, *возводится въ право* (стр. 14). Говоря о давности, какъ силѣ, разрушающей право, не надо забывать, что этимъ характеромъ она отличается далеко не всегда: ей присущъ и элементъ *созидающій*. Въ этомъ отношеніи весьма важно различіе между природой *права собственности* и природой прочихъ имущественныхъ правъ. Въ то время, какъ утрата всякаго иного права немыслима безъ соотвѣтственной выгоды для лица, являющагося „повинною этому праву стороною“, утрата кѣмъ либо права собственности мыслима и безъ всякаго для кого либо обогащенія. вмѣстѣ съ тѣмъ, всякія другія права утрачиваясь— уничтожаются, не оставляя по себѣ ничего, что было бы способно сдѣлаться объектомъ права другого лица (существовалъ *домъ*, теперь его нѣтъ и т. д.); между тѣмъ утрата права собственности (кромѣ случая, когда право исчезнетъ за уничтоженіемъ самой вещи) есть лишь прекращеніе надъ вещью власти даннаго человѣка: право угасло, но осталась вещь, открытая для новой такой же власти надъ ней другого человѣка. И для того, кто установитъ эту *новую* власть надъ вещью, эта послѣдняя будетъ представлять не простой *прибытокъ*, а *право*; такое же *право собственности*, приобретенное однимъ, какъ такое же право, утраченное другимъ. Эти положенія весьма существенны при разрѣшеніи вопросовъ о силѣ давности по отношенію къ различнымъ „*правамъ на чужія вещи*“ (право участія частнаго, чиншевое право и проч.). Всѣ эти права, по мнѣнію г. Боровиковскаго, давность способна *погасить*, но ни одного изъ нихъ она не способна создать. Развитію этихъ положеній посвящено г. Боровиковскимъ не мало страницъ, полныхъ глубокаго жизненнаго интереса, но, къ сожалѣнію, недостатковъ мѣста вынуждаетъ насъ ограничиваться только общими выводами автора, не вдаваясь въ подробности.

Вышеуказанныя особенности права собственности (въ отличіе отъ другихъ имущественныхъ правъ) порождаютъ слѣдующее положеніе: пока право это не задавнилось для его хозяина, оно не можетъ быть приобрѣтено никѣмъ другимъ, т. е. *моментъ приобрѣтенія права не можетъ наступить ранѣе погашенія права для прежняго хозяина*. Законодательства могутъ устанавливать различныя правила о силѣ давности, но наиболѣе цѣлесообразнымъ и справедливымъ является, по мнѣнію г. Боровиковскаго, такой порядокъ вещей, *когда погашеніе давностью права собственности для одного лица, обусловлено одновременнымъ приобрѣтеніемъ того же права другимъ лицомъ*. Противоположное начало привело бы къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ: всякій завладѣвшій имуществомъ, хотя бы владѣніе его длилось самое короткое время и вовсе не имѣло свойствъ давностнаго, могъ бы противопоставить иску собственника ссылку на *погасительную давность* и *судъ долженъ былъ бы отказать въ искѣ, не входя въ обсужденіе правъ отвѣтчика*. Несправедливость такого положенія очевидна: споръ идетъ между *несомненнымъ правомъ* и *несомненнымъ правонарушеніемъ* и рѣшается въ пользу послѣдняго (стр. 54).

Обращаясь къ постановленіямъ нашего законодательства, г. Боровиковскій находитъ, что хотя изъ неоднократныхъ разъясненій кассационнаго сената можно было бы заключить, что законодательство наше устанавливаетъ погашающую право собственности давность, какъ институтъ самостоятельный, тѣмъ не менѣе изъ сопоставленія законовъ о различныхъ видахъ давности между собою и съ другими законами, нельзя не придти къ выводу, что и по русскимъ законамъ *утрата вотчиннаго права въ силу исковой давности, возможна лишь при условіи одновременнаго приобрѣтенія другимъ лицомъ того же права и въ силу той же давности владѣнія*. Положеніе это аргументируется авторомъ весьма обстоятельно, но мы ограничимся только сущностью его доводовъ. Утрата права на имущество можетъ угрожать собственнику лишь тогда, когда онъ, въ теченіи срока давности, не отыскиваетъ

своего имущества изъ *чужаго владѣнія*. При этомъ, владѣніе должно отличаться характеромъ *полнаго отрицанія* правъ собственника на означенное имущество, ибо, при отсутствіи такого отрицанія, нѣтъ нарушенія правъ настоящаго собственника. Съ того момента, когда чужое владѣніе принимаетъ указанный характеръ отрицанія права вотчинника, для послѣдняго и пачинается срокъ погасительной давности. Но въ тотъ самый моментъ, когда истечетъ этотъ послѣдній для вотчинника, завершится, очевидно, и срокъ нріобрѣтательной давности для фактическаго владѣльца, нарушившаго права вотчинника. Такимъ образомъ, давность иска и давность владѣнія суть, по выраженію г. Боровиковскаго, „лицо и изнанка“ одного и того же юридическаго явленія и если на одной сторонѣ нѣтъ владѣнія, со всѣми качествами давностнаго, то eo ipso, для другой стороны, нѣтъ наличности условій для исковой давности (стр. 62).

Оставляя въ сторонѣ богатый матеріалъ, посвященный вопросамъ объ *условіяхъ* давности, гдѣ читатели найдутъ множество цѣнныхъ практическихъ замѣчаній, позволимъ себѣ привести еще нѣсколько мыслей, высказанныхъ въ книгѣ г. Боровиковскаго и заслуживающихъ, по нашему мнѣнію, самого серьезнаго вниманія со стороны юристовъ.

Въ одномъ изъ своихъ рѣшеній (1887 г. № 35), правительствующій сенатъ, въ отмѣну опредѣленія одесской судебной палаты, высказалъ тотъ взглядъ, что чужое давностное владѣніе, въ моментъ истеченія десятилѣтняго срока, *само собою превращается въ право собственности* и что уже съ этого момента имѣніе становится для прежняго собственника „чужимъ“. Г. Боровиковскій энергически борется съ этимъ взглядомъ и доказываетъ, что примѣнять давность безъ ссылки на нее заинтересованной стороны — значитъ навязывать давность тамъ, гдѣ ея нѣтъ, гдѣ нѣтъ существеннѣйшаго ея условія. Десятилѣтній срокъ есть лишь, по словамъ г. Боровиковскаго, тотъ *мінімумъ*, съ истеченіемъ котораго является для давностнаго владѣльца возможность такъ или иначе проявить свое рѣшеніе воспользоваться давностью. Въ

какой формѣ должно проявиться такое намѣреніе владѣльца— это другой вопросъ; но пока оно не выразилось ни въ какой формѣ, давность не можетъ совершить своего юридическаго дѣйствія, ибо нѣтъ на лицо *основанаго* для того условія— проявленія воли владѣльца (стр. 137). Нельзя, по мнѣнію г. Боровиковскаго, допустить того положенія, что давность „молча, тайно, воровски перегрызаешь корень права, не обнаруживъ этого никакимъ внѣшнимъ признакомъ.“ Отсюда вытекаетъ тотъ выводъ, что воля давностнаго владѣльца должна выразиться въ такой формѣ, которая не оставляла бы ни малѣйшаго сомнѣнія относительно намѣренія его воспользоваться давностью. Г. Боровиковскій указываетъ три возможныхъ способа выразить такого рода намѣреніе: 1) *ходатайство объ укрѣпленіи* имѣнія за владѣльцемъ въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства; 2) *ссылка* владѣльца, какъ стороны въ процессѣ, на давность и, 3) *отчужденіе* имѣнія владѣльцемъ. Первый способъ долженъ быть признанъ самымъ нормальнымъ, съ точки зрѣнія *de lege ferenda*, такъ какъ отмѣтка давностнаго свидѣтельства въ крѣпостномъ реестрѣ есть не только *укрѣпленіе* права, но и *оглашеніе* его и, притомъ, такое оглашеніе, невѣдѣніемъ котораго не могутъ отговориться крѣпостныя установленія. Къ сожалѣнію, дѣйствующія правила охранительнаго судопроизводства, касающіяся укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества по давности, страдаютъ крупными недостатками. „Изъ моей личной практики, свидѣтельствуешь цитируемый нами авторъ, вижу, что нынче можно получить давностное свидѣтельство на домъ такъ, что это не будетъ вѣдомо не только сосѣдямъ, но даже проживающимъ въ самомъ домѣ; именно такіе бывали случаи. Проситель представляетъ „письменные доказательства“, вызываетъ или приводитъ въ судъ свидѣтелей, и на этомъ дѣло заканчивается, не возбудивъ ни малѣйшей тревоги на мѣстѣ....“ (стр. 132). Г. Боровиковскій предлагаетъ нѣкоторые мѣры для устраненія подобныхъ явленій и эти предложенія заслуживаютъ серьезнаго вниманія со стороны судей. Второй способъ—ссылка въ процессѣ на

давность. Въ этой ссылкѣ выражается отрицаніе права вотчинника, а только при условіи отрицанія чужаго права давность можетъ проявить свое дѣйствіе. Г. Боровиковскій безусловный сторонникъ принципа, проведеннаго въ ст. 706 устава гражд. судопр., и не допускаетъ примѣненія законовъ о давности безъ ссылки на то заинтересованнаго лица. Мы готовы были бы поспорить по этому предмету съ г. Боровиковскимъ, имѣя въ виду безпомощность лицъ крестьянскаго сословія въ состязательномъ процессѣ; но г. Боровиковскій обѣщаетъ посвятить специальную главу „дѣламъ мужичьимъ“, въ которой, безъ сомнѣнія, коснется и процессуальнаго безсилія крестьянъ. Вслѣдствіе этого, мы откладываемъ обсужденіе вопроса о ст. 706 устава гражд. судопр. до появленія новаго этюда г. Боровиковскаго, котораго мы будемъ ожидать съ понятнымъ нетерпѣніемъ.

Наконецъ, относительно третьяго способа проявленія воли давностнаго владѣльца—отчужденія имѣнія, г. Боровиковскій справедливо замѣчаетъ, что это послѣднее представляетъ собою едва ли не самое рѣшительное выраженіе желанія давностнаго владѣльца владѣть „имѣніемъ въ видѣ собственности“; притомъ, отчужденіе имѣнія не только обнаруживаетъ всю полноту власти собственника, но и оглашаетъ то передъ третьими лицами.

Г. Боровиковскій затрогиваетъ не мало въ высшей степени важныхъ вопросовъ, связанныхъ съ проявленіемъ давности владѣнія и, между прочимъ, подвергаетъ критикѣ сенатскую теорію виндикаціи недвижимыхъ имуществъ. Не находя возможнымъ въ настоящее время подробно останавливаться на разсужденіяхъ г. Боровиковскаго по этому предмету, тѣмъ болѣе, что авторъ обѣщаетъ поговорить о виндикаціи въ особой главѣ, мы ограничимся здѣсь лишь нѣсколькими наиболѣе интересными выдержками, по которымъ можно составить себѣ понятіе о той независимости сужденій и пытливости ума, которыя характеризуютъ нашего автора, какъ судью и какъ мыслящаго юриста.

Право виндикаціи, по мнѣнію г. Боровиковскаго, должно

согласоваться со степенью устанавливаемого закономъ *контроля* надъ совершеніемъ крѣпостныхъ актовъ. Чѣмъ *возможнѣе* совершить актъ о чужомъ имуществѣ, тѣмъ *шире* должно быть право виндикаціи.... При дѣйствіи нотаріальнаго положенія обязательно провѣряется право совершающаго актъ. Сообразно съ этимъ должно быть ограничиваемо интерпретаціей и право виндикаціи; должно согласовать это право съ порядкомъ совершенія актовъ. Приобрѣтатель имѣетъ полное основаніе *довериться* правительственному учрежденію, ex officio обязанному отвратить отъ него опасность приобретенія чужаго... Однако же у насъ существуетъ и до настоящаго времени способъ приобретенія имущества, совершенно ускользающій отъ контроля крѣпостныхъ учреждений. Это способъ покупки съ публичнаго торга. „Никакого, въ огражденіе интересовъ будущихъ покупателей, удостовѣренія, что имѣніе дѣйствительно принадлежитъ должнику, не производится; въ результатѣ—полнѣйшая возможность продажи съ публичнаго торга чужаго имущества...“ Если истинный собственникъ и находитъ спасительный противовѣсъ этой неурядицѣ въ 1 п. ст. 1180 устава гражд. судопр., то „этотъ же законъ *вопіющая несправедливость* для покупателя, имѣвшаго полную увѣренность, что судъ его не подведетъ“. Поэтому ссылка сената на 1 п. 1180 ст. устава въ подкрѣпленіе широкаго права виндикаціи представляется, по мнѣнію г. Боровиковскаго, не убѣдительною...“ именно при *публичной* продажѣ легче, чѣмъ при частной, продать чужое, и названный законъ слѣдуетъ разсматривать какъ *обусловливаемое этимъ специальное для публичной продажи* правило, а отнюдь не какъ отголосокъ „общаго начала“ о почти безграничномъ правѣ виндикаціи. съ предоставленіемъ опорочивать всѣ предшествовавшіе переходы имущества“ (стр. 140, 141).

Разбирая, затѣмъ, отдѣльно всѣ цитаты законовъ, приводимыя сенатомъ въ подкрѣпленіе своей теоріи виндикаціи (рѣш. 1887 г. № 34), г. Боровиковскій находитъ, что они вовсе не разрѣшаютъ вопроса о виндикаціи; а статьи закона, прямо относящіяся къ этому вопросу, какъ напр. ст. 614

и 635 закона гражд.,—говорятъ противъ виндикаціи, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ залогу. По обыкновенію, аргументація г. Боровиковскаго отличается ясностью и убѣдительностью; въ то же время заслуживаютъ особеннаго вниманія нѣкоторыя теоретическія построенія автора. Такъ, разсужденія о *представительствѣ права*, на нашъ взглядъ, достойны занять видное мѣсто въ общемъ ученіи о субъектахъ права. Но помимо теоретическаго интереса, эти разсужденія имѣютъ и громадное практическое значеніе, такъ какъ они проливаютъ совершенно новый свѣтъ на юридическое положеніе „*litem plus juris in alterum transferre potest quam ipse habet*“, которымъ сенатская практика воспользовалась для подкрѣпленія своего ученія о виндикаціи.

Заканчивая настоящую замѣтку, пожелаемъ книгѣ г. Боровиковскаго того успѣха и распространенія, какого она вполне заслуживаетъ, какъ въ виду разнообразія и богатства ея содержанія, такъ и особенно въ виду тѣхъ свѣтлыхъ мыслей и идей, которыя мы въ ней встрѣчаемъ.

И. Хм.....

А. Венеціановъ. *Экспроприація съ точки зрѣнія гражданского права.*

Трудъ автора, хотя компилятивный и составленный исключительно по нѣмецкимъ источникамъ, представляетъ однако тотъ интересъ, что затрагиваетъ одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ современности. Авторъ старается избѣгать крайностей и держится одинаково далеко отъ крайнихъ индивидуалистовъ, такъ и отъ слишкомъ горячихъ защитниковъ преобладанія общественнаго интереса въ гражданскомъ правѣ (Ihering, Гамбаровъ). Указавъ на составныя части понятія экспроприаціи (принудительное отчужденіе государствомъ частей недвижимости для осуществленія общепользныхъ предпріятій, съ уплатой вознагражденія за отчуждаемыя права), авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію теорій, смѣшивающихъ экспроприацію съ нѣкоторыми другими болѣе

или менѣе близкими ей институтами права, каковы Nothrecht, законныя ограниченія права собственности и друг. Затѣмъ слѣдуетъ историческій очеркъ развитія института экспроприаціи, изъ котораго мы узнаемъ, что институтъ этотъ сравнительно недавняго происхожденія и вызванъ къ жизни, по мнѣнію автора, „радикальными измѣненіями экономическаго быта и сильнымъ развитіемъ правоваго и политическаго сознанія европейскихъ народовъ, послѣдовавшими съ конца 18 вѣка“ (стр. 16): нѣсколько далѣе, впрочемъ, приводится конституція императоровъ Θεодосія, Гонорія и Аркадія (393 г.), въ которой самъ авторъ находитъ „всѣ основныя черты экспроприаціи“ (стр. 18). Наиболѣе интересными представляются, конечно, данныя относительно отечественнаго нашего права. Первое указаніе мы находимъ въ манифестѣ Императора Александра I объ образованіи государственнаго совѣта (1810 г.), въ компетенціи котораго, между прочимъ, отнесены и „дѣла о вознагражденіи частныхъ лицъ за имущества, на государственныя нужды взимаемыя“ (§§ 29 и 9). Основаніемъ для современнаго нашего законодательства объ экспроприаціи послужили статьи 354—356 св. зак. 1832 г., вскорѣ дополненныя именнымъ указомъ сенату: „о правилахъ вознагражденія частныхъ лицъ за имущества ихъ, отходящія на государственное и общественное употребленіе“ (7 іюня 1833 г.). Отмѣна вѣрностнаго права и появленіе желѣзныхъ дорогъ вызвали необходимость въ измѣненіяхъ и новыхъ дополненіяхъ, которыя были, наконецъ, объединены положеніемъ 19 мая 1887 г. о вознагражденіи за принудительное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, временное занятіе ихъ и установленіе права участія въ пользованіи ими (ст. 575—608, т. X ч. 1). „Несмотря на столь позднее, говоритъ авторъ, сравнительно съ законами другихъ государствъ, изданіе закона о принудительномъ отчужденіи, русское законодательство объ этомъ предметѣ крайне несовершенно, ибо по многимъ вопросамъ оставлены пробѣлы“ (стр. 31). Къ сожалѣнію, авторъ не отводитъ отдѣльнаго мѣста для критики нашего законодательства объ экспропри-

ації, а трактуєть о немъ понемножку въ каждой главѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ наиболѣе важныхъ замѣчаній: законъ не опредѣляетъ точно сферу примѣненія экспроприаціи, выраженіе „на государственную или общественную нужду“ (ст. 575 т. X ч. 1)—недостаточно опредѣленно. Нѣтъ статьи, указывающей на комъ лежитъ обязанность платить вознагражденіе,—на предпринимателѣ или государствѣ? (стр. 41, 75). Отсутствуютъ опредѣленія, касающіяся сервитута на пользованіе строительными матеріалами (стр. 91) и т. д.

Александръ Невзоровъ. *Опека надъ несовершеннолѣтними. Историческій очеркъ института и положеніе его въ дѣйствующемъ русскомъ законодательствѣ.* Ревель. 1892 г.

Авторъ предпосылаетъ своему труду краткое изложеніе исторіи института въ Римѣ и западной Европѣ. Сравнивая опеку западно-европейскую съ римской, г. Невзоровъ приходитъ къ заключенію, что современное право, хотя и много позаимствовало у римскаго, пошло однако значительно дальше его; въ настоящее время опека учреждается не только въ томъ случаѣ, когда у малолѣтняго есть имущество, но и тогда, когда у малолѣтняго его нѣтъ; опека не оставляется на произволъ частныхъ лицъ, она дѣлается предметомъ заботы государственной власти, организующей систему контроля и надзора за дѣйствіями опекуновъ (стр. 56—57). Трудъ автора имѣетъ цѣлю „обслѣдовать историческія основы и зародышныя формы опеки въ древне-русскомъ правѣ, а затѣмъ изложить институтъ опеки, какъ онъ сложился въ дѣйствующемъ законодательствѣ и какъ онъ разсматривается въ новѣйшихъ проектахъ уставовъ объ опекахъ, присовокупляя критическія замѣчанія по поводу отдѣльных законоположеній“ (стр. 6).

Изложеніе автора довольно полное; онъ пользуется всей литературой по данному вопросу, правда, очень не обширной. Менѣе интересны критическія замѣчанія: они или не новы, или недостаточно обоснованы и выражены, притомъ, иногда

въ формѣ неумѣстно рѣзкой. Такія выраженія какъ „недостаточное знакомство комисіи съ юридическими понятіями и съ сущностью сдѣлокъ и т. д.“—врядъ ли удобны. Тѣмъ болѣе, что мнѣніе автора въ данномъ случаѣ вовсе не представляется безспорнымъ „Непониманіе существа представительства, пишетъ г. Невзоровъ, выразилось и въ томъ, что опекунъ, по проекту, долженъ почти на каждое дѣйствіе испрашивать специальное разрѣшеніе отъ опекунскаго управленія“ (стр. 238—239). Мы думаемъ, напротивъ, что комисія прекрасно знаетъ, въ чемъ заключается существо представительства, и если тѣмъ не менѣе она съузила право опекуна распоряжаться имуществомъ несовершеннолѣтняго, то она сдѣлала это исключительно подъ давленіемъ весьма настоятельныхъ указаній практики. Напрасно также, кажется намъ, авторъ относится такъ педантично къ своей задачѣ и боится выйти за предѣлы своей темы. Онъ ни единымъ словомъ, напримѣръ, не касается вопроса о попечительствѣ, между тѣмъ эти два института такъ тѣсно связаны (въ особенности въ проектѣ 1891 года), что говорить объ одномъ, не затрагивая другаго, невозможно, безъ ущерба для ясности изложенія. Понятіе выясняется не однимъ путемъ описанія его признаковъ, но и выдѣленіемъ его изъ родственныхъ ему понятій. Авторъ критикуетъ проектъ 1891 г., сопоставляетъ его съ прежними проектами и дѣйствующимъ законодательствомъ, дѣлаетъ общіе выводы и не замѣчаетъ совершенно огромной разницы въ соотношеніи между опекой и попечительствомъ въ упомянутыхъ источникахъ (см. Журн. гражд. и угол. права 1892 г., кн. 9, А. Борзенко—Опекунская реформа, стр. 108 и др.). Не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе производитъ еще обиліе декоративныхъ словъ и выраженій, попадающихся въ книгѣ г. Невзорова, въ родѣ: „сѣдая старина“, „путеводная звѣзда“, „прорубивъ окно“ (Петръ Вел.) и т. д., или патетическія восклицанія въ тѣхъ случаяхъ, когда спокойствіе могло бы не оставлять автора. „Мы не будемъ начинать ab ovo, не пойдемъ въ глубь исторіи Китая или древняго Египта. Нѣтъ!“ и т. д.

Д. И. Багал'йй. *Къ исторіи ученій о бытъ древнихъ славянъ.* Кіевъ. 1892 г.

Брошюра проф. Багал'я (59 стр. убористой печати) представляет критическую оцѣнку книги проф. Собѣстіанскаго: „Ученіе о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ“.

Проф. Багал'йй отнесся очень строго къ труду своего коллеги; по его мнѣнію, „въ немъ нѣтъ ни критическаго анализа, ни самостоятельной провѣрки на основаніи источниковъ, подвергнутыхъ критикѣ; въ немъ нѣтъ, наконецъ, даже намековъ на сравнительный методъ, хотя бы въ самомъ узкомъ, ограниченномъ его примѣненіи. Научный методъ проф. Собѣстіанскаго представляет, собственно говоря, отсутствіе всякаго метода“ (стр. 6).

Не признавая за книгой проф. Собѣстіанскаго значенія критическаго изслѣдованія (чѣмъ считаетъ ее самъ авторъ), г. Багал'йй отрицаетъ также полезность ея, какъ историко-литературнаго произведенія. Она страдает неточностью въ передачѣ чужихъ воззрѣній и отсутствіемъ исторической перспективы (отводится слишкомъ много мѣста неважному и ненужному, и кратко излагается существенно необходимое) (стр. 34).

Послѣ сказаннаго неудивительно, если г. Багал'йй приходитъ къ заключенію, что „для уясненія вопроса о характерѣ и юридическомъ бытѣ древнихъ славянъ нужно написать новое сочиненіе, ибо книга проф. Собѣстіанскаго его совсѣмъ не разрѣшаетъ“ (стр. 59).

Систематическій указатель литературы о евреяхъ на рускомъ языкѣ со времени введенія гражданскаго шрифта (1708 г.) по декабрь 1889 г. С.-Петербургъ. 1893 года, стр. VIII + 568, цѣна 3 руб.

Отдѣлъ II этого указателя (№№ 704 — 1757) посвященъ литературѣ вопроса о правовомъ положеніи еврейской народности въ Россіи. Кромѣ сборниковъ, книгъ и брошюръ,

спеціально посвященнихъ означенному вопросу, составители обязались дать указанія на труды, трактующіе о немъ въ отдѣльных частяхъ своихъ, напр. „Начала русскаго государственнаго права“, „Курсъ гражданскаго права“ Побѣдоносцева и многіе другіе. Указаны также относящіеся сюда журнальныя и газетныя статьи, даже кассационныя рѣшенія правительствующаго сената. Книга сопровождается алфавитнымъ указателемъ авторовъ и весьма подробнымъ предметнымъ указателемъ.

Замѣчательная полнота, точность, хорошо придуманная система и безпристрастіе въ пользованіи источниками дѣлаютъ настоящій указатель весьма полезной справочной книгой для всѣхъ интересующихся такъ или иначе еврейскимъ вопросомъ, въ частности же, для юристовъ - практиковъ, которымъ приходится безпрестанно сталкиваться съ безчисленными законами, положеніями, правилами, распоряженіями и рѣшеніями судебныхъ мѣстъ по „еврейскимъ дѣламъ“.

А. К. Гаугеръ. *Положеніе о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ.* Изд. 1887 г. со включеніемъ статей по продолж. 1890 и 1891 гг. съ разъясн. правительствующаго сената по 8 января 1892 г. С.-П.-Б. Цѣна 60 коп.

Положеніе издано въ редакціонномъ и типографскомъ отношеніи безукоризненно. Мы полагаемъ однако, что нельзя одобрить самый планъ изданія положенія отдѣльно отъ X т. ч. 1, къ которому оно относится, какъ часть къ цѣлому. Такія понятія, какъ договоръ, залогъ, довѣренность и друг., попадающіяся въ каждой статьѣ положенія, выясняются справляющемуся только при постоянномъ обращеніи къ X тому. Замѣтимъ вообще, что преобладаніе спроса въ послѣднее время на „обрывки“ законовъ и на разъясненія сената, по возможности сокращенныя, не представляетъ ничего утѣшительнаго и свидѣтельствуетъ только объ отсутствіи интереса къ вопросамъ права.

М. Т.

А. Анисимовъ (с.-петербургскій нотаріусъ). *Уставъ о гербовомъ сборѣ, съ разъясненіями правительствующаго сената.* 1893 г. Цѣна 1 руб.

Настоящее изданіе есть *третье*, дополненное по декабрь 1892 г. Въ приложеніи къ нему помѣщенъ перечень документовъ, подлежащихъ гербовому сбору и отъ него изъятыхъ.

Цѣль изданія—устранить разбросанность дѣйствующихъ законовъ о гербовомъ сборѣ, посредствомъ сведенія въ одно цѣлое разрозненныхъ постановленій, и представить текстъ закона въ связи съ обнародованными по 15 декабря 1892 года разъясненіями правительствующаго сената: департаментовъ перваго, кассационныхъ и общаго собранія. Разъясненія эти, а также измѣненія текста закона, помѣщены не подъ статьями непосредственно, а въ видѣ особыхъ выносокъ, чтобы не прерывать текстъ закона и облегчить пользование имъ.

ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА.

Законодательная дѣтельность въ Германіи: проекты законовъ о ростовщичествѣ и о сдѣлкахъ съ разсрочкою платежа.—Отголоски Ксоншенскаго процесса.—Осужденіе безъ опредѣленія наказанія.—Процессъ Гендшера.—Назначеніе новаго французскаго генеральнаго прокурора.—Дѣло по обвиненію Магдалины Панкукъ въ покушеніи на убійство. Учрежденіе въ Лондонѣ палаты третейскаго суда по торговымъ дѣламъ.

Въ германскій рейхстагъ внесены законопроекты о мѣрахъ къ прекращенію ростовщичества и объ урегулированіи сдѣлокъ съ разсрочкою платежа.

Содержаніе перваго законопроекта слѣдующее:

Ст. 1. Въ измѣненіе подлежащихъ статей уголовного уложенія установить:

§ 302а. Кто, пользуясь нуждою, легкомысліемъ или неопытностью другаго лица, при заключеніи займа, или отсрочкѣ денежнаго требованія, или составленіи другой юридической двухсторонней сдѣлки, имѣющей то же хозяйственное значеніе, выговоритъ себѣ или въ пользу третьяго лица такую имущественную прибыль, которая настолько превышаетъ обыкновенную норму процентовъ, что по обстоятельствамъ дѣла находится въ явномъ несоотвѣтствіи съ оказанною услугою, тотъ наказывается за ростовщичество тюремнымъ заключеніемъ на срокъ до 6 мѣсяцевъ и, совокупно съ симъ, денежнымъ взысканіемъ до 3000 марокъ. Судъ можетъ также лишить виновнаго почетныхъ гражданскихъ правъ.

§ 302d. Кто занимается ростовщичествомъ (§§ 302 а

до 302 с) въ видѣ ремесла, тотъ наказывается тюрьмою на срокъ не менѣе 3 мѣсяцевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, штрафомъ отъ 150 до 15.000 марокъ. При этомъ судъ постановляетъ о лишеніи почетныхъ гражданскихъ правъ.

§ 302e. Упомянутое выше наказаніе примѣняется также и къ тѣмъ лицамъ, которыя занимаются, въ видѣ ремесла, заключеніемъ иныхъ, кромѣ упомянутыхъ въ ст. 302 а сдѣлокъ, пользуясь нуждою, легкомысліемъ или неопытностью другого лица, съ цѣлью выговорить себѣ или въ пользу другого такую имущественную прибыль, которая настолько превышаетъ по обстоятельствамъ дѣла обычную норму процентовъ, что находится въ явномъ несоотвѣтствіи съ оказанною услугою.

§ 367, п. 16. Кто нарушитъ полицейскія правила, изданныя относительно отказа отъ публичнаго торга и отпуска спиртныхъ напитковъ до и во время публичныхъ продажъ.

Ст. II. Въ законѣ 24 мая 1880 года о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій, 1-е отдѣленіе и 1-я часть 2-го отдѣленія § 3 измѣняются слѣдующимъ образомъ:

§ 3. Договоры, признаваемые, согласно §§ 302а, 302б, 302е, угол. улож., ростовщичествомъ, недействительны. Всѣ имущественныя выгоды, полученныя отъ должника, должны быть ему возмѣщены, съ процентами со дня ихъ полученія.

Въ виду важности затронутыхъ проектомъ вопросовъ, небезынтересно остановиться на разсмотрѣннхъ мотивахъ, побудившихъ германское правительство выработать упомянутый выше законопроектъ. Заимствуемъ изъ представленной въ проекту объяснительной записки нижеслѣдующія соображенія.

„Послѣдствія закона 24 мая 1880 года о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій, по отзывамъ правительственныхъ установленій и по общему мнѣнію, были благотворны. Правда, нельзя отрицать, что преслѣдованія ростовщичества въ уголовномъ порядкѣ встрѣчались рѣдко, но надо полагать, что

самое изданіе уголовного закона уменьшило случаи проявленія упомянутого выше зла. Если еще раздаются жалобы на взиманіе ростовщическихъ процентовъ при совершеніи кредитныхъ сдѣлокъ, то причины этого явленія слѣдуетъ искать не въ недостаткахъ законодательныхъ постановленій, а въ честности потерпѣвшихъ, предпочитающихъ подвергаться эксплуатаціи, чѣмъ прибѣгать къ защитѣ судебной власти. Но съ другой стороны все громче и громче высказывается убѣжденіе, что въ виду преслѣдованія закономъ 24 мая 1884 года только тѣхъ ростовщическихъ дѣяній, которыя имѣютъ мѣсто при кредитныхъ сдѣлкахъ, нѣтъ возможности противодѣйствовать ростовщической эксплуатаціи въ другихъ ея проявленіяхъ. Между тѣмъ, различныя общества, печать и отдѣльные писатели указываютъ, что ростовщичество, въ особенности же въ сельскихъ округахъ, не уменьшилось, но приняло инныя формы. Въ обществѣ „соціальной политики“ по сему предмету, были сдѣланы основательныя изслѣдованія; вышеупомянутое заключеніе подтверждается также офіціальными донесеніями, поступившими отъ союзныхъ государствъ. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ усматривается, что ростовщичество весьма не одинаково распространено въ различныхъ частяхъ германской имперіи, проявляясь, главнымъ образомъ, въ бѣднѣйшихъ областяхъ. Зло это однако настолько сильно и существенно, что требуетъ для искорененія его принятія неотложныхъ законодательныхъ мѣръ, хотя и трудно надѣяться, что онѣ окончателно уничтожатъ ростовщичество. Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣднее является послѣдствіемъ экономическихъ несовершенствъ: дурныя условія сбыта, трудность приобрѣтенія необходимыхъ продуктовъ, крайняя раздробленность земельныхъ участковъ, порождающая „карличьи хозяйства“ (Swergwirtschaft) недостатокъ здороваго кредита не только въ случаѣ нужды, но и при обыкновенныхъ условіяхъ, недостатокъ энергіи и образованія, все это подготавливаетъ благоприятную почву для ростовщичества.

Тѣмъ не менѣе отъ уголовного преслѣдованія ростовщич.
ж. гр. и уг. пр. кн. п 1893 г.

чества въ другихъ его проявленіяхъ, кромѣ взиманія чрезмѣрныхъ процентовъ при ссудѣ денегъ, можно ожидать значительной пользы. Опытъ показалъ, что тамъ, гдѣ свиваетъ себѣ гнѣздо ростовщичество, оно умѣетъ и вызывать искусственно нужду и ухудшать экономическія условія, чтобы открыть засимъ широкое поле для своей дѣятельности. Противъ этого явленія уголовное устрашеніе можетъ служить хорошимъ средствомъ. Кромѣ того, уголовные законы, несомнѣнно, значительно способствуютъ достиженію другими мѣропріятіями ихъ цѣли. Съ другой стороны, весьма важно для нравственного и правового сознанія народа признаніе ростовщичества и въ другихъ, кромѣ кредитныхъ, сдѣлкахъ, не только предосудительнымъ, но и уголовно - наказуемымъ. Положеніе, что суды вынуждены оставлять безнаказанными сдѣлки, которыя населеніе признаетъ ростовщическими, вредятъ достоинству суда и колеблютъ вѣру народа въ защиту государствомъ слабыхъ отъ притѣсненій сильныхъ“.

Другой законопроектъ, подлежащій разсмотрѣнію германскаго рейхстага, близкій по существу съ предшествующимъ, касается сдѣлокъ съ разсрочкою платежа. Въ послѣднее время покупки съ разсрочкою платежа получили чрезвычайное распространеніе въ Германіи, причемъ условія ихъ нерѣдко оказывались весьма тяжелыми для покупателей, такъ какъ продавцы оставляли за собою право собственности на вещи до окончательнаго учиненія расчета, и въ случаѣ неплатежа какой нибудь части долга въ срокъ, отбирали вещи, несмотря на значительность внесенныхъ уже прежде суммъ. Вотъ текстъ проекта закона.

§ 1. Если при продажѣ съ разсрочкою платежа движимой вещи, переходящей во владѣніе покупателя, продавецъ выговариваетъ себѣ право, въ случаѣ неисполненія условія покупщикомъ, требовать проданную вещь обратно, то покупатель, отдавая вещь, вправе требовать возвращенія уплаченныхъ имъ платежей. Противное сему правилу условіе недействительно. Право возвращенія вещи сохраняется, хотя бы про-

давецъ, въ силу закона, имѣлъ право требовать уничтоженія договора вслѣдствіе неисполненія обязательства покупщикомъ.

§ 2. Продавецъ вправе, въ случаѣ, указанномъ въ § 1, независимо отъ вознагражденія за поврежденіе вещи, если бы такое послѣдовало, требовать еще плату за пользованіе оною. Противныя сему постановленію условія, а равно и соглашеніе относительно упомянутого выше вознагражденія, до осуществленія обратной передачи вещи, недѣйствительны.

§ 3. Условленная за неисполненіе принятыхъ покупщикомъ обязательствъ неустойка, если она чрезмерно велика, можетъ быть по ходатайству покупателя уменьшена судомъ. Добровольно уплаченная неустойка не можетъ быть болѣе измѣнена. Условіе, что просрочка платежа имѣетъ послѣдствіемъ досрочное внесеніе всѣхъ остальныхъ платежей, дѣйствительно только въ томъ случаѣ, если покупатель просрочилъ два, слѣдующихъ одинъ за другимъ, платежа и, притомъ, на сумму свыше $\frac{1}{10}$ покупной цѣны.

§ 4. Если продавецъ приметъ, въ силу сохраненнаго за нимъ права собственности, вещь обратно, то считается осуществившимся право возврата вещи въ смыслѣ § 1 сего узаконенія.

§ 5. Постановленія сего узаконенія распространяются на всѣ сдѣлки, имѣющія цѣлью продажу съ разсрочкой платежа, независимо отъ того, предоставляется ли принимающему въ свое владѣніе вещь право приобрѣтенія на нее въ послѣдствіи права собственности, или нѣтъ.

§ 6. Упомянутыя выше правила не примѣняются, если приобрѣтателемъ вещи является купецъ.

§ 7. Сдѣлки, заключенныя до обнародованія настоящаго узаконенія, не подлежатъ его дѣйствию.

Въ Германіи слышатся еще отголоски Ксантенскаго процесса. Въ виду оправданія присяжными еврея Бушгофа, привлеченнаго къ отвѣтственности за убійство христіанскаго ребенка, полиція продолжаетъ розыскивать виновныхъ и недавно арестовала двухъ лицъ, противъ коихъ собраны вѣскія улики.

Нельзя не обратить вниманія на преподанное австрійскимъ кассационнымъ судомъ разъясненіе, что судья вправѣ признать обвиняемаго въ преступленіи виновнымъ, безъ опредѣленія однако наказанія. Первый случай примѣненія этого порядка имѣлъ мѣсто въ Вѣнѣ 29 минувшаго декабря. Обвинялся типографщикъ Бека въ нарушеніи законовъ о печати. Въ типографіи Бека печатался ремесленный журналъ, экземпляръ коего своевременно не былъ представленъ въ цензуру. Оказалось, что послѣ совершенія упомянутаго проступка, Бека былъ приговоренъ за позднѣйшее нарушеніе того же самого правила къ штрафу въ 10 гульденовъ. Защитникъ, принимая во вниманіе, что въ случаѣ, если бы и первое нарушеніе цензурныхъ правилъ было бы извѣстно суду при постановленіи приговора, наказаніе не могло быть опредѣлено по совокупности въ высшемъ размѣрѣ и заявляя, что для подсудимаго имѣетъ существенное значеніе не числиться дважды отбывшимъ наказаніе, просилъ судъ признать Бека виновнымъ, но не опредѣлять ему наказанія. Судъ постановилъ приговоръ согласно съ ходатайствомъ защитника.

Въ Краковѣ разбирался интересный процессъ Гендигера. Гендигеръ, желая выманить у русскаго правительства деньги, пріѣхалъ въ Петербургъ и заявилъ, что онъ случайно попалъ въ Краковъ на слѣдъ заговора противъ жизни Государя Императора. Въ заговорѣ этомъ принимаютъ участіе поляки, но онъ, не сочувствуя цѣлямъ заговорщиковъ и не желая допустить, чтобы на польскій народъ пало пятно преступленія, рѣшилъ предупредить объ этомъ русскую полицію. Не имѣя, однако, средствъ, онъ просилъ выдать ему на расходы 500 руб. сер. Въ Краковѣ былъ посланъ по доносу Гендигера агентъ, но вскорѣ оказалось, что Гендигеръ доносилъ ложно. Желая подтвердить свой доносъ, Гендигеръ нанялъ еврея Абелеса для провоза контрабанды въ Россію, намѣреваясь между товаромъ положить динамитъ съ тѣмъ чтобы, когда контрабанда будетъ провозится чрезъ границу, предупредить пограничную стражу о провозѣ динамита и получить вознагражденіе. Планъ Гендигера не удался, такъ какъ его

желаніе купить динамьтъ обратило на себя вниманіе австрійской полиціи.

Гендигеръ былъ преданъ суду и приговоренъ за мошенничество къ 10 лѣтнему заключенію въ смирительномъ домѣ, съ однимъ постнымъ днемъ въ недѣлѣ.

На мѣсто французскаго генеральнаго прокурора назначенъ г. Луи Танонъ, членъ кассационнаго суда. Въ 1880 году Танонъ былъ деректоромъ департамента министерства юстиціи; онъ извѣстенъ своими сочиненіями по исторіи французскаго права.

Изъ разбиравшихся за послѣднее время въ Парижѣ уголовныхъ процессовъ представляетъ интересъ дѣло по обвиненію г жи Панкукъ въ покушеніи на убійство.

15 августа минувшаго года Магдалина Панкукъ выстрѣлила 3 раза изъ револьвера въ Марію Ньюжеронъ, свою бывшую горничную и любовницу ея мужа. Послѣдній—сынъ богатыхъ и весьма почтенныхъ родителей, при жизни ихъ прожилъ уже большія деньги. Познакомившись съ дѣвицею Левалье, кафе-шантанною пѣвицею, онъ съ ней сошелся, не безъ труда уговоривъ бросить прежнюю жизнь. Когда отъ этой связи родился ребенокъ, Панкукъ женился на Левалье, чтобы узаконить ребенка. Вскорѣ послѣ сего умеръ отецъ Панкука, оставивъ ему 150 тысячъ франковъ и внуку ежегодную ренту въ 5000 франковъ. Полученное наслѣдство Панкукъ въ непродолжительномъ времени проигралъ. Семейная жизнь супруговъ текла совершенно мирно, ибо Магдалина Панкукъ сдѣлалась образцовою женой и матерью, пока въ домъ не поступила горничною Марія Ньюжеронъ. Замѣтивъ связь мужа съ горничной, Магдалина Панкукъ прогнала послѣднюю. Вслѣдъ за горничной скрылся и мужъ, занявъ у родныхъ 10.000 франковъ и написавъ женѣ, что ѣдетъ въ Америку. На самомъ дѣлѣ Панкукъ отправился въ Алжиръ, гдѣ открылъ, вмѣстѣ съ Ньюжеронъ, харчевню. Дѣла его пошли плохо и онъ вскорѣ очутился въ Ниццѣ больнымъ и безъ всякихъ средствъ. Оттуда онъ написалъ

женѣ письмо, полное раскаянія. Магдалина Панкукъ, тѣмъ временемъ испросившая признаніе мужа безвѣстно-отсутствующимъ и получившая право распоряженія рентою, простила мужа и выслала полицейскому агенту въ Ниццѣ 300 франк., чтобы заплатить долгъ мужа въ гостинницѣ и купить ему билетъ для возвращенія домой. Г-жа Панкукъ помирилась съ мужемъ настолько искренно, что предоставила ему пользованіе одной третью упомянутой выше ренты. Тѣмъ не менѣе, однако, по своемъ выздоровленіи, Панкукъ вновь исчезъ и вернулся въ Ньюжеронъ. Магдалина Панкукъ продолжала уплачивать мужу условленную часть ренты, причемъ онъ постоянно просилъ у нея денегъ впередъ. Негодуя на поведеніе мужа, Магдалина Панкукъ написала ему письмо, въ которомъ грозила убить Ньюжеронъ. Спустя годъ, Панкукъ вздумалъ ходатайствовать объ отмѣнѣ постановленія суда по дѣлу о признаніи его безвѣстно-отсутствующимъ и предоставленіи пользоваться рентою его жень. Тогда Магдалина Панкукъ отправилась въ Парижъ, узнала, чрезъ посредство бюро для справокъ, адресъ своего мужа и поселилась противъ занимаемой имъ съ Ньюжеронъ комнаты. Изъ оконъ г-жа Панкукъ слѣдила за своимъ мужемъ. Наконецъ, разъ, когда онъ съ своею любовницею игралъ въ портерной въ дурачки, она явилась и трижды выстрѣлила въ свою соперницу. Раны, нанесенныя Ньюжеронъ, оказались не смертельными. Магдалина Панкукъ была тотчасъ же арестована. На предварительномъ слѣдствіи она заявила, что покушалась на убійство. При разборѣ дѣла она измѣнила свое показаніе, говоря, что вовсе не имѣла намѣренія убить Ньюжеронъ; первоначальное же ея заявленіе она сдѣлала, по ея словамъ, съ тою цѣлію, чтобы ее предали суду съ присяжными, а не суду полиціи исправительной. На вопросъ предсѣдателя—рассказывается ли она въ своемъ преступленіи, Магдалина Панкукъ отвѣчала: „Не бери Ньюжеронъ чужихъ мужей“.

Соображеніе Панкукъ о выгодности для нея предстать предъ судомъ присяжныхъ оказалось вѣрнымъ, такъ какъ присяжные засѣдатели оправдали ее; предъявленный Ньюжеронъ гражданскій искъ признанъ подлежащимъ удовлетворенію въ

суммѣ 500 франковъ съ возложеніемъ на нее половины судебныхъ издержекъ.

По инициативѣ лондонскаго купечества 23 ноября 1892 г. учреждена въ Гилдхолѣ, въ Сити, палата третейскаго суда по торговымъ дѣламъ, въ составѣ избираемыхъ изъ среды купечества членовъ и юрисконсульта. Члены отъ купечества выбираются изъ числа внесенныхъ въ избирательный списокъ специалистовъ по различнымъ отраслямъ торговли и получаютъ за свое участіе вознагражденіе отъ тяжущихся; послѣдніе являются въ засѣданіе лично, но могутъ замѣнять себя (и повѣренными адвокатами; въ послѣднемъ случаѣ, противная сторона должна быть заблаговременно увѣдомлена; стороны, мѣсто нахожденія предпріятія которыхъ отстоитъ далѣе 50 англійскихъ миль отъ Гилдхола, могутъ замѣнять себя своими лондонскими агентами. Засѣданія третейскаго суда бывають ежедневно, кромѣ праздниковъ, и продолжаются въ теченіи круглаго года; публичный характеръ совершенно исключенъ изъ судебныхъ засѣданій. Этому послѣднему обстоятельству въ торговомъ мірѣ, въ особенности на фондовой, хлѣбной и каменно-угольной биржахъ, придаютъ весьма большое значеніе, такъ какъ боязнъ оглашенія коммерческой тайны до сихъ поръ служила главной причиной нежеланія англійскаго купечества обращаться въ судебному разрѣшенію возникающихъ въ торговыхъ дѣлахъ недоразумѣній; вмѣстѣ съ тѣмъ надѣются, что отсутствіе подходящей публики устранить излишнія разглагольствованія ораторовъ и тѣмъ самымъ излишнюю потерю времени. Ускореніемъ судебной процедуры въ лондонскомъ третейскомъ судѣ и измѣненіемъ самаго порядка производства, надѣются удовлетворить таковой потребности лондонскаго купечества въ разрѣшеніи спорныхъ дѣлъ, которая до сихъ поръ, за отсутствіемъ специальныхъ учреждений, получала весьма недостаточное удовлетвореніе, такъ какъ обращеніе торговаго міра въ обыкновеннымъ судамъ связывалось не только съ значительной потерей времени, благодаря медлен-

ности процедуры, но и съ значительными издержками, въ виду дороговизны процесса. Этому неоднократно пытались помочь различными средствами и въ послѣднее время нѣсколько коронныхъ судей перенесли свои засѣданія въ центръ Сити, въ Гилдхолъ, для облегченія лондонскаго купечества. Мѣра эта, однако, не сопровождалась успѣхомъ, такъ какъ судебная процедура оставалась прежнею; эта же причина повліяла и на неуспѣшность назначенія специальныхъ судей для коммерческихъ дѣлъ. Въ виду неуспѣха такихъ мѣропріятій и подъ вліяніемъ возрастающей практики обращаться для разрѣшенія торговыхъ недоразумѣній къ частнымъ посредникамъ и накопленія, такимъ образомъ, богатаго матеріала для третейскаго разрѣшенія коммерческихъ споровъ, лондонское купечество, по соглашенію съ торговою палатою, выработало проектъ третейскаго суда для разрѣшенія, съ желаемой въ торговомъ мірѣ быстротой и ясностью, всѣхъ недоразумѣній торговаго свойства, возникающихъ среди лондонскаго купечества. На запросы о пользѣ предполагаемаго учрежденія, изъ числа 4,620 лондонскихъ негоціантовъ и фирмъ, 93% дали благопріятный отвѣтъ, въ виду чего и было приступлено къ практическому осуществленію проекта; но такъ какъ въ Англіи, въ силу правила, по которому никто не можетъ быть привлекаемъ къ суду, въ которомъ нѣтъ короннаго судьи, дѣятельность учреждаемой Chamber of Arbitration могла бы быть парализована, то значительная часть лондонскаго купечества условилась включать въ совершаемыя напередъ торговые сдѣлки оговорку, что могущія возникнуть изъ подобнаго рода сдѣлокъ недоразумѣнія подлежатъ компетенціи лондонскаго Chamber of Arbitration.

В. Л.

ЗА МѢСЯЦЪ.

(Юридическая хроника).

Дѣло о банкротствѣ Талышханова въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ.—Дѣятельность столичныхъ мировыхъ учреждений въ 1891 году.—Проектъ закона о торговой несостоятельности въ Сибири.—Дѣлс издателя газеты „Гражданинъ“ князя Мещерскаго.—О злоупотребленіяхъ предсѣдательскою властью.—Читатель исчезаетъ! Борьба за существованіе между юридическими газетами.—Новое изданіе: „Тюремный Вѣстникъ“.—Некрологъ: А. Ф. де-Росси.—Отвѣтъ Юридической газетѣ.

3 декабря минувшаго года, въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ, разсматривалось дѣло о банкротствѣ Талышханова, въ высшей степени интересное, какъ съ бытовой, такъ и съ юридической стороны. Фактическая сторона дѣла, какъ она выяснилась на судѣ изъ доклада члена суда и преній сторонъ, заключается въ слѣдующемъ: въ Ленкоранскомъ уѣздѣ, у Каспійскаго моря, находится имѣніе нѣкоего, нынѣ умершаго, помѣщика Талышханова. Имѣніе большое, нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ, большинство—лѣсъ, имѣются рыбныя ловли на нѣсколько десятковъ верстъ и, очевидно, что жить отъ такого имѣнія можно. Между тѣмъ владѣлецъ имѣнія, въ 1886 году, объявленъ несостоятельнымъ должникомъ. Объявленіе это произошло по его собственному заявленію и поддерживали его на судѣ кредиторы Талышханова: князь М., тайный совѣтникъ М., дѣйствительный статскій совѣтникъ Р., Я. и Л. и трое изъ нихъ были избраны въ составъ конкурснаго управленія по дѣламъ несостоятель-

наго. Изъ валоваго счета, составленнаго присяжнымъ почителемъ со словъ несостоятельнаго и по другимъ источникамъ видно, что имущество Талышханова приблизительно оцѣнивалось въ 1 миллионъ, а долги въ 2.600.000 рублей (мы беремъ круглыя цифры). Въ конкурсъ было заявлено претензій на 1.700.000 рублей, изъ нихъ вышеуказанные Я., М., кн. М. и Р. заявили: Я.—на 220.000; М.—около 400.000; Р.—на 120.000, и князь М.—около 200.000 рублей. Значительное большинство долговъ Талышханова возникло въ періодъ 1883—1886 г.г. До 1883 г. у него было долговъ на 500.000 рублей. Слѣдовательно, въ три года, Талышхановъ ухитрился задолжать до 1.200.000 рублей; сумма не малая, которую Талышхановъ очевидно прожить въ это время, судя по образу его жизни, не могъ. Невольно явилось подозрѣніе, что дѣло не ладно. Во время дѣйствій конкурса было возбуждено обвиненіе противъ предсѣдателя конкурса Я. и куратора тайнаго совѣтника М.; они были судомъ уволены отъ должностей членовъ конкурснаго управленія и было предписано созвать общее собраніе для избранія новыхъ. Какія противъ нихъ были предъявлены обвиненія, какова мѣра ихъ основательности, это въ засѣданіи суда 3 декабря остались не выясненными. Было только указано, что судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ, отобралъ у конкурса всѣ книги и знакомится съ ними. Что выйдетъ изъ этого знакомства покажетъ будущее. Но нѣкоторые кредиторы Талышханова ожидать не согласились, а подали въ судъ заявленія, въ которыхъ доказывали, что несостоятельность Талышханова злостная, что устроена она г.г. Я., кн. М., М. и Р., которые ничего Талышханову не давали и ихъ миллионная претензія фиктивна. Доказательства этихъ кредиторовъ, въ общемъ, сводились къ слѣдующему:

1) г. Р., по ихъ увѣренію, познакомилъ Талышханова съ Я., а тотъ уговорилъ его объявить себя несостоятельнымъ и дать ему векселей на 500.000 рублей для раздачи, по его Я. усмотрѣнію. Талышхановъ согласился. Было это въ 1883 г.

2) Въ февралѣ 1884 года составленъ былъ проектъ усло-

вія, по которому Талышхановъ поручалъ братьямъ Я. управлять всѣми его имѣніями и изыскивать средства для уплаты его долговъ. Въ числѣ долговъ были указаны Р.—60.000., М.—50.000 и Я.—70 съ чѣмъ-то тысячъ рублей. Векселя въ обезпеченіе этихъ долговъ, выданные 20 января 1883 г. подлежали возврату (въ конкурсъ этихъ векселей предъявлено было на 300.000 рублей).

3) Будто бы получившій сотни тысячъ Талышхановъ сильно нуждаясь въ октябрѣ 1883 года, просилъ М. дать ему денегъ на выкупъ теплаго платья, а въ 1885 году, его друзья и кредиторы купили ему сапоги за 14 рублей. Имѣніемъ Талышханова управлялъ тогда братъ Я., но, кажется, вдругъ, почему неизвѣстно, имѣніе доходы давать перестало. Приведенныя основанія привели судъ къ убѣжденію, что дѣянія г.г. Я., М., вн. М. и Р. есть ни что иное, какъ соучастіе въ злостномъ банкротствѣ и онъ постановилъ передать дѣло прокурору суда. Не приводя цѣлой массы весьма характерныхъ въ бытовомъ отношеніи подробностей, которыя выяснились на судѣ, и которыя не доказаны еще, мы перейдемъ къ чисто юридической оцѣнкѣ рѣшенія суда, но сначала остановимся на минуту на томъ преступленіи, въ которомъ подозрѣваютъ вышеуказанныхъ лицъ—на банкротствѣ злостномъ. Это преступленіе имѣетъ чрезвычайно характерную особенность. Кромѣ Петербурга—почти всѣ злостные банкроты уходятъ изъ суда оправданными; въ Петербургѣ, наоборотъ, за послѣдніе 7—8 лѣтъ весьма рѣдкое обвиненіе въ злостномъ банкротствѣ не заканчивалось обвинительнымъ приговоромъ, какъ банкрота, такъ и его соучастниковъ. Это явленіе объясняется, по нашему глубокому убѣжденію, тѣмъ:

1) что въ Петербургѣ составъ присяжныхъ засѣдателей гораздо выше по развитію. Провинціальныхъ присяжныхъ невозможно убѣдить, что злостный банкротъ—нарушитель публичнаго интереса, для нихъ это дѣло домашнее. „Всѣ такъ дѣлаютъ, сегодня вывернулъ карманъ одинъ, завтра другой—дѣло коммерческое и никакимъ уголовнымъ наказаніямъ тутъ не мѣсто. Обманъ въ торговлѣ—не обманъ, ибо и по-

словица, т. е. мудрость народная, гласить: „не обманешь, не продашь“;

2) нашъ конкурсный процессъ, о неудовлетворительности котораго нѣтъ спора, въ значительной мѣрѣ также виновенъ въ болѣе чѣмъ странномъ вышеприведенномъ взглядѣ общества на злостное банкротство. Злостное банкротство общее преступленіе, но кто кто же его разслѣдуетъ? Конкурсное управленіе. Оно возводится на степень суда, хотя оговаривается, что это судъ низшій. Конкурсы же, гдѣ пахнетъ злостностью, обыкновенно состоятъ не изъ кого другаго, какъ изъ устроителей злостнаго банкротства, фиктивныхъ, а не дѣйствительныхъ кредиторовъ, такъ какъ составъ конкурса выбирается большинствомъ кредиторовъ, заявившихъ претензіи. Неудивительно, что конкурсныхъ дѣлъ мастера, распоряжаясь конкурсной массой по своему усмотрѣнію, наживаютъ громадныя состоянія, а кредиторы въ этотъ своеобразный „судъ“ не вѣрятъ и рады кончить дѣло миромъ, чтобы хотя что нибудь сорвать, хотя они и отлично знаютъ, что несостоятельный таковымъ никогда не былъ въ дѣйствительности и просто устроилъ выгодную аферу, съ помощью своихъ друзей конкурсистовъ.

Въ Петербургѣ взглядъ на торговлю, какъ на законный обманъ, гораздо менѣе распространенъ и, потому, злостные банкроты получаютъ слѣдующее имъ возмездіе и соучастники отъ осужденія не уходятъ;

3) бываютъ процессы о злостныхъ банкротствахъ въ которыхъ не отводится надлежащаго мѣста соучастникамъ злостнаго банкрота, а вѣдь въ нихъ обыкновенно вся суть. Львиная часть барыша обыкновенно принадлежитъ имъ. Являясь заправилами конкурса, они держатъ несостоятельнаго въ рукахъ и мы знаемъ конкурсы, послѣ которыхъ фиктивный несостоятельный дѣлался дѣйствительно нищимъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ одномъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло о злостномъ банкротствѣ, гдѣ частный ходатай уговорилъ трактирщика объявить себя несостоятельнымъ, а трактиръ передать фиктивно, его, ходатая, пріятелю. Тотъ согласился;

новый собственник трактира его продалъ, самъ исчезъ, а совѣтчикъ и банкротъ попали въ мѣста не столь отдаленныя. Не будь привлеченъ совѣтчикъ, банкротъ, конечно, былъ бы оправданъ.

Банкротство не торговое чаще оканчивается обвинительными приговорами можетъ быть потому, что надзоръ судовъ окружныхъ надъ конкурсами строже, чѣмъ надзоръ судовъ коммерческихъ и правила, приложенныя къ ст. 1400 уст. гражд. судопр. (производство дѣлъ о несостоятельности) пополняютъ нѣкоторыя недомолвки и неясности устава о торговой несостоятельности.

Одинъ изъ серьезнѣйшихъ вопросовъ по дѣлу Тапытханова, есть толкованіе 14 п. этихъ правилъ, въ разсмотрѣнію котораго мы теперь и перейдемъ.

Защита дѣателей Талышхановскаго дѣла упирала главнымъ образомъ на то, во 1-хъ) что факта несостоятельности въ дѣлѣ нѣтъ и за устраненіемъ нѣкоторыхъ претензій, кредиторы не только получаютъ полнымъ рублемъ, но и наследникамъ Талышханова кое что перепадетъ и 2) что до опредѣленія свойства несостоятельности никакихъ вопросовъ о соучастіи въ злостномъ банкротствѣ поднимается быть не должно, ибо они преждевременны. Будь несостоятельность Талышханова торговая, второй доводъ защиты могъ бы имѣть значеніе, такъ какъ уставъ о несостоятельности торговой (ст. 484) предписываетъ опредѣлять свойства несостоятельности и ея личныя послѣдствія *по окончаніи дѣла*. Несмотря на категоричность этого требованія, намъ думается, что и при торговой несостоятельности коммерческій судъ можетъ возбудить обвиненіе въ злостномъ банкротствѣ, чрезъ прокурорскій надзоръ, если онъ усмотритъ въ дѣйствіяхъ несостоятельнаго признаки уголовно-наказуемаго дѣянія. Допускать противоположное толкованіе это значитъ давать конкурсамъ изъ фиктивныхъ кредиторовъ возможность закрывать свои продѣлки, такъ какъ всегда есть возможность затянуть конкурсъ на многіе годы, какъ бы строго за нимъ не слѣдилъ судъ. Въ дѣлѣ Талышханова вопроса о прежде-

временности быть не можетъ. Пунктъ 14 прилож. къ ст. 1400 изложенъ такъ: если при производствѣ дѣла о несостоятельности обнаружатся улики или доказательства злостной несостоятельности, то окружный судъ поступаетъ на точномъ основаніи ст. 27 уст. гражд. судопр. и если подозрѣваемый въ злостной несостоятельности не содержится подъ стражей, то судъ, по выслушаніи заключенія прокурора, принимаетъ мѣры, предписанныя въ статьяхъ 415—432 того же устава. Выраженіе „при производствѣ дѣла“ уничтожаетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что до окончанія конкурснаго производства можетъ быть возбуждено обвиненіе въ злостномъ банкротствѣ. Разъ улики есть и ихъ достаточно для обвиненія, то не зачѣмъ ждать, когда конкурсъ реализируетъ имущество несостоятельнаго. Напротивъ, опасно оставлять реализацію имущества въ рукахъ скомпроментированныхъ лицъ, и судъ въ дѣлѣ Талышхановскаго былъ правъ, когда постановивъ передать дѣло Талышханова прокурору, одновременно уволивъ куратора кн. М. и повѣреннаго другихъ заподозрѣнныхъ кредиторовъ и запретилъ имъ участвовать въ томъ общемъ собраніи кредиторовъ, которое обязано избрать въ конкурсное управленіе новыхъ представителей. Фиктивная, подложная претензія не можетъ и не должна давать никакихъ реальныхъ правъ. Статья 27 устава гражд. судопр., изложена такъ: если опредѣленіе преступности дѣянія зависитъ отъ опредѣленія въ установленномъ порядкѣ правъ состоянія или собственности на недвижимое имущество или же свойства несостоятельности обвиняемаго, то преслѣдованіе уголовнымъ судомъ не возбуждается, а возбужденное пріостанавливается до разрѣшенія спорнаго предмета судамъ гражданскимъ.

Изъ сопоставленія статьи 27 и 14 пункта правилъ, приложенныхъ къ 1400 статьѣ слѣдуетъ, что судъ гражданскій долженъ прежде всего опредѣлить свойство несостоятельности, разъ возникаетъ подозрѣніе въ злостности и обнаружены улики и доказательства достаточны; постановить о томъ опредѣленіе, принять мѣру пресѣченія

противъ обвиняемаго, указанную въ уставѣ уголовного судопроизводства и передать дѣло прокурору. Никакихъ постановленій общаго собранія кредиторовъ о свойствахъ несостоятельности судъ ожидать не долженъ, ибо онъ, а не собраніе кредиторовъ, да еще въ добавокъ фиктивныхъ, призванъ охранять государственный интересъ. Мнѣніе суда исключаетъ необходимость интересоваться мнѣніями гг. кредиторовъ.

Но возникаетъ вопросъ, если подозрѣваемый въ злостномъ банкротствѣ умеръ, какъ и было въ данномъ случаѣ, то въ правѣ ли судъ входить въ обсужденіе свойства его несостоятельности? Другаго отвѣта, кромѣ утвердительнаго, дать на этотъ вопросъ нельзя. Злостное банкротство не только допускаетъ возможность соучастія въ немъ, но и въ крайне рѣдкихъ случаяхъ возможно безъ наличности соучастниковъ. Смерть главнаго преступника не уничтожаетъ виновности соучастниковъ, а слѣдовательно, судъ долженъ обсудить свойство несостоятельности, ибо безъ опредѣленія таковой, невозможно опредѣлить и степени участія. Нужно доказать сначала, что преступленіе было совершено, или было покушеніе на его совершеніе, а затѣмъ только можно разбирать, кто преступленіе совершилъ или совершать его помогъ или даже научилъ. Вопросъ о томъ, какимъ порядкомъ привлекать соучастниковъ въ подлогахъ злостнаго банкротства—не можетъ встрѣчать затрудненія. Если конкурсъ, а въ томъ нѣтъ въ практикѣ сомнѣнія, имѣетъ право входить въ сужденіе не только свойства несостоятельности должника, но и того, принимали или нѣтъ участіе въ подлогахъ несостоятельнаго должника постороннія лица, то, конечно, это право принадлежитъ суду, наблюдающему за дѣятельностью конкурсовъ; но мѣръ пресѣченія, указанныхъ въ уставѣ уголовного судопроизводства, противъ этихъ лицъ судъ гражданскій примѣнять не можетъ, ибо эти мѣры законъ ему принимать предоставляетъ только противъ самого банкрота. Всѣ участники въ подлогѣ, прямо говоритъ торговый уставъ, предаются суду уголовному по законамъ, т. е. не на основаніи правилъ устава торговаго, а на основаніи общихъ узаконеній.

Такимъ образомъ, обязанность гражданскаго суда по дѣлу Талышханова состояла,—1) въ опредѣленіи свойства несостоятельности, безъ чего не могло быть предѣленія преступности дѣянiя; 2) въ указаніи, въ случаѣ признанія судомъ наличности признаковъ злостнаго банкротства, соучастниковъ банкрота, такъ какъ о немъ самомъ, въ виду его смерти, никакого сужденія быть не могло и примѣненія мѣръ пресѣченія не требовалось и 3) въ передачѣ дѣла прокурорскому надзору, отъ котораго и будетъ зависѣть дальнѣйшій ходъ дѣла.

Судъ, именно, такъ и поступилъ. Другое возраженіе, сдѣланное на судѣ, что не можетъ быть рѣчи о злостной несостоятельности, когда никакой несостоятельности въ дѣйствительности не было—не нуждается въ обстоятельныхъ опроверженіяхъ. Злостный банкротъ очень часто такой фактивный банкротъ, имущество котораго съ избыткомъ можетъ покрыть его дѣйствительные долги. Вся задача конкурса должна быть въ томъ, чтобы опредѣлить настоящіе, не фактивные долги и если конкурсъ добросовѣстно исполняетъ свои обязанности, то легко можетъ случиться, что признанные долги не превышаютъ стоимости имущества. Но не этимъ окончательнымъ выводомъ конкурсной работы опредѣляется несостоятельность. За силою 497, 498, 500 и 502 ст. устава, торговая несостоятельность опредѣляется по тѣмъ признакамъ, которые имѣются въ виду при открытіи несостоятельности,—присяжный попечитель опредѣлилъ его пассивъ въ полтора слишкомъ милліона, а активъ въ одинъ милліонъ. Талышхановъ противъ этого не протестовалъ. Слѣдовательно нечего и говорить, что не было несостоятельности и что впослѣдствіи претензіи растаяли; это только одинъ изъ признаковъ злостности. Къ этимъ признакамъ мы теперь и перейдемъ; для несостоятельности неторговой они опредѣлены совершенно ясно въ ст. 1166 ул. Злостный должникъ—такой должникъ, о коемъ доказано, что онъ впадши въ несостоятельные долги съ умысломъ, для избѣжанія платежа оныхъ, переукрѣпилъ свое имѣніе или

передалъ оное безденежно въ чужія руки или же посредствомъ подставныхъ, ложныхъ займодавцевъ или инымъ способомъ скрылъ дѣйствительно свое имѣніе и часть онаго во вредъ неудовлетворенныхъ вполнѣ займодавцевъ. Съ момента фактической несостоятельности, имущество несостоятельнаго должно принадлежать кредиторамъ, всякое его умаленіе преступно, оно есть признакъ злостности. Преступна не несостоятельность сама по себѣ, такъ какъ человѣкъ можетъ оказаться таковымъ и не по своей винѣ, а единственно въ силу печально сложившихся обстоятельствъ, и даже просто своего неумѣнія вести дѣла, преступны дѣйствія во вредъ дѣйствительныхъ кредиторовъ. Примѣняя общія эти основанія къ данному случаю мы увидимъ, что основанія для признанія несостоятельности Талышханова были, такъ какъ часть векселей, имъ выданныхъ, была безденежными векселями. Объ этомъ едва ли можетъ быть споръ, а одна наличность въ бапкетотствѣ фиктивныхъ векселей—несомнѣнно дѣлаетъ несостоятельность злостной. Фиктивный вексель не только отягчаетъ конкурсную массу и тѣмъ грабитъ дѣйствительныхъ кредиторовъ, онъ даетъ право участія въ общихъ собраніяхъ, передаетъ въ руки конкурсныхъ дѣлъ мастеровъ веденіе всего дѣла, т. е. почти гарантируетъ безнаказанность. Поэтому, рѣшеніе суда по дѣлу Талышханова имѣетъ громадное общественное значеніе. Оно вноситъ лучъ свѣта въ темныя дебри конкурснаго процесса—даетъ возможность прекращать преступную дѣятельность соучастниковъ банкротства въ началѣ, а не тогда, когда они достигнутъ своихъ преступныхъ цѣлей и все имущество расхитятъ. Какъ кончится процессъ для участниковъ рассматриваемаго процесса намъ нѣтъ дѣла и, потому, разбирать улики противъ нихъ, мы находимъ излишнимъ и во всякомъ случаѣ преждевременнымъ.

Въ 1891 году исполнилось 25 лѣтъ со времени открытія въ Петербургѣ мировыхъ судебныхъ установленій. Въ эти 25 лѣтъ, съ 1866 по 1890 годъ включительно, къ столичнымъ мировымъ судьямъ поступило 1.877.873 дѣла, въ томъ

ж. гр. и уг. пр. кн. п 1893 г.

10

числѣ 669.182 уголовныхъ, а остальные гражданскія. По уголовнымъ дѣламъ мировыми судьями привлечено къ суду 818.395 лицъ, изъ которыхъ оправдано 299.423, обвинено 465.736. Въ теченіе 25 минувшихъ лѣтъ городская дума неуклонно стремилась къ возможно лучшей постановкѣ дѣла мировой юстиціи Петербурга, какъ съ внѣшней стороны, такъ и со стороны привлеченія къ дѣлу наиболѣе опытныхъ и полезныхъ судей. Заботы думы о доступности суда для бѣднѣйшаго населенія столицы выразились въ постоянномъ уменьшеніи таксы сборовъ за исполнительныя дѣйствія судебныхъ приставовъ; такъ, по дѣйствующей теперь таксѣ, освобождены отъ сборовъ тяжёбныя дѣла до 30 рублей, и охраненіе имуществъ послѣ умершихъ до 100 рублей. Въ день истеченія 25 лѣтъ, со дня открытія въ Петербургѣ мировыхъ судебныхъ установленій, 17 мая 1891 г., дума присоединила мировыхъ судей къ городской пенсіонной кассѣ, назначивъ половинную пенсію за 15 лѣтъ службы и полную за 25 лѣтъ. Отчеты мирового съѣзда, со времени послѣдняго общаго передѣла мировыхъ участковъ въ 1875 году, когда ихъ число сокращено съ 30 на 26, свидѣлствуютъ о постоянномъ возрастаніи числа дѣлъ у мировыхъ судей; объясняется это, главнымъ образомъ, двумя причинами: ростомъ городского населенія и постояннымъ расширеніемъ предѣловъ подсудности мировымъ судебнымъ установленіямъ. Особенно значительное увеличеніе числа дѣлъ замѣчалось въ періодъ двухъ послѣднихъ трехлѣтій. Такъ, въ 1887 году, всѣхъ дѣлъ поступило 71.580, а въ 1891—91.018, т. е. 4.500 на каждый изъ 26 участковъ. Такое положеніе съѣздъ призналъ настолько невозможнымъ, что образовалъ комиссію для составленія проекта общаго передѣла участковъ и пришелъ къ убѣжденію въ безусловной необходимости увеличенія числа участковъ съ 26 до 30, какъ это было до 1875 года. Въ 1891 году минуло 10 лѣтъ со дня открытія городского арестнаго дома, настроеннаго городскимъ общественнымъ управленіемъ, для содержанія въ немъ лицъ, приговариваемыхъ къ аресту мировыми судьями. Въ теченіе

перваго десятилѣтія въ домѣ содержалось всего 62.825 человекъ, изъ нихъ по приговорамъ столичныхъ мировыхъ судей 56.698. Изъ общаго числа арестованныхъ, женщины составляли 9 проц. Общая стоимость содержанія арестнаго дома за десять лѣтъ составила 302.130 руб. Въ 1891 г. въ городскомъ арестномъ домѣ содержалось 7.834 человекъ.

Газеты передаютъ, что министерство юстиціи внесло въ государственный совѣтъ представленіе объ измѣненіи подсудности дѣлъ о торговой несостоятельности въ Сибири. Въ этомъ представленіи проектировано статью 182 зак. судопр. гражд. по прод. 1890 г. изложить слѣдующимъ образомъ: въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введены мировыя судебныя установленія отдѣльно отъ общихъ, всѣ гражданскія дѣла, изъятія изъ вѣдомства мировыхъ судей, начинаются въ палатахъ уголовного и гражданскаго суда. Въ Сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ, по дѣламъ, подвѣдомственнымъ окружнымъ судамъ (прим. 2), первую степень суда составляютъ сіи окружные суды, вторую степень—губернскіе суды. Высшую степень суда составляетъ правительствующій сенатъ. Примѣчаніе же 2 къ той же статьѣ 182 предполагено редактировать такъ: вѣдомству окружныхъ судовъ, въ сибирскихъ губерніяхъ, подлежатъ исковыя и тяжбыя дѣла цѣною не свыше 1000 рублей. Дѣла на сумму свыше 1000 рублей, а также дѣла о несостоятельности торговой, начинаются непосредственно въ губернскихъ судахъ. Въ области Якутской и Пріамурскомъ краѣ всѣ тяжбыя и исковыя дѣла, а также дѣла о несостоятельности торговой, начинаются въ окружныхъ судахъ. Вѣдомству Приморскаго окружнаго суда, сверхъ дѣлъ Приморской области, подлежатъ также возникающія на о. Сахалинѣ гражданскія дѣла цѣною свыше 30 рублей. Сіе примѣчаніе относится также къ статьѣ 540. Независимо отъ этого, въ статьѣ 440 тома X части 2 по продолженію 1890 года предполагено измѣнить конецъ ея такимъ образомъ: указанныя въ п. 2 сей статьи жалобы на окруж-

10*

ные суды Якутской области и Приамурскаго края разрѣшаются иркутскимъ губернскимъ судомъ, за исключеніемъ дѣлъ о несостоятельности торговой, по которымъ означенныя жалобы на окружные суды названной области и края приносятся правительствующему сенату.

Кромѣ того, примѣчаніе къ 496 ст. по прод. 1890 г. измѣняется слѣдующимъ образомъ: сверхъ означенныхъ въ сей (496) статьѣ дѣлъ, въ правительствующій сенатъ поступаютъ, въ порядкѣ апелляціи, тяжбы и иски на сумму свыше 1000 рублей, а также дѣла о несостоятельности торговой, начинаемые въ окружныхъ судахъ области Якутской и Приамурскаго края. Что же касается частныхъ жалобъ на губернскіе суды Сибирскихъ губерній, касающихся неправильности въ производствѣ дѣлъ, непредставленія или возвращенія отзыва или жалобы, — то указанныя жалобы приносятся правительствующему сенату, жалобы же на медленность и проволочку разрѣшаются мѣстными губернскими управленіями. Наконецъ, 3 п. примѣчанія къ 616 статьѣ т. X ч. 2 предположено дополнить слѣдующемъ постановленіемъ: по дѣлами о торговой несостоятельности, производящимся въ губернскихъ судахъ Сибири, въ случаѣ открытія несостоятельности внѣ округа окружнаго суда, въ предѣлахъ коего находится губернской судъ, допросъ должника и другихъ лицъ, избраніе присяжныхъ попечителей и членовъ конкурса, приводъ должника къ присягѣ, арестъ его имущества, заключеніе должника подъ стражу и другія тому подобныя предварительныя распоряженія по дѣлу, производятся, по порученію губернскаго суда, окружными судами, причемъ эти послѣдніе представляютъ присяжные листы, описи, протоколы, и прочія бумаги и свидѣнія, касающіяся исполненія такихъ порученій, на дальнѣйшее распоряженіе губернскаго суда.

16 декабря уголовный департаментъ петербургской судебной палаты, въ качествѣ суда первой инстанціи, слушалъ дѣло о редакторѣ-издателѣ газеты „Гражданинъ“ князѣ В. П. Мещерскомъ, обвинявшемся по 1039 ст. улож. о нак.

Въ апрѣльской книжкѣ литературныхъ приложений къ газетѣ „Гражданинъ“ за 1889 годъ была напечатана статья подъ заглавіемъ „Таранчанка“.

Препровождая экземпляръ означенной книжки „Гражданина“ къ прокурору петербургской судебной палаты, при сообщеніи отъ 1 іюня 1889 г. за № 318, занимавшій въ то время должность помощника военного губернатора Семирѣчинской области, а нынѣ находящійся въ отставкѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Аристовъ, просилъ о возбужденіи уголовного преслѣдованія по 1039 ст. улож. о нак. какъ противъ князя Мещерскаго, такъ и противъ автора статьи, отставнаго эсаула Амурскаго казачьего войска Б. А. Козлова.

На предварительномъ слѣдствіи кн. Мещерскій заявилъ, что веденіе книгъ литературныхъ приложений къ „Гражданину“ онъ всецѣло поручилъ бывшему секретарю редакціи Деянову и ему же передалъ упомянутую рукопись, Козлова, какъ беллетрическую, неподозрѣвая, что въ статьѣ этнографическаго содержанія помѣщены оскорбительныя для Аристова выраженія. Получивъ отъ Аристова опроверженіе, онъ, князь Мещерскій, немедленно телеграфировалъ Аристову, что его опроверженія будутъ, вмѣстѣ съ извиненіями редакціи, помѣщены въ ближайшей книжкѣ. Козловъ настаивалъ на томъ, что все, описанное имъ въ статьѣ— правда, подтверждаемая дознаніемъ и слѣдствіемъ, а также представленными документами.

При открытіи засѣданія было доложено, что Козловъ умеръ, а потому дѣло о немъ прекращено; князь Мещерскій не явился, а прислалъ защитника. Товарищъ прокурора палаты отказался отъ обвиненія по 1039 ст. улож. о наказ., констатировавъ преступленіе, предусмотрѣнное 1040 ст. улож. о наказ.

Судебная палата приговорила князя Мещерскаго къ аресту на военной гауптвахтѣ на одинъ мѣсяцъ.

Z.

Въ судебномъ мірѣ замѣчается явленіе, до нѣкоторой степени, стихійнаго свойства. Это—повсемѣстно проявляющееся озлобленіе и ожесточенность предсѣдательствующихъ въ уголовныхъ судахъ, въ отношеніи подсудимыхъ и ихъ защитниковъ. Чему приписать это явленіе—вліянію ли чловѣконенавистническихъ ученій школы итальянскихъ антропологовъ-юристовъ, общему ли упадку гуманитарныхъ теченій въ современномъ обществѣ, или другимъ причинамъ, пока остающимся въ скрытомъ состояніи,—мы рѣшать не беремся, но несомнѣнно, что повсемѣстность этаго явленія представляется фактомъ, заслуживающимъ серьезнаго вниманія.

Явленіе это, будучи повсемѣстнымъ, оказывается, однако же, далеко не всеобщимъ, такъ какъ оно вызываетъ весьма внушительное негодованіе общественнаго мнѣнія, и наставительныя указанія высшихъ судебныхъ сферъ.

Первыми, официально, провинились предсѣдатели австрійскихъ судовъ. Наставительный циркуляръ, въ виду частой повторяемости подобныхъ случаевъ изданный по этому поводу австрійскимъ министромъ юстиціи, мы привели въ предыдущей книгѣ журнала (Иностранная хроника, стр. 134 и 135).

Теперь очередь за германскими судьями. По словамъ Русскихъ Вѣдомостей, предсѣдательствующіе въ Германіи, равнымъ образомъ, не отличаются безпристрастіемъ, часто начинаютъ поддаваться политическимъ страстямъ, и не столько руководятъ процессомъ, сколько пытаются вліять на судебный приговоръ. Старая поговорка, что въ Пруссіи еще есть судьи, становится въ глазахъ многихъ анахронизмомъ. Въ Берлинѣ были случаи, когда предсѣдатель уже въ началѣ разбирательства давалъ понять, что онъ убѣжденъ въ виновности подсудимыхъ, а одинъ изъ берлинскихъ судей, своими сентенціями, выражавшими чисто субъективныя мнѣнія, вызвалъ громкое негодованіе какъ среди адвокатуры, такъ и во всемъ обществѣ. Въ Германіи привыкли къ тому, чтобы предсѣдатель не ограничивался своимъ резюме, но и направлялъ вопросами и замѣчаніями ходъ судебного разбирательства; до сихъ поръ, однако, огромное

большинство судей въ уголовномъ процессѣ не отождествляло себя съ прокурорами, а стремилось къ отдѣленію всѣхъ эпизодовъ, говорящихъ за и противъ подсудимаго. Нареканія вызываетъ также отношеніе суда къ защитѣ: въ обществѣ находятъ, что предсѣдатель въ обращеніи съ адвокатами забываетъ иногда, что по нынѣшнему судоустройству защита—необходимый элементъ правосудія.

Все это и повело къ возбужденію даннаго вопроса въ палатѣ. Депутатъ Бедикеръ въ горячей рѣчи требовалъ, въ интересахъ правосудія, измѣненія указаннаго порядка и полной объективности отъ предсѣдателей судовъ.

Отвѣчая депутату, прусскій министръ юстиціи прочелъ циркуляръ, который былъ разосланъ министерствомъ еще до запроса въ палатѣ. Въ этомъ циркулярѣ министръ обращаетъ вниманіе судовъ на необходимость полного безпристрастія по отношенію какъ къ подсудимымъ, такъ и къ свидѣтельскимъ показаніямъ. Министерство убѣждено,—сказано въ циркулярѣ,—что германскіе судьи стоятъ на высотѣ своей задачи и всѣми силами стремятся къ сохраненію достоинства юстиціи; но событія послѣдняго времени заставляютъ напомнить о томъ, что въ судѣ не должно быть мѣста ни политическимъ страстямъ, ни субъективнымъ мнѣніямъ. Въ особенности судья долженъ воздерживаться отъ такихъ замѣчаній, которыя въ уголовномъ процессѣ могутъ внушить представленіе, будто судъ заранѣе составилъ себѣ мнѣніе о виновности подсудимаго. Предсѣдательствующій долженъ слѣдить за сохраненіемъ порядка и правильнымъ теченіемъ процесса. Это въ особенности налагаетъ на него обязанность—не выходить изъ роли спокойнаго руководителя. Онъ имѣетъ право и обязанность предотвратить все, что можетъ повести со стороны подсудимаго или его защитника къ искаженію цѣлей суда или къ превращенію судебной залы въ арену для пропаганды какихъ бы то ни было постороннихъ суду тенденцій, но, прибавляетъ министръ, должно оставаться въ силѣ и основное положеніе нашего судопроизводства. по ко-

торому защита—необходимый, полезный элементъ суда, содѣйствующій выясненію истины.

Заявленіе министра вызвало одобреніе всей палаты.

Во Франціи, насколько намъ извѣстно, предсѣдательствующимъ никогда не вмѣнялось въ особую вину пристрастное и суровое отношеніе предсѣдателей къ подсудимымъ, а подчасъ и къ ихъ защитникамъ. Тамъ это черта нравовъ, не только судебныхъ, но и общественныхъ, имѣющая свои корни въ причинахъ весьма разнообразнаго свойства. Слишкомъ рѣзкія и вредныя послѣдствія этой стороны дѣятельности французскихъ предсѣдателей судовъ находятъ, впрочемъ, свой коррективъ въ цензурѣ общественнаго мнѣнія, въ сильномъ развитіи сознанія своихъ правъ и положенія въ процессѣ не только въ средѣ адвокатовъ, но и самихъ подсудимыхъ, нерѣдко умѣющихъ отлично постоять за себя. Но даже и въ Франціи, односторонняя дѣятельность предсѣдателей вызываетъ мѣры законодательнаго противодѣйствія, выразившіяся, между прочимъ, въ недавней отмѣнѣ предсѣдательскаго резюме.

Теперь очередь, повидимому, за нами. До послѣдняго времени намъ это явленіе было чуждо и незначительные, сравнительно, случаи злоупотребленій предсѣдательскою властью находили себѣ достаточный отпоръ и обузданіе въ руководящей дѣятельности кассационнаго суда. Въ позднѣйшее время, положеніе дѣлъ замѣтно измѣнилось къ худшему: въ судебныхъ правахъ замѣчаются явные признаки одичанія, цензура сената оказывается недостаточною, и даже непрочною, въ общественномъ мнѣніи замѣчаются колебанія и въ самой литературѣ находятся голоса, усматривающія, напримѣръ, въ поведеніи предсѣдателя парижскаго суда по панамскому дѣлу, поводъ къ рекомендаціи усвоенія несимпатичныхъ пріемовъ веденія французскаго судебного слѣдствія—и нашими судами.

Насколько такая рекомендація мало умѣстна, показываютъ небезызвѣстные и у насъ примѣры доведенной до крайности нетерпимости, придирчивости, неумѣнія управлять собою и неуваженія къ законнымъ правамъ другихъ лицъ со

стороны нѣкоторыхъ предсѣдателей нашихъ судовъ. Русскія Вѣдомости (№ 6) въ статьѣ, озаглавленной: „Предсѣдательская власть съ точки зрѣнія закона и традицій суда“, указываютъ два новые случая этого рода и даютъ имъ оцѣнку въ слѣдующей, прекрасно написанной статьѣ Г. Д. которую мы позволяемъ себѣ воспроизвести почти цѣликомъ.

„Въ одномъ случаѣ, говорится въ статьѣ, предсѣдательствующій публично отдалъ судебному приставу приказъ не впускать на засѣданія, въ которыхъ онъ будетъ предсѣдательствовать, присяжнаго повѣреннаго за то, что этотъ послѣдній, присутствуя въ публикѣ, *улыбался* во время его рѣчи.

Прежде всего представляется крайне сомнительнымъ, чтобы „улыбка“ подходила подъ легальныя понятія безпорядка и неблагопристойности, виновниковъ которыхъ предсѣдатель имѣетъ право удалить изъ залы засѣданія. Если ужъ у предсѣдателя, произносящаго резюме, находится охота, досугъ и возможность не только слѣдить за питью своей рѣчи и за внѣшнимъ порядкомъ въ засѣданіи, но и за улыбками и вообще игрою фizioномій сидящей въ отдаленіи публики, то прежде чѣмъ прибѣгать къ карательной мѣрѣ, слѣдуетъ ему произвести дознаніе о смыслѣ и цѣли улыбки. Самое строгое начальство признало бы несправедливымъ подвергать высканію слушателя, который своею улыбкою, можетъ быть, хотѣлъ выразить не неодобреніе, а сочувствіе. Данный случай тѣмъ болѣе любопытенъ, что пострадавшій слушатель, какъ говорятъ, хотѣлъ на своемъ лицѣ изобразить именно улыбку сочувствія, а отнюдь не саркастическую улыбку. Но какъ бы то ни было, до сихъ поръ, за все время существованія гласнаго суда, ни одинъ предсѣдатель не считалъ приличнымъ и умѣстнымъ подводить улыбки подъ кару, назначенную ст. 155 учр. суд. уст.

Если вновь открытый поступокъ является крайне проблематичнымъ, ~~не~~неисключающимъ въ себѣ состава преступленія, то принятая противъ него мѣра представляется окончательно лишенною законнаго основанія. Предѣлы дисциплинарной власти предсѣдателя точно указаны въ ст. 155—156 учр.

суд. уст. и въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на лишеніе кого бы то ни было, на неопредѣленное время, права входа въ судебныя засѣданія, что равносильно ограниченію правъ. Такого права не представляютъ судебные уставы даже судебной коллегіи, а тѣмъ менѣе единоличному усмотрѣнію предсѣдателей.

Въ другомъ случаѣ, потерпѣвшій при столкновеніи присяжный повѣренный присутствовалъ на судѣ не въ качествѣ любопытнаго, а ex officio, при исполненіи обязанностей защиты, а потому случай этотъ имѣетъ гораздо большее юридическое и бытовое значеніе. Первое предостереженіе, въ формѣ окрика, вызвано было однимъ мѣстомъ защитительной рѣчи, въ которомъ защитникъ сказалъ, что прокурорская и слѣдственная власть по увлеченію, быть можетъ и естественному, иногда находятъ преступленія ужасныя и грозныя тамъ, гдѣ о такихъ преступленіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Защитникъ попросилъ г. предсѣдательствующаго занести въ протоколъ, что онъ былъ остановленъ, хотя въ рѣчи не сказалъ ничего оскорбительнаго для прокурорской или слѣдственной власти; на вторичную просьбу защитника о томъ же, раздался возгласъ предсѣдателя, вынуждавшій защитника молчать. Попытка защитника разъяснить присяжнымъ общія начала отвѣтственности отдѣльныхъ лицъ при обвиненіи ихъ въ преступномъ соучастіи съ другими, повела къ запрещенію „читать на судѣ лекціи изъ общей части уголовного права“, а вслѣдъ затѣмъ послѣдовало приглашеніе перейти къ обстоятельствамъ дѣла, а не заниматься пустословіемъ, подчерпнутое угрозою, въ противномъ случаѣ, изгнать защитника вонъ. Наконецъ, вслѣдъ за замѣчаніемъ защитника, что роли соучастниковъ шайки бываютъ различны, раздалось со стороны предсѣдателя новое внушеніе и затѣмъ послѣдовало приказаніе судебному приставу удалить защитника изъ залы засѣданія.

Этотъ прискорбный во всѣхъ отношеніяхъ случай показываетъ, какъ далеки еще отъ полного осуществленія тѣ гуманныя идеи и разумныя начала судопроизводства, которыя

имѣли въ виду составители судебныхъ уставовъ, и какъ сильны еще въ нашемъ судѣ старыя навыки и традиціи безцеремоннаго обращенія и расправы со всѣмъ тѣмъ, что не облечено въ мундиръ и знави власти. Едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что тотъ же предсѣдатель никогда не позволилъ бы себѣ такого тона, если бы предъ нимъ стоялъ облеченный въ мундиръ чиновникъ, а не присяжный повѣренный, имѣющій на груди едва замѣтный знакъ, съ мало-внушительною, хотя и почтенною надписью: „законъ“. Не-понятная и неизвинительная раздражительность и не деликатность предсѣдателя, забывшаго прямыя предписанія закона, создали самыя неблагопріятныя условія для спокойнаго теченія процесса и правильнаго исхода его, что, казалось бы, прежде всего долженъ имѣть въ виду судья.

Трудно даже и понять, чѣмъ было вызвано все столкновение. Объясненіе защитника относительно разныхъ видовъ соучастія при совершеніи преступленія, когда рѣчь шла о шайкѣ, было не только правомъ, но и обязанностью защитника, который долженъ, по силѣ ст. 746, разъяснять присяжнымъ свойство, т. е. составъ разсматриваемаго преступленія. Каково бы ни было личное мнѣніе предсѣдательствующаго о достоинствахъ рѣчи защитника (извѣстно, что далеко, конечно, не всѣ судебныя рѣчи, не исключая и предсѣдательскихъ, отличаются столь желательною на судовомъ разсудкѣ краткостью, ясностью и дѣловитостью), онъ не вправѣ былъ ограничивать свободу защиты, разъ она оставалась въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ; защитникъ же, говоря о признакахъ шайки, вопреки мнѣнію предсѣдателя, не распространялся о предметахъ, неимѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу, а лишь исполнялъ, повторяемъ, прямую обязанность указанную въ ст. 746 уст. угол. суд.

Составители судебныхъ уставовъ, призванные насадить на мѣсто формальной казуистики живое сознаніе права, больше чѣмъ кто нибудь понимали, что для разумнаго судьи регуляторомъ поведенія должно служить не одно внѣшнее соблюденіе закона, а всецѣлое проникновеніе этическими тре-

бованіями своего званія. Въ этомъ смыслѣ они говорили, что „удовлетворительное отправленія правосудія зависитъ болѣе отъ достоинства судей, чѣмъ отъ совершенства законовъ“. И первые же шаги новаго суда доказали всю справедливость такого воззрѣнія. Если съ первыхъ же дней введенія гласнаго суда онъ сдѣлался школою гражданскаго воспитанія, то это явленіе слѣдуетъ приписать не столько образцовому законодательству 20 ноября 1864 г., которое было пока лишь теоретическимъ шагомъ впередъ, сколько достоинству перваго судебного персонала, которому предстояло—изъ благонамѣреннаго постановленія, нерѣдко, по винѣ исполнителей, остающагося мертвою буквою, сдѣлать живое и разумное примѣненіе.

Нигдѣ и ни однимъ словомъ законъ не говорилъ о томъ, что въ подсудимыхъ нужно уважать ихъ человѣческое достоинство, что подсудимому нужно говорить „вы“, а не „ты“, что вообще во всѣхъ сношеніяхъ суда съ публикою, а тѣмъ болѣе съ состоящею при судѣ адвокатурою, нужно придерживаться не тона окрика прежнихъ сѣзскихъ, а тона благовоспитаннаго человѣка, дорожащаго своимъ достоинствомъ. Нигдѣ не говорилось прямо, что въ особенности предсѣдатель суда, дающій тонъ всему судовому процессу, долженъ быть образцомъ гуманнаго благоволенія и самообладанія, памятуя, какія печальныя послѣдствія возникаютъ для дѣла, когда самъ кормчій отдается вліянію личныхъ страстей. Однако, если не всѣ, то лучшіе дѣятели новаго суда, а такихъ было большинство, —проникаясь духомъ новаго законодательства, ставили себѣ въ обязанность лучше погрѣшить избыткомъ гуманности и долготерпѣнія, нежели возмутить спокойное теченіе процесса излишней требовательностью и строгостью ¹⁾). Правда, бывали и тогда, въ лучшую

¹⁾ Одинъ изъ достойнѣйшихъ нашихъ судебныхъ дѣателей К. К. Арсеньевъ, такъ много сдѣлавшій и для теоретическаго разъясненія новаго процесса, и для разумнаго практическаго осуществленія ихъ, въ извѣстной книгѣ „Судебное сѣдство“ рассказываетъ, между прочимъ, о предсѣдателѣ, который имѣлъ тактъ, тер-

пору дѣятельности новаго суда, случаи проявленія со стороны предсѣдателей озлобленнаго нетерпѣнія, начальнической раздражительности, приводившіе къ прискорбнымъ столкновеніямъ; но таковъ былъ тонъ тогдашней судебной службы, что погрѣшившіе противъ самообладанія и безпристрастія, подобающихъ судѣй, спѣшили загладить свою вину, встрѣчая дружный отпоръ со стороны товарищей и высшаго кассационнаго учрежденія¹⁾. Такъ создався, въ дополненіе къ закону, неписанный, но весьма реальный кодексъ судебныхъ приличій новаго суда, столь рѣзко подчеркнутый, на первыхъ же порахъ, громкое отличіе его отъ дореформенныхъ судебно-полицейскихъ порядковъ, на которыхъ бранныя слова и даже кулачная расправа были явленіемъ обычнымъ.

Къ сожалѣнію, за послѣднее время, вліяніе этихъ добрыхъ традицій стало ослабѣвать, и въ судахъ, не исключая даже высшихъ (напомнимъ прошлогодній случай столкновенія сенатора, предсѣдательствующаго, съ присяжнымъ повѣреннымъ, котораго предсѣдатель оборвалъ раньше, чѣмъ тотъ успѣлъ произнести первую фразу), все чаще и чаще стали повторяться случаи неприличнаго и прямо грубаго обраче-

ніе и снисходительность довести благополучно до конца судебное засѣданіе, несмотря на то, что защитникъ своими выходками въ самомъ началѣ засѣданія давалъ поводъ къ примѣненію мѣръ строгости.

¹⁾ Одинъ изъ товарищей предсѣдателя московскаго окружнаго суда, позволившій себѣ угрожать малолѣтней свидѣтельницѣ, съ цѣлью добиться отъ нея болѣе точнаго показанія, розгами, тутъ же въ засѣданіи принесъ извиненіе за сорвавшееся выраженіе, и затѣмъ поступокъ предсѣдателя подвергся порицанію со стороны сената въ рѣшеніи, составленномъ сенаторомъ В. Л. Арцимовичемъ (см. касс. рѣш. 1869 г. № 957). Въ другомъ рѣшеніи, принадлежащемъ перу извѣстнаго сенатора Буцковскаго, сенатъ сталъ въ коллизіи, происшедшей между секретаремъ и пѣлымъ составомъ суда, на сторону перваго, а не втораго. Секретарь московскаго окружнаго суда (это былъ покойный В. И. Жилинъ-Кохновъ) имѣлъ честное мужество отказать въ скрѣпѣ протокола, въ которомъ неточно излагалось столкновеніе предсѣдателя съ защитникомъ. Предсѣдатель не постѣснился приказать помощнику секретаря, не присутствовавшему въ засѣданіи, скрѣпить протоколъ, но сенатъ заступился за права секретаря и счелъ несогласнымъ съ закономъ такое третированіе, хотя и не властнаго, но необходимаго члена присутствія (см. рѣш. 1867 г. № 522).

нія и съ подсудимыми, и съ защитниками, и отсюда неизбежны рѣзкія столкновѣнія.

Нечего и говорить, какъ подобные нравы мало согласуются съ духомъ учрежденій, дѣйствующихъ на основаніи судебныхъ уставовъ, и какъ подобный образъ дѣйствій председателей вредно вліяетъ на ходъ и исходъ судебного процесса. Если, какъ справедливо указывалъ неоднократно сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ, внесеніе самими сторонами въ пренія излишней страстности и личныхъ пререканій мѣшаетъ правильному ходу правосудія, то, — само собою разумѣется, — эти недостатки въ лицѣ председателя еще болѣе опасны. Несогласныя съ безпристрастіемъ дѣяствія председателя, говоритъ сенатъ, даже и тогда, когда они не могли имѣть рѣшительнаго вліянія на приговоръ суда, не соотвѣтствуя тому высокому положенію, въ которое онъ поставленъ судебными уставами, вызываютъ справедливыя нареканія сторонъ и подлежатъ законной отвѣтственности (кассац. рѣш. 1875 г., № 317).

Въ интересахъ правильнаго дѣйствія судебныхъ учреждений можно только пожелать, чтобы поводы къ такимъ нареканіямъ встрѣчались какъ можно рѣже и чтобы новый судъ, вѣрный закону и своимъ добрымъ традиціямъ, снова сталъ образцомъ деликатности, гуманности и безпристрастія и продолжалъ быть школою гражданскаго воспитанія. — Если въ другихъ сферахъ нашей гражданской и общественной жизни элементъ права и гуманности сталъ ослабѣвать, то увлекаться этою тенденціею не подобаетъ суду, который имѣетъ задачею служить идеямъ права и равенства. Указывая на то, что лишь съ открытіемъ новаго суда законность и право становится у насъ дѣйствительностью, одинъ изъ публицистовъ предсказывалъ, что дѣйствіе этого новаго начала не ограничится только сферою собственно судебныхъ установленій, а разольется, какъ тонкая стихія, повсюду.... и сама администрація, въ большей или меньшей степени, должна усвоить себѣ этотъ новый элементъ и дѣйствовать не такъ, какъ дѣйствовала до сихъ поръ.

Предсказаніе это, къ сожалѣнію, не оправдалось. Но гласный судъ измѣнилъ бы своей основной задачѣ, если бы усвоивъ нравы и традиціи, совершенно чуждыя его принципамъ“.

Постоянные читатели нашего журнала знаютъ, что сфера распространенія журнала, за двадцатилѣтіе его изданія, подвергалась колебаніямъ, сравнительно, незначительнымъ. Всѣ усилія и заботы, какъ прежней, такъ и настоящей редакціи, поставить содержаніе журнала въ наибольшее соотвѣтствіе съ потребностями той спеціальной среды, въ которой журналъ только и можетъ имѣть распространеніе, надо сознаться въ томъ, въ сущности не привели ни къ чему—и число подписчиковъ, а слѣдовательно и читателей, не только не увеличивается, но и обнаруживаетъ неудержимую наклонность къ нѣкоторому пониженію. Явленіе это можетъ быть объясняемо различно; его можно относить и на счетъ журнала, и на счетъ его читателей. Въ декабрьской книгѣ прошлаго года мы пришли, однако, къ тому заключенію, что въ дѣйствительности ни то, ни другое объясненіе нельзя считать правильнымъ, ибо замѣчаемый всѣми упадокъ духа пытливости, любви къ знаніямъ и личной заботы о самоусовершенствованіи, есть результатъ дѣйствія многихъ сложныхъ причинъ, коренящихся, главнымъ образомъ, въ измѣнившихся условіяхъ прохожденія и успѣха по судебной службѣ. Помимо этого общаго объясненія, спеціально, въ отношеніи Журнала гражданскаго и уголовнаго права, можно было предполагать, что дальнѣйшему распространенію журнала ставятъ предѣлы и возникновеніе новыхъ органовъ юридической печати. И въ самомъ дѣлѣ—народившись почти одновременно съ московскимъ Юридическимъ Вѣстникомъ, въ 1871 году, журналъ встрѣтилъ, въ послѣдующее время, на пути своего развитія, цѣлый рядъ конкурентовъ, не только въ оживившемся, улучшившемся во всѣхъ отношеніяхъ, подѣ редакцію профессора С. Муромцева, московскомъ журналѣ, но и въ постепенно возникавшихъ новыхъ изданіяхъ: Судебной Газеты (1882 годъ), Юридической Лѣ-

тописи (1890 г.) и, наконецъ, Юридической Газеты (1892 г.) При ограниченномъ числѣ *возможныхъ* читателей юридическихъ изданій, и завѣдомой скудости средствъ большинства изъ нихъ, нельзя было, конечно, и предполагать, чтобы появленіе каждаго новаго органа не отвлекало бы хотя часть наличныхъ подписчиковъ отъ наличныхъ изданій. Но вотъ наступилъ знаменательный въ развитіи юридической печати моментъ. Два изъ трехъ юридическихъ журналовъ разомъ прекратили свое существованіе. Казалось бы, лишенная привычныхъ органовъ, тысячная масса читателей этихъ журналовъ, волею-неволею должна была бы примкнуть къ единственному оставшемуся въ живыхъ, журналу способному „питать юридическую мысль“, такъ какъ остальные два изданія, имѣющія, главнымъ образомъ, справочный и летучій газетный характеръ, къ выполненію подобной миссіи вовсе и не предназначены,—и однакожъ этого не случилось. Въ итогѣ наиболѣе дѣятельнаго періода подписки, по февраль мѣсяцъ текущаго года, къ соотвѣтствующей прошлогодней цифрѣ прибавилось не болѣе 30 человекъ, что равносильно нулю. Мы вправѣ, поэтому, сказать, что „Читатель исчезаетъ“, и не можемъ неподѣлиться этимъ любопытнымъ фактомъ съ неисчезнувшими еще читателями.

Это исчезновеніе читателя значительно усиливаетъ затрудненія въ изданіи журнала, всегда, въ извѣстной мѣрѣ, существовавшія. Результаты подписки прошлаго и нынѣшняго года очень можетъ быть не оставить иного, хотя и нежелательнаго для редакціи исхода, какъ значительное уменьшеніе объема издаваемыхъ книгъ. Предупреждая объ этомъ, на всякій случай, нашихъ читателей, мы выражаемъ надежду, что эта крайняя мѣра, будучи временною, не вызоветъ несправедливыхъ сѣтованій, такъ какъ читатели, вмѣстѣ съ нами, должны сознать ея необходимость.

Но можетъ быть подписчики двухъ прекратившихся журналовъ признали за благо замѣнить юридическій журналъ—газетою? Можетъ быть,—и это, конечно, было бы лучше, чѣмъ

ничего! Къ сожалѣнію, удостовѣрить этотъ фактъ нельзя, такъ какъ юридическія газеты свой подписной листъ, почему-то, держать въ секретѣ. Однако, помимо подозрительности такого массоваго и единодушнаго передвиженія, дѣлающаго подобное предположеніе само по себѣ довольно сомнительнымъ, существуютъ и другіе признаки малой его правдоподобности. Эти признаки, между прочимъ, мы усматриваемъ въ характерѣ возникшей между Судебною и Юридическою газетами ожесточенной полемики, приемы которой въ области юридической печати настолько новы и необычны, что на нихъ, въ свою очередь, нельзя не остановить вниманія читателей.

Въ сущности, обѣ газеты, какъ изданія справочныя, не имѣютъ серьезныхъ основаній считать себя въ какомъ либо отношеніи органомъ первенствующимъ. Казалось бы это обстоятельство должно располагать ихъ къ обоюдной снисходительности. Къ сожалѣнію, законъ борьбы за существованіе обострилъ отношенія противниковъ и вотъ какъ одинъ конкурентъ аттестуетъ другаго:

„Изданіе Судебной газеты, говорится въ фельетонѣ Юридической газеты 1893 г. № 5, стоитъ на послѣднихъ ступеняхъ литературной лѣстницы; это одинъ изъ тѣхъ низшихъ литературныхъ организмовъ, паразитическаго (?) свойства, которые плетутся въ хвостѣ у другихъ и живутъ подбирая крохи газетныхъ идей и извѣстій, пережевываніемъ обычной (?) газетной болтовни и перепечатками—разумѣется съ сохраненіемъ полнѣйшей скромности насчетъ источника“.

Разбирая статью: обзоръ законодательной дѣятельности за прошлый годъ, помѣщенную въ Судебной газетѣ, рецензентъ восклицаетъ: „Никогда еще столь гнусная безграмотность и столь непроходимое невѣжество не позорили столбцовъ русской печати! Безграмотность и невѣжество достигли здѣсь той высоты, когда онѣ перестаютъ быть просто безграмотностью и невѣжествомъ, и производятъ впечатлѣніе чего-то невыразимо наглого и оскорбительнаго. Точно лакей затесался въ общество порядочныхъ людей и сталъ задавать форсу „образованнымъ разговоромъ“.

ж. гр. и уг. пр. кн. II 1893 г.

„Остается напутствовать, заключаетъ рецензентъ, этотъ спеціально безграмотный и спеціально невѣжественный листокъ словами барона Брамбеуса: — Ванька! твоя литература“!.

И такъ, читатели Судебной газеты зачислены въ разрядъ Ванекъ; съ своей стороны Судебная газета получаетъ право и предлогъ зачислить читателей своего противника въ разрядъ Филекъ. То и другое одинаково не лестно, и если, чего Боже сохрани, издатели вздумаютъ обратиться къ суду, то положеніе тѣхъ изъ числа читателей этихъ изданій, которые могутъ оказаться въ числѣ судей, будетъ довольно критическимъ и имъ не останется ничего больше, какъ отвести себя отъ разсмотрѣнія дѣла, въ качествѣ „участвующихъ“ въ дѣлѣ лицъ. Не знаемъ насколько полемическія красоты возникшей борьбы будутъ способствовать матеріальному успѣху борющихся изданій, но что нравственное ихъ достоинство отъ такихъ пріемовъ ничего не выиграетъ—это несомнѣнно. Въ виду этого мы не желали бы видѣть ни продолженія, ни повторенія этихъ неслыханныхъ въ юридической литературѣ выходокъ газетнаго задора и раздора.

Въ половинѣ января текущаго года появилось изданіе, по цѣли и содержанію, до извѣстной степени, примыкающее къ Журналу гражданскаго и уголовнаго права. Мы говоримъ о Тюремномъ Вѣстникѣ, официалномъ органѣ главнаго тюремнаго управленія. Изданіе редактируется инспекторомъ главнаго тюремнаго управленія А. В. Лихачевымъ; Вѣстникъ выходитъ ежемѣсячно, въ формѣ тетрадей; подписка на него принимается въ главномъ тюремномъ управленіи; подписная цѣна назначена съ пересылкою 4 рубля въ годъ.

Первый номеръ Тюремнаго Вѣстника, сверхъ соотвѣствующаго официалнаго отдѣла, содержитъ въ себѣ статьи: О холерной эпидеміи 1892 года въ средѣ арестантовъ; О поискахъ и развѣдкахъ ископаемыхъ на островѣ Сахалинѣ и Перечень арестантскихъ работъ с.-петербургскаго исправительнаго арестантскаго отдѣленія, съ указаніемъ цѣнъ за

казовъ. Первый нумеръ Тюремнаго Вѣстника сопровождается особымъ приложеніемъ, заключающимъ въ себѣ циркулярныя распоряженія по главному тюремному управленію за 1890 г.

Цѣль изданія и будущее его содержаніе, въ officialномъ объясненіи, изложены такъ:

„Потребность въ такомъ журналѣ давно уже сознавалась, вслѣдствіе, съ одной стороны, отсутствія русскихъ повременныхъ изданій, всецѣло, или хотя бы въ одномъ изъ своихъ отдѣловъ, посвященныхъ тюремовѣдѣнію, и въ виду, съ другой, необходимости сопоставлять для руководства лицъ, близко стоящихъ къ завѣдыванію мѣстами заключенія, новыя узаконенія, распоряженія и инструкціи по тюремной части, съ надлежащими разъясненіями, давать возможность этимъ лицамъ дѣлиться между собою результатами практическаго опыта и наблюденій, знакомить ихъ съ новыми мѣропріятіями въ тюремной области, и распространять въ обществѣ свѣдѣнія о тюремныхъ работахъ, съ цѣлью ознакомленія такимъ образомъ съ полезнымъ примѣненіемъ арестантскаго труда и въ видахъ облегченія сбыта арестантскихъ издѣлій. Указанный органъ, сверхъ того, долженъ служить къ объединенію извѣстій объ исправительныхъ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ, о пріютахъ для дѣтей арестантовъ и ссыльныхъ, и о попечительствѣ надъ освобождаемыми изъ мѣстъ заключенія“.

„Сообразно таковымъ задачамъ, въ означенномъ журналѣ будутъ помѣщаться оригинальныя и переводныя статьи практическаго характера, относящіяся до устройства и управленія мѣстъ заключенія, арестныхъ домовъ, исправительныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ, а равно ссылки и пересылки арестантовъ, тюремнаго хозяйства, арестантскихъ работъ, мѣръ попеченія о лицахъ, освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія, призрѣнія и поддержанія семействъ и дѣтей арестантовъ и ссыльныхъ. Въ officialную же часть имѣютъ вноситься приказы о назначеніяхъ и перемѣщеніяхъ чиновъ тюремнаго вѣдомства повсемѣстно въ Имперіи, и свѣдѣнія, касающіяся вообще служебной дѣятельности, какъ сихъ чи-

новъ, такъ и иныхъ лицъ, въ дѣлѣ тюремномъ; а въ дополненіе входящихъ въ эту часть узаконеній и распоряженій предполагается печатать, основанныя на официальныхъ данныхъ, соображенія и поясненія“.

Мы не сомнѣваемся, что изложенная программа будетъ выполнена, въ предѣлахъ возможности, умѣло, добросовѣстно и интересно. Въ этомъ видѣ Тюремный Вѣстникъ будетъ содержать въ себѣ богатые свѣдѣнія, интересующія не одинъ официальный міръ, но и всѣхъ, слѣдящихъ за ходомъ тюремнаго дѣла.

7 декабря, въ гор. Сѣдлецѣ, скончался и 9 похороненъ на мѣстномъ православномъ кладбищѣ членъ сѣдлецкаго окружнаго суда А. Ф. де-Росси. Злой недугъ медленно, но безпощадно подтачивавшій здоровье покойнаго, преждевременно прервалъ жизнь этого достойнѣйшаго чловѣка и образцоваго судьи. Обладая весьма солидными юридическими свѣдѣніями, всецѣло преданный долгу службы А. Ф. съ самаго начала введенія судебной реформы въ царствѣ Польскомъ съ достоинствомъ занималъ должность члена окружнаго суда и, безспорно, былъ однимъ изъ тѣхъ первыхъ дѣятелей въ этомъ краѣ, которые такъ высоко поставили здѣсь дѣло правосудія и вселили въ народѣ непоколебимую вѣру въ правду и милость новыхъ судовъ.

На гробъ покойнаго возложены были роскошные металлическіе вѣнки отъ родныхъ, товарищей-сослуживцевъ, прокурорскаго надзора, одинъ изъ представителей котораго, въ краткой, но задушевной рѣчи, надъ могилою почившаго, прекрасно охарактеризовалъ личность покойнаго какъ судьи и какъ чловѣка.

Мы только что прочли въ Юридической газетѣ, отъ 28 января, возраженія противъ правильности сдѣланнаго нами въ предыдущей хроникѣ журнала (стр. 198 и 199) вывода о порядкѣ преслѣдованія преступленій, предусмотрѣнныхъ статьями 1039 и 1040 улож. о нак. Въ качествѣ аргумента, насъ

опровергающаго, въ замѣткѣ приводится ссылка на ст. 1213^б устава угол. судопр. Такая ссылка могла бы считаться вполне убѣдительною, если бы въ содержаніи статьи, по отношенію къ данному предмету, оказалось постановленіе опредѣлительное и ясное, исключающее всякое сомнѣніе и споръ. Въ дѣйствительности, однако, его нѣтъ. „Дѣла объ оскорбленіи въ печати частныхъ лицъ, говорится въ этой статьѣ, начинаются въ судахъ самими оскорбленными, на *общемъ основаніи*“. Выраженіе „на общемъ основаніи“ означаетъ лишь то, что статья 1213^б не указывая для дѣлъ этого рода никакихъ особыхъ исключеній или правилъ, опредѣленіе этихъ *общихъ* основаній оставляетъ, такъ сказать, на отвѣтственности тѣхъ законовъ, которые ихъ устанавливають, т. е. на уложеніи о наказаніяхъ.

Исслѣдуя это послѣднее, какъ законъ основной, мы въ предъидущей хроникѣ и пришли къ тому выводу, что въ уложеніи, наряду съ преступленіями, предусмотрѣнными въ статьяхъ 1535—1539, допускающими въ силу примѣчанія къ послѣдней статьѣ порядокъ обвиненія частнаго, содержатся еще *особыя* правила статей 1039 и 1040, усматривающія въ оскорбленіяхъ, совершенныхъ путемъ печати, не только нарушеніе правъ частныхъ и должностныхъ лицъ, обществъ и установленій, но также и нарушеніе общественнаго порядка (благочинія). Опираясь на мѣсто помѣщенія (VIII раздѣлъ) и свойство (нарушеніе публичнаго интереса), а равно на фактъ объединенія въ одномъ постановленіи лицъ частныхъ и лицъ должностныхъ, мы пришли къ тому заключенію, что примѣненіе къ упомянутымъ преступленіямъ порядка обвиненія частнаго, означенными постановленіями уложенія не допускается. Не защищая теоретической правильности такого объясненія, мы настаивали на его необходимости съ точки зрѣнія закона существующаго. Поводы и основанія къ этому мы усматривали, главнымъ образомъ, въ отсутствіи въ уложеніи той оговорки, которая для примѣненія обвиненія частнаго требуется способами и приемами изложенія нашихъ уголовныхъ законовъ.

Замѣтка Юридической газеты, очевидно, предполагаетъ, что всѣ эти доводы не имѣютъ никакого значенія передъ ссылкой на статью 1213^б устава угол. судопр. Допустимъ и мы, на время, что статья эта понималась и понимается нами неправильно, и что подъ „общимъ основаніемъ“ въ ней упомянутымъ, слѣдуетъ разумѣть, какъ это и дѣлаетъ судебная практика, то общее основаніе, которое принято для преслѣдованій оскорбленій чести частныхъ лицъ, т. е. порядокъ частнаго преслѣдованія. Устраняетъ ли, однако, такое объясненіе всякія сомнѣнія, споры и колебанія по данному вопросу? Едва ли! Порядокъ преслѣдованія зиждется въ нашемъ законодательствѣ на соображеніяхъ уголовно-правового, а не процессуальнаго свойства, почему и опредѣляется, по общему правилу, въ уголовныхъ, а не судопроизводственныхъ законахъ. Съ другой стороны, публичный порядокъ преслѣдованій преступленій, составляя правило общее, допускаетъ обвиненіе частное, какъ исключеніе, лишь при наличности положительныхъ указаній закона уголовного. „Отсутствіе точнаго указанія въ законѣ, говоритъ правительствующій сенатъ въ рѣшеніяхъ 1867 г. № 84, 1875 г. № 458 и друг., что извѣстный родъ преступленій подлежитъ преслѣдованію не иначе, какъ по частной жалобѣ, и можетъ быть оканчиваемъ примиреніемъ—ведетъ къ заключенію, что для этого рода преслѣдуются въ общемъ порядкѣ““. Прилагая эти общія соображенія къ тому пониманію статьи 1213^б, которое только что было указано условно, какъ⁴ „возможное, приходится признавать, что судопроизводственными законами, имѣющими въ данномъ случаѣ подчиненное значеніе, разрѣшается то, что уголовнымъ закономъ не разрѣшается—и обратно. Очевидно, если бы въ содержаніи статьи 1213^б заключалось именно то, что предполагаетъ въ немъ судебная практика, то при послѣдующихъ изданіяхъ уложенія статьи 1039 и 1040 были бы соглашены соотвѣтствующимъ примѣчаніемъ съ закономъ 1866 года.

Мы понимаемъ всю трудность борьбы противъ теченія, по вопросамъ установившимся, единообразно рѣшаемымъ всею

судебною практикою, но мы не можем не высказать, что нами, въ сущности, былъ поставленъ вовсе не новый вопросъ. Впервые онъ былъ поднятъ, по указанному въ предъидущей хроникѣ дѣлу Скворцова (1866 года № 59), московскимъ присяжнымъ повѣреннымъ Доброхотовымъ, и притомъ въ той самой формѣ и по тѣмъ самымъ основаніямъ, которыя были и нами изложены. Съ своей стороны, и правительствующій сенатъ, обсуждая жалобу Доброхотова, не отнесся къ ней безусловно отрицательно, но, къ сожалѣнію, въ рѣшеніи своемъ высказался, такъ сказать, *надвое*; а именно, сенатъ нашелъ: 1) что преступленія, предусмотрѣнныя статьями 1039 и 1040 уложенія, по содержанию своему, дѣйствительно имѣютъ *двойственный* характеръ; 2) что форма оскорбленій, наносимыхъ (хотя бы и частнымъ лицамъ) въ печати и распространяемыхъ этимъ путемъ въ обществѣ, дѣйствительно можетъ быть противна благочинію и благопристойности; 3) что по этимъ, безъ сомнѣнія, причинамъ означенныя статьи и помѣщены въ раздѣлѣ VIII улож. въ числѣ нарушеній противъ общественнаго благоустройства и благочинія, и 4) что прокурорскій надзоръ, поѣтому, не можетъ быть устраняемъ отъ преслѣдованія преступленій, предусмотрѣнныхъ статьями 1039 и 1040 (хотя бы они были направлены и противъ частныхъ лицъ) во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда таковое преслѣдованіе онъ признаетъ нужнымъ въ видахъ охраненія общественнаго благоустройства и благочинія. Таковы выводы, къ которымъ пришелъ сенатъ, изслѣдуя содержаніе уголовного закона; эти выводы считали умѣстнымъ напомнить по поводу дѣла Іегера. Правда, въ томъ же рѣшеніи сената помѣщены соображенія и противоположнаго свойства, уничтожающія и затемняющія значеніе и силу только что извлеченныхъ изъ рѣшенія положеній, но именно это-то обстоятельство и заставило насъ, въ предъидущей хроникѣ, назвать указанное рѣшеніе не окончательнымъ и принципиальнымъ, а временнымъ и случайнымъ, принаровленнымъ къ обстоятельствамъ даннаго дѣла.

Указывая на неосновательность принятія къ руководству

столь неопредѣленнаго рѣшенія послѣдующею практикою, мы не поставили однако, какъ это думаетъ газета, упрека кому бы то ни было въ незнакомствѣ съ закономъ. Такой упрекъ по отношенію къ практикѣ цѣлаго судебного персонала, по существу своему, недозволителенъ и нелѣпъ. Иной характеръ имѣютъ указанія на неправильное или ошибочное пониманіе закона, всегда возможное, хотя бы оно и было всеобщимъ и господствующимъ. Указанія этого рода, законны, умѣстны, цѣлесообразны и полезны; они будятъ мысль, возбуждаютъ споры, обращаютъ вниманіе на новыя стороны предмета и, въ концѣ концовъ, способствуя выясненію спорныхъ вопросовъ, готовятъ наилучшее разрѣшеніе ихъ если не въ настоящемъ, то въ будущемъ. На чьей сторонѣ правда въ настоящемъ случаѣ—судить не намъ, но мы позволяемъ себѣ остаться при убѣжденіи уже высказанномъ, а именно, что частное преслѣдованіе преступленій, предусмотрѣнныхъ статьями 1039 и 1040, ссылкою на статью 1213⁵ уст. угол. судопр. безспорно не утверждается; что, посему, примѣненіе къ этимъ преступленіямъ порядка обвиненія частнаго отнюдь не можетъ считаться основаннымъ на прямомъ и ясномъ правилѣ закона, а скорѣе подлежитъ оцѣнкѣ, какъ судебный приѣмъ, не находящій себѣ оправданія въ содержаніи уголовного закона и въ этомъ смыслѣ ошибочный.

В. Володиміровъ.

ЗАМѢТКИ.

РОЛЬ НАУКИ ПРАВА ВЪ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКѢ.

Въ послѣднее время весьма часто приходится слышать отъ многихъ судебныхъ дѣятелей и практическихъ юристовъ вообще, мнѣніе о томъ, что теорія или наука права не принимаетъ и не должна принимать никакого участія въ судебной практикѣ, что наука права, составляя предметъ кабинетныхъ изслѣдованій ученыхъ юристовъ, не имѣетъ ничего общаго съ практикой, и что для послѣдней совершенно достаточно знаніе положительнаго закона. Если и нельзя совершенно отрицать вліяніе науки на практическую юриспруденцію, то вліяніе это ограничивается только областью законодательной. Законодатель, говорятъ сторонники этого мнѣнія, волеетъ, при изданіи тѣхъ или другихъ законовъ, считаться съ выводами науки. Для судьи же, проводящаго уже готовый законъ въ жизнь и для котораго онъ одинъ только обязательенъ, наука не существуетъ. Воззрѣніе это, низводящее судебскую дѣятельность на степень простаго ремесленного труда и приобретающее все больше и больше adeptовъ среди судей, нашло себѣ въ недавнее время какъ бы официальное подтвержденіе со стороны нашего высшаго судебного учрежденія — гражданскаго кассационнаго сената, который въ рѣшеніи своемъ, вошедшимъ въ сборникъ кассационныхъ рѣшеній за 1891 годъ подъ № 62, совершенно изгоняетъ науку права изъ области суда, признавъ ссылки въ судебномъ рѣшеніи на „такъ называемую теорію права“ неумѣстными и противорѣчащими 9 ст. уст. гражд. суд. Такъ какъ то или иное воззрѣніе на роль науки права въ судебной практикѣ имѣетъ въ высшей степени важное значеніе для отправленія пра-

восудія вообще, то считаю не лишнимъ высказать нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній по этому поводу (ограничиваясь областью гражданскаго права и процесса), съ цѣлью выяснить: 1) отношеніе науки права къ судебной практикѣ, вытекающее какъ изъ самаго характера дѣятельности суда въ гражданскомъ процессѣ, такъ и изъ опредѣленій уст. гражд. суд., и 2) практическія послѣдствія устраненія науки изъ судебной практики. Для этого необходимо прежде всего отграничить область законодательства отъ области науки права, указать ихъ сходство, различіе и взаимное отношеніе. Я постараюсь сдѣлать это въ предѣлахъ, допустимыхъ рамками журнальной статьи.

I.

Матеріаломъ для гражданскаго законодательства и для науки гражданскаго права служить одинъ и тотъ же предметъ: гражданскія правоотношенія. Различіе ихъ заключается только въ отношеніи ихъ къ своему матеріалу, въ приѣмахъ и характерѣ обработки его. Различіе это вытекаетъ изъ различія преслѣдуемыхъ законодательствомъ и наукой цѣлей. Законодательство, имѣя чисто практическую цѣль—водворить порядокъ и спокойствіе въ гражданскихъ отношеніяхъ при помощи обязательныхъ для всѣхъ гражданъ нормъ, должно озаботиться, чтобы создаваемая имъ нормы были всѣмъ понятны и удобны для пракческаго приложенія. А для этого необходимо, чтобы нормы были по возможности кратки, точны, не вызывали недоразумѣній и опредѣляли правоотношенія по признакамъ, такъ сказать, видимымъ, доступнымъ для внѣшнихъ чувствъ и легко распознаваемымъ. Вслѣдствіе такихъ техническихъ условій, поставленныхъ законодательству цѣлью его, оно беретъ всю область гражданскихъ правоотношеній, существующихъ въ данномъ обществѣ, въ данное время, какъ готовый матеріалъ, изучаетъ характеристическіе ихъ признаки и способы проявленія во внѣ, сходныя правоотношенія соединяетъ въ группы, которымъ и даетъ общее опредѣленіе, т. е. санкционируетъ ихъ. При этой работѣ вопросы о сущности правоотношеній, источникѣ ихъ происхожденія и вызвавшихъ ихъ къ существованію потребностяхъ, выходятъ за предѣлы цѣли законодателя, и интересуютъ его лишь настолько, насколько это необходимо для правильной классификаціи и нормированія правоотношеній, по указаннымъ выше признакамъ, въ формѣ общихъ положеній или нормъ, называемыхъ законами. И такъ, законъ,

какъ результатъ законодательной дѣятельности, есть общее правило, выведенное изъ анализа внѣшнихъ, характеристическихъ признаковъ правоотношеній, предназначенное для всеобщаго свѣдѣнія и приложенія. Предшествовавшая изданію закона умственная работа законодателя, а также и цѣль его, остаются, въ большинствѣ случаевъ, скрытыми, и не входятъ въ содержаніе самаго закона, ибо мотивировка въ самомъ законѣ придавала бы ему характеръ разсужденія и затрудняла бы его примѣненіе, какъ абсолютной нормы. Въ этомъ отношеніи законъ является выводомъ изъ скрытыхъ посылокъ. Наука же или теорія права, занимаясь также между прочими вопросами классификаціей правоотношеній, но не будучи связана практической цѣлью законодательства и свободная, поэтому, отъ техническихъ условій его, не ограничивается анализомъ внѣшнихъ характеристическихъ признаковъ правоотношеній, а углубляется въ изученіе внутренняго ихъ содержанія, ихъ природы и составныхъ элементовъ, доискивается источника ихъ происхожденія и образованія. На основаніи такого, такъ сказать, химическаго анализа правоотношеній, на основаніи добытыхъ такимъ путемъ внутреннихъ, основныхъ признаковъ ихъ, наука производитъ свою классификацію, и даетъ общее опредѣленіе каждой группѣ, причемъ тутъ же и излагаетъ весь процессъ умственной работы, при помощи котораго она пришла къ такимъ опредѣленіямъ. Само собою разумѣется, что классификаціи науки и законодательства могутъ и не совпадать, такъ какъ онѣ построены не на тождественныхъ основаніяхъ. Такимъ образомъ, и наука, и законодательство, вырабатываютъ общія опредѣленія, но опредѣленія эти разнятся по своему существу и содержанію. Опредѣленія первой выясняютъ сущность и природу правоотношеній и образуютъ *понятія*, опредѣленія втораго констатируютъ внѣшнія характеристическія черты ихъ и образуютъ обязательныя нормы. Изъ этого основнаго различія тѣхъ и другихъ опредѣленій вытекаетъ большая общность и постоянство первыхъ, меньшая общность и измѣчивость вторыхъ, ибо явленія правовой жизни до того разнообразны и проявленіе ихъ во внѣ до того различно, вслѣдствіе различія комбинацій фактическихъ условій, которыми сопровождается ихъ проявленіе, что ихъ невозможно предвидѣть, и поэтому, схваченные законодателемъ внѣшнія черты правоотношеній, могутъ оказаться частными, случайными и неприсущими другимъ однороднымъ правоотношеніямъ или, наоборотъ, прису-

щими правоотношеніямъ другого рода; между тѣмъ какъ наука, имѣя дѣло съ первоисточникомъ правовыхъ явленій, съ ихъ природой а не съ внѣшними только чертами, рѣже встрѣчается съ однородными явленіями, которыя не подошли бы подъ дѣнное имъ опредѣленіе и потребовали бы другой классификаціи. Таково различіе науки права и законодательства въ отношеніи опредѣленія и классификаціи правоотношеній, вытекающее изъ различія преслѣдуемыхъ имъ цѣлей. Меня могутъ упрекнуть въ слишкомъ абстрактномъ взглядѣ на науку права, въ томъ, что отрицаю практическую цѣль въ наукѣ права, я тѣмъ самымъ отрываю ее отъ дѣйствительной жизни и обращаю въ область бесполезныхъ, абстрактныхъ умозрѣній. Но такой упрекъ будетъ неоснователенъ, ибо я не отрицаю *практическаго значенія* науки права, какъ и науки вообще. Я утверждаю только, что прямая и непосредственная цѣль науки—сама наука. Она удовлетворяетъ присущей человѣку, какъ существу разумному, потребности познавать явленія окружающаго міра, доискиваться причинъ ихъ, производимыхъ ими самими послѣдствій, т. е. взаимной связи или законовъ явленій. Практическая польза является лишь послѣдствіемъ науки, ибо познавъ законы явленій, человѣкъ подчиняетъ ихъ (явленія) себѣ, овладѣваетъ ими, и можетъ вліять, въ предѣлахъ управляющихъ явленіями законовъ, на ихъ возникновеніе и направлять ихъ сообразно практическимъ потребностямъ. Въ этомъ и заключается взаимная связь науки и жизни, теоріи и практики. Въ отношеніи науки права связь эта выражается въ томъ, что наука нерѣдко приходитъ на помощь законодателю, который пользуется ея выводами для своихъ цѣлей, и съ своей стороны сама пользуется законодательствомъ, какъ фактическимъ матеріаломъ, для своихъ изслѣдованій и обобщеній.

Опредѣливъ такимъ образомъ сходство, различіе и взаимное отношеніе науки права и законодательства, перейдемъ къ разсмотрѣнію характера дѣятельности суда въ гражданскомъ процессѣ. Задача суда—разрѣшить возникшій между сторонами (истцомъ и отвѣтчикомъ) споръ о правѣ, согласно опредѣленію закона. Возникающая при этомъ дѣятельность суда, съ перваго взгляда, можетъ показаться весьма несложной, а именно: она состоитъ въ подведеніи частнаго случая подъ общее опредѣленіе закона; другими словами: въ анализѣ тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыя представляетъ данный случай и въ установленіи того, заклю-

чаются ли въ этихъ данныхъ признаки отыскиваемого (истцомъ) права, по опредѣленію закона, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ притязаніе удовлетворяется, во второмъ—отклоняется и споръ разрѣшенъ. Но если судъ ограничится этой только дѣятельностью, то онъ принесетъ скорѣе вредъ чѣмъ пользу. Въ самомъ дѣлѣ: законъ, какъ мы видѣли выше, есть обобщеніе законодателемъ дѣйствительныхъ правоотношеній по внѣшнимъ признакамъ и способамъ ихъ проявленія, но такъ какъ правоотношенія находятъ свое проявленіе въ жизни подъ вліяніемъ различныхъ фактическихъ условій, разнообразіе которыхъ безконечно, то двухъ, выполнѣ тождественныхъ случаевъ проявленія даже одного и того же правоотношенія почти не бываетъ. А потому, при столкновеніи съ дѣйствительной жизнью, законъ почти всегда окажется недостаточнымъ, неполнымъ, т. е. почти никакой дѣйствительный случай, подлежащій разрѣшенію суда, не подойдетъ подъ точное опредѣленіе закона. Вслѣдствіе этого масса правоотношеній, имѣющая мѣсто въ правовомъ быту, не найдетъ судебной защиты, что не можетъ не отозваться вредно на жизни общества вообще. Слѣдовательно, указанной выше дѣятельностью, т. е. механическимъ подведеніемъ дѣйствительныхъ случаевъ подъ мѣрку законодательныхъ опредѣленій судъ ограничиваться не можетъ. Что же, спрашивается, онъ еще долженъ дѣлать? На этотъ вопросъ наука и здравый смыслъ даютъ слѣдующій отвѣтъ: судъ примѣняетъ законъ по аналогіи. Но что такое аналогія? Это есть умственная операція, при помощи которой судъ старается выяснить волю законодателя, т. е. опредѣлить, на основаніи существующихъ законовъ, какъ бы поступилъ законодатель, еслибы онъ имѣлъ въ виду данный случай. Для этого суду необходимо вникнуть въ духъ законодательной дѣятельности, обнаруживающійся во всѣхъ относящихся къ данному правоотношенію опредѣленіяхъ, извлечь изъ нихъ общій принципъ, идею законодателя; другими словами—онъ долженъ опредѣлить сущность, природу опредѣляемыхъ законовъ правоотношеній, независимо отъ тѣхъ безконечныхъ фактическихъ уклоненій, которыми сопровождается возникновеніе и проявленіе ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Если, послѣ такого изслѣдованія, окажется, что данный случай по существу своему сходенъ съ существомъ опредѣляемыхъ закономъ правоотношеній, тогда судъ долженъ примѣнить законъ, несмотря на то, что этотъ случай имъ прямо не предусмотрѣнъ. Въ разрѣшеніи спорнаго случая, основанномъ

на такомъ примѣненіи закона, безъ сомнѣнія и будетъ выражена воля законодателя, ибо нельзя предположить, что правоотношенія однородныя, ничѣмъ другъ отъ друга по природѣ своей не отличающіяся, повели бы къ разнымъ законодательнымъ опредѣленіямъ. „Примѣненіе закона по аналогіи, говоритъ профессоръ Малининъ, озпачаетъ—примѣненіе закона въ силу принципа, лежащаго въ основаніи его, къ обстоятельствамъ, хотя и не предусмотрѣннымъ въ законѣ, но имѣющимъ сходство съ предусмотрѣнными въ немъ. Такое примѣненіе основывается на томъ, что данный юридическій принципъ признанъ закономъ, а потому онъ долженъ опредѣлить всѣ тѣ фактическія отношенія, которыя входятъ въ область, обнимаемую этимъ принципомъ: *ubi eadem ratio, ibi eadem dispositio*“¹⁾).

Но изслѣдованіе принципа закона, выясненіе существа и природы правоотношеній, выходитъ изъ предѣловъ механическаго примѣненія закона, и представляетъ собою прямое обращеніе къ наукѣ, къ теоріи права. Во избѣжаніе недоразумѣній я считаю необходимымъ пояснить, что подъ названіемъ науки или теоріи права я не разумѣю что либо уже опредѣлившееся и законченное, что при обращеніи къ наукѣ суду стоитъ только раскрыть любую книжку, въ которой излагается теорія права, чтобы найти научное опредѣленіе всѣхъ правоотношеній. Наука гражданскаго права еще далеко не достигла той степени развитія, при которой она могла бы дать положительный отвѣтъ на всѣ выдвигаемые гражданско-правовой жизнью вопросы. Природа большей части правоотношеній его еще не изслѣдована. Подъ названіемъ науки или теоріи права я разумѣю изслѣдованіе сущности правоотношеній, выясненіе принциповъ, началъ, ими управляющихъ. Сообразно съ этимъ подъ выраженіемъ: обращеніе къ наукѣ, я понимаю обращеніе къ изслѣдованію сущности правоотношеній, такъ что сошлется ли судъ прямо на теорію права, въ случаяхъ уже научно изслѣдованныхъ, или самъ, тутъ же, при разборѣ дѣла, произведетъ изслѣдованіе по силѣ своего разумѣнія, не упоминая даже о теоріи, это одинаково будетъ обращеніе къ теоріи. И такъ, обращеніе къ теоріи въ только что указанномъ смыслѣ, логически вытекаетъ изъ самаго характера дѣятельности суда при отправленіи имъ своихъ обязанностей. Такъ поступаетъ каждый добро-

¹⁾ Теорія гражданскаго процесса, выпускъ 1, Одесса, 1881 г., стр. 65.

совѣстный судья невольно, самъ того не замѣчая ¹⁾, въ силу необходимости разрѣшить споръ во чтобы то ни стало, разрѣшить его согласно волѣ законодателя и въ силу присущей человѣку потребности и способности мыслить. Запрещать это законъ не можетъ, ибо во 1-хъ, законъ не властенъ регулировать процессъ мышленія, составляющій элементъ внутренняго міра человѣка, и во 2-хъ, обязывая ²⁾ судью рѣшить споръ согласно волѣ законодателя, законъ не можетъ въ то же время запретить ему прибѣгать къ средствамъ, при помощи которыхъ воля эта можетъ быть обнаружена.

Изъ всего сказаннаго, мнѣ кажется, очевидно, что для отправленія гражданскаго правосудія далеко недостаточно знаніе одного положительнаго закона, а необходимы глубокія теоретическія познанія, безъ которыхъ судья оказался бы не въ силахъ справиться съ своей задачей. Сторонники устраненія теоріи изъ области суда, повидимому, выходятъ изъ того ложнаго взгляда, что законъ можетъ предусмотрѣть всѣ правовыя явленія, и что, поэтому, при разрѣшеніи какого угодно случая, нѣтъ надобности прибѣгать къ чему-либо постороннему, кромѣ закона. Они совершенно упустили изъ виду, что правовая жизнь общества постоянно развивается и порождаетъ непрерывно все новыя и новыя явленія, предусмотрѣть которыя не въ силахъ никакой законъ, какъ бы совершененъ онъ ни былъ, и что поэтому судья, при столкновеніи съ дѣйствительною жизнью, очень часто бываетъ поставленъ въ необходимость подняться выше буквальнаго опредѣленія закона, восходить до изслѣдованія признанныхъ имъ принциповъ и, сообразно съ этимъ, расширять кругъ обнимаемыхъ имъ правоотношеній.

Но и помимо неполноты закона, вслѣдствіе которой судья по необходимости долженъ обращаться къ теоретическимъ изслѣдованіямъ, наука права вообще служить подспорьемъ судебной практикѣ, развивая юридическое мышленіе судьи, способствуя ему ориентироваться въ законодательномъ матеріалѣ и раскрывать

¹⁾ Практика невозможна безъ извѣстныхъ предположеній мысли. Самый узкій практикъ, увѣренный, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ теоріей, долженъ руководствоваться какими-либо воззрѣніями, т. е. теоріей (Ренненкампфъ, Очерки юридической энциклопедіи, 1880 г., стр. 252).

²⁾ Обязательность рѣшенія судомъ дѣла, несмотря на недостаточность или неполноту закона, признана всѣми новѣйшими законодательствами.

истинный смыслъ и значеніе закона. Лишите судью научнаго, юридическаго образованія, приковывайте его къ буквѣ закона и вы получите типъ судей нашего добраго стараго времени, съ ихъ рутинной и буквоѣдствомъ, вы получите судебныя рѣшенія, хотя и согласныя съ буквой закона, но ничего общаго съ правосудіемъ не имѣющія.

II.

Теперь обратимся къ уставу гражданскаго судопроизводства и посмотримъ, не содержится ли въ немъ какое-либо правило, запрещающее судей примѣнять законъ по аналогіи или, что все равно, прибѣгать къ научному изслѣдованію закона и опредѣляемыхъ имъ правоотношеній. Ст. 10 уст. гласитъ: „воспрещается останавливать рѣшеніе дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ“. Статья эта обязываетъ судью рѣшить всякое дѣло, если даже нѣтъ закона, предусматривающаго данный случай. Очевидно, что о буквальномъ примѣненіи закона тутъ не можетъ быть и рѣчи. Слѣдовательно, уже эта статья устава косвенно обязываетъ судью находить волю законодателя всѣми находящимися у него подъ рукою средствами. Но уставъ идетъ далѣе и прямо указываетъ судей тѣ средства, какія онъ долженъ употребить въ нужныхъ случаяхъ для обнаруженія воли законодателя. Такъ, по ст. 9 уст.: „всѣ судебныя установленія обязаны рѣшать дѣла по *точному разуму* законовъ, а въ случаяхъ ихъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія, основывать рѣшеніе на *общемъ смыслѣ* законовъ“. Но что такое *разумъ* законовъ, *общій смыслъ* законовъ, какъ не принципы, лежащіе въ основаніи ихъ, цѣль, которую преслѣдовалъ законодатель и поводъ къ ихъ изданію, и какъ найти эти принципы законовъ, если не путемъ изслѣдованія историческихъ причинъ возникновенія ихъ и выясненія существа опредѣляемыхъ ими отношеній. Но все это и составляетъ примѣненіе закона по аналогіи ¹⁾; все это далеко отъ стремленія парализовать умственную дѣятельность судьи и приковать его къ буквѣ закона, а напротивъ, широкое открываетъ двери наукѣ, теоріи, въ область судебной практики ²⁾.

¹⁾ Греческое слово „аналогія“ въ переводѣ на русскій языкъ буквально означаетъ: „по разуму“, „по смыслу“ ана *λογον*—*secundum rationem*—по разуму.

²⁾ Судебные уставы открываютъ для аналогіи весьма широкое мѣсто, запрещая судьямъ останавливать рѣшенія подъ предлогомъ неполноты.... законовъ (Ренненкампфъ, Очер. юридич. энцикл., стр. 110).

Слѣдовательно, ссылка на теорію права въ судебномъ рѣшеніи, если только заимствованное изъ теоріи положеніе не противорѣчитъ разуму существующихъ законовъ, не только не противна 9 ст. уст. гражд. суд., но вполне согласна съ ея содержаніемъ.

Далѣе, 2 п. 793 ст. устава, перечисляющій случаи кассациі рѣшенія, гласитъ: „въ случаяхъ нарушенія обрядовъ и формъ судопроизводства, столь существенныхъ, что вслѣдствіе несоблюденія ихъ невозможно признать приговоръ въ силѣ судебного рѣшенія“. Какія именно формы и обряды судопроизводства слѣдуетъ считать существенными и какія несущественными—въ уставѣ не опредѣляется. Спрашивается, чѣмъ долженъ руководствоваться сенатъ при опредѣленіи существенности или несущественности тѣхъ или другихъ формъ и обрядовъ? Въ чемъ заключается мѣрило для такого опредѣленія? На эти вопросы можно найти отвѣтъ въ самомъ законѣ: „столь существенныхъ, что.. невозможно признать въ силѣ судебного рѣшенія“, т. е. сужденіе о существенности того или другаго обряда должно быть основано на понятіи о существѣ судебного рѣшенія и преслѣдуемой имъ цѣли. Но такъ какъ судебнымъ рѣшеніемъ осуществляется задача и цѣль гражданскаго процесса вообще, то поэтому, при оцѣнкѣ каждой процессуальной формальности, необходимо имѣть въ виду задачу и цѣль гражданскаго процесса. Но и этого мало: цѣль процесса, сама по себѣ, еще не даетъ критерія для опредѣленія существенности той или иной процессуальной формальности. Это яснѣе всего видно изъ того, что задача и цѣль процесса всегда и повсюду одна и та же, между тѣмъ какъ системы и формы процесса весьма разнообразны. Такая измѣнчивость системъ и формъ процесса, при постоянствѣ цѣли его, объясняется тѣмъ, что взгляды на средства, наиболѣе пригодныя для достиженія цѣли процесса, неодинаковы у разныхъ народовъ, въ разное время, и мѣняются въ связи съ общимъ состояніемъ культуры и другими условіями общественной жизни. Законодательство, какъ продуктъ всѣхъ жизненныхъ условій данной общественной среды, создаетъ систему гражданскаго процесса соотвѣтственно господствующимъ въ данное время взглядамъ. Одни законодательства, исходя изъ того взгляда, что гражданскимъ процессомъ охраняются частныя права, состоящія въ неограниченномъ распоряженіи своихъ субъектовъ, владутъ въ основаніи процесса строго состязательное начало, въ силу котораго право распоряженія въ процессѣ принад-

лежить сторонамъ; судъ же служить въ ихъ рукахъ только орудіемъ, машиной, приводимой въ движеніе по ихъ произволу. Другія, имѣя въ виду, что призванные для охраны частныхъ правъ судебные органы суть представители государственной власти, совершенно игнорируя стороны и ихъ интересы, создаютъ систему процесса на началѣ слѣдственномъ, въ силу котораго главная роль въ процессѣ отводится суду, который дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію, доискивается матеріальной правды, собираетъ доказательства и проч. Третьи, наконецъ, отдавая должное обоимъ факторамъ процесса (суду и сторонамъ), строятъ систему его на комбинаціи обоихъ указанныхъ началъ. Такимъ же разнообразіемъ, какъ система, и въ зависимости отъ тѣхъ же причинъ, отличается и форма или конструкція процесса, т. е. порядокъ или способъ производства, при помощи котораго проводится въ процессѣ основное начало. Въ этомъ отношеніи законодательства придерживаются особыхъ конструктивныхъ началъ, наиболѣе по ихъ взгляду пригодныхъ для достиженіи общей цѣли процесса. Въ такимъ конструктивнымъ началамъ можно отнести: судебную организацію, куда входитъ составъ суда, порядокъ инстанцій и проч., письменность или устность производства, посредственность или непосредственность, гласность или тайна и многое другое. Не вдаваясь въ болѣе подробное изложеніе разныхъ системъ и формъ процесса, такъ какъ это не составляетъ предмета настоящей статьи, замѣчу только, что въ основаніе нашего процесса законодателемъ принято очищенное отъ крайностей состязательное начало, а въ основаніе конструкціи—начала непосредственности, гласности, извѣстная судебная организація и проч. Всѣ эти начала нашли свое выраженіе въ разныхъ, установленныхъ уставомъ процессуальныхъ институтахъ, формахъ и обрядахъ. Очевидно, что если законодатель принялъ извѣстную систему и конструкцію процесса, то онъ считаетъ ее единственно пригодною для достиженія цѣли процесса и, поэтому, всѣ тѣ обряды, которые служатъ прямымъ выраженіемъ началъ процесса, не могутъ быть упущены судомъ, безъ нарушенія (по взгляду законодателя) конечной цѣли процесса. Если, напр., въ судебномъ засѣданіи окружнаго суда или судебной палаты присутствовало вмѣсто трехъ судей—два, если судъ удалилъ публику изъ залы засѣданія внѣ случаевъ, точно опредѣленныхъ закономъ, если онъ не непосредственно выслушалъ объясненія сторонъ, а поручилъ это, допустимъ, секретарю,

который записалъ объясненія въ протоколъ и судъ основалъ свое рѣшеніе на этомъ протоколѣ, если судъ присудилъ больше, чѣмъ требовалъ истецъ, или, наконецъ, самъ собиралъ доказательства въ пользу истца или отвѣтчика ¹⁾, то все это будетъ нарушеніе основныхъ или конструктивныхъ началъ процесса и, поэтому, состоявшіяся въ указанныхъ случаяхъ судебныя рѣшенія не могутъ быть оставлены въ силѣ. Такимъ образомъ для сужденія о существованности той или иной процессуальной формальности и о вліяніи упущенія ея на судебное рѣшеніе, сенатъ долженъ имѣть въ виду не только цѣль гражданскаго процесса вообще, но и начала, лежащія въ основаніи его системы и конструкціи. Но о началахъ процесса въ уставѣ не говорится ни слова. Обнаружить ихъ можно только путемъ отвлеченія, абстракціи, изъ всей совокупности судопроизводственныхъ нормъ, а это выходитъ далеко за предѣлы обыкновеннаго толкованія закона и составляетъ предметъ чисто теоретическихъ изслѣдованій. Слѣдовательно, сенатъ при разрѣшеніи каждаго почти дѣла долженъ, на основаніи 2 п. 793 ст. устава гражд. судопр., прибѣгать къ теоріи процесса, что онъ всегда и дѣлаетъ. Утверждать, что сенатъ, какъ высшій кассационный судъ, поставленъ въ этомъ отношеніи въ иное положеніе, чѣмъ другія судебныя мѣста, невозможно, за неимѣніемъ къ тому никакихъ основаній въ тѣхъ статьяхъ устава гражданскаго судопроизводства, которыми опредѣляется функція его. Кассационный сенатъ не есть законодательное учрежденіе и функція его въ области гражданско-процессуальной ограничивается разъясненіемъ точнаго смысла законовъ (ст. 802²⁾). Слѣдовательно и онъ подчиняется общимъ правиламъ толкованія законовъ, наравнѣ съ другими судебными мѣстами. И если онъ можетъ и долженъ прибѣгать къ помощи теоріи для разъясненія точнаго смысла законовъ, то могутъ и должны это дѣлать и всѣ другія судебныя учрежденія. Поэтому сенатъ, признавъ ссылки въ судебномъ рѣшеніи на теорію права неумѣстными, поставилъ себя въ непримиримое противорѣчіе съ своей собственной функціей, какъ она начертана судебными уставами. Изъ всего сказаннаго, мнѣ кажет-

¹⁾ Состязательное начало складывается изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ принциповъ: *ne eat iudex ultra petita partium*, *ne procedat iudex ex officio* и прочее. Последніе два упущенія приведены какъ примѣры нарушенія этихъ принциповъ, прямо, впрочемъ, выраженныхъ въ 367 и 706 ст. уст. гражд. судопр.

ся, нельзя не придти къ тому выводу, что уставъ гражд. судопр., какъ по духу своему, такъ и по содержанію отдѣльныхъ статей, весьма далекъ отъ враждебнаго взгляда на теорію права, какъ помощницу судьи при разясненіи смысла законовъ.

III.

Обращаясь къ разсмотрѣнію практическихъ послѣдствій устраненія теоріи изъ судебной практики, я считаю необходимымъ повторить то, что уже неоднократно высказалъ выше, именно: что толкованіе закона по аналогіи, безъ помощи теоріи невозможно, такъ какъ этотъ способъ примѣненія закона вызываетъ необходимость изслѣдовать принципы, лежащіе въ основаніи закона и сущность опредѣляемыхъ имъ правоотношеній и что, поэтому, запрещеніе обращаться для разясненія смысла закона къ теоріи есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и запрещеніе примѣнять законъ по аналогіи. Слѣдовательно воззрѣніе, приведенное въ началѣ этой статьи, ограничиваетъ свободу судьи въ разясненіи воли законодателя буквальнымъ и словеснымъ смысломъ закона. Отсюда, при неизбѣжной неполнотѣ закона, вслѣдствіе невозможности предусмотрѣть всѣ случаи дѣйствительной жизни, необходимо было бы установить слѣдующую альтернативу: 1) предоставить суду, въ случаѣ неясности или неполноты закона, обращаться, до рѣшенія дѣла, за разясненіемъ къ законодательной власти, или 2) обязать судъ рѣшить дѣло немедленно, на точномъ основаніи закона, т. е. отвергать всѣ тѣ притязанія, которыя закономъ не предусмотрѣны. Въ первомъ случаѣ произошло бы крайнее замедленіе въ разрѣшеніи дѣлъ, что не могло бы не отозваться вредно на свободѣ и развитіи гражданскаго оборота. Лучшей иллюстраціей въ этомъ отношеніи можетъ служить опытъ прошлаго: наша дореформенная судебная практика. Какъ извѣстно, дореформенные суды примѣняли законъ по буквальному смыслу, и останавливали рѣшеніе дѣла, въ случаѣ неполноты закона. Хотя по общему правилу и предписывалось: „въ случаѣ невозможности согласить буквальный смыслъ одного закона съ таковымъ же другаго, слѣдовать общему духу законодательства“ (ст. 65 т. I основныхъ законовъ), но выраженное въ специальномъ законѣ правило, что „никакое судебное мѣсто не можетъ рѣшить дѣло, если нѣтъ на оное яснаго закона, въ семъ случаѣ судебныя мѣста въ губерніяхъ обязаны представлять губернскому начальству, которое, сдѣлавъ предварительно въ общемъ собраніи губернскаго правленія и палатъ совѣщаніе, до-

носить о томъ правительствующему сенату“ (ст. 281 т. II о губернскихъ учрежденіяхъ), значительно ослабляло и даже уничтожало дѣйствіе общаго правила. „Вслѣдствіе этого, по установившемуся въ прежнее время порядку, говорится въ мотивахъ къ 10 ст. устава гражд. судопр. въ случаѣ недоразумѣнія въ законахъ, возникающаго при разсмотрѣніи дѣлъ, всѣ судебныя мѣста, начиная съ низшихъ, представляютъ о томъ мѣстамъ высшимъ до рѣшенія дѣла, которое, проходя черезъ всѣ инстанціи и государственный совѣтъ, восходитъ на разрѣшеніе Государя Императора и, вслѣдствіе сего, дѣло рѣшается на основаніи новаго закона, получающаго въ такомъ случаѣ обратное дѣйствіе“. Такое недоувѣріе къ суду въ отношеніи толкованія закона отчасти оправдывалось дореформеннымъ судоустройствомъ, такъ какъ подавляющее большинство судебного персонала не обладало не только специально юридическимъ, но и никакимъ образованіемъ. Такимъ судьямъ нельзя было предоставить и отъ нихъ нельзя было требовать иного, кромѣ буквального толкованія закона. Но какія же были послѣдствія этого порядка? Невѣжество судей сквозило въ каждомъ судебномъ рѣшеніи. Смыслъ законовъ извращался. Медленность въ производствѣ или такъ называемая волокита вошли въ пословицу. Общество потеряло всякое довѣріе и уваженіе къ суду. Имѣть процессъ считалось большимъ несчастьемъ и многіе охотнѣе жертвовали своими правами, чѣмъ „тягаться по судамъ“. Эта то чудовищная волокита и дала первый толчекъ къ судебной реформѣ. Императоръ Николай, полагая резолюцію по частному дѣлу въ 1848 году, замѣтилъ: „изложеніе причинъ медленности непомѣрной, съ которой производится сіе столь извѣстное дѣло, ясно выставляетъ всѣ неудобства и недостатки нашего судопроизводства“¹⁾. Къ этой характеристикѣ, мнѣ кажется, прибавлять нечего. Я думаю, что даже самый ярый противникъ участія теоріи въ судебной практикѣ не пожелалъ бы вернуться къ прежнимъ судебнымъ порядкамъ и не поколебался бы признать преимущества нашей теперешней судебной практики предъ дореформенной, съ точки зрѣнія цѣли правосудія.

Второй изъ указанныхъ выше случаевъ примѣненія закона по буквальному смыслу, привелъ бы къ еще менѣе желательнымъ послѣдствіямъ, а именно: развитіе гражданскаго оборота было бы

¹⁾ Смотри Теорія гражданского процесса Малинина, стр. 15.

окончательно приостановлено. Правовая жизнь застыла бы въ томъ положеніи, въ которомъ ее засталъ и опредѣлилъ законодатель, такъ какъ вновь возникающія отношенія, не подходя подъ заранѣе установленныя рамки закона, не были бы включены въ кругъ признанныхъ закономъ правоотношеній и не находили бы судебной защиты. Мало этого: даже признанныя закономъ правоотношенія не всегда находили бы защиту, ибо, какъ уже не разъ замѣчено было выше, жизнь есть вѣчное движеніе и вѣчное разнообразіе, и даже однородныя правоотношенія проявляются въ такихъ разнообразныхъ формахъ, что сразу трудно распознавать родство ихъ съ уже предусмотрѣнными. Такимъ образомъ законъ сталъ бы въ противорѣчіе съ жизнью, сталъ бы насилловать ея явленія, вмѣсто того, чтобы принаравливаться къ нимъ и регулировать ихъ. Словомъ, законъ становился бы зломъ, вмѣсто того, чтобы быть благомъ и водворилъ бы анархію и шаткость въ гражданско-правовыхъ отношеніяхъ, вмѣсто того, чтобы установить порядокъ и увѣренность. Таковы послѣдствія примѣненія закона по буквальному смыслу. Составители судебныхъ уставовъ имѣли въ виду эти послѣдствія, когда, вмѣсто прежняго порядка, ввели примѣненіе законовъ по *разуму, по общему смыслу*, т. е. по аналогіи, основанной на научномъ изслѣдованіи признанныхъ закономъ принциповъ и природы регулируемыхъ имъ правоотношеній. Только такое примѣненіе закона соотвѣтствуетъ цѣли правосудія, ибо только оно можетъ водворить порядокъ и увѣренность въ правовомъ быту, давая защиту непрерывно нарождающимся и развивающимся правоотношеніемъ. По этой причинѣ судебная практика, основанная на такомъ примѣненіи закона, является цивилизующимъ началомъ, содѣйствуя свободному развитію народнаго правосознанія и въ то же время служа его выраженіемъ, ибо сталкиваясь съ различными случаями дѣйствительной жизни, она въ своихъ рѣшеніяхъ выражаетъ взглядъ народа на правовыя отношенія. Въ этомъ отношеніи судебная практика облегчаетъ работу законодателю, доставляя ему фактическій матеріалъ и справедливо признается однимъ изъ источниковъ права.

IV.

Въ заключеніе считаю не бесполезнымъ привести взглядъ нѣкоторыхъ нашихъ юристовъ на судебную практику и отношеніе къ ней теоріи права. „Можетъ ли судъ, говоритъ г. Малининъ, не пайда путемъ истолкованія нужной въ данномъ случаѣ юри-

дической нормы, восходить къ фактической конструкціи гражданскаго процесса, руководствоваться тѣмъ неизмѣннымъ закономъ, который наука процесса указываетъ въ природѣ человѣка, въ социальныхъ отношеніяхъ и въ природѣ самаго государства, и который необходимо создаетъ такую, а не иную конструкцію процесса у каждаго цивилизованнаго народа? Едва ли кто будетъ возражать, что въ разсматриваемомъ случаѣ судъ не только можетъ, но и долженъ руководствоваться этимъ закономъ. По теоріи русскаго гражданскаго процесса суду самъ положительный законъ предоставляетъ къ тому возможность, говоря, что судъ можетъ дѣйствовать на основаніи общаго смысла законовъ. Общій смыслъ устава гражданскаго судопроизводства, прежде всего, въ томъ и состоитъ, чтобы удовлетворить тѣмъ потребностямъ, которыми необходимо въ государствѣ вызываются явленія, составляющія гражданскій процессъ“ ¹⁾. „Судебная практика, говоритъ Нефедьевъ, назначеніе которой состоитъ въ томъ, чтобы примѣнять законы въ жизни, наталкивается постоянно на массу случаевъ, которые не могъ предвидѣть законодатель. Разрѣшая ихъ, она содѣйствуетъ развитію права подъ вліяніемъ потребностей, указываемыхъ жизнью“ ²⁾. Такого же взгляда придерживается и Малышевъ. „На судебную практику, говоритъ онъ, „нельзя смотрѣть такъ узко, будто она должна знать статьи закона для нея обязательныя и ничего больше. Она обладаетъ творческой силой, она восполняетъ и развиваетъ законодательство страны и не имѣетъ никакого права изолироваться въ этой дѣятельности у всѣхъ образованныхъ народовъ“ ³⁾.

Наиболѣе рельефно ту же мысль выражаетъ г. Муромцевъ. „Указаніе на духъ закона само по себѣ есть не болѣе, какъ пустой звукъ. Только историко-философскій анализъ закона способенъ вложить въ него содержаніе. Духъ закона есть его историческое отношеніе къ интересамъ прошедшаго, настоящаго и будущаго. Понимать законъ—значить понимать его какъ моментъ историческаго развитія; примѣнять его—значить знать историческое соотношеніе принциповъ, образующихъ его содержаніе, и содѣйствовать реализаціи прогрессивныхъ началъ, удерживая излиш-

¹⁾ Теорія гражданскаго процесса, стр. 69.

²⁾ Задача и элементы науки гражданскаго процесса. Казань, 1893 г., стр. 21.

³⁾ Курсъ гражданскаго судопроизводства, стр. 7.

нее проявленіе началъ отживающихъ. Такъ, вопреки всѣмъ догматическимъ теоріямъ, понимаютъ и примѣняютъ законъ на самомъ дѣлѣ. Но въ интересахъ дѣла необходимо, чтобы происходящее скрыто и безсознательно дѣлалось открыто и сознательно, чтобы наука и школа не оставляли практику въ этомъ важномъ дѣлѣ безъ помощи и руководства“. Приводи затѣмъ мнѣніе одного юриста о необходимости совершеннаго изгнанія науки изъ практической юриспруденціи, онъ прибавляетъ: „такъ говорить, значитъ поддерживать ремесленный характеръ правовѣдѣнія и поощрять безучастное, механическое отношеніе къ гражданской жизни, которымъ отличиться рискуеть, къ сожалѣнію, русская практическая юриспруденція“ ¹⁾.

Да и самъ кассационный сенатъ въ первые годы своей дѣятельности держался инаго взгляда на отношеніе науки права къ судебной практикѣ. Въ одномъ изъ своихъ рѣшеній ²⁾, по поводу ссылки с.-петербургской судебной палаты на общія начала гражданского права, при помощи которыхъ она нашла возможнымъ примѣнить къ разсматривавшемуся случаю 1260 ст. 1 ч. X т., сенатъ говорить: „хотя 1260 ст. опредѣляетъ особый частный случай, который въ настоящемъ дѣлѣ не встрѣчается, тѣмъ не менѣе однако, какъ приведенное палатой общее положеніе, такъ и ссылка на 1260 ст., не могутъ служить поводомъ къ отмѣнѣ ея рѣшенія, ибо ст. 9 уст. гражд. суд. не только даетъ судебнымъ мѣстамъ право, но и поставляетъ имъ въ обязанность, въ случаѣ неполноты законовъ, неясности, недостатка или противорѣчія, основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ. Изъ чего слѣдуетъ, что принятіе судебнымъ мѣстомъ въ основаніе рѣшенія началъ гражданского права тогда только можетъ быть признано неумѣстнымъ и неправильнымъ, когда окажется, что изъ общаго смысла существующихъ законоположеній нельзя сдѣлать того вывода, какой сдѣланъ судомъ или когда выводъ этотъ стоитъ въ противорѣчій съ ясно выраженными въ законѣ правилами или съ общимъ духомъ законовъ“. Изъ этого рѣшенія видно, что сенатъ совершенно правильно смотрѣлъ на науку права, какъ на средство къ правильному истолкованію и примѣненію закона. Противоположный

¹⁾ Очерки общей теоріи гражданского процесса, ч. I, Москва, 1877 года, стр. 197—198.

²⁾ Сборникъ кассационныхъ рѣшеній 1869 г. № 1292.

же взглядъ сената, высказанный въ новѣйшемъ, приведенномъ въ началѣ этой статьи, рѣшеніи, о безусловной неумѣстности ссылки въ судебномъ рѣшеніи на теорію права, независимо отъ соотвѣтствія теоретическаго вывода общему смыслу законовъ, неогласный съ содержаніемъ 9 ст. и общимъ духомъ устава гражданскаго судопроизводства, можетъ повести къ весьма гибельнымъ послѣдствіямъ: совершенному пренебреженію научныхъ познаній со стороны судебныхъ дѣятелей. Такое пренебреженіе и безъ того зашло въ послѣднее время слишкомъ далеко и отражается на самомъ ходѣ правосудія. Первое поколѣніе судебныхъ дѣятелей, вдохновленное идеалами, положенными въ основаніе судебныхъ уставовъ, постоянно работавшее надъ собою и высоко державшее знамя суда, мало по малу сошло со сцены. Его замѣнило новое поколѣніе молодыхъ юристовъ, которому чужды тѣ идеалы, и значительная часть котораго обратилась въ простыхъ чиновниковъ, заботящихся только о внѣшнемъ приличіи и о томъ, чтобы все обстояло благополучно. Дальнѣйшее движеніе въ этомъ направленіи несомнѣнно повлечетъ за собою окончательный упадокъ и вырожденіе судебного вѣдомства.

Но къ торжеству правосудія необходимо замѣтить, что глава судебного вѣдомства—г. министръ юстиціи, держится въ интересующемъ насъ вопросѣ инаго, болѣе соотвѣтствующаго судебнымъ уставамъ взгляда. По поводу закона 24 декабря 1891 года о кандидатахъ на судебныя должности, имѣющаго въ виду дать молодымъ юристамъ надлежащую подготовку къ будущей судебной дѣятельности, г. министръ юстиціи разослалъ старшимъ предсѣдателямъ судебныхъ палатъ и предсѣдателямъ окружныхъ судовъ циркуляръ ¹⁾, въ которомъ онъ проситъ учредить при судебныхъ палатахъ и окружныхъ судахъ, насколько это будетъ возможно, бібліотеки, состоящія изъ выдающихся сочиненій по правовѣдѣнію и изъ повременной юридической литературы, а также доводить до его свѣдѣнія о всѣхъ появляющихся въ печати работахъ кандидатовъ по юридическимъ вопросамъ. Эту просьбу свою г. министръ юстиціи мотивируетъ тѣмъ, что „практическая школа кандидатовъ едва ли можетъ принести вполнѣ благотворныя послѣдствія, если только что окончившіе курсъ юридическихъ наукъ молодые люди не будутъ обновлять и усовершенствовать приобрѣ-

¹⁾ См. Журналъ гражд. и угол. права, іюнь 1892 г.
ж. гр. и уг. пр. кн. II 1893 г.

тенныя ими теоретическія познанія въ области правовѣдѣнія. Изъ этого видно, что министерство юстиціи считаетъ недостаточнымъ для цѣлей правосудія одно только акуратное исполненіе своихъ формальныхъ обязанностей со стороны судебныхъ дѣятелей, а требуетъ отъ нихъ постоянной работы и усовершенствованія путемъ научнаго развитія. Словомъ, министерство задалось цѣлью поднять понизившійся за послѣднее время уровень научныхъ познаній судей и воскресить идеалъ судьи, положенный въ основаніе судебныхъ уставовъ. Намъ остается только пожелать, чтобы благія начинанія министерства юстиціи нашли сочувствіе въ средѣ представителей судебныхъ учреждений и скорѣе привели къ желаемой цѣли.

М. Мазоръ.

НОВЫЯ УЗАКОНЕНІЯ ПО ВѢДОМСТВУ ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ.

Минувшій годъ будетъ надолго памятенъ вѣдомству путей сообщенія оживленіемъ законодательной дѣятельности въ организаціи учреждений этого вѣдомства. Въ ряду вышедшихъ по этому предмету въ 1892 году узаконеній, особеннаго вниманія заслуживаютъ Высочайшій указъ 16 іюня о преобразованіи правительственной инспекціи желѣзныхъ дорогъ, Высочайше утвержденное 18 іюня мнѣніе государственнаго совѣта о предоставленіи управляющимъ желѣзными дорогами правъ государственной службы и утвержденная министромъ путей сообщенія 12 іюля инструкция управляющимъ, опредѣляющая ихъ отношенія къ желѣзнодорожнымъ обществамъ и къ правительству. Законы эти входятъ до нѣкоторой степени изъ области государственнаго права; сопрягаясь съ договорными отношеніями желѣзнодорожныхъ обществъ, существовавшими въ силу ихъ частныхъ уставовъ, они затрогиваютъ не одинъ вопросъ гражданскаго права.

Слѣдуетъ припомнить, что до изданія новыхъ законовъ организація желѣзнодорожной службы была предоставлена, на основаніи отдѣльныхъ уставовъ, усмотрѣнію самихъ желѣзнодорожныхъ обществъ, какъ хозяевъ предпріятія, собравшихъ для него капиталъ съ гарантіей или безъ гарантіи правительства. Отношенія главнѣйшихъ мѣстныхъ агентовъ къ правленіямъ обществъ опре-

дѣлялись обыкновенно договорами и положеніе этихъ агентовъ, отвѣтственныхъ предъ своими довѣрителями, мало чѣмъ отличалось отъ положенія уполномоченныхъ, прикащиковъ, въ другихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ. На ряду съ этимъ, надъ дѣятельностью желѣзнодорожныхъ обществъ, ихъ правленій и агентовъ существовалъ, въ точно опредѣленныхъ рамкахъ, правительственный надзоръ въ лицѣ инспекторовъ, состоявшихъ на государственной службѣ. Новые законы внесли въ эти отношенія радикальную перемѣну. Въ силу закона 1892 года и особенно министерской инструкціи 12 іюля, управляющій дорогою изъ уполномоченнаго правленія сталъ независимымъ отъ него должностнымъ лицомъ, самостоятельно завѣдывающимъ техническою и административною частями желѣзной дороги и отвѣчающимъ за эти части передъ правительствомъ. Болѣе того, новыми законами управляющій желѣзною дорогою поставленъ, въ извѣстной степени, какъ бы начальникомъ правленія, такъ какъ на него возложены нѣкоторыя изъ обязанностей прежней инспекціи, раздѣленныхъ закономъ 16 іюня между нимъ и новоучрежденною главною инспекціею, которой предоставленъ высшій надзоръ за ходомъ желѣзнодорожнаго дѣла, дисциплинарная власть въ отношеніи агентовъ дорогъ и право привлеченія ихъ къ судебной отвѣтственности. Нельзя не признать, что новое положеніе управляющаго дорогою, оставшагося по прежнему повѣреннымъ правленія въ области хозяйства дороги, независимаго отъ него чиновника въ административной и технической частяхъ управленія и, наконецъ, его контролера, представляетъ собою рѣдкій примѣръ соединенія въ одномъ лицѣ самыхъ разнообразныхъ государственныхъ и гражданскихъ функций, трудно осуществимаго въ дѣйствительности.

Какъ нелегко иногда разобратся въ истинномъ смыслѣ новыхъ законовъ объ инспекціи и управленіи желѣзныхъ дорогъ, можетъ служить примѣромъ слѣдующее, возникшее на практикѣ сомнѣніе. По дѣйствовавшимъ до послѣдняго времени постановленіямъ о надзорѣ за частными желѣзными дорогами (ст. 697—718 ч. 1 т. XII уст. пут. сообщ., перешедшимъ въ приложение къ ст. 180 общ. уст. рос. жел. дорогъ, изд. 1886 г.) правительственному инспектору дороги принадлежало, между прочимъ, право присутствовать въ общихъ собраніяхъ акціонеровъ, заявлять на нихъ особыя мнѣнія и требовать внесенія послѣднихъ въ журналъ. Съ упраздненіемъ прежней инспекціи возникъ вопросъ, на кого пе-

решило это право. Такъ какъ обязанность присутствія на общихъ собраніяхъ не принадлежитъ къ числу особыхъ обязанностей, предоставленныхъ положеніемъ 12 іюня 1892 года новоучрежденной главной инспекціи, то вопросъ шелъ о томъ, лежитъ ли въ настоящее время эта обязанность на управляющемъ дорогою, какъ преемникъ прежней инспекціи. Взаимныя отношенія правленій желѣзнодорожныхъ обществъ и управляющихъ, какъ ихъ уполномоченныхъ, возможность обсужденія на общихъ собраніяхъ акціонеровъ дѣйствій управленія дорогъ особенно наглядно несогласовались съ присутствіемъ управляющаго дорогою на общемъ собраніи, въ роли контролера правильности его дебатовъ и постановленій. Вопросъ этотъ былъ однако рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Было признано, что такъ какъ на основаніи § 3 указа 16 іюня на управляющихъ желѣзными дорогами перешли обязанности, лежавшія по статьямъ 4, 44, 48, 100, 159, 165, 170 и 180 общ. уст. рос. жел. дорогъ на правительственной инспекціи, а участіе инспектора въ общихъ собраніяхъ было предусмотрено § 3 *приложенія къ ст. 180 общ. уст.*, то эта послѣдняя обязанность также должна быть признана перешедшею на управляющихъ желѣзными дорогами.

Такое разрѣшеніе намъ не кажется правильнымъ. Оно скорѣе основано на буквѣ закона, чѣмъ на его внутреннемъ смыслѣ. Дѣло въ томъ, что правила о правительственной инспекціи, изложенныя въ приложеніи къ ст. 180 общ. уст. рос. жел. дорогъ, основанныя на отиѣненныхъ статьяхъ 697—718 ч. 1 т. XII о надзорѣ за частными желѣзными дорогами, обнимали всю совокупность правъ и обязанностей прежней правительственной инспекціи желѣзныхъ дорогъ. Въ числѣ ихъ заключался и 52 приложенія (прежде ст. 698), возлагавшій на инспектора обязанность слѣдить за правильностью распоряженій и постановленій желѣзнодорожныхъ правленій, присутствовать на общихъ собраніяхъ акціонеровъ и заявлять на нихъ протесты, на ряду съ предоставленіемъ инспекторамъ и другихъ весьма важныхъ правъ, напр. дисциплинарныхъ, по характеру своему даже ближе подходящихъ къ правамъ выѣшней главной инспекціи. Между тѣмъ нигдѣ въ новомъ законѣ не постановлено, чтобы *все* права и обязанности прежней инспекціи перешли нынѣ къ управляющимъ дорогами. Если прослѣдить статьи общаго устава, на которыя сдѣлана ссылка въ указѣ 16 іюня, то окажется, что онѣ касаются лишь нѣкоторыхъ

мѣстныхъ, второстепенныхъ обязанностей инспекціи при самой эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, вызванныхъ порядками, введенными этимъ уставомъ—разрѣшенія разнаго рода публиканій, таксъ, наблюденія за порядкомъ движенія и т. п. Сама статья 180, въ приложеніи къ которой помѣщены вышеупомянутыя правила объ инспекціи, находится въ раздѣлѣ III устава, озаглавленномъ: *полицейскія* желѣзнодорожныя правила, и подтверждаетъ только, что инспекціи принадлежитъ, на ряду съ жандармской полиціи, наблюденіе за исполненіемъ желѣзными дорогами правилъ, содержащихся въ ст. 165 — 179 и другихъ издаваемыхъ распоряженій.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ первоначальномъ текстѣ общаго устава рос. желѣзн. дорогъ, какъ онъ изложенъ въ собраніи узаконеній 1885 года, никакого приложенія къ статьѣ 180 не было. Оно впервые авилось въ особомъ изданіи устава, вышедшемъ въ 1886 году, причемъ въ продолженіи 1886 года къ ч. 1 т. XII уст. пут. сообщ. было сказано, что этимъ приложеніемъ замѣняются статьи 697—718. Можно думать, что включеніе въ желѣзнодорожный уставъ прежняго положенія о правительственной инспекціи было вызвано необходимостью разъяснить сохраненіе силы этимъ положеніемъ и послѣ изданія устава. Надо однако сознаться, что мѣсто этимъ законамъ въ общемъ уставѣ было отведено крайне неудачное, такъ какъ статьи 697—718 т. XII, составляя какъ бы цѣлый кодексъ правъ и обязанностей прежней инспекціи, не имѣли ничего общаго съ правиломъ полицейскаго характера статьи 180 устава. Во всякомъ случаѣ, этотъ кодификаціонный промахъ, по нашему мнѣнію, не можетъ служить основаніемъ къ разрѣшенію вопроса, возникающаго изъ самаго смысла узаконеній.

Намъ думается, что такъ какъ въ Высочайшемъ указѣ 16 іюня 1872 года сдѣлана ссылка только на статью 180 устава и нѣтъ ссылки на приложеніе къ этой статьѣ, то при разрѣшеніи вопроса о размѣрѣ правъ управляющихъ желѣзными дорогами, какъ преемниковъ прежней инстанціи, нельзя руководствоваться *приложеніемъ* къ 180 ст., а слѣдовательно надо признать, что на управляющихъ дорогами не перешли обязанности, указанные въ этомъ продолженіи, въ томъ числѣ обязанность присутствія въ общихъ собраніяхъ. Иначе приходилось бы признать, что на управляющихъ перешли всѣ обязанности прежней правительственной инспекціи, тогда какъ самымъ неречисленіемъ такихъ обязанно-

стей законъ указываетъ, что онъ не имѣлъ въ виду предоставить имъ всецѣло значеніе прежней инспекціи.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ § 3 Высочайшаго указа 16 іюня, при перечисленіи статей общаго устава желѣзныхъ дорогъ, касающихся инспекціи, не было указано года изданія устава. Уже въ § 6 утвержденной министерствомъ путей сообщенія 12 іюля инструкции управляющимъ дорогами, при воспроизведеніи § 3 указа 16 іюня, появилось къ вышеупомянутымъ статьямъ добавленіе: *изданія 1886 года*, чѣмъ какъ бы давалось знать, что ст. 180 общаго устава должна быть принимаема здѣсь въ полномъ объемѣ, т. е. какъ ея текстъ, такъ и приложенныя къ ней правила объ инспекціи. Однако и это обстоятельство не можетъ повліять на разрѣшеніе занимающаго насъ вопроса въ иномъ смыслѣ. Инструкция 12 іюля, несмотря на всю важность заключающихся въ ней постановленій, подробно опредѣлившихъ новое значеніе должности управляющаго дорогомъ и далеко оставившихъ за собой въ этомъ отношеніи самый законъ, не имѣетъ общеобязательной силы, такъ какъ указами 16 и 18 іюня не было предоставлено министру путей сообщенія изданіе такой инструкции, и, вопреки дѣйствующему порядку, она не была даже обнародована въ собраніи узаконеній, а только отпечатана въ Правительственномъ Вѣстникѣ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что едва ли она войдетъ и въ продолженіе свода законовъ 1892 года.

С. Раевскій.

СОБСТВЕННЫЯ ИЗДАНИЯ ЮРИДИЧЕСКАГО КНИЖНАГО МАГАЗИНА

Н. К. МАРТЫНОВА (Спб. Б. Морская № 28).

Анисимовъ А. Н. (Спб. нотаріусъ) **Уставъ о гербовомъ сборѣ**, съ разъясненіями и дополненіями по декабрь 92 г. и прилож. **алфавитнаго перечня документовъ и актовъ**, подлежащихъ гербовому сбору и отъ него изъятыхъ. Изд. 3. 93 г. въ колѣнк. переплетѣ 1 руб. 25 коп.

Домашнія духовныя завѣщанія (практич. руководство съ прилож. образцовъ) 91 г. 40 к. въ колѣнк. перепл. 60 к.

Положеніе о нотаріальной части, разъяснен. и дополнен. мотивами, кассац. рѣшеніями, времен. правилами и новыми узаконеніями. 89 г. 1 р. 50 к., въ перепл. 1 р. 80 к.

Уставъ о пошлинахъ, съ дополн. и разъясн. 90 г. 1 р. съ перепл. 1 р. 25 к.

Васильковскій, Е. В. **Организація адвокатуры**. Изслѣдованіе, въ 2 частяхъ. ч. I. Очеркъ всеобщей исторіи адвокатуры (Введеніе: опредѣленіе и происх. адвокатуры, судебное представительство. 1. Греція. 2. Римъ. 3. Франція. 4. Англія. 5. Германія. 6. Австрія. 7. Россія. 8. Остальныя государства. Заключеніе) Ч. II. Изслѣдованіе принциповъ организаціи адвокатуры (Введеніе. 1. Свобода профессіи. 2. Внутр. организація. 3. Связь съ магистратурой. 4. Гонораръ. 5. Отношеніе правозаступничества къ суд. представительству. 6 и 7 Общій планъ организаціи адвокатуры и суд. представит. 8. Реформа адвокатуры въ Россіи) 93 г. 3 р. 50 к., въ перепл. 4 р.

Волжинъ. В. А. **Изъ воспоминаній суд. слѣдователя** (разсказъ). 92 г. 50 к.

Бнязь Волконскій В. А. **Очерки польской ипотеки** (практич. руководство въ 2 частяхъ, печатано по распор. Мин. Юст.). 91 г. 3 р.

Гальперинъ С. И. **Очерки первобытнаго права**. Изслѣдованіе. Ч. I. Гл. I. Исходные моменты первичн. социологич. жизни. 2. Религіозный культъ. 3 и 4. Экономика, эклективизмъ и индивидуализмъ хищничества. 5. Основныя черты древне-русскаго права. 6. Движеніе права: возникновеніе правъ. 7. Пріобрѣтеніе и потеря правъ. 8. Нарушеніе правъ. 9. Защита правъ. Наказаніе Ч. II. Гл. 10 и 11. Смертоубійство по древн. русск. праву. 12. Убійство въ дракѣ. 13. Разбой. 14. Убійство вора. Заключеніе. 93 г. 2 р., въ перепл. 2 р. 30 к.

Гаугеръ А. К. (членъ Спб. суд. палаты). **Гражданскіе законы**. Т. X ч. I, со включеніемъ статей по прод. 90 и 91 гг., дополнит. узаконеній и разъясненій сената по іюню 1892 г. и съ приложеніемъ подробнаго предметнаго, въ алфавитномъ порядкѣ. Указатели. Изданіе портативное, болѣе 52 печатн. листовъ убористаго шрифта. 93 г. 3 р. въ шагрен. перепл. 3 р. 50 к.

Положеніе о казен. подрядахъ и поставкахъ, съ разъясн. сената и позднѣйшими узаконеніями. 92 г. 50 к. въ колѣнк. перепл. 80 к.

Громачевскій С. Г. Охранительные законы по землевладѣнію въ Зап. краѣ (поляки, евреи, иностранцы) съ мотивами и разъясн. 92 г. 30 к.

Евреиновъ А. А. Акціонныя нарушенія въ алфавитномъ порядкѣ, съ приложеніемъ правилъ о взысканіяхъ и кассац. разъясненій. 92 г. 1 р., въ колѣнк. перепл. 1 р. 25 к.

Ломброзо, Ц. Новѣйшіе успѣхи въ наукѣ о преступникѣ (L'antropologie criminelle). Перев. Рапиопорта, съ предисл. Л. М. Берлина. 92 г. 1 р. въ перепл. 1 25 к.

Мартыновъ Н. Новый законъ объ усыновленіи и узаконеніи дѣтей, съ разъясн. и образцами прошеній. 91 г. 40 к.

Настольная книга для опекуновъ и попечителей (съ разъясн.). 91 г. 50 к., въ перепл. 70 к.

Уставъ Военно-Судебный, разъясн. и дополн. рѣшеніями Глав. Воен. Суда, приказами по воен. вѣд. и циркулярами Гл. Штаба. Изд. 5. 89 г. 4 р.

Менделѣевъ, Н. Таблица для исчисленія пошлинъ крѣпостныхъ и съ имуществъ, перех. безмездн. способомъ. 91 г. 30 к.

Расчеты количества матеріаловъ и денегъ на постройку одежды, бѣлья, обуви и постельныхъ принадлежностей для арестантовъ и на обмундированіе тюремныхъ надзирателей. 91 г. 1 р.

Полькентъ, А. Баронъ. Сводъ разъясненій гражд. кассац. департ. по вопросамъ гражд. права губ. цар. Польск. 91 г. 1 р. 50 к.

Носовичъ Г. Самовольное пользованіе чужимъ имуществомъ. Сравнительно - догматич. изсѣдованіе, удостоенное Совѣтомъ Спб. университета золотой медали. 93 г. 75 к., въ колѣнк. перепл. 1 р.

Плискій Н. О клептоманіи (врожденной наклонности къ воровству). Изд. 2, дополн. и исправл. 93 г. 50 к. колѣнк. перепл. 70 к.

Реймеръ, Ю. В. Наставленіе о порядкѣ оплаты герб. сборомъ договоровъ о наймѣ квартиръ (съ разъясн. и дополн. до 91 г.). Изд. 2. 20 к.

Скобелъцичъ, А. Е. Устраняется ли изъ уголовного процесса, въ случаѣ оправдательнаго приговора, гражд. искъ по дѣламъ общихъ судеб. мѣстъ? 92 г. 50 к.

Торнау, Н. Баронъ. Особенности мусульманскаго права. 92 г. 1 р.

Харламовъ, В. А. Предварительное слѣдствіе по суд. уставамъ. Справочная настольная книга для суд. слѣд. и кандидатовъ, со всѣми позднѣйшими дополненіями и разъясн. и съ прилож. 185 образцовъ дѣлопр. бумагъ. 92 г. 3 р. въ перепл. 3 р. 50 к.

Хронологическій сборникъ рѣшеній Прав. Сената, съ подрабными указателями: по статейнымъ, по фамиліямъ и разрѣшен. вѣдомствъ (въ алфавит. порядкѣ). Вступительная часть каждаго рѣшенія сокращена, разсужденія же сената приведены дословно. Вышли изъ печати: Т. рѣшенія Общаго Собр. кассац. и Перваго съ кассац. департ. за 25 лѣтъ (66—91 гг.), сост. подъ редакціею члена Спб. Суд. Палаты А. К. Гаузера. 92 г. 3 р., въ шагр. пер. 5 р. 50 к. Т. II вып. 1. *Рѣшенія Гражд. касс. деп.* за 66 и 67 гг., сост. подъ ред. прис. пов. Л. М. Берлина. 92 г. 1 р. 50 к., въ колѣнк. перепл. 1 р. 80 к. О выходѣ въ свѣтъ послѣдующихъ выпусковъ будетъ своевременно опубликовано.

У КОММИСИОНЕРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФИИ

И. П. АНЦИСимова

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

Спеціальная продажа книгъ законовъ и другихъ изданій Кодификаціоннаго Отдѣла при Государственномъ Советѣ, узаконеній и распоряженій Правительства, и всѣхъ вообще изданій по русской юридической литературѣ.

Только что отпечатаны и поступили въ продажу:

Гражданская практика кассационнаго сената за 1885—1892 годы. С.пб. 1892 г. Ц. 3 руб. вѣс. за 5 фунтовъ.

× **Курсъ гражданского права** соч. К. Н. Побѣдоносцева, Часть первая (*Вотчинныя права*). Спб. 1892 г. Ц. 4 р.

Уставъ гражданского судопроизводства, сост. Л. Рошковский. К. 1892 г. Ц. 5 р.

Борзенко, А. Опекунская реформа, внѣшняя организація проектируемыхъ опекунскихъ учреждений. Спб. 1892 г. Ц. 35 к.

Бѣлогрицъ-Котляревскій, Л. Творческая сила обычая въ уголовномъ правѣ. Я. 1890 г. Ц. 25 к.

Горяиновъ, С. Уставы о воинской повинности (сводъ законовъ томъ IV кн. 1) дополненные всѣми позднѣйшими узаконеніями по 1 октября 1892 г. Ц. 5 р.

Евренновъ, А. Акцизные нарушенія въ алфавитномъ порядкѣ, съ приложеніемъ правилъ о взысканіяхъ и кассационныхъ разъясненій сената. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

⟨ **Исторія Русскаго права по лекціямъ П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго.** М. 1892 г. Ц. 3 р.

Левицкій, А. Правила о торговлѣ крѣпкими напитками. Изд. 2. Спб. 1893 г. Ц. 1 р 50 к.

Мордухай - Болтовскій, В. Межевые законы Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Оршанскій, И. Исслѣдованія по русскому праву. Спб. 1892 г. Ц. 3 р.

Столыпинъ, Д. Нѣсколько словъ о положительной философіи Конта. Классификація наукъ. М. 1892 г. Ц. 25 к.

Юридическій календарь на 1893 г. Острогорскаго. Ц. 1 р.

Книги пересылаются чрезъ почту и конторы транспортныя съ наложеннымъ платежомъ за стоимость ихъ съ пересылкою.

ВЫШЛА ПЕРВАЯ ЯНВАРЬСКАЯ КНИГА ЖУРНАЛА

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ.

Содержаніе: **Н. Пясковскій**. Пироговъ, какъ психологъ, философъ и богословъ.—**Д. Конисси**. Великая книга Конфуція.—**А. Козловъ**. Позитивизмъ Конта.—**П. Боборыкинъ**. Красота, жизнь и творчество.—**Л. Лопатинъ**. Больная искренность.—**Вл. Соловьевъ**. Смысль любви.—**Н. Гротъ**. Нравственные идеалы нашего времени.—**В. Чижевъ**. Конгрессъ криминальной антропологии.—**Н. Ланге**. Законъ перцепціи.—**П. Соколовъ**. О задачахъ и методахъ психологии.—**П. Астафьевъ**. Генезисъ нравственного идеала декадента.—**Кн. С. Трубецкой**. Къ вопросу о признакахъ сознанія.—Критика и библиографія.—Психологическое общество.—Полемика по вопросу объ индукціи **Н. Иванцева** и **Л. Лопатина**.

Подписка въ конторѣ журнала (Покровка, Мал. Успенскій пер., д. 8) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Годовая цѣна безъ доставки 6 руб., съ доставкой и пересылкой 6 руб. 50 коп., за границу 7 руб. 50 коп. Учащимся, сельскимъ учителямъ и священникамъ скидка въ 2 рубля.

Издатель **А. А. Абрикосовъ**.

Редакторъ **Н. Я. Гротъ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ.

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ“

Журналъ политическій, литературно-художественный и сатирическій съ карикатурами.
ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

Новая редакція дѣйствуетъ около полутора года, — и наши постоянные читатели имѣли возможность убѣдиться, въ какой степени она стремится усовершенствовать журналъ, давъ ему желательное направленіе. Для участія въ работѣ журнала привлечены всѣ лучшія силы, выдающіяся на литературномъ и художественномъ поприще, о чемъ, собственно, нѣтъ надобности говорить постояннымъ читателямъ, такъ какъ они хорошо ознакомлены съ *содержаніемъ и стремленіями* журнала и, какъ замѣтно для редакціи, не падали на внѣшній лоскъ.

Это мы говоримъ смѣло, такъ какъ наши усилія къ совершенствованію журнала поощрены не только неожиданнымъ успѣхомъ, увеличившимъ число подписчиковъ прежняго издателя — болѣе чѣмъ вътрое, но и массою сочувственныхъ писемъ, благодарящихъ за возвратъ къ *давно забытому типу сатирическихъ журналовъ*. Впрочемъ за это насъ кое-кто называетъ прямолинейными, — но мы гордимся такимъ прозвищемъ, ибо поклоняемся правдѣ и не привыкли ходить криволинейными путями, тѣмъ болѣе — скрывать свои недостатки.

Журналъ даетъ въ годъ пятьдесятъ номеровъ, въ которыхъ помѣщается болѣе восьмисотъ прекрасно исполненныхъ рисунковъ извѣстныхъ карикатуристовъ-художниковъ. Литературный же отдѣлъ вмѣщаетъ въ себѣ массу художественныхъ рассказовъ, сценъ, очерковъ, стихотвореній и всякаго рода сатирическихъ и юмористическихъ мелочей, трактующихъ злобы дня и дающихъ полную картину нравовъ современнаго общества и общественныхъ дѣлъ столицъ и провинціи.

Журналъ печатается въ собственной типографіи.

По примѣру прошлаго года, — въ наступающемъ году издательница нашла возможнымъ разслать всѣмъ годовымъ подписчикамъ ТРИ ПРЕМІИ, состоящія изъ *фотогравюръ* съ картинъ знаменитыхъ художниковъ, каждая въ размѣрѣ не менѣе прошлагоднихъ (около $\frac{14}{9}$ вершковъ):

Первая премія „МИНЬОНА“ (*картина Габріэля Макса*); вторая премія „ПРЕДЛОЖЕНІЕ“ (*картина де-Блааса*); третья премія „ВЕСНА ЛЮБВИ“ (*картина Кюта*).

Всѣ три преміи высылаются немедленно по подпискѣ.

Подписывающіеся съ разсрочкою получаютъ преміи по уплатѣ всей подписной суммы.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

На годъ	съ преміями 7 руб.; безъ премій 6 руб. „
„ полгода	„ 3 руб. „
„ три мѣсяца	1 руб. 50 коп.
„ одинъ мѣсяцъ	„ 50 коп.

Уплата подписныхъ денегъ марками не принимается.

ПОДПИСКА ПРИНМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ журнала: Москва, Тверская, Пасажъ Постникова, а кромѣ того — въ конторѣ Н. Печковской — (Петровскія линіи) и во всѣхъ библіотекахъ и книжныхъ магазинахъ столицъ и провинцій.

Иногородные адресуютъ: Москва, журналу „Развлеченіе“.

Въ типографіи **Матіаса Петерсона**, въ Либавѣ напечатана и издана
новая книга, озаглавленная:

УЧРЕЖДЕНІЕ

О КУРЛЯНДСКИХЪ КРЕСТЬЯНАХЪ 25 августа 1817 года.

со включеніемъ измѣненій и дополненій по 1892 годъ.

Составилъ и издалъ предсѣдатель Газенпотъ-Гробинскаго сѣзда
мировыхъ судей **А. А. Башмаковъ**.

Въ этой книгѣ содержится полный текстъ узаконеній, вышедшихъ въ 1817 г. подъ общимъ названіемъ **Учрежденія о курляндскихъ крестьянахъ** и состоящихъ изъ слѣдующихъ составныхъ частей:

- I. Высочайшаго указа Императора Александра I объ освобожденіи курляндскихъ крестьянъ 25 августа 1817 года.
- II. Общихъ постановленій сего учрежденія.
- III. Временныхъ постановленій о переходномъ состояніи и
- IV. Положенія о курляндскихъ крестьянахъ 1817 года.

Текстъ изданъ безъ всякихъ сокращеній, съ примѣчаніями и отмѣтками всего измѣненнаго, дополненнаго или отмѣненнаго и по сличеніи его съ полнымъ нѣмецкимъ текстомъ 1817 г. Вслѣдъ за тѣмъ приложены:

- 1) Хронологическій указатель всѣхъ законовъ о курляндскихъ крестьянахъ, вышедшихъ съ 1817 г. по 1 января 1892 г.
- 2) Дополнительный сборникъ изъ 42 важнѣйшихъ законовъ, отпечатанныхъ полнымъ текстомъ, согласно полному собранію законовъ; въ томъ числѣ сполна помѣщены: а) паспортный законъ 9 іюля 1863 г., б) аграрные законы 1863 и 1866 г., в) положеніе о волостномъ общественномъ управленіи 1866 г., г) правила благосостояніи 1866 г., д) правила 1869 г. объ устройствѣ казенныхъ селеній, е) школьный законъ 1875 г., ж) законъ о преобразованіи полиціи—и з) волостной судебный уставъ 1889 г.; наконецъ
- 3) Возможно полный сборникъ всѣхъ административныхъ правилъ, инструкцій и разъясненій, а равно судебныхъ опредѣленій; вышедшихъ по 1892 г. по тѣмъ же предметамъ.

Эта книга представляетъ изъ себя законченный сборникъ по всѣмъ отраслямъ крестьянскаго права не одной только Курляндской губерніи, вслѣдствіе чего этотъ сборникъ пригоденъ для практики всего Прибалтійскаго края. Въ немъ содержится свыше 600 стр. убористаго текста, съ приложеніемъ подробнаго **алфавитнаго указателя**, въ видѣ справочнаго словаря по всѣмъ указаннымъ предметамъ.

Цѣна этой книги 4 рубля. Складъ изданія у **М. Перерсона** въ гор. Либавѣ и въ книжномъ магазинѣ юридической литературы **Д. В. Чичинадзе** (Спб. Невскій просп. д. № 59). Лица непосредственно обращающіяся къ г. Петерсону за пересылку не платятъ.

ГОДЪ II.

ГОДЪ II.

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ.

Въ текущемъ 1892 году въ журналъ было, между прочимъ, помѣщено слѣдующее: по беллетристикѣ: Д. Мамина-Сибиряка: „Зимовье“, „Отъѣздъ“, „Шарлатанъ“, „Послѣдняя треба“, повѣсть И. Потапенки „Земля“, повѣсть А. Шеллера-Михайлова „Трудные годы“, разсказъ Е. Коваленской „Валетка“, „Въ чемъ же счастье?“ повѣсть Бѣлакина, „Чортово болото“, повѣсть Жоржъ-Зандъ, „Непонятная“, повѣсть Э. Оржешковой, „Вампирѣхъ“, романъ изъ врем. каменнаго вѣка—Рони. Разсказы Кипплинга. Въ приложеніи помѣщены 2 романа: „Сайласъ Марнеръ“ Джорджъ Эллиотъ и „Тьма и разсвѣтъ“, историческій романъ Фаррара. Изъ научно-популярныхъ статей: „Сократъ и его время“, историческій очеркъ Д. Сиповскаго. „Этнографическіе очерки“, проф. Ю. Петри. „О драмѣ“ Ив. Иванова, его же „Идеи и люди сороковыхъ годовъ“, „О Кольцовѣ“ В. Острогорскаго, „Въ поискахъ за истинной“, очеркъ по астрономіи Н. Рубакина, „Прошедшее и настоящее химіи“ проф. Гольдштейна. „Финляндія, страна и народъ“ Е. Водовозовой, „Растенія-животныя и животныя-растенія“ д-ра Пфуль, „Мильтонъ и Кромвель“ д-ра Штерна, „Зороастръ и его ученіе“ проф. Всев. Миллера.

Журналъ будетъ издаваться по прежней программѣ. Подписка принимается въ Петербургѣ, Лиговка, 25—8, и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Подписная цѣна безъ доставки 6 руб., съ доставкой и пересылкой въ Россіи 7 руб., за границу 10 руб.

Подписка на 1892 г., за израсходованиемъ всѣхъ экземпляровъ, прекращена.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ОБЩЕСТВО

ДЛЯ СОДѢЙСТВІЯ

РУССКОМУ ТОРГОВОМУ МОРЕХОДСТВУ

1. Въ ознаменованіе исполнившагося 28 октября 1891 года двадцатипятилѣтія бракосочетанія Государя Императора Александра Александровича и Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Императорскимъ Обществомъ для содѣйствія русскому торговому мореходству учреждаются, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 11-й день декабря 1892 года преміи Высочайшихъ Его Императорскаго Величества и Государыни Императрицы Именъ.

2. Преміи учреждаются для присужденія за сочиненіе на тему „о мѣрахъ для развитія русскаго торговаго флота, въ связи съ развитіемъ отечественнаго судостроенія при современномъ экономическомъ состояніи Россіи“.

3. Премій учреждается двѣ: первая—въ семьсотъ рублей (700 р.), вторая—въ триста рублей (300 р.).

4. Сочиненія, представленныя на соисканіе премій, должны быть написаны на русскомъ языкѣ и русскимъ подданнымъ.

5. Сочиненія должны быть доставлены въ Правленіе Императорскаго Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству (Москва, Шереметевскій переулокъ 2) не позже 1 января 1894 года, подъ особыми девизами съ присоединеніемъ въ наглухо заклеенномъ или запечатанномъ пакетѣ имени, отчества, фамиліи и мѣста жительства автора и удостовѣренія его русскаго подданства какимъ либо документомъ, по усмотрѣнію автора. Равнымъ образомъ рукописи могутъ быть представлены и съ обозначеніемъ имени автора.

6. Рукописи могутъ доставляться или съ посланнымъ по вышеозначенному адресу въ Правленіе, или почтою въ заказныхъ бандероляхъ, сопровождаемыхъ заказнымъ письмомъ, съ девизомъ автора.

7. Штемпель полученія на почтѣ или день выдачи росписки въ принятіи рукописи удостовѣряетъ своевременность представленія рукописей.

8. Къ соисканію допускаются и напечатанныя сочиненія на вышеозначенную тему, съ обозначеніемъ имени автора, или безъ обозначенія, подъ девизами.

9. Сочиненія не удовлетворяющія условіямъ, означеннымъ въ статьяхъ 5—8 этого положенія, отъ соисканія премій устраняются.

10. Присужденіе премій происходитъ въ чрезвычайномъ засѣданіи правленія 28 октября 1894 года съ участіемъ въ составѣ правленія назначенныхъ правительствомъ представителей отъ министерствъ: финансовъ, морскаго, путей сообщенія и государственныхъ имуществъ, причемъ прочитывается подробный обзоръ всѣхъ сочиненій, представленныхъ на соисканіе премій, съ указаніемъ соображеній, по коимъ представленные сочиненія будутъ признаны достойными присужденія преміи, или же неудовлетворительно разрѣшающими предложенную тему.

11. По выслушаніи доклада, правленіе закрытымъ голосованіемъ присуждаетъ первую премію въ 700 рублей автору, коего сочиненіе признано удовлетворительно разрѣшающимъ предложенный вопросъ; вторую премію такимъ же порядкомъ правленіе присуждаетъ автору сочиненія, признанному вторымъ по достоинству. Имена авторовъ по вскрытіи конвертовъ провозглашаются и записываются въ протоколъ засѣданія.

12. Если правленіе признаетъ, что два изъ представленныхъ на соисканіе премій сочиненія будутъ равно достойны присужденія первой преміи, въ такомъ случаѣ премія въ 700 рублей выдается обоимъ авторамъ въ половинномъ размѣрѣ каждому, т. е. по 350 рублей.

13. Въ случаѣ признанія сочиненій не вполне достойными присужденія первой или второй преміи, однако же болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшающими ту или другую часть заданнаго вопроса, авторамъ такихъ сочиненій первая и вторая

премія могутъ быть присуждены въ половинномъ размѣрѣ, т. е. первая премія въ размѣрѣ 350 рублей и вторая въ размѣрѣ 150 рублей.

14. Премированные вполнѣ или въ половинномъ размѣрѣ сочиненія поступаютъ въ собственномъ Императорскаго Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, которое имѣетъ право напечатать эти сочиненія или въ своихъ „Извѣстіяхъ“, или отдѣльною книжкою и притомъ въ цѣломъ видѣ, или въ извлеченіи, съ критическими замѣчаніями, или безъ нихъ.

15. Въ случаѣ напечатанія премированного сочиненія, безъ значительныхъ сокращеній, автору выдается бесплатно 50 экземпляровъ его произведенія.

16. Пакеты съ обозначеніемъ девизовъ авторовъ, которые не будутъ удостоены премій, уничтожаются въ томъ же засѣданіи правленія 28 октября 1894 года; самыя же рукописи возвращаются авторамъ по явкѣ ихъ въ правленіе, которому должна быть возвращена или росписка, выданная въ принятіи сочиненія на соисканіе премій, если сочиненіе было доставлено непосредственно правленію, или почтовая росписка въ принятіи заказной бандероли, если сочиненіе было доставлено почтою. Обратную пересылку по почтѣ рукописей правленіе на себя не принимаетъ.

17. Если присужденіе премій по какимъ либо причинамъ не состоится, то правленіе имѣетъ право вновь объявить конкурсъ на соисканіе тѣхъ же премій на вышеозначенную тему на условіяхъ вновь объявленныхъ, съ тѣмъ однако непремѣннымъ требованіемъ, чтобы премія эта была присуждена 28 октября, т. е. въ день бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

**ВНИМАНІЮ
ЗЕМСТВЪ И УЧРЕЖДЕНІЙ ПО
КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ**

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА:

I.

КРЕСТЬЯНСКОЕ МІРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, МІРСКІЕ КАПИТАЛЫ.

II.

ДЕНЕЖНЫЕ СБОРЫ И ВЗЫСКАНИЯ.

III.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ЗАПАСЫ.

СОСТАВИЛЪ

М. А. Скибинскій

Мировой посредникъ и. д. предводителя дворянства Каменецкаго
уѣзда Подольской губ.

Книга заключаетъ въ себѣ описаніе недостатковъ современнаго положенія перечисленныхъ выше отраслей общественнаго крестьянскаго самоуправленія,—нормальную инструкцію о способѣ подчиненія ихъ законному порядку и контролю,—формы для счетоводства и отчетности, описаніе простѣйшей системы двойнаго контроля сельскихъ старостъ, сборщиковъ податей и смотрителей хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ неграмотными плательщиками и начальствомъ, а также четыре образца раскрашенныхъ съ марками листовъ для контрольных книгъ, коими впервые достигается возможность производить періодическія и внезапныя ревизіи дѣятельности сельскихъ старостъ, сборщиковъ податей и смотрителей хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ по завѣдыванію ими общественнымъ денежнымъ хозяйствомъ, денежными сборами и продовольственными запасами.

Цѣна книги 1 руб. 70 коп. безъ пересылки.

Сброшюрованные образцы контрольных книгъ по 25 коп. экзemplарь.

Съ требованіями обращаться въ Каменецъ-Подольскъ, къ Михаилу Александровичу Скибинскому, безъ посредства комисіонеровъ.

Съ разрѣшенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, въ 1893 году при главномъ тюремномъ управленіи имѣетъ издаваться, подъ руководствомъ начальника управленія и подъ редакцію одного изъ инспекторовъ, ежемѣсячный журналъ

ТЮРЕМНЫЙ ВѢСТНИКЪ

по слѣдующей программѣ:

I. ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

- 1) Указанія и распоряженія по тюремной части.
- 2) Приказы Высочайшіе, по министерству и мѣстныхъ начальствъ о наградахъ, назначеніяхъ и перемѣщеніяхъ по тюремному вѣдомству и учрежденіямъ общества попечительнаго о тюрьмахъ.
- 3) Сообщенія о движеніи тюремнаго и ссыльнаго населенія, о ходѣ тюремныхъ построекъ, пересылкѣ арестантовъ, санитарномъ состояніи мѣстъ заключенія и о тюремныхъ работахъ, съ означеніемъ рода издѣлій и условій, на которыхъ они могутъ быть приобрѣтаемы.

II. НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи, и замѣтки практическаго характера, по вопросамъ тюремовѣдѣнія и организаціи ссылки, со включеніемъ отчетныхъ свѣдѣній по инспекціи мѣстъ заключенія.
- 2) Извѣстія и статьи объ исправительныхъ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ.
- 3) Извѣстія и статьи о пріютахъ для арестантскихъ дѣтей и учрежденіяхъ для призрѣнія семействъ ссыльныхъ.
- 4) Извѣстія и статьи объ обществахъ попеченія объ освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія.
- 5) Сообщенія о международныхъ тюремныхъ конгрессахъ, сѣздахъ и иныхъ собраніяхъ по пенитенціарнымъ вопросамъ.
- 6) Сообщенія изъ современной и прошлой тюремной практики (воспоминанія).
- 7) Очерки жизни и дѣятельности умершихъ отечественныхъ и иностранныхъ тюремныхъ дѣятелей.
- 8) Новости русской литературы по тюремовѣдѣнію.

III. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Подписка на **ТЮРЕМНЫЙ ВѢСТНИКЪ** принимается въ редакціи сего изданія, въ главномъ тюремномъ управленіи (С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра). Цѣна съ доставкою и пересылкою за 12 № 4 рубля.

ПРОТОКОЛЫ

Засѣданій уголовного отдѣленія юридическаго общества при с.-петербургскомъ университетѣ.

(24 марта 1890 года).

Предсѣдательствовалъ предсѣдатель отдѣленія В. К. Случевскій; обязанности секретаря исполнялъ Г. Б. Слюзбергъ.

Засѣданіе открыто въ 8^{1/2} час. вечера. Выразивъ отдѣленію благодарность за оказанное ему избраніемъ въ предсѣдателя довѣріе, предсѣдательствовавшій предложилъ приступить къ предметамъ программы занятій и, прежде всего, къ выборамъ товарища предсѣдателя и трехъ членовъ редакціоннаго комитета отдѣленія. Н. Д. Сергѣевскій указалъ на то, что выборы были сняты съ очереди предыдущаго засѣданія съ тою цѣлю, чтобы при выборѣ руководствоваться указаніемъ избраннаго тогда въ предсѣдатели В. К. Случевского, отсутствовавшаго въ тотъ разъ; поэтому было бы желательно предварительно выслушать заявленія, какія по этому поводу имѣетъ сдѣлать предсѣдатель.

Предсѣдатель съ своей стороны никакихъ заявленій по предмету избранія того или другаго лица въ товарищи предсѣдателя не сдѣлалъ.

Н. С. Таганцевъ напомнилъ о сдѣланномъ имъ въ предыдущемъ засѣданіи предложеніи объ избраніи въ товарищи предсѣдателя Н. Д. Сергѣевского. Къ этому предложенію присоединился и В. К. Случевскій и по баллотировкѣ большинствомъ 17 голосъ изъ 18 избраннымъ оказался Н. Д. Сергѣевскій.

Въ члены редакціоннаго комитета по баллотировкѣ оказались избранными:

А. Ѳ. Кони (большинствомъ 15 голосовъ), Н. С. Таганцевъ (большинствомъ 17 голосовъ) и Н. А. Неклюдовъ (большинствомъ 16 голосовъ).

Затѣмъ, по предложенію предсѣдателя, было приступлено къ продолженію преній по докладу П. Я. Александрова, начатыхъ въ предыдущемъ засѣданіи.

Н. Д. Сертневскій, въ качествѣ предсѣдательствовавшего въ предыдущемъ засѣданіи, указалъ на то, что пренія отложены въ виду возбужденнаго Н. М. Павлиновымъ вопроса о томъ, примѣняются ли положенія реферата П. Я. Александрова и къ тѣмъ случаямъ, когда разногласіе относится не до вопроса о карательномъ плюсь или до размѣра наказанія, а до квалификаціи дѣянія или же до рѣшенія частныхъ вопросовъ, при коихъ можетъ образоваться три мнѣнія. Н. М. Павлиновъ тогда полагалъ положенія доклада къ этимъ случаямъ непримѣнимыми. Обсужденіе этого вопроса за позднимъ временемъ и было отложено до настоящаго засѣданія. Эту постановку вопроса подтвердилъ и прибывшій позже Н. М. Павлиновъ.

П. Я. Александровъ разъяснилъ, что его положенія относятся до постановленія приговоровъ, а не до частныхъ опредѣленій и резолюцій; раздѣленіе голосовъ больше чѣмъ на два мнѣнія по этимъ послѣднимъ онъ себѣ едва представляетъ и полагаетъ, что такихъ случаевъ въ практикѣ вовсе не представляется. На указаніе Н. С. Таганцева о томъ, что три мнѣнія по частному вопросу также возможны, какъ напримѣръ, въ случаяхъ разрѣшенія вопроса о вызовѣ, по ходатайству стороны, свидѣтеля, причемъ возможны голоса за вызовъ судомъ, за предоставленіе вызова сторонѣ и, наконецъ, за устраненіе свидѣтеля, П. Я. Александровъ замѣтилъ, что въ этихъ случаяхъ судъ можетъ раздѣлить вопросъ на два самостоятельныхъ вопроса и голосовать **каждый** въ отдѣльности. Для устраненія однако разныхъ затрудненій дѣлесообразнѣе всего общая мѣра установленія нечетнаго числа судей. Что же касается различной квалификаціи дѣянія, то возможность трехъ квалификацій трудно себѣ представить; при раздѣленіи же голосовъ о квалификаціи на два мнѣнія, вопросъ о квалификаціи имѣетъ только теоретическое значеніе, такъ какъ и

тогда все дѣло въ большей или меньшей мѣрѣ, смотря по квалификаціи, наказанія.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ указалъ на случаи, когда вопросъ о квалификаціи не можетъ быть сведенъ къ вопросу о мѣрѣ наказанія, въ виду несоизмѣримости опредѣленныхъ за разныя дѣянія, подъ которыя можетъ быть подведено дѣяніе подсудимаго, наказаній; это возможно, напримѣръ, по проекту уложенія (заточеніе и тюремное заключеніе на разные сроки), особенно же по воинскому уставу, съ его системой особенныхъ наказаній; то или другое мѣсто, занимаемое данною карательною мѣрою въ лѣстницѣ наказаній, не можетъ служить критеріемъ большей или меньшей строгости самаго наказанія.

Н. С. Таганцевъ находилъ, что случаи несоизмѣримости наказаній потому не могутъ имѣть значенія при голосованіи, что первымъ приходится рѣшать вопросъ о преступленіи, какая изъ возможныхъ квалификацій болѣе строгая, безотносительно къ размѣру наказанія въ данномъ случаѣ, и только потомъ—вопросъ о наказаніи и его срокѣ. Оба эти вопроса могутъ быть разрѣшаемы согласно правиламъ П. Я. Александрова.

К. П. Змировъ указалъ на возможные и встрѣчающіеся въ практикѣ случаи тройкаго квалифицированія одного и того же фактическаго состава. Раздѣленіе голосовъ на три мнѣнія можетъ имѣть мѣсто, такимъ образомъ, и по вопросу о преступленіи, а не только о размѣрѣ наказанія. Въ этихъ случаяхъ цѣлесообразнѣе держаться правила 769 ст. уст. угол. суд.

Н. С. Таганцевъ замѣтилъ, что указанные г. Змировымъ случаи говорятъ въ пользу системы доклада П. Я. Александрова, такъ какъ при существующемъ порядкѣ возможны такія несообразности, что при раздѣленіи 5 голосовъ на три мнѣнія такъ, что 2 голоса будутъ за оправданіе, 2 голоса—за квалификацію болѣе тяжкую, и 1 голосъ—за виновность, при квалификаціи болѣе слабой, подсудимый будетъ оправданъ, если только одинъ изъ двухъ оправдательныхъ голосовъ принадлежитъ предсѣдательствующему, несмотря на то, что 3 судьи признаютъ виновность.

П. Я. Александровъ, по поводу указанныхъ г. Кузьминъ-Караваевымъ случаевъ несоизмѣримости наказаній, находилъ, что при неудовлетворительности нашего уложенія невозможно устранить всѣ могущія представиться затрудненія; такія затрудненія при голосованіи, даже и единогласномъ, относительно квалифи-

каціи дѣянiя, такъ какъ и за одно и то же преступленіе уложеніе иногда, кромѣ различiя въ мѣрѣ наказанiя, даетъ еще поводъ къ разногласiямъ относительно послѣдствiй осужденiя, предоставляя суду выбирать изъ трехъ возможностей.

Никакихъ замѣчанiй со стороны присутствовавшихъ г.г. членовъ болѣе не послѣдовало, почему пренiя объявлены председателемъ законченными и собранію предложено было высказаться относительно необходимости баллотировки затронутыхъ пренiями вопросовъ. Въ виду того, что въ настоящемъ засѣданiи большинство членовъ не присутствовало при докладѣ г. Александрова, рѣшено баллотировки не производить, и затѣмъ приступлено было къ третьему пункту программы, къ выслушанію сообщенiя Г. Б. Слiозберга: „*О классическомъ и позитивномъ направленiяхъ въ науку уголовнаго права*“.

Указавъ на шаткость основныхъ положенiй въ наукѣ уголовнаго права, Г. Б. Слiозбергъ исчислилъ главные моменты въ исторiи науки за послѣднее столѣтіе, начиная отъ Фейербаха, подожившаго начало новой доктринѣ. За это столѣтіе наукѣ пришлось пережить четыре крупныхъ кризиса: ревизію Фейербаха, новую ревизію Кестлина, теорію Биндинга (Normtheorie) и, наконецъ, кризисъ, переживаемый нынѣ и имѣющій началомъ своимъ антропологическую школу Ломброзо, Ферри и др. Послѣдній кризисъ казался самымъ опаснымъ для основныхъ началъ доктрины, выработанной въ теченiи столь долгаго времени; натуралисты-антропологи заявляютъ претензію изъятiя всей области уголовнаго права изъ вѣдѣнiя юристовъ. Въ настоящее время итальянская школа потеряла уже свое прежнее значеніе. Но она оставила глубокіе слѣды, выразившіеся въ противоположенiи классическаго и позитивнаго направленiя. Въ томъ видѣ, въ какомъ это противоположеніе теперь понимается, оно не имѣетъ характера исключашаго; позитивное направленіе не отрицаетъ всего того, что сдѣлано въ направленiи классическомъ; первое дополняетъ послѣднее; позитивное направленіе, въ связи съ тѣмъ, что выработано за долгiй періодъ развитiя доктриной, можетъ внести только ясность и опредѣленность въ научныя понятiя; привести къ тому, что явленiя жизни, которыя нынѣ не имѣютъ мѣста въ научной системѣ, это мѣсто найдутъ. Уголовное право не перестанетъ быть наукою юридическою и не сдѣлается конгломератомъ изслѣдованiй юридическихъ, біологическихъ и соціологическихъ, по-

добно тому какъ и не измѣнить своего метода изслѣдованія; позитивное направленіе должно сдѣлать это юридическое изслѣдованіе болѣе правильнымъ. Возможно, что исходныя точки его неправильны, но тогда необходимо войти въ обсужденіе ихъ, но не устранить ихъ изъ доктринъ по соображенію, что эти начала не подвѣдомы наукѣ права.

Новая доктрина (отъ Фейербаха), въ силу сложившихся обстоятельствъ, пошла по направленію, которое съ самаго начала заключало въ себѣ неправильности; результатомъ оказалось то классическое направленіе, которое представляется господствующимъ. Подъ классическимъ не слѣдуетъ однако разумѣть метафизическое, а то юридическое (позитивное, т. е. на положительномъ правѣ основанное), которое основнымъ понятіемъ въ наукѣ считаетъ понятіе наказанія за преступное дѣяніе, въ противоположность позитивному, полагающему, что наказаніе является одною изъ социальныхъ функцій борьбы противъ преступности, выражающейся въ преступномъ дѣяніи.

Необходимость обновленія уголовного права съ особенною силою стала чувствоваться во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Жестокость уголовной юстиціи не могла обуздываться началами, выработанными школою естественнаго права; въ нѣкоторыхъ теоріяхъ этой школы эта жестокость могла найти себѣ только оправданіе. Такова теорія Hobbes'a, построенная на началѣ согласія; преступникъ напередъ соглашается претерпѣть опредѣленное въ законахъ наказаніе. Борьбу противъ уголовной юстиціи того времени предприняли не криминалисты, а философы, представители гуманитарнаго движенія, энциклопедисты. Книга Беккариа — „*Trattato dei delitti e delle pene*“ (1764) написана подъ вліяніемъ энциклопедистовъ (Helvetius) и инспирирована была изъ Парижа, гдѣ въ то время общественное мнѣніе возбуждено было процессами Calas'a, Sirven'a De la Varge'a и др., вслѣдствіе агитаціи, во главѣ которой стоялъ Вольтеръ. Книга имѣла громаднѣйшій успѣхъ и оказала большую услугу реформѣ; но сильна она была не научными принципами, а тою горячею пропагандою гуманности, которою проникнута книга Беккариа. Научный же принципъ, положенный въ основаніе своихъ разсужденій Беккариемъ, былъ весьма слабъ и неоригиналенъ. Стоя за договорную теорію, онъ находилъ, что наказаніе должно быть противовѣсомъ стремленію совершить преступленіе. Уже въ его теоріи сквозятъ мысли, положенныя впослед-

ствіи въ основаніе послѣдовательно проведенной теоріи Фейербаха.

Беккарія пропагандировалъ не столько за преступниковъ, или за осужденныхъ, сколько за подозрѣваемыхъ въ совершеніи преступленій. Договорная теорія не могла дать опоры для реформы самихъ карательныхъ приѣмовъ по отношенію къ осужденнымъ. Большое значеніе имѣеть, поэтому, тотъ случайный, повидимому, фактъ, что почти одновременно съ появленіемъ книги Беккарія появилась книга Howard'a—„The state of the prisons“, въ которой великій филантропъ во имя гуманности взывалъ о болѣе человѣчномъ обращеніи съ преступниками. Это совпаденіе указываетъ на то, что въ современной доктринѣ не было принципа, который могъ бы логически привести къ необходимости смягченія юстиціи, упорядоченія ея. Вотъ почему теорія возмездія, такъ сильно обоснованная Кантомъ, имѣла такой громадный успѣхъ и значеніе. Категорическій императивъ и *jus talionis*—не давали мягкой справедливости, но все же справедливость. Теорія возмездія можетъ принимать въ расчетъ только содѣянное зло; ни зло, могущее произойти, ни зло, раньше проявленное, въ счетъ идти не можетъ. Цѣлей достиженія блага путемъ наказанія достигать нельзя, ибо человѣкъ не долженъ служить средствомъ. Хотя впоследствии, и уже Фейербахомъ, теорія возмездія отрицалась, но влияніе ея сказалось въ томъ, что наказаніе понималось какъ эквивалентъ преступленія. И относительныя теоріи до Фейербаха, въ сущности, сводились къ тому, что не наказаніемъ (осуществленіемъ его), а однимъ назначеніемъ его, угрозою—достигаются извѣстныя цѣли; примѣненіе наказанія представлялось уже послѣдствіемъ существованія закона, движеніемъ по инерціи. Если бы имѣлась въ виду цѣль самаго наказанія, а не уголовного закона, то необходимо было бы придти къ сознанію того, что наказаніе, хотя за преступленіе, примѣняется къ преступнику. Понятіе преступленія до Фейербаха не было выработано. Первый ясно поставилъ вопросъ о понятіи преступленія—Фейербахъ. Съ самаго начала онъ въ кладетъ основу своихъ построеній понятіе *Rechtsverletzung*—правонарушеніе. Правонарушенія должны быть предупреждаемы государствомъ путемъ психологическаго принужденія (*vis compulsiva*). Цѣли достигаются и по теоріи Фейербаха однимъ начертаніемъ уголовного закона, а не примѣненіемъ наказанія. Намѣчая себѣ цѣль и способы ея достиженія законодатель, конечно,

не можетъ имѣть въ виду личность преступника; онъ предупреждаетъ правонарушѣніе и за правонарушѣніе назначаетъ наказаніе, соизмѣряя его съ тою *laesio*, которая является послѣдствіемъ преступленія. Потому то и не должны имѣть мѣсто относительно неопредѣленныя санкціи. Преступленіе по Фейербаху есть, такимъ образомъ, нарушеніе чужаго права. Это понятіе преступленія и его отношеніе къ понятію наказанія и есть характерная особенность классическаго направленія. Послѣ Фейербаха дѣлалось много попытокъ обосновать, выяснить понятіе наказанія, но понятіе преступленія осталось мало измѣненнымъ. Образовалась пропасть между ученіемъ о наказаніи и ученіемъ о преступленіи. Преступное дѣяніе изъ *novoda* къ примѣненію карательной дѣятельности сдѣлалось ея объектомъ.

По существу, понятіе преступленія въ конструкціи Фейербаха неправильно. Всѣхъ искусственныхъ изобрѣтеній чужихъ правъ, которыя являются нарушенными черезъ преступное дѣяніе, оказалось недостаточно для того, чтобы объяснить наказуемость разнообразныхъ дѣяній, если даже и отдѣлить полицейскія нарушенія. Дѣяніе, представляющее собою покушеніе,—никакого права не нарушаетъ; нельзя же согласиться, что существуетъ особое, Фейербахомъ созданное, право на непоставленіе въ опасность права. Не могли оказаться правильными и другія попытки конструкціи преступленія, исчерпывающагося понятіемъ дѣянія. Стоитъ указать на новѣйшую попытку Листа (Гарейсъ и др.) конструировать понятіе преступленія какъ нарушенія правоваго блага, или правомъ охраненнаго интереса. По своей неопредѣленности—это понятіе вообще не можетъ лечь въ основаніе научнаго построенія.

Новѣйшею и самою сильною попыткой—была попытка Биндинга; его теорія уже потому занимаетъ особое мѣсто, что она послѣдовательно проведена и имѣетъ дѣйствительно большое практическое значеніе. Всякое преступное дѣяніе предполагаетъ нарушеніе нормы, внѣ уголовного права существующей; нарушеніе нормъ—делѣтъ, становится преступленіемъ, если за это нарушеніе закономъ опредѣлено наказаніе. Теорія Биндинга пополнена отчасти въ русской литературѣ Н. С. Таганцевымъ; преступленіе не есть нарушеніе или отступленіе отъ нормы въ абстракціи, а нормы—въ ея реальномъ бытіи; преступленіе есть нарушеніе того, что по нормѣ въ данномъ конкретномъ случаѣ быть должно.

Но преступленіе не исчерпывается однимъ нарушеніемъ нормы, какъ не исчерпывается оно нарушеніемъ права. Вообще нѣтъ ничего ошибочнѣе полагать, что одно только дѣяніе, въ смыслѣ дѣйствія и послѣдствія, принимается во вниманіе законодателямъ, устанавливающимъ наказаніе за преступленіе. И если преступленіе есть то, что влечетъ наказаніе, то элементами преступления будутъ кромѣ дѣянія (внѣшнее и внутреннее понятіе), еще что то и это нѣчто и есть именно то, что, присоединяясь къ нарушенію нормы, къ нарушенію права и т. д., получаетъ такое значеніе въ глазахъ законодателя, что онъ полагаетъ необходимымъ облагать это наказаніемъ. Одно и то же дѣяніе, смотря по обстановкѣ, получаетъ различное значеніе съ точки зрѣнія наказуемости. Образы и способы дѣйствія, рецидивъ, возрастъ дѣятеля, совокупность преступленій—все это необъяснимо въ своемъ вліяніи на наказуемость съ точки зрѣнія классическаго направленія, исходящаго изъ понятія преступнаго дѣянія. Нельзя объяснить съ этой точки зрѣнія и относительно опредѣленныя санкціи. Изъ системъ классическаго направленія выходитъ и вся карательная дѣятельность государства въ ея проявленіи; съ точки зрѣнія преступнаго дѣянія невозможно обосновать начала, выработанныя пенитенціарною практикой. Наконецъ, жизнь порождаетъ новые институты, которые никакъ не могутъ быть обоснованы въ классическомъ направленіи. Таковы—условное освобожденіе, условное осужденіе (бельгійскій законъ 1888 г.), институтъ публичной опеки надъ преступникомъ и т. д.

Обратное классическому движеніе проявилось съ появленіемъ книги Ломброзо *De l'uomo delinquente*. Уже въ одномъ заглавіи этой книги выразился протестъ противъ классическаго направленія. Предметомъ изученія антропологическая школа беретъ человека, преступника. Первоначальныя притязанія новой „итальянской школы“ были чрезвычайны; имѣя предъ глазами преступника, она забыла о преступномъ дѣяніи. Въ такомъ объемѣ притязанія школы не оставались долго, они вскорѣ были видоизмѣнены. Видоизмѣнилась и основная точка зрѣнія; на ряду съ антропологическимъ направленіемъ выработалось новое — социологическое (Листъ, *Prinz*, Van-Namnel). Преступленіе—явленіе, прежде всего, социальное; наказаніе—соціальная функція, одна изъ мѣръ охраны правопорядка. Рациональная организація борьбы съ преступленіемъ предполагаетъ знакомство съ преступникомъ; изученіе послѣд-

ного должно быть объектомъ доктрины уголовного права. Но и соціологическое направленіе не дало твердой почвы; оно внесло ясность въ ученіе о наказаніи, но не дало почвы для ученія о преступленіи. Дальнѣйшій шагъ сдѣланъ былъ въ нашей литературѣ И. Я. Фойницкимъ. Онъ прямо полагаетъ, что наука уголовного права имѣетъ своимъ объектомъ преступность, въ ея условіяхъ, проявленіяхъ и послѣдствіяхъ. Преступленіе—есть результатъ различныхъ взаимодействующихъ причинъ—космическихъ, соціальныхъ и индивидуальныхъ. Если наказаніе—борьба противъ преступности, то должно бороться противъ причинъ ея; но ни противъ космическихъ, ни противъ соціальныхъ причинъ наказаніе бороться не можетъ; наказаніе направлено противъ причинъ или условій индивидуальныхъ, коренищихся въ данной личности. Объектъ наказанія—индивидуальныя условія преступности. Преступное дѣяніе—выраженіе преступности и постольку оно подлежитъ наказанію, т. е. обусловливаетъ воздѣйствіе на личность преступника, съ цѣлью устрашенія или улучшенія, или огражденія отъ него правопорядка. Въ понятіи объекта наказанія и дано то связующее звено, которое должно связать преступленіе и наказаніе. Преступленіе есть то, что представляетъ собою объектъ для карательной дѣятельности, т. е. всякое проявленіе преступнаго состоянія лица во внѣ, въ дѣйствіи. Законъ точно обозначаетъ признаки этого состоянія и въ опредѣляемой имъ мѣрѣ наказанія указываетъ на форму и объемъ воздѣйствія на личность преступника.

Преступное дѣяніе, такимъ образомъ, есть только внѣшнее проявленіе того, что наказуется, а не самый объектъ наказанія. Если бы нужно было дать конструкцію понятія преступленія, то ее можно было бы формулировать въ томъ видѣ, что преступленіемъ называется всякое дѣяніе, въ которомъ законодатель видитъ проявленіе особаго состоянія лица, опаснаго для обществѣ, и которое онъ считаетъ поводомъ къ принятію мѣръ воздѣйствія на это лицо.

Ученіе о преступномъ дѣяніи, выработанное классическимъ направленіемъ, нисколько не устраняется принятіемъ такой конструкціи. Но помимо преступнаго дѣянія вносится еще нѣчто—преступникъ, его личность. Только на такомъ понятіи преступленія построенная система можетъ дать отвѣтъ на всѣ вопросы, которые ставятся положительнымъ правомъ и вырабатываются жизнью.

Засѣданіе закрыто въ 11½ час. вечера.

(14 апреля 1890 г.).

Засѣданіе открыто въ 8 часовъ вечера. Предсѣдательствовалъ предсѣдатель отдѣленія В. К. Случевскій. Предметъ занятій: 1) бесѣда по предмету сообщенія дѣйствительнаго члена Г. Б. Слюзберга „О классическомъ и позитивномъ направленіяхъ въ наукѣ уголовного права“ и 2) сообщеніе дѣйствительнаго члена И. Я. Фойницкаго „О международномъ союзѣ криминалистовъ“.

По соглашенію съ отдѣленіемъ г. предсѣдатель предложилъ приступить къ первой части занятій и предоставилъ слово дѣйствительному члену Н. С. Таганцеву.

Н. С. Таганцевъ началъ указаніемъ на то, что сообщеніе Г. Б. Слюзберга затрогиваетъ одинъ изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ въ наукѣ уголовного права и, потому, можно пожалѣть, что въ прошломъ засѣданіи собралось мало членовъ уголовного отдѣленія. Дѣло идетъ о борьбѣ между многочисленными представителями классической школы, начиная съ творца ея—Фейербаха и кончая новѣйшими криминалистами Биндингомъ и даже Листомъ—съ одной стороны и небольшою кучкою позитивистовъ, считающихъ своимъ родоначальникомъ Ломброзо—съ другой; несмотря на малочисленность реформаторовъ, побѣда, какъ говорятъ, осталась за нею. Правда, дѣлаютъ уступку, утверждаютъ, что и изъ работъ классической школы по уголовному праву можетъ быть кое что взято для новой науки. Классическая школа, говорятъ, начиная съ Фейербаха, выставила и защищаетъ совершенно невѣрное положеніе, что объектомъ наказанія является преступное дѣяніе (какъ правонарушеніе—у Фейербаха, какъ нарушеніе нормы—у Биндинга, какъ нарушеніе интереса—у Листа); новая школа полагаетъ, что объектомъ наказанія долженъ быть признанъ *преступникъ*, или, какъ говорятъ другіе ея представители—„личное состояніе преступности“. Упрекъ, дѣлаемый классической школѣ, сводится къ тому, что она въ своемъ изученіи уголовного права просмотрѣла какъ разъ того, кого подвергали пыткамъ, кого вѣшали кто гибнулъ въ тюрьмахъ, въ каторгѣ—проглядѣла преступника. Только основными положеніями позитивнаго направленія, говорятъ, могутъ быть объяснены многіе важнѣйшіе институты права, какъ напримѣръ, давность, необъяснимая съ точки зрѣнія классической—получаетъ полный смыслъ съ точки зрѣнія позитивной теоріи; совокупность и повтореніе, требующія настойчивой борьбы съ ними,

получаютъ свое объясненіе въ теоріи личнаго состоянія преступности, какъ борьба противъ преступниковъ по привычкѣ и несправимыхъ; наконецъ, указываютъ на институтъ досрочнаго освобожденія, условныхъ приговоровъ. Н. С. Таганцевъ прежде всего полагаетъ, что наименованія обѣихъ школъ могутъ вызвать недоразумѣнія; позитивною—новую школу, созданную Ломброзо, какъ полагаетъ онъ, никоимъ образомъ назвать нельзя; съ другой стороны, нельзя отказать въ позитивности методу той школы, которую именуютъ классическою; кромѣ того, подъ послѣднее названіе подводятся при этомъ совершенно различныя направленія, различающіяся не только въ частностяхъ, но и въ основныхъ взглядахъ на содержаніе уголовного права, на задачи карательной дѣятельности и даже на самые методы изслѣдованія. Не вполне точно, по мнѣнію Н. С. Таганцева, замѣчаніе референта о томъ, будто бы многіе весьма важные вопросы права и судопроизводства получаютъ разрѣшеніе только по началамъ позитивной школы. Давность, несправимые (еще въ двинской грамотѣ, въ судебникахъ, мы встрѣчаемъ понятіе о „вѣдомыхъ лихихъ людяхъ“) — все это занимало и старыхъ и новыхъ писателей классической школы (Hélie, Kósáin, Voppeville Marsangu, Bauer и друг.). Институтъ досрочнаго освобожденія возникъ задолго до Ломброзо, въ англійской и ирландской системахъ; еще въ 60 годахъ за него горячо ратовалъ Гольцендорфъ, Брюггенъ; у насъ онъ введенъ еще Сперанскимъ въ уст. о ссыльн. 1822 года. Условные приговоры, получившіе свое разрѣшеніе на контингентъ такъ еще недавно—въ 1888 г. въ Бельгіи, формулированы англійскимъ законодательствомъ еще въ 1861 г. Что касается существа самаго упрека, дѣлаемаго классической школѣ, въ томъ, что она забывала о преступникѣ, то Н. С. Таганцевъ признаетъ его совершенно незаслуженнымъ, въ подтвержденіе чего сдѣлалъ указанія на нѣкоторыхъ писателей: Фейербаха (Lehrbuch § 73), который вездѣ говоритъ о субъективныхъ основаніяхъ наказанія, Гельшнера, современнаго представителя гегелевской философіи, который въ ученіи о преступленіяхъ (Gem. d. Strafr. § 503—558) даетъ подробный анализъ субъективной вины; наконецъ, Биндинга, который прямо говоритъ о Sträfling (Grundriss § 63) какъ объектъ наказанія; стоитъ припомнить о теоріяхъ спеціального предупрежденія преступленій (Special Pvevention)—Grollmann'a, затѣмъ теоріи Krause, Ahrens'a, Röder'a и друг. Классическая школа всегда признавала, что объектомъ наказанія являет-

ся преступное дѣяніе, учиненное виновнымъ человѣкомъ, и свойства его вины, вмѣстѣ съ отражающеюся въ его винѣ личностью, являлись въ ученіяхъ классической школы элементами, опредѣляющими наказуемость.

Затѣмъ Н. С. Таганцевъ перешелъ къ критикѣ понятія преступника, *Uomo delinquente*, какимъ онъ представляется въ школѣ Ломброзо. Преступникъ для послѣдняго—понятіе естественно-историческое; онъ старался отыскать признаки его, создалъ типъ преступнаго человѣка вообще, разныхъ видовъ преступности—въ частности. Преступникъ сдается въ вѣдѣніе психіатровъ; законодательство уголовное, кодексы, юристы, упраздняются; не ниспровергается однако наказаніе, оно одно сохраняетъ свое значеніе: какъ мѣра обезпеченія, притомъ, въ объемѣ, по суровости, далеко превышающую современную дѣйствительность; первое мѣсто между карательными мѣрами занимаетъ удаленіе или истребленіе преступно-организованнаго человѣка.

Несостоятельность этого построенія очевидна. Въ ряды *delinquenti pati* нельзя зачислить всю массу ежегодно фигурирующихъ въ группѣ подсудимыхъ; рядомъ съ этими преступниками должны были быть признанными и такіе, которые, не принадлежа къ типу преступнаго человѣка, являются преступниками по учиненіи ими преступнаго дѣянія. И вотъ, въ замѣну или въ дополненіе ученія Ломброзо, явилось ученіе о личномъ состояніи преступности, какъ объектѣ наказанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ и о предметѣ изученія уголовного права. Н. С. Таганцевъ полагаетъ, что понятіе „личнаго состоянія преступности“ мало точно и мало понятно. По опредѣленію И. Я. Фойницкаго, личное состояніе преступности представляется, какъ полагаетъ Н. С. Таганцевъ, суммой личныхъ факторовъ, опредѣляющихъ возникновеніе преступленій. Эти факторы весьма разнообразны, въ нихъ заключаются элементы какъ физической, такъ и нравственной и умственной природы и ихъ невозможно сдѣлать,—ни въ совокупности, ни въ отдѣльности,—предметомъ изученія науки уголовного права, невозможно и признать ихъ объектомъ наказанія. По этому возрѣнію подлежащимъ наказанію слѣдовало бы считать человѣка, проявившаго состояніе преступности, но еще до совершенія имъ преступнаго дѣянія. Дѣло наказанія пришлось бы поручить сердцевѣдамъ, которые могли бы разгадывать не только то, что человѣкъ совершилъ, но и то, что онъ совершить можетъ и способенъ. Между

тѣмъ самъ И. Я. Фойницкій признаетъ необходимымъ имѣть въ виду объективный моментъ совершеннаго правонарушенія. Приводя слова И. Я. Фойницкаго, въ предисловіи къ книгѣ его „Ученіе о наказаніи“, которыя, по мнѣнію Н. С. Таганцева, обнаруживаютъ и въ ученіи И. Я. Фойницкаго элементы ученія классической школы, Н. С. Таганцевъ полагаетъ, что первое является лишь модификаціей послѣдняго, подходитъ подъ теорію спеціальнаго предупрежденія.

Классическая школа видитъ въ положеніи, ею утвержденномъ и общепринятомъ, а именно, что объектомъ наказанія является только человекъ, учинившій преступное дѣяніе и караемый за такое дѣяніе, гарантію для этого человека, котораго она видитъ какъ въ подсудимомъ, вырабатывая для него формы процесса, такъ и въ осужденномъ, стремясь къ гуманизированію наказаній.

Въ заключеніе Н. С. Таганцевъ указалъ на то, что современная, такъ называемая классическая школа уже отказалась отъ того метафизическаго метода, который, не зная жизни, созерцаетъ абсолютную идею въ небѣ понятій (Begriffshimmel), не заботясь о дѣйствительности, о реальности. Современная школа считается съ тѣмъ матеріаломъ, который представляетъ ей жизнь; она—позитивная школа въ этомъ смыслѣ. Въ видѣ поясненія Н. С. Таганцевъ указалъ на то, что теорія законмѣрности человеческой дѣятельности, положенная имъ въ основаніе своихъ работъ (Повтореніе преступленій. Курсъ I, № 34), казалась въ началѣ какою то ересью и лишь въ послѣднее время получила широкое примѣненіе; согласно ей человеческая дѣятельность изучается, изучаются и условія, въ которыхъ она проявляется. Вліяніе ея на уголовное право доказано работами Миттермайера о смертной казни, работами Wahlberg'a. Несомнѣнно, что на доктринѣ уголовного права отразится и результатъ изслѣдованій антропологическихъ; можно указать на ту область, гдѣ изысканія эти окажутся благотворными—ученіе о мѣрѣ и условіяхъ наказуемости, ученіе о типахъ тюремнаго заключенія и т. д.

А. О. Кони высказалъ, что нельзя не приветствовать появленіе такого рѣзкаго противоположенія прежняго и новаго теченія въ наукѣ уголовного права. Новыя начала въ настоящее время начинаютъ проникать въ жизнь, примѣняться къ практикѣ; идеи новыя популяризируются даже путемъ литературныхъ произведеній. И понятно, почему антропологическія явленія чрезвычайно заман-

чивы для пытливаго ума. Но приходится рѣшить вопросъ, представляетъ ли то, что антропологическая школа полагаетъ „преступнымъ типомъ“ нѣчто новое, или это только дальнѣйшій шагъ къ многостороннему развитію тѣхъ началъ вмѣняемости и тѣхъ основаній для сужденія о мотивахъ и условіяхъ къ содѣянію преступленія и обстоятельствахъ смягчающихъ вину, которыя никогда не были чужды и классической школѣ уголовного права. А. Э. Кони полагаетъ, что послѣднее справедливо; дѣло идетъ, такимъ образомъ, не о реформѣ, не о новомъ зданіи на развалинахъ метафизической работы классиковъ, а только о дальнѣйшемъ, согласномъ съ выводами современной науки, развитіи права. И старые криминалисты имѣли въ виду человѣка, заботились о смягченіи наказаній; но съ теченіемъ времени личность обращаетъ на себя все большее вниманіе; вмѣсто прежняго нумера дѣла появляется живой человѣкъ, слышится его живой голосъ. Самъ ораторъ, въ своей судебной дѣятельности, всегда указывалъ на человѣка, какъ на одно изъ обстоятельствъ дѣла (Судебныя рѣчи); необходима оцѣнка мотивовъ,—это всегда дѣлалось. Представители положительной науки иногда доходятъ однако до крайнихъ предѣловъ, противъ которыхъ протестуетъ не только логика жизни, но и требованія нравственности.

Положительная работа начинается еще съ Пинеля и Esquirol'a которые первые установили понятіе *mania sine delirio*; ученіе о *mania*, какъ болѣзни интеллекта и ея разновидностяхъ быстро развилось и дало въ результатъ ученіе о „нейрастеніи“, охватывающей множество случаевъ проявленія *слабости воли* и доведенной нѣкоторыми психіатрами—Бирдомъ—до установленія немислимыхъ проявленій невмѣняемости (*folie du doute, belonofobia* и т. д.). *Болѣзни характера* вызвали сначала ученіе англійскихъ врачей о *moral insanity*, а потомъ о психопатіи, понятіе о которой до того расширено самими психіатрами, что теперь замѣтно уже стремленіе вдвинуть ее въ русло опредѣленныхъ душевныхъ болѣзней. Ученіе о наслѣдственности, существующей несомнѣнно, но лишь въ качествѣ одного изъ многихъ факторовъ преступной дѣятельности, создало понятіе атавизма, въ силу котораго современное общество, по мнѣнію итальянскихъ криминалистовъ атропологовъ, заключаетъ въ себѣ огромное число (до 40% обвиняемыхъ) одичалыхъ, обладающихъ признаками, свойственными ихъ прародителямъ первобытной эпохи.

По мнѣнію Ломброзо, Гарафало и друг. съ этими одичалыми слѣдуетъ бороться какъ со вредными звѣрями, какъ съ бактеріями въ общественномъ организмѣ: долженъ быть установленъ судъ врачей-спеціалистовъ, безъ защиты, безъ гласности, безъ права обжалованія и помилованія, судъ, который разсматривалъ бы преступное дѣяніе какъ поводъ для опредѣленія опасности преступника по его физическимъ признакамъ, подходящимъ подъ тотъ или другой типъ. Установивъ совершенно произвольно, по совокупности далеко не точно изслѣдованныхъ, признаковъ типъ чело-вѣка-звѣря, антропологи-криминалисты подвели подъ него въ отношеніи карательной дѣятельности государства и прочихъ преступниковъ.

Въ этомъ ученіи, полагаетъ А. Θ. Кони, надо брать цѣнныя практическія открытія; но юристы, во имя нравственныхъ идеаловъ государства и человѣческаго достоинства, должны вооружиться противъ выводовъ и даже противъ основныхъ положеній этого ученія, низводящихъ отправленіе правосудія къ какой то охотѣ на чело-вѣка съ примѣненіемъ антропометріи. Ученіе итальянскихъ криминалистовъ очень заманчиво своими заманчивыми подробностями, но оно полно поспѣшныхъ выводовъ, и наука права обязана строго профильтровать его, тѣмъ болѣе, что популяризація этого ученія путемъ образовъ, картинъ, художественныхъ произведеній (*La Bête humaine*, Золя) оставляетъ тягостное и, быть можетъ, для нѣкоторыхъ вредное даже впечатлѣніе.

Тѣ, кто имѣлъ дѣйствительное дѣло съ преступниками, знаютъ, заключилъ А. Θ. Кони свои замѣчанія, что духовная сторона играетъ не меньшую роль въ преступномъ дѣлѣ, чѣмъ физическая, и что она освѣщаетъ его внутреннимъ свѣтомъ, который доступенъ изслѣдованію внимательнаго наблюдателя.

И. Я. Фойницкій полагалъ, что возраженія, которыя дѣлались какъ И. С. Таганцевымъ, такъ и А. Θ. Кони относятся исключительно къ итальянской школѣ, между тѣмъ какъ въ рефератѣ Г. Б. Сліозберга, кромѣ изложенія борьбы классическаго направленія съ позитивнымъ, въ смыслѣ итальянской школы, есть другая часть, занявшая добрую половину его и весьма существенная, это—попытка построить ученіе о предметѣ наказанія, которымъ, согласно Г. Б. Сліозбергу, слѣдуетъ считать именно личное состояніе преступности, а не преступное дѣяніе. Здѣсь Г. Б. Сліозбергъ принимаетъ положенія его, И. Я. Фойницкаго, хотя не совсѣмъ

точно относитъ ихъ къ антропологической школѣ. Вообще сочиненіе И. Я. Фойницкаго „Ученіе о наказаніи“ вызвало много лестныхъ для него отзывовъ и нѣкоторые изъ нихъ стремились указать источникъ, изъ котораго взяты высказанныя въ немъ положенія. Юридическій Вѣстникъ видитъ источникъ предложеннаго имъ ученія о законности преступленій у Н. С. Таганцева, какъ его учителя, между тѣмъ Н. С. Таганцевъ не былъ его учителемъ и именно по вопросу о законности И. Я. Фойницкій имѣлъ случай указать, въ одной изъ своихъ рецензій, на смѣшеніе имъ понятій законности. Также неправильно сводить теорію И. Я. Фойницкаго къ теоріи Листа, какъ поступилъ рецензентъ Юридической лѣтописи; на глубокое различіе ихъ указано въ сообщеніи Г. Б. Сліозберга, но и Г. Б. Сліозбергъ не вѣрно относитъ его положеніе о состояніи преступности къ Ломброзо; сочиненіе послѣдняго вышло въ 1876 г., положенія же И. Я. Фойницкаго—въ 1873 г.; между ними и положеніями Ломброзо огромная разница и о послѣднихъ И. Я. Фойницкій имѣлъ случай въ печати не разъ высказаться отрицательно. Конечно, положенія И. Я. Фойницкаго стоятъ въ исторической преемственности съ мыслями, ранѣе высказывавшимися, но корни ихъ слѣдуетъ искать не у того или другаго автора, а въ общемъ прогрессѣ идей. Распатавъ вѣру въ абсолютную свободу воли, естествознаніе и моральная статистика вынудили къ измѣненію старой доктрины виновности. Ближайшее изученіе тюремнаго вопроса убѣдило И. Я. Фойницкаго, что какъ скоро приговоръ постановленъ, дѣяніе осужденнаго уходитъ въ тѣнь, личность его выступаетъ снова на первый планъ; но нельзя разрывать сужденія отъ примѣненія наказанія: послѣднее есть лишь осуществленіе перваго. Такимъ образомъ корни положеній о личномъ состояніи преступности нужно искать въ моральной статистикѣ и у пенитенціаристовъ, а отнюдь не у Ломброзо. Обратившись затѣмъ къ возраженіямъ Н. С. Таганцева, по содержанію ихъ, И. Я. Фойницкій указалъ, что въ томъ, что уже въ прежнее время и законодательства, напр. двинская грамота, судебники, соборное уложеніе и писатели, придавали огромное значеніе личности преступника,—правильнѣе видѣть доводъ въ пользу, а не противъ теоріи личнаго состоянія преступности. Пока законодательство руководилось народнымъ юридическимъ чутьемъ, отъ него не могло укрыться, что наказывался человѣкъ, а не его дѣяніе.

Только тогда, когда разработка права начала сосредоточиваться въ кабинетахъ, утратилось пониманіе этой простой вещи и понадобилась отвлеченная абстракція для удобства техническаго, и такою абстракціей стало преступное дѣяніе какъ предметъ карательной дѣятельности. На самомъ же дѣлѣ путемъ этой абстракціи нельзя объяснить многихъ институтовъ, которые принимаются уголовнымъ правомъ и которые могутъ быть объяснены только тогда, если мы будемъ твердо помнить, что наказывается человекъ, а не его дѣяніе.

Далѣе И. Я. Фойницкій, подтвердивъ свою мысль относительно институтовъ давности, рецидива, досрочнаго освобожденія, условнаго осужденія, прибавилъ, что вообще для юридической конструкции теорія личнаго состоянія преступности имѣетъ гораздо болѣе удобствъ, чѣмъ теорія преступленія, какъ объекта карательной дѣятельности, и заключилъ выраженіемъ увѣренности, что виднѣйшіе представители послѣдней скоро перейдутъ къ первой.

Г. Б. Слюзбергъ высказалъ, что онъ счастливъ тѣмъ, что его сообщеніе вызвало такой живой обмѣнъ мыслей со стороны лучшихъ нашихъ представителей криминалистической науки и этотъ результатъ онъ приписываетъ не содержанию сообщенія, а тому интересу, который возбуждаетъ къ себѣ самый предметъ его. Было бы ошибочно понимать высказанное имъ въ смыслѣ противоположенія классической школы, школы позитивной. Не случайно назвалъ онъ свое сообщеніе—сообщеніемъ о классическомъ и позитивномъ *направленіяхъ*. Онъ не ставитъ параллельно эти два теченія въ наукѣ, а наоборотъ, полагаетъ, что они исходятъ изъ одной и той же отправной точки, но затѣмъ принимаютъ разныя направленія, благодаря небольшому отклоненію; чѣмъ дальше отъ отправной точки, тѣмъ больше пространства между ними, но чѣмъ ближе къ ней, тѣмъ оно меньше, подобно тому какъ это бываетъ при дальнѣйшимъ проведеніи линій, образующихъ между собою хотя незначительный острый уголъ. Стоитъ сблизить эти линіи и онѣ сольются. Такое сліяніе и возможно и желательно для самой науки. Н. С. Таганцевъ указывалъ на то, что новое направленіе, его идеи—не новы, онѣ высказывались уже и раньше. Съ этимъ референтъ вполне соглашается. Вообще особенность науки уголовного права та, что за послѣднее столѣтіе высказывались ея представителями идеи, которыя уже раньше были намѣчаемы; наука вращается какъ въ заколдованномъ кругѣ однихъ и

прил. къ ж. гр. и уг. пр. кн. 1893 г.

тѣхъ же идей, въ разное время различно ею комбинируемыхъ. Про науку уголовного права можно сказать словами поэта: „И устарѣла старина и старымъ пахнетъ новизна“. Дѣло только въ правильной постановкѣ, въ правильномъ соотношеніи ихъ между собою. Другой упрекъ, который дѣлается новому направленію, это упрекъ въ возвратѣ къ пережитому человѣчествомъ субъективизму, когда государство считало преступника подлежащимъ полному поглощенію со стороны карательной власти. Упрекъ этотъ неоснователенъ. Позитивное направленіе говоритъ о преступности, о преступной волѣ, обнаруженной въ дѣяніи, но это совсѣмъ другая преступная воля; это воля, опасная въ социальномъ смыслѣ, это опасный характеръ, это нѣчто объективное, относительное, а не абстрактное, абсолютное. О такой преступности говоритъ позитивное направленіе. Совсѣмъ другое имѣли въ виду представители гегелевской школы, для которыхъ преступленіе—нарушеніе права, т. е. отрицаніе абсолютной, объективировавшейся воли, отрицаніе, нуждающееся въ отрицаніи съ своей стороны, т. е. въ наказаніи.

Н. С. Таганцевъ говоритъ также о томъ, что напрасно упрекаютъ классиковъ въ томъ, что они позабыли преступника изъ за преступнаго дѣянія, и въ подтвержденіе цитировалъ классическихъ авторовъ. А. Θ. Кони указалъ точнѣе, въ какой мѣрѣ преступникъ не былъ забытъ. Да, они вспоминали о немъ, но вспоминали тогда, когда онъ, подобно пушкинскому утопленнику, въ урочный часъ неотвязчиво стучался въ окно и напоминалъ о себѣ. Просмотрите учебники, руководства уголовного права и вы сразу наталкиваетесь на странное явленіе: о преступникѣ ни слова, все построено на понятіи преступнаго дѣянія; но вотъ нужно писать статью о рецидивѣ, о совокупности и т. д.—*преступникъ* стучится, и вотъ тогда только вспоминаютъ о немъ. Отъ науки можно требовать, чтобы она въ основныхъ своихъ понятіяхъ давала элементы, изъ которыхъ потомъ могло-бы быть возведено зданіе научной системы. Этихъ элементовъ не даетъ классическое направленіе, отправляющееся изъ понятія преступнаго дѣянія. Нельзя не указать на странное явленіе въ наукѣ уголовного права—выдѣленіе пенитенціарной области, области примѣненія наказанія, изъ вѣдѣнія юристовъ-криминалистовъ. Что классическое направленіе дало ускользнуть этой области изъ его рукъ—это тяжкій его грѣхъ. И на самомъ дѣлѣ, отношеніе между государствомъ и преступ-

никомъ, выражающееся въ наказуемости, понимается какъ юридическое отношеніе. Послѣдовательно проводить и развиваетъ это понятіе Биндингъ. Но вмѣсто того, чтобы отношеніе это видѣть въ примѣненіи наказанія, его видятъ въ самомъ преступленіи и опредѣленіи наказанія, присужденіи къ нему. Что сказали бы цивилисты, если сдѣлку, устанавливающую юридическое отношеніе, смѣшивали бы съ самымъ отношеніемъ, съ содержаніемъ его. Главное, слѣдовательно, въ примѣненіи наказанія, осуществленіи отношенія, это же выдѣлилось въ особую науку—пенитенціарную. И это случилось только потому, что цѣли наказанія достигались по теоріямъ классическаго направленія однимъ установленіемъ уголовного закона, однимъ опредѣленіемъ наказанія. И тутъ теорія возмездія, безсознательно для криминалистовъ, невольно проявила свое вліяніе. На почвѣ преступнаго дѣянія—зло неисправимо, пенитенціарная область не можетъ войти въ систему науки уголовного права.

Классическое направленіе ставитъ въ основу преступное дѣяніе; послѣднее есть объектъ карательной дѣятельности. Эта мысль до того странна, что ее легко принять за метафору. Но на самомъ дѣлѣ на этой метафорѣ построено все научное знаніе. Преступное дѣяніе—нарушеніе права; необходимымъ оказалось отдѣлить понятіе преступнаго дѣйствія отъ результатовъ его, послѣдствій. Сложилось общее мнѣніе, что во всякомъ преступленіи имѣется преступный результатъ. Но стоитъ всмотрѣться въ любой кодексъ, съ его множествомъ преступленій, чтобы видѣть, что число такихъ преступленій, гдѣ имѣется результатъ, отдѣльный отъ дѣйствія, весьма ограничено (3—4). Во всѣхъ остальныхъ—преступнымъ дѣйствіемъ исчерпывается все преступленіе. Съ точки зрѣнія классическаго направленія—результатъ долженъ быть вездѣ, и случилось то, что утверждаютъ, что то, что воръ крадетъ—дѣйствіе; что вещь украдена—результатъ. Это однако только превращеніе активнаго въ пассивнаго одного и того же. Понятіе результата вызвало необходимость разработки въ уголовномъ правѣ понятія—нечаянно туда попавшаго—причины, причинной связи. Извѣстно сколько теорій создано по этому поводу. Пошли такъ далеко, что признавали причинную связь и при бездѣйствіи, т. е. тамъ, гдѣ причиненія не было; физикъ нашелъ бы противнымъ здравому смыслу утвержденіе, что не подавшій помощи погибающему причинилъ гибель погибшаго. Съ точки зрѣнія позитивной

такихъ построеній дѣлать не приходится. Человѣкъ, спокойно взирающій на гибель ближняго, когда онъ можетъ ему помочь, подозрительный, опасный членъ общества; наказаніе приспособить его къ общежитію, научить его лучшему.

Позитивное направленіе ничего не разрушаетъ; ни одна статья даже нашего уложенія не останется безъ объясненія его смысла и значенія; ни одинъ институтъ процессуальнаго права не пострададетъ и не придется вовсе расширять область судебного изслѣдованія до безконечности. Все останется въ томъ же положеніи, въ какомъ все теперь состоитъ. Но получится ясное уразумѣніе того, что есть. Помимо практическихъ результатовъ—ихъ много и о нихъ слишкомъ долго было бы говорить—большимъ результатомъ будетъ уже то, что наука станетъ на твердую почву. Нельзя не указать и на то, что и *de lege ferenda* результаты могутъ быть весьма почтенны. Классическое направленіе и область уголовной политики выпустило изъ своихъ рукъ, а кому же давать законодателью указанія, если не криминалистамъ-юристамъ. Между тѣмъ, еще въ 30 годахъ этого столѣтія, говорилось уже о самостоятельной наукѣ—криминальной политикѣ, независимой отъ науки уголовного права. Что касается позитивной итальянской школы Ломброзо и др., то референтъ не можетъ не сочувствовать краснорѣчивымъ доводамъ А. О. Кони о необходимости похода противъ распространенія ея идей. Въ заключеніе референтъ указалъ на то, что при изложеніи имъ позитивнаго направленія, дѣйствительно упущено было, что о состояніи преступности, какъ объектѣ науки уголовного права, И. Я. Фойницкимъ указано было еще въ 1873 г. Если онъ изложеніе началъ съ Ломброзо, то только потому, что съ этого времени броженіе въ наукѣ обострилось и приняло болѣзненные размѣры.

За позднимъ временемъ сообщеніе И. Я. Фойницкаго отложено на слѣдующее засѣданіе.

Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ вечера.

(28 апреля 1890 года).

Предсѣдательствовалъ предсѣдатель отдѣленія В. К. Случевскій, протоколъ велъ Г. Б. Сліозбергъ. Засѣданіе открыто въ 8 часовъ вечера. Предметы занятій: 1) продолженіе бесѣды по предмету сообщенія дѣйствительнаго члена общества Г. Б. Сліозберга, „О классическомъ и позитивномъ направленіи въ наукѣ уголовного права“, и 2) сообщеніе дѣйствительнаго члена И. Я. Фойницкаго „О международномъ союзѣ криминалистовъ“.

Присутствовало было, по соглашенію съ присутствовавшими членами отдѣленія, къ первой части занятій, которыя начались замѣчаніями В. К. Случевского.

В. К. Случевскій ставитъ себѣ задачей указать на отношеніе позитивнаго направленія къ процессу. Въ литературѣ по этому вопросу почти не высказываются, процессъ отодвинуть какъ бы на второй планъ, между тѣмъ реформа уголовного права, по началамъ итальянской школы, должна повести къ великимъ измѣненіямъ въ области судопроизводства. Начать съ того, что судъ присяжныхъ окажется вовсе неумѣстнымъ, — онъ окажется некомпетентнымъ, въ виду того, что для рѣшенія вопроса о преступности — виновности подсудимаго, необходимы спеціальныя антропологическія познанія. Опровергаются всѣ вѣковую работою сложившіяся начала судопроизводства, институтъ презумпціи *boni*, въ силу ясности типа преступнаго человѣка, становится лишнимъ, нецѣлесообразнымъ; государство слишкомъ заинтересовано въ устраненіи изъ общественной среды преступнаго человѣка, — атаквиста, потому и оправданіе не исключаетъ возможности вторичнаго обвиненія въ томъ же; принципъ *non bis in idem* падаетъ. Необходимо допустить апелляцію съ началомъ *reformatio in reius*; экспертиза — дается специалистами врачами, и она рѣшаетъ все. Вотъ главныя мысли итальянской школы въ отношеніи процесса. Необходимо рассмотреть положенія антропологической школы относительно процесса съ принципиальной точки зрѣнія, — съ точки зрѣнія цѣлей уголовного правосудія. По новому ученію — сами цѣли должны измѣниться. Современный уголовный судъ, осуществляя матеріальное право государства, ставитъ основаніемъ для своего изслѣдованія преступное дѣяніе; антропологическая школа такое основаніе видитъ въ преступномъ состояніи даннаго лица, но моментъ этого состоянія представляются и умственные силы — ихъ,

значить, нужно изслѣдовать; тоже и относительно сердечныхъ свойствъ, религіозныхъ, семейныхъ и другихъ отношеній,— все это моменты состоянія преступности и все это нужно изслѣдовать и рассмотреть уголовному суду. Съ точки зрѣнія преступнаго дѣянія—это лишне, ненужно. Понятно, что разница въ процессуальныхъ функціяхъ суда и сторонъ громаднaя. При современномъ положеніи процесса предѣлы изслѣдованія на судѣ, какъ мало они ни поддаются опредѣленію, все-таки установить возможно. Иначе при принятіи началъ позитивнаго направленія. Придется забыть о сказанномъ составителями нашихъ судебныхъ уставовъ,—что нужно судить дѣяніе и человѣка, насколько онъ выражается въ дѣяніи. Желательна ли однако такая реформа, и если желательна, то возможна ли она, есть ли къ ней средства? Отвѣчая на первый вопросъ, В. К. Случевскій, находитъ, что судъ и безъ того иногда производитъ впечатлѣніе хирургической операціи; средства суда—оглашеніе внутренняго міра человѣка, разслѣдованіе различныхъ отношеній, подчасъ интимныхъ,—слишкомъ жестоки, чтобы не отнестись серьезно и весьма осторожно къ границамъ судебного изслѣдованія. Изъ судейской практики своей В. К. Случевскій вынесъ убѣжденіе въ томъ, что всякая неосторожность, всякій эксцессъ въ этомъ отношеніи, весьма тягостенъ для частныхъ лицъ. И съ какой стати рыться въ душѣ подсудимаго, просматривать его генеалогію. Если заподозриваютъ теперь снова вивисекцію, то что же сказать о вивисекціи подсудимаго? По этимъ соображеніямъ В. К. Случевскій и приходитъ къ выводу, что реформа процесса, влекущая за собою расширеніе предѣловъ изслѣдованія,—нежелательна.

Но помимо того, и на вопросъ о возможности того изслѣдованія, которое требуется по началамъ позитивной школы, приходится отвѣтить отрицательно. Судебныя средства слишкомъ грубы для такой филигранной работы. Если и для цѣлей того судебного изслѣдованія, которое теперь имѣетъ мѣсто въ процессѣ, наличныя средства слишкомъ бѣдны, то насколько недостаточными оказались бы они для того изслѣдованія? Даже такое доказательство, какъ свидѣтельское показаніе — имѣетъ только относительную цѣнность; достаточно указать на то, что на память свидѣтеля нельзя положиться,—она подвергается иногда болѣзненнымъ уклоненіямъ; нельзя опираться и на зрѣніе его. О другихъ доказательствахъ и говорить нечего.

Но, можетъ быть, новая школа, расширяя область изслѣдованія, даетъ суду новыя средства? Давались, дѣйствительно, нѣкоторыя указанія. Но уже А. О. Кони объяснилъ, къ чему приводятъ попытки видѣть въ соматическихъ особенностяхъ улики преступности. Задача суда была бы весьма облегчена, если бы были указаны постоянные признаки, неизмѣнно повторяющіеся у преступнаго человѣка того или другаго вида (указывалось на анестезію, походку, размѣры органовъ тѣла). Но такой попыткѣ нельзя придавать серьезнаго значенія. Преступный типъ — это только абстракція, въ дѣйствительности вовсе не существуетъ совокупности всѣхъ признаковъ типа у одного и того же индивидуума. Съ другой стороны, — для уголовного суда невозможенъ экспериментъ; область, гдѣ таковой можетъ быть примѣненъ, весьма незначительна, — изслѣдованіе умственныхъ способностей; но невозможенъ экспериментъ во всемъ томъ, что указывается понятіемъ преступнаго типа. Къ изложенному В. К. Случевскій считаетъ нужнымъ прибавить еще одно замѣчаніе, отчасти вытекающее изъ предъидущихъ, именно — о томъ, что при торжествѣ началъ новой школы невозможно будетъ удержать за подсудимымъ то положеніе его въ процессѣ, которое присуще ему какъ сторонѣ въ дѣлѣ. Онъ превратится въ объектъ изслѣдованія, — практическія же послѣдствія такого положенія громадны.

Въ заключеніе В. К. Случевскій высказалъ, что онъ далекъ отъ мысли отказать новому направленію въ правѣ на существованіе; свобода научнаго изслѣдованія требуетъ того, чтобы всякое направленіе могло развиваться, тѣмъ болѣе, что оно дѣлаетъ уступки. Но практическая непримѣнимость его основныхъ началъ очевидна.

В. Д. Спасовичъ началъ съ указанія на то, что рефератъ даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ. Референтъ, пользуясь діалектической триадой Гегеля, изложилъ не только тезу и антитезу, но и синтезу, выдвинувъ теорію И. Я. Фойницкаго какъ нѣчто новое, среднее. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, теорія эта стоитъ въ связи съ другими. В. Д. Спасовичъ одобряетъ выводъ относительно недостатковъ классической школы; но изложеніе причинъ появленія реакціи неполно. Не указано на роль филантропіи, между тѣмъ какъ именно она помогла поднять человѣка вообще и потому только выдѣлился этотъ взглядъ и въ области уголовного права. Неполно

изложение и въ томъ, что не затронута судьба еще не осужденныхъ,—здѣсь-то главнымъ образомъ и проявляла свое вліяніе филантропія. Благодаря ей — отиѣнены жестокія мѣры наказанія; она, выдвинула и укрѣпила презумпцію въ пользу человѣка. Съ другой стороны, наличныя мѣры борьбы съ преступленіемъ оказались недостаточными; рецидивъ все больше и больше приливалъ,—и вотъ все это и вызвало протестъ въ рѣзкой формѣ,—въ видѣ антропологической, итальянской школы. Но она понемногу отходить на задній планъ; третьяго направленія однако нѣтъ и быть не можетъ. Даже въ книгѣ И. Я. Фойницкаго отражается чистѣйшее классическое направленіе, только съ уступками новымъ требованіямъ. В. Д. Спасовичъ находитъ невѣрнымъ то положеніе И. Я. Фойницкаго, будто наказаніе направлено только противъ личныхъ условій преступности. Политика входить, если не въ область наказанія, то въ область измѣненія старыхъ, созданія новыхъ нормъ. Преступность — не есть нѣчто реальное, это только прилагательное, которое раньше прилагалось къ дѣянію, теперь, къ автору дѣянія. Такимъ образомъ и И. Я. Фойницкій, какъ полагаетъ В. Д. Спасовичъ, стоитъ обѣими ногами на классической почвѣ. Но дѣйствительно, слѣдовало бы произвести ревизію главнымъ образомъ въ пенитенціарной политикѣ. Большое зло заключается въ томъ, что судья незнакомъ съ послѣднею. Средства судьи также недостаточны, и если необходимо реформировать, то нельзя останавливаться. Нужно расширить область исслѣдованія, которое теперь совершенно недостаточно; это возможно и безопасно, особенно, если дать человѣку защитника, дать суду больше времени. Требования поставлены, необходима ревизія и удовлетвореніе народившимся вопросамъ.

Затѣмъ собраніе постановило перейти ко второй части занятій—сообщенію И. Я. Фойницкаго „О международномъ союзѣ криминалистовъ“, съ тѣмъ, чтобы если время позволитъ вернуться къ продолженію рвеній по сообщенію Г. Б. Слюзберга.

Въ своемъ сообщеніи И. Я. Фойницкій изложилъ исторію возникновенія международного союза криминалистовъ, указавъ на ту задачу, которую основатели его von-Liszt, Prins и Van-Hammel себѣ ставили, а именно—обмѣнъ мыслей, созданіе общими международными силами новыхъ началъ, по которымъ развивалась бы дальнѣйшая работа на поприщѣ борьбы съ преступностью. Международный союзъ, такимъ образомъ, долженъ служить дополненіемъ

къ уже организованнымъ и функционирующимъ пенитенціарнымъ конгрессамъ. Развивъ подробно основныя положенія, изъ которыхъ исходитъ союзъ, И. Я. Фойницкій замѣтилъ, что изложенныя въ программѣ дѣятельности союза 10 положеній, не представляютъ собою непреложной догмы, исповѣдывать которую было бы обязательнымъ для членовъ союза. Это только *desiderata*. Въ такомъ смыслѣ дано и разъясненіе Листомъ въ *Zeitschrift für die Gesamte Strafrechtswissenschaft* и *Bulletin de l'union internationale de droit criminel*. И. Я. Фойницкій изложилъ затѣмъ программу и дѣятельность брюссельскаго конгресса членовъ союза въ 1889 году, а также предложенную программу ближайшаго, предстоящаго конгресса въ іюлѣ настоящаго года въ Бернѣ. Въ заключеніе своего сообщенія И. Я. Фойницкій высказалъ пожеланіе о томъ, чтобы и юридическое общество присоединилось къ дѣятельности союза.

Въ виду ранняго еще времени, пренія по предмету сообщенія Г. Б. Сліозберга были возобновлены. Слово дано Г. Б. Сліозбергу.

Г. Б. Сліозбергъ хотѣлъ немного лишь добавить къ тому, что сказалъ по поводу возраженій В. К. Случевского—В. Д. Спасовичъ. Нужно, прежде всего, имѣть въ виду отношеніе процесса къ матеріальному праву,—отношеніе, одинаковое какъ въ области гражданскаго права, такъ и уголовного. Процессъ устанавливаетъ только то, что даетъ основаніе проявленію юридическаго, матеріальнаго отношенія. До конца процесса нѣтъ еще преступника, нѣтъ состоянія преступности, оно лишь путемъ процесса констатируется. Констатированіе это, конечно, не носитъ абсолютнаго характера; оно ограничено предѣлами, установленными процессуальными нормами, въ оправданіе личности, въ предупрежденіе широкаго вторженія въ сферу личной свободы. Понятно, что въ процессѣ это изслѣдованіе или констатированіе преступности будетъ ограниченнымъ и во многихъ случаяхъ недостаточнымъ, даже невѣрнымъ. Но все дѣло тутъ въ характерѣ правовыхъ нормъ вообще,—нормъ, рассчитанныхъ не на абсолютное, а имѣющихъ дѣло съ относительными явленіями и понятіями. И гражданскій процессъ устанавливаетъ правду только относительную, что и выражаютъ—вѣрно ли это, другой вопросъ—формулой, что гражданскій процессъ стремится къ правдѣ не матеріальной, а только формальной. Этимъ выражаютъ только то, что средства гражданскаго процесса ограничены; они не могутъ быть ~~расширены~~ ^{расширены}, безъ

того, чтобы интересы частных лиц не пострадали. Государственная власть сама себя ставит предѣлы и говорит—дальше мнѣ идти нельзя; если въ этихъ предѣлахъ и возможны ошибки, то нечего дѣлать, нѣтъ ничего совершеннаго въ человѣческихъ учрежденіяхъ. То же и въ уголовномъ процессѣ; изслѣдованіе должно быть ограничено. Это ограниченіе вовсе не такъ стѣсняетъ правильность изслѣдованія. Дѣяніе человѣка—это такой рѣзкій признакъ, такое характеристическое выраженіе личности, что изслѣдованіе дѣянія есть изслѣдованіе и преступнаго состоянія. Судъ и въ настоящее время обязанъ войти въ изслѣдованіе личности, безъ него невозможно изслѣдовать и дѣяніе. Въ этомъ смыслѣ говорятъ и мотивы къ судебнымъ уставамъ,— нужно изслѣдовать человѣка, поскольку онъ выразился въ совершенномъ имъ дѣяніи. Самъ В. К. Случевскій указывалъ на несовершенства процесса и его средствъ для установленія истины,—указывалъ даже на недостаточность свидѣтельскихъ показаній, этого излюбленнаго способа доказательства, однако изъ этого не слѣдуетъ, чтобы нужно было отказаться отъ необходимости изслѣдовать и дѣяніе. Что же касается опасеній насчетъ того, что подсудимый потеряетъ свое положеніе стороны въ процессѣ, то оно неосновательно потому, что до конца процесса онъ еще не преступникъ, и пользованія правами стороны ничто его лишить не можетъ. Только послѣ того, какъ процессъ установитъ дѣяніе, онъ сдѣлается преступникомъ, въ качествѣ таковаго подлежащимъ наказанію.

Н. С. Таганцевъ присоединился къ замѣчаніямъ, сдѣланнымъ В. К. Случевскимъ, и полагалъ, что дѣло идетъ не только о защитѣ классическаго направленія противъ дѣлаемыхъ ему упрековъ, но что необходимо признать за нимъ и положительныя стороны. Безъ принципа этого направленія невозможно обойтись, самъ И. Я. Фойницкій въ своихъ работахъ (Курсъ особенной части 1890 г.) переходить къ нему, какъ только приходится говорить объ отдѣльныхъ видахъ преступленій. Личныя условія преступности—понятіе неопредѣленное; перечень условій, вліяющихъ на преступленіе, дѣлаемый И. Я. Фойницкимъ—неполонъ. И не противъ всѣхъ условій личныхъ направляется наказаніе. Если бы это было такъ, то дѣйствительно пришлось бы перевернуть все строеніе процесса уголовного. И такъ какъ наказывать за дурной характеръ нельзя, то въ конечномъ результатѣ окажется, что все то, что говорить это новое

направленіе, говорится всѣми. Пенитенціаристы вовсе не должны быть противопоставляемы классической школѣ, они — соратники ея.

И. Я. Фойницкій указалъ на то, что изъ возраженій оппонентовъ не ясно, противъ кого они направлены, — противъ антропологической школы, или противъ того, которое въ сообщеніи Г. Б. Сліозберга названо новымъ, позитивнымъ. И онъ не принадлежитъ къ итальянской школѣ, но онъ не можетъ согласиться съ способомъ возраженія противъ ея началъ. Все то, что говорится о признакахъ преступнаго типа, есть не больше какъ часть того, что устанавливается антропологами. Тотъ или другой признакъ еще ничего не говоритъ, подобно одному признаку юридическаго состава. Притомъ же рѣчь идетъ не только объ антропологическихъ данныхъ, но и о соціологическихъ; отчего ихъ не изслѣдовать, если они только имѣютъ вліяніе на преступленіе, чего нельзя отрицать. Вообще нельзя, исходя изъ своей точки зрѣнія, возражать противъ чужаго положенія.

В. К. Случевскій замѣтилъ, что возраженіе его, направленное противъ антропологической школы, примѣнимо и къ соціологической; нѣтъ у суда средствъ изслѣдовать и соціологическія условія, и изслѣдованіе ихъ не всегда возможно вообще. Признаніе новыхъ началъ требуетъ и признанія измѣненій въ процессѣ. Середины быть не можетъ. Да и теперь уже видны стремленія пересоздать установившіяся понятія. Смѣшеніе понятій преступныхъ и порочныхъ дѣтей — въ программѣ IV международнаго пенитенціарнаго конгресса, вопросы, которые ставитъ себѣ на разрѣшеніе международный союзъ криминалистовъ — слѣды этихъ радикальныхъ измѣненій. Относительно дѣтей уже теперь говорятъ, что дѣяніе только поводъ къ принудительнымъ мѣрамъ, еще шагъ и тоже скажутъ относительно взрослыхъ. Новыя идеи видны и во многомъ другомъ, что говорится въ новѣйшее время, напр., въ томъ, что говоритъ Ferri — *La d'égénération et la criminalité*, объ обязанности общества вознаградить за вредъ, причиненный преступленіемъ. Если и теперь, при современныхъ началахъ, не выдерживается послѣдовательно взглядъ на подсудимаго, какъ на сторону въ процессѣ, то тѣмъ болѣе при господствѣ новыхъ началъ, для которыхъ это положеніе и нежелательно.

Нельзя наказывать характеръ, между тѣмъ существуетъ теорія,

которая требовала этого. Новый взгляд сводитъ наказаніе къ дрессировкѣ, что вовсе нежелательно. Нельзя не считаться съ субъективными моментами, но нельзя же забывать и объективные.

А. С. Парамоновъ находитъ, что антропологическая школа, съ ея новыми началами, унижаетъ человѣческое достоинство. Нѣтъ типа преступника, а есть данная физическая личность. Опасно допустить признаніе человѣка преступникомъ по однимъ вѣшнимъ признакамъ; судьи могутъ увлечься и уклониться отъ истины. Антропология, полагаетъ онъ, не можетъ быть приложена къ уголовному правосудію. И понятіе личной преступности также непримѣнимо, въ виду его отвлеченности; гарантія правильности правосудія всегда будетъ въ преслѣдованіи преступнаго дѣянія.

Засѣданіе закрыто въ 11¹/₂ час. вечера.

Памятный листок о содержаніи рѣчей, сообщеній и рефератовъ, изложенныхъ членами уголовного отдѣленія с.-петербургскаго юридическаго общества, съ 1877 по 1892 годъ.

В. Д. Спасовичъ (рефератъ). О заключительномъ словѣ предсѣдателя присяжнымъ засѣдателямъ.

Н. А. Неклюдовъ (сообщеніе). Преступленія противу брака.

И. Я. Фойницкій (сообщеніе). О судебно-уголовныхъ кодексахъ Германіи 1876 и 1877 гг.

В. Д. Спасовичъ (сообщеніе). О проектѣ итальянскаго уголовного уложенія.

И. Я. Фойницкій (рефератъ). О судебной отвѣтственности должностныхъ лицъ по французскому праву.

В. Д. Спасовичъ (рефератъ). Замѣчанія по поводу вопроса объ упраздненіи особаго порядка преданія суду должностныхъ лицъ за преступленія по должности.

И. Я. Фойницкій (рефератъ). О преступномъ присвоеніи чужаго вѣреннаго имущества.

А. Н. Зубовъ (рефератъ). О затрудненіяхъ въ судебной практикѣ при освидѣтельствованіи умственныхъ способностей обвиняемаго и средствахъ къ ихъ устраниенію.

В. М. Володиміровъ (контръ-рефератъ по тому же вопросу).

К. В. Случевскій (рефератъ). О предѣлахъ власти суда при устраниеніи изъ дѣла, во время судебного слѣдствія, обстоятельствъ, къ дѣлу не относящихся.

В. Д. Спасовичъ (контръ-рефератъ по тому же вопросу).

Н. С. Таганцевъ (сообщеніе). О проектѣ англійскаго уголовного кодекса.

В. М. Володиміровъ (сообщеніе). О вліяніи совнанія подсудимаго на подсудность совершеннаго преступленія, по законодательствамъ иностраннымъ.

В. К. Случевскій (сообщеніе). О проектѣ австрійскаго уголовного кодекса.

В. М. Володиміровъ (рефератъ). Объ отиѣнѣ приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу, по русскому праву.

Н. С. Таганцевъ (сообщеніе). О практикѣ нашей и западной по вопросу объ условіяхъ вѣнненія при полицейскихъ нарушеніяхъ.

В. М. Володиміровъ (годовая рѣчь въ общемъ собраніи). О необходимости созванія втораго съѣзда русскихъ пристовъ.

В. Д. Спасовичъ (сообщеніе). О недостаткахъ I раздѣла уложенія о наказаніяхъ о преступленіяхъ противъ вѣры и ограждающихъ ее постановленій.

Н. С. Таганцевъ (рефератъ). О религіозныхъ преступленіяхъ и объ основаніяхъ къ будущему пересмотру законодательства о нихъ.

В. Д. Спасовичъ (сообщеніе). О новомъ французскомъ законѣ о печати 29 іюля 1881 г.

П. Н. Лицкой (сообщеніе). О новомъ голландскомъ уголовномъ уложеніи 3 марта 1881 г.

И. Я. Фойницкій (рефератъ). О недостаткахъ предварительнаго слѣдствія и о способахъ улучшенія его, какъ по иностраннымъ законодательствамъ, такъ и въ особенности по русскому праву.

А. Ф. Конн (годовая рѣчь въ общемъ собраніи). Достоевскій какъ криминалистъ.

В. Д. Спасовичъ (тоже). О языкѣ въ области судопроизводства.

А. Ф. Конн (рефератъ). О дѣятельности суда присяжныхъ по преступленіямъ должности и противъ устава о паспортахъ.

Н. И. Пухановъ (контръ-рефератъ по тому же вопросу).

Н. В. Муравьевъ (сообщеніе). Объ установленной закономъ 9 мая 1878 года подсудности преступленій противъ порядка управленія.

В. К. Случевскій (рефератъ). О выработкѣ въ русскомъ уголовномъ судопроизводствѣ въ дѣлахъ, разбираемыхъ съ присяжными засѣдателями, правилъ о судебныхъ доказательствахъ.

В. Д. Спасовичъ. (рефератъ по тому-же вопросу).

А. Ф. Конн (рефератъ). Объ условіяхъ публичныхъ засѣданій уголовного и гражданскаго судовъ.

Н. А. Неклюдовъ (сообщеніе). О протоколахъ судебныхъ засѣданій, производимыхъ съ присяжными засѣдателями.

И. Д. Ахшарумовъ (сообщеніе). О судѣ въ военное время, по свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ практики за минувшую восточную войну.

В. Д. Спасовичъ (рефератъ). О вызовѣ свидѣтелей на судебномъ слѣдствіи на счетъ подсудимаго, въ обыкновенныхъ судахъ.

Н. С. Таганцевъ (годовая рѣчь въ общемъ собраніи). О проектѣ общей части уголовного уложенія.

В. Д. Спасовичъ (рефератъ). Возраженія противъ всей системы проекта перваго раздѣла уложенія.

К. Д. Анциферовъ (сообщение). Исторія русскаго законодательства о взяточничествѣ.

Н. Д. Сергѣевскій (сообщение). О смертной казни въ ея формахъ въ Россіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

И. Я. Фойницкій (годовая рѣчь въ общемъ собраніи). О вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ.

К. Д. Анциферовъ (рефератъ). О необходимости реформы современного порядка преслѣдованія за служебныя преступленія по уставу уголовного судопроизводства.

В. К. Случевскій (сообщение). О реформѣ уголовного судопроизводства въ Венгріи, Франціи и Бельгіи.

Н. В. Муравьевъ (рефератъ). О задачахъ прокурорскаго надзора.

А. В. Лихачевъ (сообщение). О предполагаемыхъ антропологическою итальянскою школою измѣненіяхъ по уголовному судопроизводству.

И. Я. Фойницкій (рефератъ). О вѣдомствѣ присяжныхъ засѣдателей въ отношеніи территоріальномъ.

П. В. Красовскій (рефератъ). О недостаткахъ нынѣшняго устройства мировыхъ установленій въ отношеніи уголовной юстиціи.

К. Д. Анциферовъ (контръ-рефератъ). Объ организаціи мировой юстиціи.

С. М. Латышевъ (сообщение). Объ отношеніи антропологической итальянской школы къ смертной казни, въ связи съ предположеніями ея объ основаніяхъ наказуемости.

Н. Д. Сергѣевскій (сообщение). Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ XVII вѣкѣ.

В. М. Володиміровъ (годовая рѣчь въ общемъ собраніи). Кистяковскій и его ученые труды.

А. О. Кони (тоже). Памяти Христіановича.

А. В. Лихачевъ (сообщение). О мѣрахъ относительно душевнобольныхъ преступниковъ, оправданныхъ и освобожденныхъ отъ суда.

В. К. Случевскій (годовая рѣчь въ годовомъ собраніи). О вліяніи, которое должно оказать введеніе въ дѣйствіе новаго уголовного уложенія на дальнѣйшее развитіе нашего уголовного процесса, законодательства и на судебную практику.

В. Я. Фуксъ (рефератъ). Уголовно-судебная экспертиза на предварительномъ слѣдствіи и судѣ.

В. К. Случевскій (рефератъ). О частномъ обвиненіи.

Н. Д. Сергѣевскій (годовая рѣчь въ общемъ собраніи). О ссылкѣ въ древней Россіи.

И. Г. Щегловитовъ (рефератъ). Предѣлы изслѣдованій на предварительномъ слѣдствіи по судебнымъ уставамъ.

И. Г. Щегловитовъ (рефератъ). Ограниченіе виндикаціи плодовъ преступленія.

Н. Я. Александровъ (рефератъ). Подача мѣстныхъ и раздѣленіе голосовъ по дѣламъ уголовнымъ.

Г. Б. Сліозбергъ (сообщеніе). О классическомъ и позитивномъ на-
правленіяхъ въ наукѣ уголовного права.

И. Я. Фойницкій (сообщеніе). О международномъ съѣздѣ крими-
налистовъ.

А. Ѳ. Кони (сообщеніе). О задачахъ русскаго судебно-медицин-
скаго законодательства.

А. А. Марковъ (рефератъ). Обжалованіе подсудимыми оправда-
тельныхъ приговоровъ по судебнымъ уставамъ.

И. Г. Щегловитовъ (рефератъ). Примѣненіе фотографической
экспертизы при изслѣдованіи доказательствъ.

(**А. Ѳ. Кони** (годовая рѣчь въ общемъ собраніи). Докторъ Гаазе

С. С. Хрулевъ (рефератъ). О кандидатахъ на судебныя долж-
ности.

Н. П. Дружининъ (рефератъ). Преобразованный волостной судъ.

И. Г. Щегловитовъ (рефератъ). Гражданская предсудимость по
дѣламъ уголовнымъ.

П. Я. Александровъ (рефератъ). Желательныя и возможныя улуч-
шенія въ положеніи обвиняемаго на предварительномъ слѣдствіи.

Г. Б. Сліозбергъ (рефератъ). О свободѣ защиты и ея предѣлахъ.

Сверхъ того, съ 1883 по 1892 годъ, происходили занятія ре-
дакціоннаго комитета, въ усиленномъ составѣ, по разсмотрѣнію
проектовъ различныхъ частей новаго уголовного уложенія, а вес-
ною 1892 года состоялись въ Солянскомъ Городкѣ двѣ публичныя
лекціи членовъ отдѣленія **А. Ѳ. Кони** и **И. Г. Щегловитова**.

*Приложеніе къ протоколамъ
уголовнаго отдѣленія с.-петербургскаго
юридическаго общества за
1892 годъ.*

ЗАМѢЧАНІЯ РЕДАКЦІОННАГО КОМИТЕТА УГОЛОВНАГО ОТДѢЛЕНІЯ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, НА ГЛАВЫ ПРОЕКТА НОВАГО УГОЛОВНАГО УЛОЖЕНІЯ О ПОДДѢЛКѢ ДЕНЕЖНЫХЪ И ЦѢННЫХЪ ЗНАКОВЪ И ПОДЛОГѢ ДОКУМЕНТОВЪ.

Приступая къ обсужденію двадцатой и двадцать первой главъ проекта редакціонной комисіи, редакціонный комитетъ уголовнаго отдѣленія юридическаго общества считаетъ для себя необходимымъ ограничиться указаніями относительно частностей выработаннаго комисіей проекта статей о поддѣлкѣ денежных знаковъ и подлогѣ документовъ. Комитетъ принялъ во вниманіе основныя начала, положенныя въ основаніе составителями проекта, и не считаетъ себя въ правѣ войти въ критику ихъ; частичныя измѣненія ихъ могли бы повлечь за собою нарушеніе единства и послѣдовательности, проведенной во всей нынѣ изготовленной части проекта и связующей ее съ остальными частями его. Притомъ, за недостаткомъ времени, комитетъ могъ бы ограничиться одной отрицательною стороною дѣла и лишенъ возможности сдѣлать съ своей стороны какія либо предложенія. Въ виду этого, нижеслѣдующія замѣчанія редакціоннаго комитета относятся до нѣкоторыхъ, усмотрѣнныхъ имъ, неточностей, которыя однако не могутъ не имѣть извѣстнаго значенія при будущемъ примѣненіи проектируемыхъ статей закона судомъ.

I.

Вмѣстѣ съ составителями проекта комитетъ относитъ преступленія поддѣлки монетъ и кредитныхъ бумагъ къ области дѣяній, такъ называемой „матеріализованной лжи“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, находитъ вполне правильнымъ выдѣленіе этой группы преступленій въ особую главу, такъ какъ, при всемъ сходствѣ съ составомъ

прил. къ ж. гр. и уг. пр. кн. и 1893 г.

подлога вообще, поддѣлка монеты и кредитныхъ бумагъ является посягательствомъ не только на имущество частныхъ лицъ, но и противъ общественнаго и государственнаго кредита, и представляетъ несомнѣнно большую опасность, чѣмъ подлогъ документа, хотя бы и официальнаго. Совершенно правильно составителями проекта при опредѣленіи наказуемости за отдѣльные виды поддѣлки приняты во вниманіе, съ одной стороны—вредъ, приносимый преступленіемъ, а съ другой—легкость ея совершенія, большая вѣроятность ея. Исходя изъ этого, комитетъ не видитъ достаточныхъ основаній къ различенію поддѣлки денежныхъ знаковъ и передѣлки ихъ и къ выдѣленію послѣдней въ особую статью 331 съ опредѣленіемъ наказанія значительно низшаго противъ опредѣленнаго за поддѣлку. Если, какъ объясняютъ мотивы, передѣлка монетъ въ монеты высшаго достоинства технически представляется болѣе трудною, то все же такіе случаи возможны; что же касается кредитныхъ бумагъ, кромѣ кредитныхъ билетовъ, т. е. бумажныхъ денегъ, то передѣлка ихъ не представляетъ непреодолимыхъ трудностей и сравнительно даже легче, чѣмъ полная поддѣлка ихъ, такъ какъ она достигается немногочисленными измѣненіями текста бумаги, напримѣръ, прибавленіемъ нуля. На практикѣ такіе случаи не рѣдки, и нѣтъ никакого основанія, ни съ точки зрѣнія охраны твердости государственнаго кредита, ни съ точки зрѣнія соразмѣрности наказанія съ интенсивностью преступной воли, облагать передѣлку болѣе легкимъ наказаніемъ чѣмъ поддѣлку. Нельзя не принять во вниманіе и того обстоятельства, что проектъ не отличаетъ поддѣлку монеты по цѣнности самой фальшивой монеты и предполагаетъ наказывать срочною каторгою не только выпускъ мѣдной монеты за золотую, но и изготовленіе для сбыта монеты не меньшей стоимости, чѣмъ та, которую представляютъ настоящія монеты, и такимъ образомъ вопросъ о томъ, относится ли материализованная посредствомъ поддѣлки ложь ко всему объему признаковъ, удостоверяемыхъ монетою, не имѣетъ по проекту значенія при опредѣленіи преступности дѣянія. Въ передѣланной кредитной бумагѣ ложь можетъ относиться только къ стоимости бумаги; иначе говоря, не всѣ фактическіе моменты, удостоверяемые бумагою, ложны; но, въ смыслѣ отвлеченномъ, бумага съ передѣланнымъ обозначеніемъ достоинства ея является новою бумагою, никогда государственнымъ или общественнымъ кредитнымъ установленіемъ не выпущенною, т. е.

матеріалізована ложь относительно всего того, что удостоверяется или должно быть удостоверено наличностью кредитной бумаги. Сами составители проекта исходят, очевидно, изъ указанного значенія передѣлки относительно документовъ вообще, такъ какъ въ ст. 333 о поддѣлкѣ гербовыхъ знаковъ, а затѣмъ въ главѣ двадцать первой (ст. 339), они предусматриваютъ въ одной и той же статьѣ и поддѣлку и передѣлку, устанавливая одно и то же наказаніе за оба вида подлога. Редакціонный комитетъ полагаетъ поэтому болѣе цѣлесообразнымъ обложить передѣлку денежныхъ знаковъ и бумагъ такимъ же наказаніемъ, какъ и поддѣлку, и находилъ бы возможнымъ постановленіе о наказуемости передѣлки ввести въ соотвѣтствующія статьи о поддѣлкѣ—329 и 330, дополнивъ ихъ словами „такому же наказанію подвергается и виновный въ передѣлкѣ денежныхъ знаковъ или бумагъ (а для ст. 330—„билетовъ и бумагъ“), вышеуказанныхъ, въ знаки или бумаги (а для ст. 330—„въ билеты и бумаги“) высшаго достоинства или стоимости съ цѣлью сбыта ихъ“. При этомъ совершенно излишнимъ было бы указывать на признакъ сбыта словами: „за деньги или бумаги высшаго достоинства или стоимости“, такъ какъ о другомъ сбытѣ передѣланныхъ бумагъ, т. е. о сбытѣ ихъ за бумаги или знаки прежняго обозначенія стоимости рѣчи быть не можетъ.

Переходя засимъ къ ст. 329 проекта, редакціонный комитетъ не видитъ никакой надобности въ особомъ указаніи на поддѣлку „завѣдомо о предназначеніи для цѣли сбыта“. Помимо того, что формула эта, повторяющаяся въ статьяхъ 330, 331, 332, 333, не сразу понятна и сама по себѣ неточна, такъ какъ поддѣлывающій монету съ цѣлью предоставить сбытъ ея другому лицу или прямо по заказу другаго лица изготовляетъ монету для самаго сбыта, а не только для цѣли сбыта,—составители проекта не ввели въ эту формулу главнаго указанія, а именно, что рѣчь идетъ о цѣли сбыта, имѣющейся у другаго лица. „Поддѣлка завѣдомо о предназначеніи для таковой цѣли“, т. е. цѣли сбыта, безъ указанія на другое лицо, ничѣмъ не отличается отъ „поддѣлки для сбыта“. Въ первой формулѣ цѣль сбыта отодвигается только логически дальше отъ дѣйствія, такъ какъ ею какъ бы указывается, что самой цѣли еще нѣтъ, а имѣется лишь завѣдомое предназначеніе для цѣли, т. е. въ концѣ концовъ цѣль. Съ другой стороны, нѣтъ никакой надобности осложнять текстъ указанныхъ статей

этою прибайкою, такъ какъ слова „съ цѣлю сбыта“ обнимаютъ уже собою одинаково какъ цѣль лично сбывать поддѣланную монету или бумагу, такъ и цѣль доставить другимъ лицамъ предметъ для сбыта. При этомъ возникаетъ вопросъ, не правильно ли было бы, вмѣсто словъ „съ цѣлю сбыта“, сказать „для сбыта“; хотя, по мнѣнію Э. Я. Фукса, послѣднее и выражаетъ собою болѣе близкую связь по времени между поддѣлкою и сбытомъ, чѣмъ указаніе на одну цѣль сбыта, тѣмъ не менѣе такая замѣна не вполне соответствовала бы мысли составителей проекта, которые самый сбытъ не считаютъ необходимымъ признакомъ состава поддѣлки.

По мнѣнію одного члена комитета (Г. Б. Сліозберга), нельзя признать правильнымъ полную безнаказанность поддѣлки денежных знаковъ даже не съ цѣлю сбыта ихъ за таковыя. Составители проекта подробно останавливаются въ объяснительной запискѣ на вопросѣ о томъ, можетъ ли подлежать наказанію тотъ, кто, съ цѣлю показанія своего искусства, поддѣлаетъ монету или бумагу, не имѣя при этомъ цѣли сбытъ поддѣланныя монету или бумагу за настоящія, и приходятъ къ заключенію о ненаказуемости такого дѣянія. Нѣтъ сомнѣнія, что такая поддѣлка не должна наказываться даже и приблизительно столь строго (ваторга), какъ поддѣлка знаковъ съ цѣлю сбыта ихъ за настоящіе. Но, если признать, какъ это дѣлаютъ составители проекта, что объектомъ преступленія поддѣлки монетъ и кредитныхъ бумагъ является государственный и общественный кредитъ, то наврядъ ли можно будетъ отрицать, что въ поддѣлкѣ даже не съ цѣлю обмана относительно подлинности, уже заключается нѣкоторое посягательство на кредитъ, такъ какъ изготовившій для показанія искусства бумажку, вполне сходную съ настоящею, не можетъ быть увѣренъ, что пріобрѣтатель ея не сбудетъ ее какъ настоящую, особенно же впоследствии, когда она окажется почему либо въ рукахъ лица, благонадежность котораго художнику неизвѣстна. Если въ такой поддѣлкѣ нѣтъ еще самаго посягательства, то имѣется на лицо поставленіе, такъ сказать, въ опасность кредита, такъ какъ при этомъ исчезаетъ увѣренность въ томъ, что на денежномъ рынкѣ не обращаются предметы художественнаго производства. Государство въ правѣ воспретить занятіе художествомъ, опаснымъ для другихъ лицъ; такимъ художествомъ нельзя не признать и поддѣлку бумагъ для показанія искусства. Поэтому Г. Б. Сліозбергъ

полагалъ бы необходимымъ главу двадцатую проекта дополнить постановленіемъ о наказуемости (тюрьмою, на примѣръ, не выше шести мѣсяцевъ) поддѣлки монеты или кредитной бумаги для сбыта, хотя бы и не за настоящія.

Что касается поддѣлки кредитныхъ бумагъ и знаковъ не государственныхъ учреждений, а частныхъ кредитныхъ установленій, предусмотрѣнной въ ст. 330 проекта, то одинъ членъ комитета (Г. Б. Слюзбергъ) находитъ нецѣливымъ отождествленіе именныхъ бумагъ съ бумагами на предъявителя. Если первыя и могутъ, безъ большой натяжки, быть отнесенными къ понятію „денежныхъ и цѣнныхъ знаковъ“, поддѣлка которыхъ предусматривается въ двадцатой главѣ, озаглавленной „поддѣлка денежныхъ и цѣнныхъ знаковъ“, то этого отнюдь нельзя сказать относительно бумагъ именныхъ, обращеніе которыхъ на денежномъ рынкѣ не такъ свободно, хотя и не встрѣчаетъ, какъ объясняютъ составители проекта, затрудненій. Обращеніе именной бумаги не болѣе свободно, чѣмъ обращеніе, на примѣръ, векселя, который по бланковымъ надписямъ переходитъ изъ рукъ въ руки совершенно легко. Однако проектъ не устанавливаетъ особаго наказанія за подлогъ или поддѣлку векселя. Признакъ „уполномочія на выпускъ акцій или облигацій“, т. е. наличности разрѣшенія правительства на выпускъ ихъ, не можетъ имѣть значенія, такъ какъ самъ по себѣ не указываетъ на какое либо основаніе къ выдѣленію поддѣлки облигаціи какого либо товарищества изъ области подлога документовъ вообще,— облигація есть обязательство, а выдавать обязательства на себя въ правѣ всякое частное лицо; разрѣшеніе правительства на выпускъ именныхъ облигацій товариществомъ или обществомъ требуется не потому, что облигація имѣетъ особенныя свойства, а потому, что, по принятой у насъ системѣ, юридическія лица постолько могутъ пользоваться имущественными гражданскими правами, поскольку имъ предоставлено государственною властью. Такимъ образомъ полномочіе со стороны государства указываетъ не на особенность документа, выпускъ котораго разрѣшенъ, а на особенность юридическаго лица, его выпускающаго. И такъ какъ нѣтъ никакого основанія столь строгимъ наказаніемъ, какъ каторга до 8 лѣтъ, охранять интересы частныхъ предпріятій, хотя бы принадлежащихъ и юридическому лицу, то казалось бы, что главную роль должно играть соображеніе о государственномъ

и общественномъ (не въ смыслѣ акціонерныхъ частныхъ обществъ), кредитъ, который подвергается опасности только отъ поддѣлки циркулирующихъ свободно кредитныхъ бумагъ, не связанныхъ съ опредѣленнымъ лицомъ,—бумагъ, которыя въ самихъ себѣ, независимо отъ держателя ихъ, носятъ денежную цѣнность, и потому имѣютъ значеніе денежнаго или цѣннаго знака. При поддѣлкѣ бумаги на предъявителя, ущербъ наносится общественному или частному кредитному установленію, которыя никакихъ свѣдѣній о лицахъ, держащихъ бумагу и ее предъявляющихъ, имѣть не могутъ, такъ какъ сама бумага не связана съ лицомъ. При поддѣлкѣ же именной бумаги прежде всего подвержены опасности права отдѣльнаго лица, моментъ общественнаго кредита заслоняется и не стоитъ на первомъ мѣстѣ. Поэтому неправильно включать поддѣлку именныхъ акцій, облигацій и вообще билетовъ именныхъ въ главу о поддѣлкѣ денежныхъ знаковъ, а затѣмъ не оправдывается никакими соображеніями опредѣленіе столь строгой наказуемости за поддѣлку такихъ бумагъ. Въ виду этихъ соображеній, Г. Б. Сліозбергъ полагалъ бы необходимымъ ввести, по примѣру германскаго уложенія, въ ст. 330 указаніе, что въ ней рѣчь идетъ только о бумагахъ на предъявителя. Къ этому мнѣнію присоединился и Э. Я. Фуксъ.

Въ ст. 334 проектъ устанавливаетъ наказаніе (тюрьмою) за употребленіе погашеннаго уже гербоваго или другаго знака для уплаты пошлинъ и сборовъ, если для сего признаки погашенія устранены. Но въ отступленіе отъ принятаго относительно поддѣлки и передѣлки денежныхъ и цѣнныхъ знаковъ, для состава коихъ не требуется дѣйствительный сбытъ оныхъ, ст. 334 ставитъ наказуемость устраненія признаковъ погашенія знака въ зависимости отъ дѣйствительнаго употребленія погашеннаго знака. Редакціонный комитетъ не находитъ достаточныхъ основаній къ такому отступленію. Введеніемъ условія „буде таковое употребленіе послѣдуетъ“ наказуемость дѣянія обуславливается совершенно случайнымъ фактомъ, нерѣдко въ воли и дѣятельности виновнаго стоящимъ. Кромѣ того, редакціонный комитетъ не можетъ не обратить вниманія на совершенную неясность изложенія ст. 334, и полагалъ бы цѣлесообразнымъ замѣнить слова „бывшаго въ употребленіи“ (слово „употребленіе“ повторено въ этой статьѣ 7 разъ) словами „признаковъ погашенія“, погашеннаго“.

Ст. 335 проекта, посвященная сбыту заведомо поддѣланныхъ

или передѣланныхъ бумагъ или знаковъ, вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія. Прежде всего комитетъ находитъ необходимымъ ввести указаніе на то, что наказанію какъ за поддѣлку, передѣлку или обезцѣненіе подвергается лишь тотъ сбытчикъ завѣдомо фальшивой монеты или бумаги, который получить ихъ завѣдомо отъ поддѣльвателей, передѣльвателей или сбытчиковъ оныхъ. Проектируемая комисіей редакція „виновный въ сбытъ, приобрѣтеніи или храненіи для сбыта . . . завѣдомо поддѣланныхъ . . . полученныхъ отъ поддѣльвателей и т. д.“ дадутъ возможность примѣненія строгаго наказанія и въ томъ случаѣ, если сбытчикъ не зналъ о томъ, что лицо, отъ котораго онъ получилъ фальшивую монету или бумагу—поддѣльватель, тогда какъ составители проекта во второй части ст. 335 значительно смягчаютъ наказаніе для случайнаго, такъ сказать, сбытчика, получившаго фальшивыя деньги не отъ поддѣльвателей. Такое различіе въ наказаніи можетъ быть объяснено и объясняется только тѣмъ, что сбытчикъ, получающій фальшивыя деньги отъ поддѣльвателя непосредственно, тѣснѣе связанъ съ самимъ фактомъ поддѣлки; очевидно, что это обстоятельство только тогда можетъ усиливать наказаніе, если сбытчикъ получалъ фальшивыя деньги завѣдомо отъ поддѣльвателя; случайный же фактъ полученія изъ первыхъ рукъ, при отсутствіи завѣдомости, не долженъ имѣть значенія усиливающаго наказаніе обстоятельства. За симъ комитетъ полагаетъ, что различеніе сбыта фальшивой монеты или бумаги, полученной отъ сбытчиковъ, и сбыта монеты вообще,—то различеніе, которое проведено въ ст. 335, само по себѣ лишено значенія потому уже, что невозможно себѣ представить полученіе фальшивой монеты или бумаги не отъ поддѣльвателя и не отъ сбытчика, *tertium non datur*; очевидно поэтому, что подъ словомъ „сбытчиковъ“ составители разумѣютъ особенныхъ сбытчиковъ, сбывающихъ фальшивыя деньги массами, промышляющихъ сбытомъ ихъ и т. д. Во избѣжаніе недоразумѣній, представляется поэтому необходимымъ въ самомъ текстѣ закона сдѣлать опредѣленіе сбытчиковъ, которыхъ составители имѣютъ въ виду, что весьма удобно сдѣлать прибавленіемъ словъ „по ремеслу“ или „профессіи“, какъ въ первой части статьи, такъ и во второй.

Затѣмъ редакціонный комитетъ признаетъ наказаніе тюрьмою за сбытъ фальшивыхъ денегъ, бумагъ или знаковъ, если они получены не отъ поддѣльвателей, слишкомъ слабымъ, особенно въ

виду 3 п. 333 ст., по которому употребленіе за настоящіе завѣдомо поддѣльныхъ гербовой бумаги или знаковъ наказывается исправительнымъ домомъ; употребленіе знака въ сущности есть тотъ же сбытъ и вообще нѣтъ никакого основанія для столь значительной разницы въ наказуемости употребленія знака или сбыта. Казалось бы, наоборотъ, что сбытъ цѣлою массою (одинаково подходящій подъ 2-ю часть статьи 335) завѣдомо поддѣльныхъ знаковъ оплаты пошлиною или сборомъ представляется болѣе преступнымъ и опаснымъ, чѣмъ наклеиваніе для единичной надобности поддѣльной гербовой марки. Съ другой стороны, наказаніе установленное 2-ю частью ст. 335 одинаково какъ для сбытчиковъ фальшивой монеты или кредитной бумаги, такъ и для сбытчиковъ гербовыхъ и т. п. знаковъ, не находится въ соотвѣтствіи съ разницей въ наказуемости самой поддѣлки или передѣлки тѣхъ и другихъ. Поэтому комитетъ полагалъ бы вполне правильнымъ опредѣлить наказаніе исправительнымъ домомъ не свыше трехъ лѣтъ за сбытъ поддѣльныхъ денегъ и кредитныхъ бумагъ, указанныхъ въ ст. 329 и 330, и тюрьмою не свыше одного года за сбытъ знаковъ, указанныхъ въ п. 1 ст. 333.

Редакціонной поправки требуетъ, по мнѣнію комитета, и ст. 336 проекта, согласно которой виновный въ сбытъ фальшивой монеты или бумаги, если монета или бумага имъ самимъ получена за настоящую, наказывается тюрьмою до 6 мѣсяцевъ. Въ этой статьѣ говорится, между прочимъ, объ „обезцѣненныхъ деньгахъ, бумагахъ или знакахъ“; между тѣмъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ употребляютъ составители проекта понятіе обезцѣненія, — послѣднее вовсе немыслимо относительно кредитныхъ бумагъ или знаковъ. Обезцѣненная бумага означаетъ собою бумагу, потерявшую свою цѣнность не вслѣдствіе какихъ либо подлоговъ или механическихъ измѣненій въ самой бумагѣ, а вслѣдствіе паденія ея биржевой или рыночной цѣны. Во избѣжаніе неточности, и слѣдовало бы по этому сказать: „поддѣльныхъ или обезцѣненныхъ денегъ, равно какъ поддѣльныхъ бумагъ“ и т. д.

Требуемыми редакціонныхъ поправокъ комитетъ признаетъ и ст. 337 и 338. Въ первой, посвященной приготовленію къ поддѣлкѣ и составленію сообщества для поддѣлки, слѣдовало бы указать, что не только составленіе сообщества, предполагающее инициативу и руководство, но и участіе въ составленіи, хотя бы оно выразилось и не въ столь активной формѣ, наказуе-

мо, т. е. вмѣсто „составленіе сообщества“ сказать „въ участіи въ сообществѣ“.

Въ ст. 338 выраженіе, „взыскивается сумма равная представляемой выпущеннымъ ими количествомъ поддѣланныхъ . . . денегъ или знаковъ“,—выраженіе мало понятное и неточное, съ большимъ удобствомъ можетъ быть замѣнено словами „взыскивается сумма, на которую выпущены поддѣланные или передѣланные . . . деньги или знаки“.

Въ заключеніе комитетъ полагаетъ совершенно излишнимъ, говоря о фальшивыхъ деньгахъ, бумагахъ или знакахъ, повторять „поддѣланныхъ или передѣланныхъ“; слово „поддѣльные деньги“ заключаетъ въ себѣ какъ поддѣлку, такъ и передѣлку, такъ какъ и при передѣлкѣ въ результатѣ получается не настоящая монета или бумага, а фальшивая или поддѣльная.

II.

Глава двадцать первая проекта озаглавлена „подлогъ документовъ“ въотличіе отъ заглавія 20-й главы—„поддѣлка денежныхъ и цѣнныхъ знаковъ“. Это различіе оставлено однако безъ вниманія составителями проекта въ отдѣльныхъ статьяхъ, составляющихъ 21 главу. Они всегда говорятъ о поддѣлкѣ документа, а не о подлогѣ. Помимо несоотвѣтствія заглавія съ содержаніемъ главы, нельзя не указать на то, что о поддѣлкѣ возможно говорить только, когда рѣчь идетъ о денежныхъ знакахъ, но не когда имѣютъ въ виду документъ. Поддѣлка предполагаетъ копированіе, изготовленіе новаго предмета по старому; между тѣмъ какъ относительно документа имѣетъ мѣсто не изготовленіе копій, а созданіе чего то новаго, указывающее на что то существующее, тогда какъ оно въ дѣйствительности не существуетъ. Составляющій поддѣльный вексель не создаетъ вмѣсто одного два векселя, не снимаетъ копій съ настоящаго, а пишетъ новый вексель, поддѣлываясь къ подписи лица, отъ имени котораго выданъ будто вексель. Для обозначенія такого дѣйствія нашъ юридическій и обыденный языкъ употребляетъ слово „подлогъ“—слово всѣмъ понятное и никакихъ недоразумѣній не вызывающее. Поэтому слѣдовало бы, по мнѣнію комитета, вмѣсто: поддѣлка документа,—сказать: составленіе подложнаго документа, или прямо: подлогъ документа или подлогъ въ документѣ. Засимъ комитетъ не можетъ признать правильнымъ дробленіе подлога на „поддѣлку и пере-

дѣлку“. Въ юридическомъ отношеніи и частичная передѣлка въ документѣ, конечно, если передѣлано нѣчто существенное, имѣющее значеніе для документа,—представляется тѣмъ же подлогомъ, какимъ является подложное составленіе всего документа; практически подлогъ всегда заключается въ части содержанія, въ подписи, на примѣръ; передѣланный документъ является совершенно новымъ юридическимъ фактомъ; при передѣлкѣ прежній документъ исчезаетъ и на мѣсто его создается новый. Поэтому не встрѣчается вовсе надобности особо указывать на поддѣлку и передѣлку, а цѣлесообразно было бы употреблять выраженіе „подлогъ“. При широкихъ рамкахъ судейскаго усмотрѣнія при выборѣ мѣры наказанія, усвоенныхъ проектомъ, такое дробленіе можетъ вызвать совершенно неправильное предположеніе, что передѣлка сравнительно съ поддѣлкою (при прочихъ равныхъ условіяхъ) представляется чѣмъ то менѣе преступнымъ, тогда какъ въ дѣйствительности этого признать нельзя.

Замѣчаніе, сдѣланное выше относительно особаго указанія на случай поддѣлки „завѣдомо о предназначеніи для цѣли сбыта“ денежныхъ знаковъ, вполне примѣнимо и къ главѣ 21, гдѣ составители также считаютъ нужнымъ вездѣ особо указывать на этотъ случай, пропуская, впрочемъ, главный признакъ „употребленія документа другимъ лицомъ“. Въмѣсто словъ „съ цѣлью употребить“, можно сказать „для употребленія“, и тогда ими будутъ одинаково обниматься какъ случаи намѣренія поддѣлыгателя лично употребить документъ, такъ и намѣренія предоставить употребленіе другимъ лицамъ, и въ совершенно достаточной мѣрѣ предупреждена будетъ возможность привлеченія къ отвѣтственности за подлогъ, сдѣланный ради шутки.

Переходя отъ сихъ общихъ замѣчаній къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ статей 21 главы и останавливаясь прежде всего на ст. 339, посвященной подлогу неофициальнаго документа, редакціонный комитетъ находитъ, что выраженіе „частный документъ“ нельзя признать удачнымъ. Оно можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ, такъ какъ юридическая терминологія вовсе не знаетъ „частнаго документа“, въ противоположеніе документу, исходящему отъ правительственнаго установленія или должностнаго лица; понятіе частнаго у насъ противопоставляется общественному и общему; ни въ томъ, ни въ другомъ противоположеніи нельзя говорить о частномъ документѣ, подъ который, по общепринятой

терминологіи, не подойдет документъ акціонернаго общества или документъ общаго характера или содержанія; между тѣмъ какъ составители проекта вовсе не имѣютъ въ виду выдѣлить документы послѣднихъ категорій изъ общаго числа документовъ неофициальныхъ, о которыхъ говоритъ ст. 339. Было бы поэтому правильнымъ слово „частнаго“ совершенно выпустить, какъ это дѣлаетъ нынѣшнее уложеніе о наказаніяхъ, и ограниченіе общаго понятія документа предоставить слѣдующей статьѣ проекта, въ которой говорится объ официальномъ документѣ.

Засимъ неправильнымъ представляется выраженіе „служащаго (документъ) доказательствомъ установленія, измѣненія или прекращенія правъ или правоотношеній“. Неправильность заключается, во первыхъ въ томъ, что подложный документъ по существу не можетъ служить для установленія, измѣненія и прекращенія правъ и что вообще нѣтъ надобности, чтобы документъ дѣйствительно служилъ доказательствомъ для той цѣли, а совершенно достаточно для наличности подлога, если документъ можетъ служить по содержанію своему доказательствомъ правъ; и, во вторыхъ, нѣтъ надобности, чтобы документъ по роду своему служилъ доказательствомъ уже установившихся или измѣненныхъ или прекращенныхъ правоотношеній; требуется, несомнѣнно, только то, чтобы документъ могъ быть принятымъ въ доказательство при или для установленія правъ. Поэтому комитетъ полагалъ болѣе правильнымъ редакцію измѣнить такъ: виновный въ подлогѣ документа, могущаго служить доказательствомъ для установленія и т. д.

Лучше и болѣе граматичнымъ было бы, по мнѣнію комитета, вмѣсто словъ „употребить какъ настоящій“, сказать—за настоящій, что уже и допущено въ другихъ статьяхъ проекта, напр. въ ст. 343.

Ст. 340 говоритъ о подлогѣ официального документа, т. е. документа, имѣющаго гарантію правительственной или общественной власти. Редакція этой статьи неполна: понятіе официального документа опредѣлено, какъ документъ, исходящій отъ правительственнаго или общественнаго установленія, и не прибавлено „или должностнаго лица“, между тѣмъ какъ должностное лицо не подходитъ по принятой терминологіи подъ понятіе „установленія“, и поэтому прибавка указанныхъ словъ является существенною необходимостью. Неточна редакція ст. 340 и въ томъ отношеніи,

что поддѣланный документъ не можетъ исходить отъ правительственнаго установленія, причемъ статья эта именно и говоритъ о случаяхъ, когда документу, не исходящему отъ официальнаго установленія, приданъ подложно характеръ официальности. Слово „исходящаго“ могло бы поэтому съ пользою для точности быть совершенно выпущеннымъ или замѣнено выраженіемъ „отъ имени“.

Кромѣ сихъ редакціонныхъ замѣчаній, комитетъ не можетъ признать правильность приравненія наказуемости подлога официальнаго документа къ наказуемости подлога документа неофициальнаго и полагалъ бы необходимымъ усилить наказуемость первого ограниченіемъ минимума срока для содержанія въ исправительномъ домѣ.

Редакція ст. 341, по мнѣнію комитета, представляется недостаточно точной. Поддѣлать или передѣлать Высочайшее повелѣніе невозможно; подлогъ можетъ относиться только къ документу, въ которомъ содержится Высочайшее повелѣніе; поэтому правильно было бы редактировать эту статью слѣдующимъ образомъ: „виновный въ подлогѣ документа, въ которомъ содержится Высочайшее повелѣніе, съ цѣлью употребленія сего документа за настоящій“. Что касается второй части ст. 341, то комитетъ не находитъ объясненія тому, что составители проекта въ составъ преступления, ею предусмотрѣннаго, т. е. подлога въ Высочайшемъ повелѣніи за собственноручнымъ подписаніемъ,—вводятъ дѣйствительно сдѣланное употребленіе такого документа, и полагалъ бы поэтому слова „и такой документъ употребленъ какъ настоящій“, замѣнить словами „съ цѣлью употребленія его за настоящій“.

Ст. 342 устанавливаетъ сравнительно слабую наказуемость поддѣлки вида на жительство и т. п. документовъ, причемъ уменьшенная отвѣтственность положена за передѣлку вида, если она относится къ передѣлкѣ или поддѣлкѣ срока или мѣстопробыванія. Комитетъ, не возражая противъ такого постановленія, не можетъ однако признать правильнымъ указаніе только на срокъ и мѣстопробываніе, и полагаетъ, что такой же слабой отвѣтственности надлежитъ подвергать виновнаго въ передѣлкѣ чина, званія, возраста, исповѣданія и т. п. Въ послѣдней части ст. 342 комитетъ находитъ нужнымъ, во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній, къ словамъ „если виновный занимался поддѣлкою или передѣлкою документовъ“ прибавить „означенныхъ выше“.

Что касается остальныхъ частей, предусматривающихъ различ-

ные виды привилегированнаго подлога документовъ (ст. 343 и 344), то комитетъ, не подвергая ихъ подробному обсужденію, считаетъ возможнымъ лишь обратить вниманіе на то, что содержаніе сихъ статей не имѣетъ исчерпывающаго характера,—составители сами прибавляютъ въ проектъ (напр. по 1 ст. 344) „и т. п.“,—и потому полагалъ бы болѣе удобнымъ замѣнить эти статьи одною, опредѣляющею въ общихъ выраженіяхъ признаки подлоговъ, заслуживающихъ меньшихъ наказаній.

По отношенію къ подлогу интеллектуальному въ ст. 345 проекта введено правило, устанавливающее отвѣтственность только должностныхъ лицъ. Лица же частныя по системѣ, усвоенной редакціонной комиссіей, принимавшія участіе въ актовой лжи, совершенной лицами состоящими на службѣ государственной или общественной, будутъ подлежать наказанію лишь въ случаяхъ: 1) когда лица частныя отвѣтственны за указанную ложь, учинивъ ее и безъ соучастія лицъ служащихъ, и 2) когда лица частныя играютъ самостоятельную, хотя и второстепенную роль въ составленіи официальныхъ актовъ, подписывая ихъ, напр., въ качествѣ свидѣтелей того событія, которое удостоверяется документомъ (объясн. зап. стр. 213—218).

Подобное разрѣшеніе вопроса о наказуемости лицъ частныхъ, принимавшихъ участіе въ интеллектуальномъ подлогѣ, совершенномъ лицами должностными, составляетъ, безъ сомнѣнія, значительный шагъ впередъ по сравненію съ дѣйствующимъ уголовнымъ законодательствомъ, въ которомъ содержатся весьма скудныя указанія по этому предмету, на столько скудныя, что кассационная практика была вынуждена признать безотвѣтственность частныхъ лицъ за соучастіе въ служебномъ подлогѣ, заключающемся во внесеніи въ актъ завѣдомо невярныхъ свѣдѣній (рѣш. угол. кассац. департ. за 1883 г. № 27 и 1885 г. № 28). Въ видѣ основнаго правила, это начало принято и редакціонной комиссіей, которая допустила однако нѣкоторые указанныя выше изыятія для наказуемости частныхъ лицъ.

Съ своей стороны, редакціонный комитетъ, за исключеніемъ члена онаго С. С. Манухина, не можетъ не высказаться за желательность болѣе широкой постановки отвѣтственности частныхъ лицъ участвовавшихъ въ интеллектуальномъ подлогѣ документа, составленнаго должностнымъ лицомъ. Введеніе въ юридическій оборотъ ложныхъ удостовѣреній, которыя нерѣдко имѣютъ суще-

ственное значеніе для доказательства правъ и правоотношеній, представляется дѣяніемъ настолько опаснымъ, что въ немъ трудно признать наличность одного служебнаго нарушенія. Напротивъ того, интеллектуальный подлогъ въ официальныхъ документахъ является преступленіемъ которое грозитъ серьезною опасностью всему юридическому порядку, а не только интересамъ государственной и общественной службы. Въ виду такихъ особенностей рассматриваемаго преступнаго дѣянія, оно должно почитаться, какъ то высказывалось въ нашей литературѣ, преступленіемъ общимъ, т. е. такимъ, наказуемость котораго распространяется и на лицъ частныхъ. Принятіемъ этого положенія было бы, между прочимъ, устранено неоднократно замѣчавшееся въ судебной практикѣ несоотвѣтствіе при осужденіи одного только должностнаго лица, совершившаго интеллектуальный подлогъ единственно по наущенію и ради частнаго лица, которое, въ свою очередь, оставаясь внѣ отвѣтственности, можетъ безнаказанно пользоваться выгодами этого преступленія. Препятствіемъ къ допущенію принципа отвѣтственности частныхъ лицъ за соучастіе въ интеллектуальномъ подлогѣ официального документа, учиненномъ должностнымъ лицомъ, отнюдь не должно служить то обстоятельство, что данное преступленіе можетъ быть выполнено только лицомъ, занимающимъ извѣстное должностное положеніе, такъ какъ личныя отношенія виновнаго къ объекту преступленія исключаютъ отвѣтственность другихъ соучастниковъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда наличностью этихъ отношеній опредѣляется самая преступность дѣянія, чего, какъ замѣчено выше, нельзя признать относительно актовъ лжи въ официальномъ документѣ, при матеріализаціи которой создается вредное, само по себѣ, явленіе, отражающееся на юридическомъ бытѣ. Интеллектуальный подлогъ относится къ тѣмъ преступленіямъ, составъ которыхъ не исчерпывается однимъ дѣйствіемъ, независимо отъ результатовъ, а требуетъ возникновенія послѣдствій, т. е. возникновенія документа съ ложнымъ содержаніемъ, документа, годнаго къ употребленію въ качествѣ истиннаго документа. Участіе въ созданіи такого документа или совершеніе таковыхъ дѣяній (подстрекательство, содѣйствіе и т. п.), которыя находятся въ причинной связи съ преступнымъ результатомъ, наврядъ ли должно остаться безнаказаннымъ для частнаго лица. То различіе, которое существующая нынѣ практика дѣлаетъ относительно наказуемости участія частныхъ лицъ въ преступленіяхъ

должностныхъ лицъ—именно, представляетъ ли дѣяніе само по себѣ общее преступленіе или нѣтъ,—является вообще правильнымъ, почему возможно признать участіе въ интеллектуальномъ подлогѣ официальнаго документа частнаго лица наказуемымъ, такъ какъ интеллектуальный подлогъ долженъ быть вообще наказуемъ, а особенно такой подлогъ въ официальномъ документѣ, которымъ создается вредное, не только въ видахъ служебной дисциплины, послѣдствіе. Руководствуясь приведенными соображеніями, редакціонный комитетъ полагалъ бы дополнить ст. 345 проекта упоминаніемъ о томъ, что наказаніемъ, опредѣленнымъ въ этой статьѣ, подлежатъ также частныя лица, участвовавшія въ предусмотрѣнныхъ ею подлогахъ.

Кромѣ того, комитетомъ было обращено вниманіе на то, что изложеніе статьи 345 можетъ подать поводъ къ предположенію о томъ, что включеніе актовъ лжи въ документъ можетъ относиться къ обязанностямъ службы виновнаго. Въ устраненіе такого толкованія, слѣдовало бы подвергнуть статью 345 редакціонному исправленію, исключивъ изъ этой статьи слова: „по обязанностямъ службы“, съ замѣною ихъ, послѣ слова „документа“ выраженіемъ, „относящагося къ обязанностямъ службы“.

Статью 347, предусматривающую выдачу врачомъ ложнаго удостовѣренія о болѣзни, необходимо, по мнѣнію комитета, дополнить указаніемъ и на свидѣтельство о смерти, такъ какъ на практикѣ выдача такихъ свидѣтельствъ встрѣчается часто и практикуется нерѣдко для избѣжанія вскрытія. Вообще же наказаніе арестомъ за выдачу ложнаго свидѣтельства комитетъ считаетъ слишкомъ мягкимъ.

Слѣдовало бы, по мнѣнію комитета, подвергнуть измѣненію и редакцію статьи 349. Слова „орудія, служащаго для наложенія печати“ могли бы быть замѣнены словомъ „печати“, такъ какъ подъ словомъ печать понимаютъ не только знакъ, оттискъ, но и самый предметъ, которымъ оттискъ сдѣланъ.

Въ заключеніе редакціонный комитетъ не можетъ согласиться съ предположеніемъ редакціонной комисіи объ одинаковой наказуемости за подлоги должностныхъ и частныхъ лицъ. Вина первыхъ настолько тяжелѣе, по особенностямъ ихъ служебныхъ обязанностей, вредъ, причиняемый ими, настолько опаснѣе, что едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что они должны подлежать и болѣе строгой отвѣтственности, чѣмъ частныя лица. И недоста-

точно, какъ полагаетъ комиссія, предоставить усиленіе наказанія должностныхъ лицъ суду, рѣшающему дѣло. Напротивъ, въ этомъ случаѣ, слѣдуетъ даже ограничить судъ. Да и для правомѣрности проектируемаго уголовнаго закона необходимо, чтобы усиленіе наказанія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно, какъ въ настоящемъ случаѣ, вызывается самымъ существомъ и значеніемъ преступленія, было именно означено въ законѣ, а не предоставлялось усмотрѣнію суда.

П о д п и с а л и:

Предсѣдатель Э. Фуксъ.

Товарищъ предсѣдателя В. Володиміровъ.

Члены редакціоннаго комитета:

С. Манукинъ. Г. Смізбергъ. Ив. Щеловитовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторъ присылаемыхъ рукописей, редакція проситъ озаботиться пымъ и четкимъ письмомъ текста, особенно иностраннаго, а равно и цитать, я устраненія отказа въ помѣщеніи статьи—по неразборчивости почерка. кописи, неудобныя къ печатанію, не возвращаются, но могутъ быть полуны въ редакціи авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи да, со дня полученія, рукописи, невзятые обратно—уничтожаются.

2) Гонораръ, въ установившемся размѣрѣ, получается въ редакціи самими горами; иногороднымъ онъ высылается по особому, каждый разъ, заявленію ть, съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ. Статьи, получаемыя безъ заявленія о награжденіи, считаются бесплатными.

3) Статьи не должны превышать *трехъ печатныхъ листовъ*. Статьи, прешающія этотъ размѣръ, печатаются по особому соглашенію съ редакціею, при отсутствіи особаго соглашенія, по усмотрѣнію редакціи. Всѣ принятые для печатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и исправленію.

4) Лица, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція оситъ, въ обоюдномъ интересѣ, доставлять свои сочиненія *въ двухъ экзем- ярахъ*, тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

5) Объявленія печатаются: для періодическихъ изданій *бесплатно*, при ловии взаимности; для всѣхъ прочихъ—по 5 руб. за страницу и 30 к. за року. За разсылку объявленій при журналѣ, взимается по 10 р. съ тысячи.

6) **О перемѣнѣ адреса** сообщается редакціи своевременно, до сдачи книги на тту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой вторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса, для высылки вдующихъ книгъ журнала; причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго гравленія журнала и съ какого нумера высылать журналъ по новому адресу.

Примѣчаніе. При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ высылается по 1 р.—при переходѣ же городскихъ подписчиковъ на кассационныя ршенія въ иногородные и наоборотъ высылается по 50 к. Въ прочихъ случаяхъ, при перемѣнѣ адреса, высылается 30 к. деньгами или марками.

7) **Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала** препровождается прямо редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, а книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи ой жалобы редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дуб- кать, для отсылки съ первою почтою; но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой торы, газетная экспедиція должна будетъ прежде сноситься съ сею послѣд- ю и редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней. По споряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи какъ не позже полученія слѣдующей книги журнала, иначе редакція не будетъ ѣтъ возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра.

8) **Жалобы на неполученіе листовъ кассационныхъ ршеній** принимаются шь въ теченіи мѣсяца со дня полученія той книги журнала, въ которой азаны сроки сдачи листовъ на почту.

9) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала и ршеній мъ лицамъ, которыя подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ стахъ.

10) Для отвѣтовъ на всякагорода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ лжна быть приложена почтовая марка.

2-10-15

Digitized by Google

Объ изданіи въ 1893 году
ЖУРНАЛА
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ, подъ редакцію В. М. Володимірова, при ближайшемъ участіи въ редакціи отдѣла гражданскаго права К. П. Змирова.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки 8 р. || съ пересылкой въ другіе города 9 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 к. || за-границей. 12 р.
отдѣльно книга журнала 2 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА**, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 руб.

Листы рѣшеній кассационныхъ департаментовъ сената разсылаются не-медленно по выходѣ изъ сенатской типографіи, за время съ 1-го января по 31-е декабря подписнаго года.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 4 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассаци. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны сумма. Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. а съ касс. рѣш. 8 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военныя судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иностранцы благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“ С.-Петербургъ, уполъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Анисимова, рядомъ съ Публичною Библіотекою, Мартыновъ, Б. Морская, 28; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ и въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи—а равно въ конторѣ редакціи. Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 2 до 4 часовъ.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: за 1879, 1881, 1883, 1884, 1886, 1889, 1890, 1891 и 1892 г.г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкой и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкой.

Редакторъ **В. М. Володиміровъ.**

